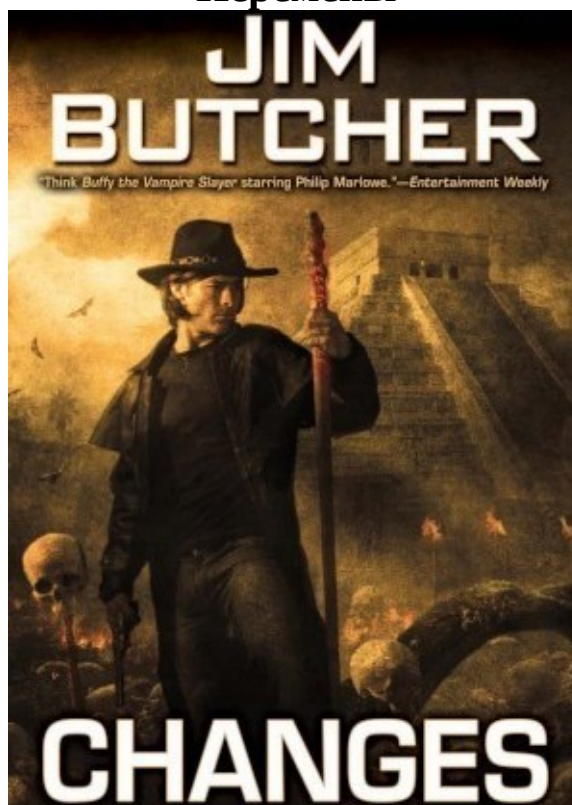

Джим Батчер
Перемены

Аннотация

Когда-то Сьюзен Родригез была возлюбленной Гарри Дрездена, пока она не подверглась нападению его врагов, заставивших ее разрываться между человечностью и жаждой крови вампира Красной Коллегии. Сьюзен исчезла в Южной Америке, где она пыталась бороться и со своим ужасным приобретением и с теми, кто обрек ее на это. Теперь тайну, которую долго скрывала Сьюзен, обнаружила Арианна Ортега, герцогиня Красной Коллегии, которая и планирует использовать ее против Гарри. Чтобы победить на сей раз, у него не остается выбора, кроме как извлечь глубоко спрятанную неистовую ярость темной части своей собственной души. Поскольку в этот раз Гарри, не борется за спасение мира... Он борется, чтобы спасти своего ребенка.

Перевод Глушкин Евгений (textik lestat), Гвоздева Ирина (Gel'truda) . «Работа над ошибками»
Фирсанова Юлия (Альдена)

Перевод любительский, некоммерческий, ни на что не претендующий.

Джим Батчер
Перемены

Глава 1

Сняв телефонную трубку, я услышал голос Сьюзен Родригез:

- Они забрали нашу дочь.

Промолчав, долгих пять секунд, я рухнул в кресло и, нервно сглотнув, переспросил:

- Гм. Что?

- Ты слышал меня, Гарри, - произнесла Сьюзен мягко.

- Ох, - вздохнул я. – Да.

- Линия не безопасна, - продолжила она. – Я буду в городе ночью. Тогда мы сможем поговорить.

- Даа, - протянул я. – Ладно.

- Гарри... - сказала Сьюзен. – Я никогда не хотела... - Она с нетерпеливым вздохом оборвала слова.

В динамике раздался приглушенный голос, говорящий что-то на испанском. - У нас еще будет для этого время. Самолет уже готов к взлету. Мне надо идти. Около двенадцати часов.

- Хорошо. Я... я буду здесь.

Она колебалась, словно хотела сказать что-то еще, но потом отключилась.

Я сидел с прижатой к уху телефонной трубкой до тех пор, пока сигнал «занято» не стал пищать с удвоенной скоростью.

Наша дочь.

Она сказала НАША ДОЧЬ.

Я положил телефонную трубку. Или попытался. Трубка с грохотом упала на пол.

Мышь - мой большой, лохматый серый пес, поднялся со своего обычного спального места в тесной кухоньке моей полуподвальной квартиры. Подойдя, он привалился к моим ногам, глядя на меня темными, встревоженными собачьими глазами. Через мгновение он фыркнул, аккуратно поднял зубами телефонную трубку и положил ее на базу. Затем опять поднял на меня глаза и вернулся к встревоженному созерцанию.

- У... - я запнулся, пытаюсь собрать мысли в кучу. – У... У меня может быть ребенок.

Мышь издал неопределенный высокий и пронзительный звук.

- Да. Как ты думаешь, что я чувствую? – я уставился на дальнюю стену. Затем поднялся и натянул плащ. – Я... думаю, мне необходимо выпить, - я, не задумываясь, кивнул сам себе. – Да. Что-то вроде этого... да.

Мышь выдохнул стон страдания и поднялся.

- Конечно, - сказал я ему. – Ты можешь пойти. Может быть, потом сможешь отвести меня домой или что-то типа того...

По дороге к МакЭнелли я постоянно жал на сигнал. Мне было все равно. Я делал это, чтобы ни в кого не врезаться. Это ведь важная вещь, верно?

Запахнув свой потрепанный, надежный старый «Фольксваген Жук» на парковочное место рядом с автомобилем Мака, я направился внутрь.

Мышь негодуяще фыркнул.

Я оглянулся через плечо. Дверь машины осталась открытой. Большой пес вздохнул и носом закрыл её.

- Спасибо, - кивнул я.

Мы зашли в паб.

Заведение Мака выглядело как «Будь здоров» после мирного апокалипсиса. Тринадцать деревянных колонн поддерживающих крышу беспорядочно разбросаны по залу. Все они украшены резьбой со сценами сказок Старого Света. Некоторые из них казались забавными, большая часть - зловещими. Тринадцать потолочных вентиляторов лениво гоняли воздух по помещению. У полированной деревянной барной стойки необычной формы стояли тринадцать стульев. Тут же в комнате находились тринадцать столиков, расставленных без определенного порядка.

- Слишком много чертовой дюжины, - сказал я сам себе.

Было около двух тридцати после полудня. В пабе не было ни души, за исключением меня и пса – о, и Мака. Мак - мужчина среднего роста и среднего телосложения, с сильными, тонкими запястьями и сияющей, гладкой лысиной на голове, на которой никогда не замечалось даже призрака волос. Ему могло быть где-то между тридцатью и пятидесятью и, как всегда, на нем был одет безупречно белый, без единого пятнышка, фартук.

Мышь пару секунд пристально смотрел на Мака, затем неожиданно остановился прямо на входе - наверху небольшой лестницы - потоптался на месте и улегся возле двери, положив морду на лапы.

Мак глянул на нас.

– Гарри.

Я неуклюжей походкой потащился к барной стойке. Мак достал бутылку с пивом, приготовленным в его собственной мини пивоварне, но я покачал головой.

– Гм. Я бы сказал “Виски, Мак”, но я не знаю, есть ли у тебя хоть какое-то виски. Я думаю, мне необходимо что-то крепкое.

Мак удивленно приподнял бровь и посмотрел на меня. Вам следовало знать этого парня лучше. Он практически кричал. Но он налил мне чего-то светло-золотистого в небольшой стакан, и я выпил это залпом. Оно обжигало. Я с присвистом вздохнул и постучал пальцем по краю стакана.

Мак, хмуро глядя на меня, снова наполнил его.

Второй стакан я выпил более медленно. Напиток по-прежнему обжигал внутренности. Боль дала мне что-то, чтобы мобилизоваться. Мысли начали собираться вместе, и затем выкристаллизовались в точный образ.

Сьюзен позвонила мне. Она в пути.

И у нас есть ребенок.

И она никогда не говорила мне.

Сьюзен была репортером желтой газеты, которая печатала сверхъестественные новости. Большинство сотрудников работающих там считали, что они публикуют полный бред, но Сьюзен была достаточно хорошо осведомлена о сверхъестественном мире, и мы несколько раз ссорились и скандалили, прежде чем сошлись вместе. Мы были вместе ужасно долгое время – чуть меньше двух лет. Мы оба были молоды, и мы сделали друг друга счастливыми.

Может быть, мне надо было больше думать. Если ты не стоишь у обочины и не игнорируешь мир вокруг тебя, то рано или поздно наживаешь врагов. Одна из них, вампир по имени Бьянка, похитила Сьюзен и заразила её жаждой крови Красной Коллегии. Сьюзен не прошла этот путь до конца, но если она когда-нибудь потеряет контроль над собой, когда-нибудь попробует чужую кровь, она изменится.

Она оставила меня, испугавшись, что если не сможет сдержаться и превратится в монстра, один из нас может пострадать. Сьюзен отправилась по миру, пытаясь найти способы справиться с проблемой.

Я говорил себе, что у неё были веские причины, чтобы так поступить, но причины и разбитое сердце не говорят на одном языке. Я никогда на самом деле не простил себе то, что случилось с ней. Я догадываюсь, что причины и вина также не говорят на одном языке.

То, что налил мне Мак, было чертовски хорошей вещью. Я впал в шок, ощущая эмоции, как огромных зверей, которые бесились где-то глубоко внутри меня; как скопление силы во время шторма далеко в море. Я не мог видеть их. Я мог только чувствовать их влияние, но этого было достаточно, чтобы знать - то, что поднимается внутри меня, было мощным. Яростным. Опасным. Бессмысленный гнев убивает каждый день. Но в моём случае, все могло быть гораздо хуже.

Я - профессиональный чародей.

Я могу заставить случиться гораздо больше вещей, чем большинство людей.

Магия и эмоции связаны неразрывно. Я уже бывал в сражениях прежде, и старался не обращать внимания на ужас и ярость, чтобы в бою мыслить здраво и хладнокровно решать возникающие проблемы. Я несколько раз использовал эти чувства, как топливо для моей магии в ситуациях, когда все шло псу под хвост, и я видел, каким пугающим был результат. Когда большинство людей теряет контроль над своим гневом, кто-то может пострадать. Может быть даже умереть. Когда это случается с чародеем, страховые компании разоряются и меняют профиль.

По сравнению с тем, что бушевало сейчас во мне, предыдущие ощущения ярости были беспомощными котятками.

- Мне нужно поговорить с кем-нибудь, - услышал я свой тихий, спокойный голос. – С кем-то беспристрастным, объективным. Мне нужно начать рассуждать здраво, прежде чем все понесется в тартарары.

Мак смотрел на меня, опершись на барную стойку.

Я покачал стакан в руке и тихо спросил:

- Ты помнишь Сьюзен Родригез?

Он кивнул.

- Она сказала, что кто-то забрал нашу дочь. Она сказала, что будет здесь ближе к полуночи.

Мак медленно вдохнул и выдохнул. Затем он поднял бутылку, налил себе в стакан и выпил напиток маленькими глотками.

- Я любил её, - произнес я. – Может быть, люблю до сих пор. И она не сказала мне.

Он кивнул головой.

- Она могла солгать.

Он пожал плечами.

- Меня уже использовали прежде. Я легкая добыча для женщин.

- Да, - кивнул Мак.

Я посмотрел на него. Он слегка улыбнулся.

- Ей сейчас... шесть? Семь? – я покачал головой. – Я не могу даже точно подсчитать.

Мак чуть сжал губы.

– Тяжелый случай.

Я закончил второй стакан. Некоторые из острых граней стали мягче. Мак коснулся пальцем бутылки, наблюдая за мной. Я покачал головой.

- Она могла солгать мне, - сказал я тихо. – Если же нет... тогда...

Мак быстро закрыл глаза и кивнул.

-Тогда у этой маленькой девочки проблемы, - я чувствовал, как непроизвольно сжались мои челюсти, и шторм во мне угрожающе усилился. Я проигнорировал это.- *Моей* маленькой девочки.

Он кивнул снова.

- Я не знаю, рассказывал ли я тебе это прежде, - продолжил я. – Я был сиротой.

Мак безмолвно смотрел на меня.

- Были времена, когда... это было ужасно. Когда я хотел, чтобы кто-то пришел и спас меня. Я желал этого так сильно. Мечтал о... том, чтобы не быть одиноким. И когда, кто-то, наконец, появился, он оказался самым страшным монстром из всех. – Я покачал головой. – Я не допущу, чтобы это случилось с моим ребенком.

Мак положил руки на стойку, пристально посмотрел на меня и сказал звучным баритоном:

– Тебе надо быть очень аккуратным, Гарри.

Я потрясенно смотрел на него. Он... использовал предложение.

- Пришло время испытать себя, - продолжал Мак. – Ты собираешься узнать, кто ты на самом деле, Гарри. Ты собираешься узнать, от каких принципов ты не отступишь даже на краю могилы и какие границы ты пересечешь. – Он забрал пустой стакан из моей руки, - Ты собираешься ступить на очень зыбкую почву, где можно очень легко утонуть.

Я наблюдал за ним в ошеломленной тишине, пока он заканчивал доедать свой виски. Он чуть скривился, словно напиток обжигал ему горло по пути вниз. Может быть, он напряг голос, используя его так интенсивно.

Я какое-то время разглядывал свои руки. А потом произнес:

- Мясной сэндвич. И что-нибудь для дворняжки.

Мак проворчал что-то утвердительное и начал готовить. Он не спешил, предугадывая мои намерения с инстинктами бармена. Я не чувствовал голода, но мне надо было убить время, чтобы отойти от звонка.

Мак поставил передо мной тарелку с сэндвичем, затем отнес Мышу миску с костями и небольшим количеством мяса, и плошку с водой. Я откусил свой сэндвич и лениво отметил, что Мак никогда ни для кого не выносил еду. Догадываюсь, он был собачником.

Я медленно доел и заплатил Маку.

- Спасибо, - поблагодарил я его.

Он кивнул.

– Удачи.

Я поднялся и направился обратно к машине. Мыш следовал возле меня, его глаза косили, наблюдая за тем, что я буду делать. Я собрал свои мысли. Мне следует быть аккуратным. Мне следует быть осторожным. Мне следует держать глаза широко раскрытыми. Мне следует удержать шторм внутри от взрыва, потому, что одной вещью, которую я знал наверняка, было то, что кто-то – может быть Сьюзен, может быть мои враги, пытались манипулировать мной.

В любом случае, Мак был прав.
Я ступаю на очень зыбкую почву.

Глава 2

Сьюзен приехала около часа ночи.

Я добрался домой из паба и, спустившись в подвал лаборатории, занялся чародейством, которое требовало от меня полной концентрации. В течение нескольких последующих часов я подготовил пару вещей, которые могли пригодиться в ближайшем будущем. Потом я поднялся по стремянке в квартиру и надел энергетические кольца. Каждое из них объединяло три отдельных кольца, и я зачаровал их, чтобы они накапливали немного кинетической энергии всякий раз, когда я шевелю рукой. Они весьма эффективны, но сейчас кольца были почти разряжены, так что я потратил полчаса, выбивая пыль из тяжелой груши, подвешенной в одном из углов комнаты.

Я принял душ, побрился, приготовил ужин, и в целом не прекращал двигаться. Если я остановлюсь, мысли снова могут начать кружиться в голове, и я не был уверен, смогу ли совладать с ними на этот раз.

Я даже не рассматривал возможности немного поспать. Это просто было невозможно.

Так что я оставался в непрерывном движении. Я убрал на кухне; искупал Мыша и расчесал ему шерсть; прибрался в гостиной, моей спальне, ванной; поменял содержимое маленькой коробки Мистера; вычистил камин и поставил новые свечи для освещения комнаты.

Прошло несколько часов, и я понял, что пытаюсь сделать квартиру более опрятной и красивой, потому что Сьюзен приедет. Я полагаю, старые привычки умирают тяжело.

Я спорил сам с собою, стоит ли вымыть Мистера (при этом чувствовал пристальный взгляд ярко блестящих глаз, следящих за мною с высоты самой последней книжной полки), когда раздался очень вежливый стук в дверь.

Моё сердце бешено заколотилось. Я распахнул дверь и увидел смотревшую на меня Сьюзен. Она была женщиной среднего роста, что означало, что она была на фут ниже меня. У неё были острые черты лица, за исключением рта; темные, прямые волосы и еще более темные глаза, и я никогда не видел у нее такого насыщенного бронзового загара. Она выглядела худее, её скулы стали более резкими, чем прежде. Я мог видеть сухожилия и мышцы под кожей её шеи. Она была одета в черные кожаные штаны, черную футболку и кожаную куртку, в комплекте к штанам.

И она не постарела ни на один день.

Уже прошло почти десятилетие с тех пор, как я видел её. За это время вы ожидаете, что люди изменятся, хоть немного. О, конечно, ничего существенного. Чуть больше фунтов, несколько новых морщин, несколько седых прядей. Люди меняются. Но Сьюзен не изменилась. Совершенно.

Я думаю, что это - бонус, получаемый полуобращенными вампирами Красной Коллегии.

- Привет, - тихо произнесла она.

- Привет, - сказал я в ответ. Я мог встретить ее взгляд, не волнуясь о том, что загляну ей в душу. Мы уже видели души друг друга.

Она отвела глаза, и её руки скользнули в карманы куртки.

– Гарри... я могу войти?

Я сделал полшага назад.

– Я не знаю. Ты можешь войти?

Её глаза блеснули искорками гнева.

– Ты думаешь, я обратилась до конца?

- Я думаю, что перестраховаться лишний раз не помешает, - пожал я плечами.

Она недовольно сжала губы, но кивнула в знак согласия и шагнула через порог в мою квартиру, перешагнув барьер магической энергии, который окружает любой дом – действие просто невозможное для вампира, не получившего на то приглашение.

- Хорошо, - сказал я, отступая в сторону, чтобы дать ей возможность пройти, прежде чем я закрою дверь. Когда я сделал это, то увидел светловолосого, невзрачно выглядевшего мужчину, который удобно устроился наверху бетонной лестницы, ведущей в мою квартиру. Он был одет в штаны цвета

хаки и джинсовую куртку. Из-под куртки виднелась подмышечная кобура для пистолета. Это был напарник Сьюзен по имени Мартин.

– Ты, - буркнул я. – Вот это радость.

Губы Мартина немного искривились в отдаленной пародии на улыбку.

– Взаимно.

Я закрыл перед ним дверь и, просто из чувства вредности, щелкнул засовом так громко, как только смог.

Сьюзен немного улыбнулась и покачала головой. Она мельком оглядела квартиру и мгновенно напряглась, когда из темноты алькова моей мини-кухни пророкотало рычание. Мыш не появился, и его рычание не было той ужасающей вещью, которую я пару раз слышал прежде, но это определённо был звук вежливого предупреждения.

Сьюзен на мгновение застыла на месте, всматриваясь в темноту кухни, затем произнесла:

- У тебя появилась собака.

- Он думает, что это я появился у него, - ответил я.

Сьюзен кивнула и обвела взглядом мою небольшую квартирку.

– Ты сделал небольшой ремонт.

- Зомби, - пояснил я. – И оборотни. Несколько раз это место разносили на куски.

- Я никогда не понимала, почему ты никуда не переедешь из этой заплесневелой маленькой дыры.

- Заплесневелой? Маленькой? Это мой дом! - возмутился я. – Принести тебе что-нибудь? Колы, пива?

- Воды.

- Конечно, присаживайся.

Сьюзен бесшумно подошла к одному из легких кресел, которые стояли возле камина и села на край, держа спину прямо. Я налил немного ледяной воды, захватил себе колы и, поставив стакан перед ней, сел в другое кресло, так что мы сидели практически лицом к лицу. Я открыл свой напиток.

- Ты действительно собираешься оставить Мартина сидящим снаружи? – спросила она с нотками веселья в голосе.

- Я больше чем уверен в этом, - ответил я невозмутимо и сделал глоток колы.

Она кивнула и прикоснулась стаканом к губам, сделав небольшой глоток.

Я подождал так долго, как только смог (может быть целых две или три секунды), прежде чем сломал тяжелую тишину.

– Итак, - спросил я небрежно, – что нового?

Темные глаза оценивающе глянули на меня, прежде чем её губы сложились в тонкую жесткую линию.

– Это будет болезненно для нас обоих. А у нас нет времени, чтобы танцевать вокруг да около.

- Хорошо. Наш ребенок? – спросил я. – Твой и мой?

- Да.

- Откуда ты это знаешь?

Её лицо застыло.

– Не было кого-либо еще, Гарри. Не с той ночи с тобой. Не перед этим ...в течение более двух лет.

Если она лгала, этого не было заметно. Я думал об этом в течение времени необходимого, для того чтобы отхлебнуть немного колы.

– Мне кажется, ты должна была сказать мне.

Я сказал это голосом намного более спокойным, чем я думал это возможно. Я не знаю, как выглядело моё лицо, когда я говорил это. Но темная загорелая кожа Сьюзен стала на несколько тонов светлее.

– Гарри, - сказала она тихо, - я знаю. Ты должно быть в ярости.

- Я сжигаю вещи дотла и пробиваю дыры в зданиях, когда я в ярости, - ответил я. – А сейчас я уже сделал несколько шагов за этой чертой.

- У тебя есть все основания для этого. Но я сделала так, как я считала, будет лучше для неё. И для тебя.

Шторм в моей груди поднимался все выше, грозя вылиться наружу. Но я заставил себя сидеть неподвижно, дыша размеренно и неторопливо.

– Я слушаю.

Она кивнула, и замерла на мгновение, собираясь с мыслями. Затем стала говорить.

- Ты не знаешь, каково это. Центральная Америка, все, что ниже Бразилии. Есть причина, по которой многие живущие там, существуют в условиях близких к анархии.

- Красная Коллегия, - кивнул я. – Я знаю.

- Ты знаешь это абстрактно. Никто из Белого Совета не проводит там времени. Не живет там. Не видит, что случается с людьми при правлении Красных, – она вздрогнула и сложила руки на животе. – Это кошмар. И нет никого, кроме Братства и нескольких недостаточно финансируемых отделений Церкви, чтобы противостоять им.

Братство Святого Жилия – это собрание изгоев и заблудших сверхъестественного мира, многие из которых полувампиры, как Сьюзен. Они ненавидят Красную Коллегию практически святой ненавистью и делают все, что в их силах, чтобы бороться с вампирами при каждом удобном случае. Они действуют ячейками, выбирают цели, тренируют рекрутов, закладывают бомбы и финансируют свои операции через сотни теневых сделок. По существу они террористы – умные, быстрые и жесткие, потому что иначе им не выжить.

- Но, тем не менее, весь остальной мир тоже далеко не Диснейленд, - сказал я спокойно. – Я увидел свою долю кошмаров в течение войны. И помимо неё тоже.

- Я не пытаюсь умалить действия Белого Совета, - скривилась она. – Я только пытаюсь объяснить тебе, что я наблюдала все время. Команды из Братства редко спят на одних и тех же кроватях дважды. Мы всегда в движении. Всегда планируем что-то или убегаем от кого-то. В этом нет места для ребенка.

- Только если не было кого-то с собственным домом и регулярным заработком, чтобы она могла там остаться, - прорычал я.

В глазах Сьюзен появился лед.

– Как много людей умерло вокруг тебя, Гарри? Как много было ранено? – она нервно провела пальцами по волосам. – Ради Бога. Ты сам сказал, что на твою квартиру нападали. Неужели было бы лучше, если бы у тебя был ребенок, смотревший на все это?

- Полагаю, этого мы никогда не узнаем, - резко сказал я.

- Я знаю, - её голос внезапно забурлил от эмоций. – Господи, ты думаешь, я не хотела бы быть частью её жизни? Я кричу по ночам, когда я могу спать. Но, в конце концов, я не могла предложить ей ничего, кроме жизни в бегах. И ты не можешь предложить ей ничего, кроме жизни в осаде.

Я внимательно посмотрел на неё.

Но не проронил ни слова.

- Так что я сделала единственную вещь, которую могла сделать. Я нашла для нее дом. Вдали от войны. Там, где у неё могла быть нормальная жизнь. Любящая семья.

- И никогда не говорила мне, - проговорил я.

- Если бы Красная Коллегия узнала о моем ребенке, то они могли использовать её против меня. Со временем. Для шантажа или просто для мести. Чем меньше людей знали про неё, тем в большей безопасности она была. Я знала, что это неправильно ничего не говорить тебе. Я знала, что это приведет тебя в ярость, потому что это напомнит тебе твое собственное детство, - она подалась вперед, её глаза лихорадочно горели. – И я бы сделала вещи в тысячу раз хуже, если бы это значило, что она будет лучше защищена.

Я выпил еще немного колы.

– Так, - холодно сказал я. – Ты утаила её от меня, чтобы ей было безопаснее. Ты отдала её на воспитание незнакомцам, чтобы ей было безопаснее. – Шторм во мне вздымался все выше, внося в мой голос эхо своего яростного завывания. – И чем это закончилось?

Глаза Сьюзен полыхнули. Красные, кружевные отметки начали появляться на её коже, как татуировки сделанные исчезающими чернилами, только наоборот – кольца настроения от Братства. Они покрывали её лицо и шею.

- Братство было скомпрометировано, - сказала она резким голосом. – Герцогиня Арианна из Красной Коллегии узнала о ней и похитила. Ты знаешь, кто она такая?

- Да, - кивнул я, пытаюсь игнорировать ледяной холод, пробежавший по моим венам при упоминании этого имени. – Вдова герцога Ортеги. Она поклялась отомстить мне...и однажды она пыталась купить меня на «eBay».

Сьюзен удивленно моргнула.

– Как это... Впрочем неважно. Наши источники в Красной Коллегии утверждают, что она планирует для Мэгги что-то особенное. Мы должны её вернуть.

Я сделал еще один медленный вдох и закрыл на секунду глаза.

- Мэгги, да?

- В честь твоей матери, - прошептала Сьюзен. – Маргарет-Анжелика. – Я услышал, как она нащупывает что-то в кармане. Затем она сказала, - Вот.

Я открыл глаза и посмотрел на небольшую фотографию, размером примерно с бумажник. На ней была запечатлена темноглазая девочка возрастом около пяти лет, в розовой одежде, с темными волосами, заплетенными фиолетовыми лентами. Она улыбалась широкой заразительной улыбкой. Какая-то невозмутимая, отдельная часть меня зафиксировала лицо, на тот случай если мне потребуется узнать её впоследствии. Остальная часть меня сжалась от мысли об изображении, как о чем-то намного большем, чем просто бумага и немного чернил.

- Эта фотография было сделана несколько лет назад, - тихо сказала Сьюзен. – Но это самое свежее фото, которое у меня есть. – Она прикусила губу и протянула его мне.

- Оставь себе, - сказал я ей спокойно. Она его спрятала. Красный узор исчезал с её кожи, так же, как появился. Я потерял глаза.

– С этого момента, - сказал я медленно, - мы забудем о твоём решении вычеркнуть меня из её жизни. Потому что, переливая из пустого в порожнее, мы ей сейчас не поможем, и потому что у неё будут лучшие шансы выбраться из этого, если мы будем работать вместе. Согласна?

Сьюзен кивнула.

Следующие слова я процедил сквозь зубы:

– Но я не забуду. Никогда не забуду этого. Позже тебе придется рассчитаться по этому счету. Ты поняла?

- Да, - прошептала она, глядя на меня большими, темными, сияющими глазами. – Я никогда не хотела причинить тебе боль. Или ей. Я только...

- Нет,- остановил я её. – Сейчас для этого слишком поздно. Мы только теряем время. Мы не можем позволить себе проиграть.

Сьюзен резко отвернула к огню лицо и закрыла глаза. Когда она снова их открыла, она уже себя контролировала.

– Хорошо, - кивнула она. – Прежде чем мы сделаем следующий шаг, у нас есть кое-какой выбор.

- Например?

- Дипломатия, - сказала она. – Я слышала истории о тебя. Половина из них, наверное, не правда, но я знаю, что у тебя есть какие-то эмиссары, которых ты можешь призвать. Если достаточно членов Соглашения проголосуют, мы можем вернуть её обратно без инцидента.

Я пренебрежительно фыркнул.

– Или?

- Предложить выкуп Красному Королю в обмен на жизнь ребенка. У него нет личной заинтересованности в этом вопросе, и он превосходит по статусу Арианну. Дать ему достаточно большой выкуп, и она будет вынуждена отпустить Мэгги.

- Неправильно выстроенный подход, - зло прохрипел я.

Сьюзен пристально смотрела на меня.

– Что ты полагаешь, мы должны сделать?

Я почувствовал, как мои губы скривились во что-то, что вряд ли выглядело как улыбка. Шторм бесился где-то вокруг моего сердца, и безрассудные торнадо его ярости поднимались по моему горлу. Прошло около десяти секунд, прежде чем я смог говорить, и даже тогда это было больше похоже на рычание.

- Сделать? Красные украли нашу маленькую девочку. Я чертовски уверен, что мы не собираемся платить им за это.

Горячий и внушающий страх голод в глазах Сьюзен вспыхнул в ответ на мои слова.

- Мы найдем Мэгги, - сказал я. – Мы вернем её. И мы убьем любого, кто станет у нас на пути.

Сьюзен задрожала, её глаза расширились. Она наклонила голову и облегченно вздохнула. Потом она наклонилась вперед и нежно коснулась моей левой руки, которая все еще была покрыта медленно исчезающими шрамами. Она глянула на мою руку и, вздрогнув, медленно отодвинулась.

Я поймал её пальцы и крепко сжал. Она в ответ сделала то же самое. Мы держались за руки долгую безмолвную минуту.

- Спасибо тебе, - прошептала она. Я чувствовал дрожь в ее пальцах. – Спасибо тебе, Гарри.

Я кивнул. Я собирался сказать что-то жесткое и сохранить дистанцию, но тепло её рук было тем, что я не мог игнорировать. Я был в бешенстве оттого, что сделала Сьюзен, разъярен так сильно, как только может быть разъярен человек, получивший удар в спину от того, кто ему небезразличен. Но вывод из этого был неизбежен – у меня все еще были чувства к ней, иначе я не был бы в ярости.

- Мы найдем её, - сказал я, – и я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть её в целости и сохранности.

Сьюзен смотрела на меня и кивала. По ее лицу стекали слезы. Потом она подняла руку и легонько провела пальцами по шраму на моей щеке. Этот был новым - все еще свежий и яркий. Я думаю, это делало меня похожим на актера старой немецкой школы Золотого Века Голливуда, со шрамами после дуэльных сцен. Её пальцы были нежными и теплыми.

- Я не знаю, что я собиралась делать, - прошептала она. – Нет никого, готового противостоять им. Нет никого.

Наши глаза встретились и внезапно старые чувства, которые были между нами, вырвались наружу из наших соединенных рук, из её дрожащих пальцев, скользивших по моему лицу. Её зрачки немного расширились, и мое сердце ускорено забилося. Я был в бешенстве от поступка Сьюзен. Но, несомненно, моё тело прочитало это как «волнение» не беспокоясь о мелком шрифте. Я долго смотрел ей в глаза, прежде чем прохрипел, проталкивая слова через пересохшее горло:

- Это не напоминает тебе то, как мы влипли в эту историю?

Она издала вибрирующий звук, который должно быть означал смех, но был заполнен понимающей иронией, и убрала руки.

– Мне... Мне жаль... Я не имела в виду... - её голос дрогнул. – Прошло так много времени...

Я знал, что она имела в виду. Я сделал несколько медленных, глубоких вдохов, отделяя ум от тела. Потом сказал спокойно, не повышая голоса:

- Сьюзен. Чтобы не произошло дальше... между нами все кончено, – я глянул на неё. – Ты знаешь это. Ты знала это, когда решила не говорить мне.

Она выглядела хрупкой. Помолчав, она медленно кивнула, словно что-то могло сломаться, если она сделает это чуть быстрее, и сложила руки на коленях.

– Я... я знаю это. Я знала это, когда так сделала.

Наступила напряженная тишина.

- Правильно, - сказал я, наконец. – Сейчас... - С мыслью, что это мне поможет, я сделал еще один глубокий вдох. – Мне кажется, что ты не прилетела бы в Чикаго, только чтобы поболтать со мной. Тебе для этого не нужен был бы Мартин.

Она удивленно приподняла брови и кивнула.

– Верно.

- Тогда, почему?

Она казалось, подобралась, её голос зазвучал более делово.

- Тут есть аванпост Красных. Это - стартовая точка.

- Хорошо, - сказал я, поднимаясь. – Тогда начнем.

Глава 3

- Я надеюсь, ты не держишь старых обид? - спросил меня Мартин, когда мы отъехали от маленькой гравийной парковки возле моего дома.

Сьюзен перебралась на заднее сиденье арендованной машины из уважения к моим аистинным ногам.

– Старых обид? – переспросил я.

– Насчет нашей первой встречи, - ответил Мартин. Он вел машину точно так же, как он делал все – вежливо. Соблюдал остановки. Пять миль в час выше допустимого. Куда бы мы ни направлялись, это грозило растянуться на целую вечность.

– Ты подразумеваешь то, как вы использовали меня, чтобы попытаться убить старого Ортегу? – спросил я. – Гарантируя этим то, что Дуэльный Кодекс будет нарушен, дуэль признают недействительной и война вампиров с Белым Советом продолжится?

Мартин глянул на меня, а затем в зеркало заднего вида на Сьюзен.

– Я говорила тебе, - сказала она Мартину. – Он тупит только короткий срок. В конце концов, он во всем разбирается.

Я послал Сьюзен небрежный кивок головой в знак согласия.

– Не трудно понять, что вы действовали, оглядываясь назад в прошлое, - продолжил я. – Война Красной Коллегии с Белым Советом должно быть лучшее, что случилось с Братством за века.

– Я с ними только чуть более сотни лет, - бесстрастно сказал Мартин. – Но да, это лучшее, что случилось за это время. Белый Совет – это единственная организация на планете, у которой есть ресурсы для серьезного противостояния им. И каждый раз, когда Совет одерживает победу или даже выживает, что все равно означает сокрушительную победу – это означает, что Красная Коллегия разрывается изнутри на клочки. У некоторых из них были тысячелетия, чтобы выпестовать обиды и зависть к конкурентам. Так что это эпическое по своим масштабам действие.

– Можете называть меня чокнутым, - буркнул я, - но я видел слишком много детей, умерших в войне, которую ты помог гарантировать. Старые обиды? – я улыбнулся ему формально. – Марти, верь мне, когда я говорю, что ты не захочешь, чтобы я начал разбираться с моими обидами прямо сейчас.

Я почувствовал взгляд Мартина, скользящий по мне, и увидел, как напряжение охватило его тело. Плечо мужчины дернулось. Он думал о своей пушке. Мартин был действительно хорош с огнестрельным оружием. В ночь моей дуэли с вампиром Красной Коллегии по имени Ортега парень попал в цель, используя одну из этих ужасных снайперских винтовок, за полсекунды до того, как вампир тем или иным способом прикончил бы меня. Это было грубое нарушение Дуэльного Кодекса - свода правил для того, чтобы решать личные конфликты между представителями наций, подписавших Соглашение. Исход честной дуэли, возможно, положил бы ранний конец войне между Красной Коллегией и Белым Советом Чародеев и спас бы множество жизней. Но все вышло по-другому.

– Не волнуйся, парень, - сказал я ему. – Ортега уже был наполовину к тому, чтобы нарушить Дуэльный Кодекс. Так что Кодекс был бы нарушен независимо от того, что ты сделал той ночью. Твое присутствие привело к тому, что в последнюю секунду он получил пулю вместо меня. Ты спас мою жизнь. Я помню об этом.

Я продолжал ему улыбаться, поскольку не чувствовал себя абсолютно честным, таким образом я постарался сделать разговор немного веселее.

– Я также абсолютно уверен, что если бы ты мог получить то, чего ты добивался, выпустив пулю в мою спину вместо его груди, ты бы сделал это, не моргнув и глазом. Так что даже не думай, что мы приятели.

Мартин посмотрел на меня и затем расслабился. Он произнес:

– Какая ирония, что ты, мустанг Белого Совета, так крепко держишься за их самодовольные позиции моральных убеждений.

– Поясни? – попросил я спокойно.

Он говорил беспристрастно, но я чувствовал огонь, горевший где-то глубоко за этими словами – впервые за все то время, что я его знал.

– Дрезден, я тоже видел, как умирают дети, забиваемые, как животные, властью, которую никто не замечает. И могущественный Совет выглядел так, как будто его чертовски все устраивало, потому что жертвы были бедны и далеко, а это хорошая причина, чтобы дать им умереть. Так что - да. Если бы выпустить пулю в тебя означало, что Совет бросит силы на противостояние с Красной Коллегией, я бы сделал это дважды и еще бы приплатил за привилегию, – он остановился перед знаком «стоп», прямо

посмотрел на меня и продолжил. – Это хорошо, что мы все прояснили. Есть что-нибудь еще, что ты хочешь сказать?

Я глянул на мужчину и серьезно проговорил:

- Ты стал блондином. Это делает тебя похожим на гея.

Мартин, абсолютно невозмутимо пожал плечами.

– Мое последнее задание проходило на круизном лайнере, обслуживающем людей с нетрадиционными взглядами.

Я нахмурился и посмотрел на Сьюзен.

Она кивнула.

– Было дело.

Я поднял руки, хмуро глядя в ночь, и буркнул:

- Откровенно говоря, я убивал людей, которые мне нравились больше чем ты, Мартин, – помолчав несколько секунд, я спросил: - Мы уже прибыли?

Мартин остановил машину перед зданием.

- Это находится здесь.

Я рассматривал здание. Ничего особенного, для Чикаго. Двенадцать этажей, немного обветшалое, вся территория сдается в аренду.

– Красные не могут... Послушайте, это не может быть здесь, - возмутился я. – Это здание, где находится мой офис!

- Известный факт, что бизнес-холдинг Красной Коллегии купил его почти восемь лет назад, - подал голос Мартин, загоняя машину на парковку и включая аварийные огни. – Я могу представить, что было, когда ты увидел внеплановое повышение арендной платы.

Я удивлено моргнул несколько раз.

– Я... платил аренду Красной Коллегии?

- Завышенную аренду, - поправил меня Мартин с бледным намеком на эмоции. – У герцогини Арианны, несомненно, странное чувство юмора. Если для тебя это послужит небольшим утешением... люди, работающие здесь, не имеют ни малейшего представления о том, на кого они в действительности вкалывают. Они думают, что это фирма, которая предоставляет защищенное хранилище информации межнациональным корпорациям.

- Но это... моё здание. – Я нахмурился и покачал головой. – И что мы, более конкретно, собираемся делать?

Мартин выбрался из машины и открыл багажник. Сьюзен присоединилась к нему. Я вылез из машины за компанию.

- Мы, - сказал Мартин, явно не включая меня, - собираемся совершить взлом офиса и отыскать файлы, в которых, как мы надеемся, содержится информация о местонахождении Арианны и её намереньях. Ты собираешься остаться в машине.

- Черта с два, - ответил я.

- Гарри, - сказала Сьюзен отрывисто, многозначительным тоном, - это компьютеры.

Я хмыкнул, как если бы Сьюзен слегка пихнула меня локтем. Чародеи и компьютеры чувствуют себя наедине друг с другом так же хорошо, как огнеметы и библиотеки. Вся техника имеет тенденцию работать с перебоями в присутствии смертного чародея, и чем она круче, тем больше у неё шансов выйти из строя. Если я последую за ними, ну... вы же не берете с собой своего кота, когда идете в птичий магазин. Не потому, что кот невоспитан, а потому что он кот.

– Ох, - пробормотал я. – Тогда... я... полагаю, я останусь в машине.

- Есть вероятность, что нас заметили или за нами следили, - сказал Мартин Сьюзен. – Мы в спешке покидали Гватемалу и не так чисто ушли, как могли бы.

- У нас в резерве не было лишних дней, - ответила Сьюзен, тоном знакомого усталого раздражения. Это напоминало часто повторяющуюся ссору между мужем и женой. Она раскрыла коробку в багажнике и рассовала что-то по карманам. – Предположение принято во внимание.

Мартин несколько секунд смотрел на неё, затем достал из багажника рюкзак с жесткой спинкой, и закинул его за спину, подтянув лямки на плечах. По-видимому, в нем были компьютерные штучки. Я стоял на противоположной стороне автомобиля и старался мыслить позитивно.

- Просто поглядывай, на всякий случай, Гарри, - попросила Сьюзен. – Мы вернемся через двадцать минут или меньше.

- Или не вернемся, - буркнул Мартин. – В этом случае мы будем знать, что наш неподготовленный отход не смог их обмануть.

Сьюзен раздраженно фыркнула, и они, широко шагая, направились к зданию; подошли в закрытой входной двери, провозились несколько секунд и исчезли внутри.

- И я просто торчу здесь, - пробормотал я. – Как будто я Клиффорд Большой Красный Пес. Слишком большой и тупой, чтобы пойти внутрь с Эмили Элизабет. И это - моё здание.

Я покачал головой. Адские колокола, я на своей волне. Или сошел с ума. Я имею в виду - я уже разговариваю сам с собой.

Я знаю, почему я говорю сам с собой – если я заткнусь, мне не останется не о чем думать, кроме как о маленьком человечке, испуганном и одиноком наедине с монстрами. И это заставит меня думать о том, как я был вырезан из её жизни. И это заставит меня думать о бестии в моей груди, которая рвет когтями в попытках вырваться.

Когда местная отморозок из Красной Коллегии, покойная ныне Бьянка, похитила Сьюзен и начала её превращение в полноценного вампира, она преследовала цель нас разлучить. Так или иначе – она преуспела. Сьюзен, которая была всегда шутящая, всегда смеющаяся, всегда касающаяся, целующая или иначе наслаждающаяся жизнью вообще и со мной в частности – исчезла.

Сейчас она была кем-то между Эммой Пил и дамой Халком. И однажды после этого мы занимались любовью. И ребенок родился, потому что это было. И Сьюзен солгала...

Прежде чем я смог поставить точку и вырваться из этого порочного круга, холодное ощущение кусочком льда скользнуло вниз по моей спине.

Я даже не оглядывал округу. Несколько лет напряженных заданий со Стражами, недостаточно взрослыми, чтобы покупать себе пиво, приучили меня доверять своим инстинктам. Особенно, когда они сходят с ума в темном городе в два часа ночи. Даже не думая об этом, я пригнулся, стараясь остаться незамеченным, и накинул на себя завесу.

Завеса - тонкая искусная магия, использующая одну из нескольких базовых теорий о том, как делать предметы или людей менее видимыми, чем они есть на самом деле. Я был так плох во владении завесами, что даже не пытался применять их, но я владел ими в достаточной мере, чтобы обучать использованию их мою ученицу Молли Карпентер. У Молли настоящий дар, и она быстро обучается, но я заставляю её совершенствовать свои таланты – и это требует множество личной практики от меня, чтобы проделывать это достаточно хорошо и выглядеть компетентным перед Кузнечиком.

Конец длинной истории – быстрые, простые завесы больше не были для меня недостижимы.

Улица немного потемнела вокруг меня, когда я взял взаймы тень и отдал свет. Пребывание под завесой всегда снижает вашу собственную способность видеть то, что происходит вокруг, но это был оправданный риск. Я предполагаю, это того стоило. Если кто-то направит пистолет в мою сторону, мне придется чертовски долго бежать, прежде чем я смогу завернуть за привлекательный ближайший угол здания. Так что лучше быть незамеченным.

Я припал к земле возле машины - не полностью невидимый, но очень близок к этому. Способность быть спокойным и бесшумным была на самом деле незаменимой при использовании завесы. Это тяжело, когда ты только и делаешь, что думаешь об опасности и о том, кто задумал отправить тебя с земли на небеса. Но я подавил адреналиновые волны и успокоил своё дыхание. Тише едешь, дальше будешь, Гарри.

Так что у меня был превосходный обзор, и я смог рассмотреть с полдюжины фигур, которые стремительно двигались в сторону офисного здания с какой-то омерзительной, паучьей грацией. Двое из них, неопределенной гуманоидной формы, перемещались по крышам, так плавно, словно они были охотящимися котами. Еще трое приближались к зданию с различных сторон на уровне земли, скользя от тени к тени. На таком расстоянии я ощущал их, как пятна тумана в воздухе и еще, как сильную дрожь вдоль своего позвоночника.

Последняя форма на самом деле перемещалась вниз по торцевым сторонам зданий на этой же улице, перепрыгивая с одного на другое, скользя по стенам с ужасающей скоростью, как какой-то гигантский паук.

Я никогда не видел их так, как сейчас, – мерцающие тени, передвигающиеся со зловещей целеустремленностью. Но я знал, на что я смотрю.

Вампиры.

Вампиры Красной Коллегии.

Они приближались к моему офисному зданию, как акулы к кровоточающему куску мяса. В моей груди бушевала буря, пока я наблюдал за тем, как они исчезают в здании – моем долбаном здании – похожие на тараканов, каким-то образом нашедших извилистый путь туда, где они не должны быть. Ярость поднялась из моей груди и захлестнула глаза, отражения уличных огней в оконных стеклах окрасились в красный цвет.

Я позволил вампирам войти в здание.

А затем собрал воедино мою ярость и боль, затачивая их, как какие-то духовные мечи и вошел следом.

Глава 4

Мой боевой жезл был извлечен из петли, на которую он крепился под плащом – дубовая палочка, около восемнадцати дюймов в длину и чуть толще моего большого пальца. Я ощутил в руках привычную, уютную уверенность, как только почувствовал под пальцами шероховатую поверхность затейливой вязи вырезанных рун и символов.

Я подошел к зданию так тихо, как только смог; зашел, открыв дверь с помощью своих ключей, и скинул завесу только тогда, когда был внутри. Все равно не получится скрыть меня от вампиров, когда я подберусь поближе – они, в любом случае, способны унюхать меня и услышать мое сердцебиение. Завеса будет только мешать моему зрению, а это чересчур большая плата.

Я не поехал на лифте. Он дребезжал и гроыхал, и был способен предупредить любого в здании, где я нахожусь. Я сверился со списком в вестибюле. «Datasafe, Inc.», находилась на девятом этаже, на пять этажей выше моего офиса. Там же, наверное, были Мартин и Сьюзен. И должно быть туда же направлялись вампиры.

Я рискнул и ступил на лестницу. Заклинания, которые приглушали звук и сохраняли приватность разговора, были элементарными для чародеев моего уровня, поэтому я был уверен, что звук не покинет непосредственной области вокруг меня. Ну и конечно, это означало, что и я фактически загнал себя в звуковой пузырь – так же ничего не буду слышать. Но, по крайней мере, в настоящий момент я знал, что вампиры здесь, а они, по-видимому, не знали обо мне. Мне хотелось, чтобы так оставалось и дальше.

Кроме того, к тому времени, когда яотреагирую на шум от вампира, которого я не увижу, я буду уже хуже, чем мертв.

Поэтому я прошептал слова, такие же надежные и простые, как ручной граммофон и начал подъем по лестнице в идеальной тишине, что казалось мне хорошей идеей. Я регулярно занимался бегом, но бег по пешеходной дорожке или по песчаному пляжу это отнюдь не то же самое, что бег вверх по лестнице. К тому времени, когда я поднялся на девятый этаж, мои ноги горели, дыхание сбилось, а левое колено меня просто убивало. Какого черта? Когда это мои колени были чем-то, о чем я беспокоился?

Мысленно приободлив себя, я замер перед дверью в холл девятого этажа, открыл её все еще прикрытый плащом тишины и затем скинул заклинание, чтобы прислушаться.

Шипящая, булькающая речь на языке, который я не знал, раздалась из холла передо мной, должно быть впереди за углом справа. Я буквально задержал дыхание. У вампиров сверхчеловеческие чувства, но они подвержены отвлечению внимания, как и все остальные. Если они говорят, то могут не услышать меня, а постоянное присутствие людей в этом здании, вероятно, скрыло от них мой запах.

«И почему, - прошептал голос откуда-то из глубины шторма в моей груди, - я должен прятаться от этих ничтожных убийц?» Вампиры Красной Коллегии убийцы, все до единого. Полуобращенные вампиры не завершают превращение до конца, до тех пор, пока не убьют другого человека и не утолят свою жажду первой крови. Конечно, невинная душа, обманом или силой затянута в Красную Коллегию, с ужасом обнаруживает себя отданной на милость нового и почти непобедимого голода, но

это не меняет тот факт, что они получают клубную карту члена Красной Коллеги, только совершив убийство.

Монстры. Монстры, которые утаскивают людей во тьму и подвергают их невыносимым мукам, принимаемыми их жертвами с удовольствием – и я знал это наверняка. Однажды они проделали это со мной. Монстры, которые существовали, как чума, на миллионах.

Монстры, которые забрали моего ребенка.

Один знаменитый человек однажды написал: « Не вмешивайтесь в дела чародеев, они чувствительны и быстро приходят в ярость». Толкиен был по большому счету прав.

Я шагнул вперед, дав двери с хлопком закрыться, и прорычал:

- К дьяволу чувствительность.

Булькошипение, доносящееся из-за угла, прервалось возгласом, который не было нужды переводить:

-Что?

Я поднял жезл, нацелив его в угол передо мной, и направив в него свою ярость, волю и силу, прорычал: « Fuego!»

Серебряно-белый огонь пронесся по холлу и вгрызся в угол впереди, прожигая его так же легко, как пуля пробивает бумажную мишень. Я прочертил полосу огнем влево так быстро, как только смог. Огонь выщербил линию шириной с мой кулак, пройдя через несколько секций из стоек и гипсокартона, смертоносной полосой прочерчивая перпендикулярно коридор там, где я слышал вампирские голоса. Грохот был невероятный. Дерево трещало и взрывалось, гипсокартон рассыпался облачками пыли. Трубы визжали и разрывались так ровно, как будто я использовал резак, проволока разлеталась веером трескучих искорок.

И что-то нечеловеческое издало пронзительный крик боли, боли раздирающей неестественно сильные легкие в крике, которые был громче выстрела.

Я закричал в ответ, бросая вызов на дуэль. Когда я побежал, руны на моем жезле сияли раскаленным добела огнем, отбрасывая сверкающий серебристо-белый свет передо мной во тьму здания.

Я уже завернул за угол, когда увидел движение в тени, и расплывчатая фигура бросилась ко мне. Мой браслет-щит был наготове. Я поднял левую руку, согнув пальцы в жесте, который не имел ничего общего с магией, но обычно воспринимался очень оскорбительно. Моя воля направилась в браслет, с висящим на нем множеством мелких щитов, и в то же мгновение моя сила вырвалась оттуда, растягиваясь в четверть сферы чистой, невидимой мощи передо мной. Черная фигура вампира ударила в щит, вызвав этим белые искры и концентрические круги голубого света, а затем отлетела от него.

Прежде чем он отскочил, я опустил щит, направляя жезл движением запястья, и разрезал вампира пополам лучом серебряного огня. Куски разлетелись в разных направлениях, продолжая ужасно дергать конечностями.

Посреди коридора неряшливой кучей валялся второ, разделанный на части вампир, которого я, наверное, задел, когда стрелял вслепую через стену. Я смотрел слишком много плохих фильмов ужасов и знал правила выживания в них, моментально убедившись, что в коридоре нет других опасностей, я направил жезл вверх перед собой.

Третий вцепился в потолок в двадцати футах от меня. Люди представляют вампиров как безупречных, прекрасных темных богов секса и искушения. Вампиры Красной Коллегии могут создавать своего рода внешнюю человеческую раковину, маску человеческой плоти и, надо признать, эта маска была прекрасна, но под ней они были чем-то совсем другим – настоящими, ужасающими, некающимися монстрами, как тот, который смотрел на меня сверху.

Если бы он стоял, в нем было бы около шести футов роста. Толстые, длинные руки с ужасающими когтями. Они вполне могли бы касаться земли. Черная, похожая на резину кожа, покрытая пятнами с нездорово выглядевшими розовыми прожилками, его брюхо обрюзгло и нелепо свешивалось вниз. Он был кривоногий и горбатый, и его лицо было чем-то средним между мордой летучей мыши и галлюцинацией Х.Р. Гигера.

Он не ожидал увидеть меня настолько близко, его вытаращенные черные глаза казалось, стали еще больше. Он издал крик...

Ужаса.

Он кричал от ужаса.

В тот самый момент, как я, прицелившись через холл, выстрелил третий раз, вампир бросился прочь. Прыгая с потолка на стену; со стены на пол и снова на стену, он с дикой скоростью увернулся от потока разрушительной энергии, который я направил в него.

- Вот это правильно, - услышал я свой собственный крик. – Тебе лучше бежать, милашка! – Он исчез за следующим поворотом, и я закричал в безвыходной ярости, с размахом ударяя по все еще дергающейся голове одного из поверженных вампиров носком моего окованного сталью ботинка. Ругаясь, как сапожник, я бросился в погоню.

На все это ушло, наверное, шесть или семь секунд.

После чего дела пошли не так радостно.

Я выпустил с полдюжины маленьких огней, и прежде, чем я сделал полдюжины шагов, заверещала пожарная сигнализация. Спринклеры взбесились, заливая водой пол вокруг меня. И в тот же момент откуда-то издали донесся звук оружейных выстрелов. Все это было плохо.

Сигнализация означала, что копы уже в пути – и за исключением сообразительных ребят из Отдела Специальных Расследований, они просто не были готовы иметь дело с вампирами. Они будут не больше чем жертвами и заложниками для сверхъестественных хищников.

В любом случае, бегущая вода, это тоже не хорошо. Проточная вода снижает волшебные энергии. Конечно, она не сможет полностью заблокировать мое чародейство, но сделает его применение тяжелее – аналогично пробежке по мягкому песку или во влажной глине. И выстрелы не были хорошо. Потому что пара пуль рикошетом ударились в стену и одна из них пробила мне джинсы возле левой лодыжки.

- Огонь зенитной артиллерии, – пробормотал я себе под нос. Бесстрашный владелец остроумного диалога - это Я.

Я провел перед собой левой рукой, снова поднимая щит. Несколько пуль, которые вероятно не ударили бы меня, рикошетили с концентрическими кругами мерцающего синего света, появившимися в местах попаданий. С поднятым наготове жезлом в руке я бросился дальше по коридору и повернул за угол.

Перед дверью в офис находились два вампира. Один из них лежал на боку, держась за обвисшее брюхо, и шипя в агонии. Кровь, вытекшая из него, залила весь пол. Несколько дюжин дыр от пуль в двери – сквозных дыр - объясняли это. Раны не убьют вампира, но они болезненны и лишат его источника сверхъестественной силы – крови.

Второй вампир присел в стороне от дверного проема, явно дебатировав с собою, стоит ли ему повторить попытку своего компаньона и попытаться проникнуть в помещение через дверь.

Мой беглец бросился к ним, завывая от страха.

Я поскользнулся на быстро ставшем мокрым полу, и, немного проехав вперед, нацелил жезл и выпустил еще один заряд. Он пронесся через холл, но убегающий вампир подхватил раненого и, используя его как щит, подставил под выстрел, который я предназначал для него. Раненый вампир заорал и отвлек на себя достаточно энергии, чтобы дать возможность беглецу проломить стену в конце коридора. Он исчез из поля зрения, и секундой позже я услышал звук бьющегося стекла, когда он покинул здание.

Невезучий вампир был мертв, или стремительно приближался к этому, так как луч заклятия срезал практически все с левой части его спины. Последний монстр задергался передо мной в нерешительности.

Это оказалось для него фатальным. Стена позади него буквально взорвалась наружу, и Мартин, весь покрытый темными татуировками, в ярости проломился через неё. Он швырнул вампира через коридор и буквально вмял его в стену. Блеснул нож, одна рука змеей мелькнула поперек живота изумленной твари. Яркая-алая кровь фонтаном ударила в стену, и вампир мешком повалился на пол, задыхаясь от крика. Мартин отскочил, прежде чем агонизирующему созданию удалось коснуться его хоть бы одним когтем, окинул взглядом оба конца коридора, увидел дыру в дальней стене, и сказал, обращаясь ко мне:

- Проклятье. Ты упустил одного?

Прежде чем я смог ответить ему, появилась Сьюзен, проскользнув через пролом в стене. У неё был компьютерный рюкзак, перекинутый через одно плечо, и дымящийся пистолет в руке, 45-й автоматический, с увеличенным магазином. Её темные глаза были жесткие и холодные. Она посмотрела на вампира и навела пистолет ему в голову.

- Подожди, - я поднял руку. – Их было шестеро. Этот номер четыре.

- Их всегда шесть, - сказала Сьюзен. – Стандарт операционной группы.

Она невозмутимо нажала на курок, выпуская короткую, точную очередь, превращая голову вампира в отвратительный перегой.

Мартин глянул на часы.

– Мы не должны задерживаться.

Сьюзен согласно кивнула, и они вдвоем пошли по коридору, направляясь к лестнице.

– Пойдем, Гарри. Мы нашли планы этажей. Здание заминировано.

Я моргнул и побежал за ними.

- Заминировано? Какого...?

- Взрывчатка на четвертом этаже, - сказал Мартин спокойно. – Заложена вокруг твоего офиса.

- Это полная чушь, - пробормотал я. – Они сказали нам, что вычищают асбест.

Сьюзен коротко рассмеялась, но Мартин хмуро глянул на неё.

– Когда беглец сообщит им о том, что случилось, они избавятся от этого асбеста. Я предлагаю этого не дожидаться.

- Срань господня, - выдохнул я.

Мы ураганом мчались по лестнице. Спуск занимает гораздо меньше времени, чем подъем вверх, но спуск сложнее контролировать. Я споткнулся один раз, и Сьюзен подхватила меня за руку, её пальцы были словно выточены из жесткой стали. Остаток пути мы проделали вместе.

- Не через главный вход! – прохрипел я. – Приближаются копы.

Я провел их через короткий коридор к боковой двери в переулок. Потом мы припустили к задней части здания, перешли на другую улицу и поспешили прочь.

Мы пересекли следующий квартал, когда блеснула вспышка света и гигант Сearз-билдинг внезапно обрушил на нас подушку со своей огромной кровати. Мы повалились с ног. Сьюзен и Мартин перекатались несколько раз, гася удар. Для контраста я врезался в мусорный бак.

Он был, конечно, полный.

Я какое-то время лежал не шевелясь. В ушах раздавался постоянный, пронзительный звон. Клубы пыли и мелких осколков пронеслись надо мной, смешиваясь с тем омерзительным набором, который находился в мусорной корзине, и оседая на мое тело.

- Я не играю в такие игры, - задумчиво произнес я. Слова гудели у меня в горле, но я их не слышал.

Спустя несколько секунд начал возвращаться звук. Повсюду раздавались гудки машин и машинных сигнализаций. Завывали системы безопасности в магазинах. Сирены – множество и множество сирен – приближались.

Чья-то рука схватила меня, и кто-то помог мне подняться. Сьюзен. Она была припорошена пылью, которая пропитала воздух так плотно, что мы не могли видеть дальше, чем на десять или двадцать футов. Я попробовал идти и пошатнулся.

Мартин подхватил меня под другую руку, и мы начали тащиться сквозь пыль. Спустя некоторое время вещи перестали так дико вращаться. Я понял, что Сьюзен и Мартин беседуют.

- ... там точно ничего не осталось? – проговорила Сьюзен.

- Я просмотрел сектор за сектором, - как всегда невыразительно отвечал Мартин. – Мы можем, получим несколько крох. О чем, черт побери, он думал, разбрасываясь повсюду силой, когда он знал, что мы имеем дело с электронными носителями?

- Он, наверное, думал, что информация будет бесполезна для нас двоих, если мы оба будем мертвы, - весьма холодно ответила Сьюзен. – Они сделали нас. И ты знаешь это.

Мартин помолчал какое-то время. Затем произнес:

– Наверно. Или он просто не хотел, чтобы мы получили эту информацию. Он был абсолютно в ярости.

- Это на него не похоже, - не согласилась она. – Он так не поступит.

- Он так не поступал, - поправил её Мартин. – Действительно ли ты тот человек, которым была восемь лет назад?

Сьюзен промолчала.

Я вспомнил, как ходить, и начал делать это самостоятельно. Мне пришлось потрясти головой, чтобы немного её прочистить, после чего я смог повернуть ее и оглянуться через плечо.

Здания позади были охвачены огнем. Все больше и больше сирен завывало со всех сторон. Место на горизонте, где обычно возвышалось мое офисное здание, видимое с этого угла, было пустым, за исключением поднимающихся столбов пыли. Огонь и мигалки скорой помощи окрашивали пыль в оранжевый, красный и синий.

Мои документы. Моя старая кофеварка. Мой запасной револьвер. Мой любимый лопух. Мой уютный старый письменный стол и кресло. Мое окно с матовым стеклом и нарисованной печатными буквами надписью «ГАРРИ ДРЕЗДЕН, ЧАРОДЕЙ».

Это все пропало.

- Проклятье, - сказал я.

Сьюзен глянула на меня.

– Что это было?

Я устало пробормотал:

- Этим утром я отправил чек за аренду офиса.

Глава 5

Мы поймали такси. Убрались с территории, прежде чем копы оцепили периметр. Это было не трудно. У Чикаго первоклассный полицейский департамент, но никто быстро или легко не может установить надежное оцепление на большой территории глубокой ночью. Они должны позвонить и вырвать людей из кроватей, доставить их на работу, да и обычная неразбериха может все замедлить до невозможности.

Я был уверен, утром слово «взрыв» будет во всех новостях. Там будут обозреватели и теоретики, интервью с очевидцами и теми, кто что-либо слышал или знает. Ведь это не был случайный пожар, как мы видели несколько раз прежде. Это был ВЗРЫВ, заранее спланированный, целенаправленный акт разрушения. Копы будут спасать жизни на месте трагедии, восстанавливать события по показаниям свидетелей, вести расследование.

Я закрыл глаза и прислонился лбом к окну. Была большая вероятность того, что в здании никого не было. Все арендаторы бизнесмены. Никто и них не расположен работать поздно ночью. Но у них, как и у меня, есть ключи на тот случай, если возникнет нужда. Там могли быть вахтеры или, например, техники, не знающие, что они работают на Красную Коллегию. Ты ведь не будешь объяснять штатному уборщику, что ваша компания это часть зловещей организации с планами всемирного подчинения и контроля. Ты просто говоришь ему помыть пол.

Под обломками могли быть погибшие, только потому, что они не учли тот факт, что мой офис на четвертом этаже.

Господи.

Я почувствовал, что Сьюзен смотрит на меня. Никто из нас не проронил ни слова в такси. Все молчали до тех пор, пока Мартин не сказал:

- Здесь. Притормозите тут.

Я огляделся, такси остановилось у дешевого отеля.

- Мы должны оставаться вместе, - сказала Сьюзен.

- Мы может поработать тут с диском, - ответил спокойно Мартин. – Мы не сможем сделать этого у него дома. Мне нужна твоя помощь. Не его.

- Езжайте, - сказал я. – Люди, - что означало полицию, - скоро будут у меня дома в любом случае. Будет легче, если они обнаружат только одного человека для беседы.

Сьюзен громко втянула носом воздух. Затем кивнула. Они вдвоем выбрались из такси. Мартин дал водителю наличные и назвал адрес моего дома.

Я доехал домой в тишине. Таксист слушал по радио новости. Меня немного трясло, после применения такого количества магии. Магия может быть ужасно крутой, но это утомляет. Легкого звона, который остался у меня в ушах, было недостаточно, чтобы заглушить радио, уже полным ходом болтающего про взрыв. Таксист, судя по лицу, уроженец Ближнего Востока, выглядел недовольным.

Я чувствовал это.

Мы остановились на дорожке у моей квартиры. Мартин уже заплатил слишком много за эту поездку, но я вручил еще двадцатку сверх этого и серьезно посмотрел на водителя.

– Тебя зовут Ахмед?

Это было написано на его лицензии таксиста. Он нерешительно кивнул.

– У тебя есть семья, Ахмед?

Он просто молча смотрел на меня.

Я прижал палец к губам в жесте молчания.

– Ты никогда меня не видел. Договорились?

Он чуть нахмурился, но кивнул головой в знак согласия.

Я вылез из такси, чувствуя себя последней сволочью. Я не наврежу семье этого парня, но он этого не знает. А даже если этого и взятки не хватит, чтобы удержать его от беседы с копами, если они захотят расспросить его, этого я надеялся, будет достаточно, чтобы удержать его от добровольного посещения полицейского участка. Взорвалось здание. Нормальные люди заходят держаться от этого подальше, пока все не закончится.

Я посмотрел, как машина уезжает, засунул руки в карманы плаща и утомленно поволок ноги домой. Я исчерпал все свои физические и психические ресурсы, когда обрушил всю свою энергию на вампиров, и теперь расплачивался за это. Я непреднамеренно вкладывал огонь души в каждый разряд, который направлял в них – вот почему у меня были изящные серебряно-белые разряды огня в отличие от стандартного красно-оранжевого пламени. У меня возникло огромное желание упасть на кровать, но прямо сейчас этого делать не стоило.

Я потратил время на то, чтобы принять душ; совершить с Мышем небольшое путешествие по окрестностям; заварить кофе в кофейнике. Когда я заканчивал счищать осколки и мусор с моего кожаного пыльника (с помощью какого-то первоклассного средства для очистки кожи, переданного Черити Карпентер - матерью Молли), раздался стук в дверь.

Мышь, дремлющий недалеко от меня, приподнял голову, с серьезным и настороженным выражением прислушался и вильнул хвостом. Он поднялся и сделал шаг к двери, вопросительно глядя на меня через плечо.

– Да, да, - сказал я. – Уже иду.

Я встал и открыл дверь. Как всегда она застряла на половине, мне пришлось дернуть ее сильнее, чтобы она распахнулась полностью.

Женщина ростом чуть выше пяти футов стояла у моей двери, её лицо было утомленным и абсолютно свободным от косметики. Она была золотоволосой блондинкой, но сейчас её волосы беспорядочно висели и, явно, нуждались во внимании расчески, и, может быть, выпрямителя. Или, по крайней мере, в резинке. Мерфи была одета в спортивные штаны и старую, свободную футболку, её плечи были напряжены.

Она мгновенно смотрела на меня. Потом закрыла глаза и слегка расслабилась.

– Привет, Мерфи, - кивнул я.

– Эй, - сказала она слабым голосом. Я наслаждался этим мгновением – не часто мне доводилось видеть Мерфи такой. – Я чувствую запах кофе?

– Сделал полный кофейник, - улыбнулся я. – Тебе налить?

Мерфи издала стон вождения.

– Женись на мне.

– Может быть, когда ты придешь в себя.

Я отступил назад и дал ей пройти. Мерфи села на диван, и Мышь бесстыдно опустил голову ей на колени. Она зевнула и начала почесывать его за ушами. Её маленькие, крепкие руки заставили собачьи глаза закрыться от блаженства. Я приготовил ей кружку кофе и сделал еще одну, для себя. Она взяла себе черный с несколькими драже низкокалорийного заменителя сахара в нем. Мой был со сливками и

огромным количеством сахара. Мы оба молчали, тем временем её взгляд внимательно изучил меня и мою квартиру. Я мог слышать, как шестеренки щелкают у неё в голове.

- Ты мылся менее часа назад. Я все еще могу унюхать запах мыла. И ты только что закончил чистить плащ, и это все в четыре утра.

Я глотнул кофе и никак не подтвердил, но и не опровергнул это наблюдение.

- Ты был в здании, когда оно взорвалось, - утвердительно сказала она.

- Не в нем, - покачал я головой. - Я хорош, но даже я не выживу, если на меня обрушится здание.

Она тряхнула головой и опустила взгляд на остатки кофе в кружке.

- Роулинз звонил. Сказал мне, что здание, где ты снимал офис, взорвали. Я... я подумала, что кто-то, в конце концов, добрался до тебя.

- Мы говорим не для протокола? - спросил я. Мерфи была сержантом отдела специальных расследований при чикагском департаменте полиции. Это был тупиковый отдел ЧПД и единственный, у сотрудников которого был хоть какой-то опыт работы в сверхъестественном мире. Но даже так, Мёрфи была копом до мозга костей. Она могла пересечь линию законности, но у неё были свои границы. Я же пересек их значительно раньше.

Она покачала головой.

- Нет. Пока нет.

- Красная Коллегия, - ответил я. - Они купили здание несколько лет назад и заминировали его, чтобы взорвать, когда в этом возникнет нужда.

Мёрфи нахмурилась.

- Зачем делать это сейчас? Почему они не взорвали тебя несколько лет назад?

Я хмыкнул.

- Личная неприязнь, я полагаю. Герцогиня Арианна расстроена тем, что случилось с её мужем, после того как он связался со мной. Она считает - это моя вина.

- Это так?

- Почти, - усмехнулся я.

Она медленно допивала кофе.

- Почему бы просто не убить тебя? Щелк, бум.

- Я не знаю, - сказал я. - Она думает, что этого недостаточно, наверное. Щелк-бум - это бизнес. То, что связывает меня с ней - это личное.

Я сжал зубы.

Голубые глаза Мёрфи немного потускнели.

- Личное? - она снова оглядела все вокруг. - Твоя берлога выглядит слишком хорошо. Кто это был?

- Сьюзен.

Её спина немного выпрямилась. Это был единственный признак удивления, который она высказала. Мёрфи знала все про Сьюзен.

- Ты хочешь поговорить об этом?

Я не хотел, но Мёрфи надо было это знать. Я изложил ей все короткими, отрывистыми предложениями по три или четыре слова. К тому времени, когда я закончил, она поставила кружку на кофейный столик и внимательно слушала меня, слегка подавшись вперед.

- Иисус и Матерь Божья, - выдохнула она. - Гарри.

- Да.

- Вот... вот... сука!

Я покачал головой.

- Тыканье пальцами ничем не сможет помочь Мэгги. Но мы вернемся к этому позже.

Она скривила лицо, словно ей в рот попало что-то ужасно горькое, но потом кивнула головой.

- Ты прав.

- Спасибо.

- Что ты собираешься делать?

- Мартин и Сьюзен посмотрят, что они смогут считать с диска, - устало ответил я. - Они свяжутся со мной, как только узнают что-нибудь. Тем временем, я собираюсь провести несколько часов горизонтально, а затем начну пробивать свои контакты. Отправлюсь в Совет и попрошу их о помощи.

- Кучка бессердечных, бесхарактерных, беспозвоночных старых придурков, - пробурчала Мерфи. Я понял, что улыбаюсь, уткнувшись носом в чашку с кофе.

- И они смогут дать её тебе? – спросила Мёрфи.

- Возможно. Это сложно, - сказал я. – Или ты собираешься привлечь ЧПД для помощи мне? Её глаза помрачнели.

– Возможно. Это сложно.

Я поднял руки в жесте «вот и все», и она кивнула. Мерфи поднялась и прошла на кухню, чтобы поставить чашку.

– Что я могу сделать, чтобы помочь тебе?

- Было бы неплохо, если бы полиция не упрятала меня за решетку в ближайшее время. Они, в конце концов, поймут, что взрывчатка была заложена вокруг моего офиса.

Она покачала головой.

– Не обещаю. Я сделаю все, что смогу.

- Спасибо тебе.

- Я в игре, - твердо сказала она. - Вы двое чересчур запутались в этом. Вам нужен кто-то со стороны.

Я приготовился заливать что-то, чтобы её отговорить, но приказал своему глупому рту закрыться, потому что она была, наверное, права. Я поставил кофейную кружку в раковину, что дало мне возможность не отвечать, пока я пытался взвесить все за и против. Затем я принял решение.

- Я бы, наверное, в любом случае попросил твоей помощи, Мёрфи. Мне нужен надежный человек с пушкой.

Мёрфи возможно и была крошечной, но она заработала больше шрамов в схватках со сверхъестественным, чем любой обычный смертный, которого я встречал. В любой ситуации она держит голову высоко поднятой, даже если в деле замешаны крылатые демоны, завывающие вурдалаки, слюнявые вампиры и человеческие жертвы. Она удержит кого угодно – я имею в виду Мартина – от того, чтобы вонзить мне нож в спину. Мерфи держит свой пистолет наготове и стреляет не мешкая. Я видел, как она это делает.

- Гарри... - начала она.

Я помахал рукой.

– Я не прошу тебя нарушать законы Чикаго. Или законы США. Но я сомневаюсь, что мы удержимся в рамках на этот раз.

Она какое-то время обдумывала это, сложив руки и глядя в огонь. Мыш сидел возле дивана и тихо наблюдал за ней.

Она сказала.

– Я твой друг, Гарри.

- Никогда в этом не сомневался.

- Ты собираешься вернуть Мэгги обратно.

Мои челюсти до боли сжались.

– Чертовски верно подмечено.

- Хорошо, - резко сказала она. – Я в игре.

Я наклонил голову, мои глаза внезапно запылали, эмоции столкнулись со штормом в моей груди.

- Сп... - начал я. Мой голос сорвался. Я попробовал снова. – Спасибо тебе, Кэррин.

Я почувствовал, как её рука взяла мою, вливая в меня тепло и поддержку.

- Мы обязательно вернем её, - сказала она очень спокойным голосом. – Мы вернем ее, Гарри. Я с тобой.

Глава 6

Я проспал не очень долго, но сделал это от души. Когда старый механический будильник «Микки Маус» разорвал тишину в семь утра, мне пришлось с боем проложить путь из самого глубокого места самой далекой стороны мира грёз. Я чувствовал, что могу прожить еще восемнадцать, а может и двадцать часов.

Была еще одна причина, по которой положительные эмоции были очень полезны для меня. Использование огня души на чистом, инстинктивном рефлексе было ошибкой – потенциально фатальной. За дополнительный прилив силы, который давал огонь души, приходилось расплачиваться таким способом, который я не вполне понимал. Я не знал, делает ли это мои заклинания хоть чуть более эффективными против Красной Коллегии – хотя у меня была догадка, что это, как Его-Превосходительство-Двойная-Хоккейная-Ключка – но я был совершенно уверен, что это требовало уйму моей собственной жизненной энергии. Если я выпущу её слишком много... хорошо. Больше жизненной энергии, должно быть, означает больше жизни. И если эта энергия была на самом деле сила, которую обычно называют душой, то ее потеря может означать забвение.

Это только мои догадки, что так может произойти, если вы зайдете слишком далеко. Как оно будет на самом деле - я понятия не имею. И, во всяком случае, ни одно смертное или бессмертное создание, которое я встречал, не знало об этом наверняка.

Я знал, что при работе с магией сильные эмоции были отличным дополнительным источником традиционной энергии, так сказать турбокомпрессором. Бросьте разрушительное заклинание в приступе безграничной ярости, и получите гораздо больший результат от своей попытки, чем, если бы вы практиковали это в спокойной обстановке. Конечно, была опасность того, какой на самом деле эффект эти эмоции окажут на заклинание – что значит, ты рискуешь потерять контроль над энергиями. Ребята, оперирующие на моём уровне, могут убить себя или других при такой легкомысленной ошибке.

Возможно, огонь души происходит из тех же мест, что и эмоции. Возможно, у тебя не может быть одного, без частички другого. Возможно, они были смешаны вместе, как порошок протеина и молока в оздоровительных коктейлях.

На самом деле - это не имеет значения. Меньше чем шестьдесят секунд активной деятельности этой ночью оставили меня обессиленным. Если я не начну управлять огнем души, я могу буквально убить себя им.

- Возьми себя в руки, Гарри, - прорычал я себе.

Я неохотно выбрался из постели и, шаркая ногами, направился в гостиную, где и обнаружил свою ученицу. Молли, которая пришла, пока я спал, пародировала приготовление завтрака на моей маленькой кухне.

Она была одета в джинсы и черную футболку с надписью маленькими белыми буквами, « ЕСЛИ ТЫ МОЖЕШЬ ЭТО ПРОЧЕСТЬ, ТЕБЕ ЛУЧШЕ УГОСТИТЬ МЕНЯ УЖИНОМ». Её золотистые, почти белые, волосы были длиннее, чем обычно – она отращивала их – и спадали ниже плеч. Она оттенила пряди темно-зеленым, плавно переходящим на концах в синее.

Я не уверен, как охарактеризовать Молли - «хард-рок», или «слам трущоб», или «клубный хавт», может, появилось еще что-то с тех пор, как направления от культуры меняются каждые несколько минут. Но если вы подберете слово, обозначающее восхваление и обожание красоты молодой девушки, то вы будете, вероятно, правы. Для меня же этот эффект был немного смазан, потому что я видел ее тощим подростком, в возрасте между игрой в куклы и одеванием первого лифчика, но это не означает, что я не получал зрительного наслаждения от её вида. Когда она хотела привлекать внимание, мужчина буквально ходил на цыпочках перед ней.

Мыш сидел наготове возле её ног. Большой пес был достаточно хорошо воспитан, чтобы не таскать еду со стола, или с плиты, или с кухонной столешницы, или с верха холодильника, но он прочертил линию на уровне плинтуса: любые кусочки, упавшие на пол - его, если он может схватить их первым. Карие глаза неотступно следили за движением рук Молли. Судя по веселому вилянию хвоста, она, вероятно, несколько раз что-то роняла. Её было очень легко уговорить, чем «дворняга» безмерно пользовалась.

- Доброе утро, босс, - жизнерадостно прочирикала она.

Я сердито глянул на неё, но потащил ноги на кухню. Она положила омлет на тарелку, в которой уже лежали бекон, тост, и какие-то кусочки фруктов, и вручила мне в руки большой стакан апельсинового сока.

- Кофе, - потребовал я.

- Ты расплачиваешься за эту неделю. Помнишь? У нас сделка: я готовлю завтрак, а ты не пьешь по утрам кофе.

Я раздраженно посмотрел на неё. От нехватки кофеина в крови глаза застилал легкий туман. Я тускло припоминал, что мы о чем-то таком договаривались. Молли доросла до того, чтобы начать интересоваться здоровым образом жизни и чересчур увлеклась этим. Она была избирательна относительно того, что ела, и решила распространить это сомнительное удовольствие на меня.

- Ненавижу людей по утрам, - я схватил тарелку с завтраком и гордо прошествовал к дивану, - Ничем не корми Мыша. Ему вредно.

Мыш даже не повел ухом. Он просто сидел там, наблюдал за Молли и ухмылялся.

Я отпил апельсиновый сок, который, как я обнаружил, абсолютно не соответствовал моим требованиям начала дня. Бекон не лез в горло, потому что был сделан из пресной индейки, а яйца были подгоревшие. Но я все равно это съел, даже вместе с тостом, который тоже был не совсем прожарен. У Кузнечика были таланты, но кулинария к их числу не относилась.

- Случилась одна вещь, - начал я.

Она стояла возле раковины, отчищая сковороду, и заинтересовано посмотрела на меня.

- Эээ? Что?

Я фыркнул и подумал, что надо быть аккуратным в данной ситуации. Молли была не очень хороша в бою. Это не ее призвание. Следующее несколько дней, несомненно, будут опасными для меня, но я смогу пережить это. Однако если в это будет втянута Молли, они могут стать смертельными.

Я видел обе стороны фразы «незнание это благо» в действии. Я видел людей, которые умерли, потому что им ничего не сказали о сверхъестественном мире и про опасности в нем. И я видел, как люди умирали, потому что были предупреждены, но этого было недостаточно, чтобы сознавать, какая угроза нависла над ними. Просто не было способа узнать, что случится.

И потому что у меня не было способа узнать, что случится, я пришел к выводу, что неизвестные факторы могут перевернуть все с ног на голову, а я не знаю достаточно, чтобы сделать выбор. Молли была частью моей жизни. В любом случае это сильно её затрагивало. Единственным ответственным поступком было позволить ей самой решить, что она хочет от своей жизни. Это включало в себя риск подвергнуть ее опасности, если она решит, что способна справиться с этим.

Поэтому все, что я рассказал Мёрфи, я рассказал и Кузнечiku.

К тому времени, когда я закончил, она стояла на коленях на полу рядом с диваном, на котором я сидел, и смотрела на меня широко открытыми голубыми глазами.

- Ничего себе, Гарри.

- Да, - сказал я.

- Ничего себе.

- Ты уже говорила это.

- Это все меняет.

Я кивнул.

- Чем я могу помочь?

Я надеялся, что она не выбрала то, что приведет её к смерти.

- Это скажи мне ты. Что было бы умным поступком, падаван?

Она чуть прикусила губу и глянула на меня.

- Нам нужна информация. И нам нужна поддержка. Эдинбург?

Я сделал последний глоток апельсинового сока, проклиная его целебные свойства, и кивнул:

- В яблочко.

* * *

Мы ступили на Путь к Эдинбургу, используя в своих интересах привлекательное преимущество странной географии мира духов, позволяющее преодолевать гораздо больше расстояния, чем в материальном мире. Только известный, заранее разведанный путь был безопасным и надежным, и ты должен иметь достаточно серьезную сверхъестественную силу, чтобы открыть дверь, так сказать,

между этим миром и Небывальщиной, но если ты в состоянии сделать это, то Пути чертовски удобны. Чикаго-Эдинбургское путешествие заняло у нас около получаса.

Штаб-квартира чародеев Белого Совета - скучное, унылое, продуваемое всеми сквозняками место, мало чем отличающееся от содержимого голов большинства людей, работающих здесь. Это целая сеть туннелей со стенами, покрытыми резными фигурками мистических рун и символов, выполненных с изяществом и высоким уровнем мастерства. Потолок в этом месте был отчасти низок для меня. Некоторые из этих туннелей казались провалами во тьму, но большинство из них купались в рассеянном свете, что выглядело очень странно без видимого источника освещения.

Мы прошли два поста безопасности и топали уже пять минут к следующему, когда Молли недоуменно покачала головой.

– Насколько большое это место? – её унылый голос эхом пронесся по пустым туннелям.

– Большое, - ответил я. – Примерно такое же, как и город над ним, и у него несколько уровней. Гораздо больше, чем мы действительно используем.

Она провела пальцами по скрупулезно выполненной резьбе на камне, мимо которого мы проходили. Фреска изображала лесной пейзаж, чьи границы и линии были четкие и чистые, несмотря на прошедшие века и дым от редких факелов. Её пальцы оставляли небольшие следы на светлом слое пыли, покрывавшем стены.

– Это Совет вырезал все это?

– Неа, - ухмыльнулся я. – Это было бы слишком похоже на работу. Слухи гласят, что это место создавалось и использовалось, как дворец для военачальника лорда Даоне Сидхе. Затем настоящий Мерлин выиграл его у него, как ставку в пари.

– То есть Мерлин - Мерлин? – спросила она. – Меч в камне и все такое?

– Да, тот парень, - кивнул я. – Сомневаюсь, правда, что он был такой, каким его изобразили во всех этих фильмах.

– Написавший Законы Магии, основатель Белого Совета, хранитель одного из Мечей и учредитель цитадели Совета. Он должен быть кем-то еще?

– Он должен быть настоящим ублюдком, - ответил я. – Те, кто оставляет свои имена впечатанными в историю и фольклор, не склонны быть командирами отряда бойскаутов.

– Ты такой циник, - улыбнулась Молли.

– Я думаю, что быть циником веселее и привлекательнее.

Не было совсем никакого движения в главном коридоре, что изрядно меня удивило. Я подразумеваю, он никогда не бывает переполнен, но обычно ты постоянно натыкаешься на кого-то.

Мы достигли участка Стражей. Здесь находился большой спальный корпус для боевого отдела Белого Совета, где я был уверен, что найду угрюмые, подозрительные лица. Так же было очень возможно, что Анастасия Люччио, капитан Стражей, была там. Кафетерий и административный корпус находились поблизости, так что это были наиболее оживленные части цитадели.

Корпус Стражей и кафетерий были пусты, хотя колода карт лежала разложенная на одном из столов в гостиной.

– Фантастика, - пробормотал я. – Все контрольные точки кипучей жизни, или то, что я считал таковым, были неверны.

Молли нахмурилась.

– Может быть, кто-то залез в головы часовым.

– Нет. Они, конечно, придурки, но весьма компетентные придурки. Никто не собирается здесь отказываться от психической содомии какое-то время.

– Содомии? – спросила Молли.

– Ну, мы же в Объединенном Королевстве. Почти что Рим.

Мы пересекли зал администрации и, наконец-то, нашли хоть кого-то: изнуренно выглядевшую женщину, которая сидела за старым коммутатором – штуковиной с почти миллионом дыр и штекеров, которые должны быть вручную вставлены и удалены для обеспечения связи. На ней была одета пара древне выглядевших наушников, и она говорила в старый радио-микрофон.

– Нет. Нет, нам пока ничего не известно. Когда мы что-то узнаем, вам сообщат.

Она выдернула провод, вставила его в другое отверстие, возле которого мигала лампочка, и повторила фразу сначала. Я наблюдал это дюжину раз, пока в прямом смысле не помахал рукой перед её лицом, чтобы она заметила нас.

Она остановилась и удивленно глянула на меня. Это была почтенно выглядевшая женщина, частая сеточка седины ровно легла на её каштановые волосы, что означало, ей может быть сколько угодно лет - от сорока пяти до двух сотен. Её глаза стрельнули в меня, потом уперлись в Молли, и я заметил, как напряглось её тело. Она откатила свой стул-вертушку на несколько дюймов от нас - как и большинство чародеев из старой шайки, она, вероятно, расценивала меня как социопата, ищущего высокую колокольню. Лампочки на коммутаторе постоянно мигали туда - сюда. Они были такие старые, что издавали еле слышные щелчки, когда загорались.

- Ах, - сказала она. - Чародей Дрезден. Я весьма занята.

- Оно так и выглядит, - я слегка кивнул. - Чародей МакФи, не так ли? Где все?

Она удивленно посмотрела на меня, как будто я сказал это на эвоки.

- Они в зале Совета Старейшин. Это единственное место, достаточно большое, чтобы вместить всех желающих стать очевидцами.

Я радостно кивнул и постарался остаться спокойным.

- Очевидцами чего?

- Посол, - сказала МакФи, нетерпение переполняло её голос. Она показала на коммутатор. - Вы не слышали?

- Мы были немного заняты сегодня, - заявил я. - Слышали что?

- Да Красная Коллегия, конечно. Они прислали полномочного посла, - Она улыбнулась. - Они хотят поменять временное перемирие на постоянный мир. Поэтому прислали не кого-нибудь, а Герцогиню Арианну Ортега для обсуждения условий.

Глава 7

Я почувствовал дрожь в желудке. Герцогиня играла грязно. Как у представителя Красной Коллегии, у неё, конечно, были знания насчет намерений её людей. Скорее ад бы замерз, чем случилось такое совпадение. Это было бы слишком прекрасно.

Если Красная Коллегия предложит вернуться к статус-кво (а старейшие чародеи любят статус-кво, должен я вам сказать) и добавит что-нибудь сладенькое в придачу... Старейшины Совета никогда не разрешат действие, которое подвергнет опасности такой мир. Не для какой маленькой девочки - и уж тем более не для отпрыска самого скандального, психически неуравновешенного члена Белого Совета Гарри Дрездена и террористки полувампира.

Достаточно много людей в Совете думали, что я должен был быть казнен, когда мне было шестнадцать. Это объясняет, почему молодые чародеи считали меня крутым и опасным, чем, наверное, объяснялась моя популярность среди них. Но, тем не менее, именно старейшие члены Совета имели львиную долю влияния и власти. Эта команда была счастлива найти любой разумный предлог, чтобы оставить меня в неведении о происходящем, и Герцогиня Арианна четко спланировала, какие предлоги им предоставить.

Она меня исключала.

Только сейчас я заметил, что пока мой мозг спокойно плыл по реке логики, неистовый котел в моей груди переполнился. Я шел скользящим, стремительным шагом по коридору с посохом в левой руке и жезлом в правой. Руны, вырезанные на них, пылали пунцовым светом.

Это было весьма тревожно.

Кто-то тряс меня за руку и, глянув вниз, я увидел Молли, вцепившуюся в мое левое предплечье обеими руками. Я волочил её по каменному полу холла, хотя она явно пыталась остановить меня.

- Гарри! - воскликнула она отчаянно. - Гарри! Ты не можешь!

Я отвернулся от неё и продолжил путь.

- Гарри, пожалуйста! - она практически кричала. - Этим не поможешь Мэгги!

У меня ушло несколько секунд, чтобы сообразить, как остановиться. Я сделал это и медленно вздохнул.

Молли тяжело дыша, прижалась лбом к моему плечу, её голос дрожал. Она по-прежнему крепко держалась за меня.

– Пожалуйста. Ты не можешь. Ты не можешь идти туда в таком состоянии. Они убьют тебя. – Я слышал, как она судорожно сглотнула. – Если мы должны так сделать... хотя бы дай мне набросить на тебя завесу.

Я закрыл глаза и сконцентрировался на более глубоком медленном дыхании, пытаюсь загнать клокочущую ярость обратно. Это ощущалось, как глоток кислоты. Но когда я открыл глаза, руны на посохе и жезле уже погасли.

Я глянул на Молли. Она смотрела на меня покрасневшими и испуганными глазами.

- Я в порядке, - сказал я ей.

Она чуть прикусила губу и кивнула.

– Хорошо.

Я наклонился и нежно поцеловал её в макушку.

– Спасибо тебе, Молли.

Она нерешительно мне улыбнулась и снова кивнула.

Я постоял там пару секунд, прежде чем мягко сказал:

- Ты уже можешь отпустить мою руку.

- Да, конечно, - сказала она, освобождая меня. – Извини.

Я пошел дальше по коридору, пытаюсь упорядочить мысли.

– Хорошо, - бормотал я. – Хорошо.

- Гарри? – спросила Молли.

- Это не время и не место для боя, - кивнул я.

- Гм, - сказала Молли, - Да. Я имею в виду, конечно.

- Не начинай, - сказал я ей. – Хорошо. Так герцогиня здесь, чтобы поиграть в игры... - Я сжал челюсти. – Отлично. Игра началась.

И я пошел вперед более решительным шагом, Молли пришлось поспешить, чтобы не отставать.

* * *

Мы направлялись в Показушнитарий Белого Совета.

Я знаю. Таких слов нет. Но должны быть. Если бы вы видели помещение Совета Старейшин, вы бы меня поддержали.

Я прошел через зал и кивнул группе из двенадцати Стражей, охранявших снаружи помещение Совета Старейшин. Они все были из младшего поколения – очевидно, по ту сторону больших двойных дверей происходили взрослые вещи, которые могли смутить детей.

На этот раз маразматизм Совета сработал в мою пользу. Если бы они оставили здесь одного из стражей старой закалки, он бы попытался остановить меня от вторжения на общих основаниях. Когда же я подошел, несколько привратников кивнули мне и негромко поприветствовали.

Я оживленно кивнул им.

– Нет времени, ребята. Мне нужно попасть внутрь.

Они поспешно открыли двери, и я, не замедляя движения, прошел сквозь них и попал в помещение Совета Старейшин.

Как всегда я был впечатлен. Это место было огромным. Вы могли бы поместить сюда поле малой бейсбольной Лиги, и еще осталось бы место для баскетбольной площадки. Центральный прямоугольный зал простирался передо мной, его пол был выложен белым мрамором с бегущими по нему золотыми прожилками. Мраморные ступени в дальнем конце вели на балкон, который окружал весь зал, и который поддерживался коринфскими колоннами из мрамора в тон полу. В дальнем конце зала струился тихий водопад, сбегаящий в небольшое озеро, окруженное садом из живых деревьев и кустарников, наполненных чириканьем редких птиц.

Основная платформа находилась на возвышении в центре зала, полностью залитая светом от ярко сияющих кристаллов. На ней возвышалась еще одна деревянная трибуна, которая, как я понимаю,

усиливала любой звук, произнесенный рядом с ней. Это место было битком забито чародеями, стоящими на полу, как миниатюрное людское море. Еще больше чародеев находилось на балконах наверху, придавая залу вид переполненности. В конце концов, Показушнитарий был так преувеличен, что ты не можешь не быть впечатлен, и хотя мой мозг знал, что это место находилось глубоко под землей, мои глаза настойчиво утверждали, что все вокруг было залито настоящим солнечным светом.

Хотя это было не так. На трибуне, возле нового члена Совета Старейшин чародея Кристоса, стояла вампиресса. Чародей, стоя на подиуме, улыбаясь, обращался к собранию. Остальной Совет Старейшин, блиставший в черных парадных балахонах и пурпурных накидках, смотрел на них из-под поднятых капюшонов.

-... другим примером того, как мы должны встретить будущее, с широко раскрытыми глазами и умами, открыть способность к переменам... - говорил Кристос. У него был великолепный, звучный голос - сильный, ровный баритон, который легко плыл через весь зал. Он говорил на латыни, официальном языке Совета – что само по себе должно сказать вам кое-что об их складе ума. –... Человечество уже начало двигаться прочь от легкомысленного насилия и войн. Научилось сосуществовать с соседями в мире, работать вместе, чтобы находить пути решения обоюдных проблем, не давая им перерастать в бездумное кровопролитие.

Он доброжелательно улыбнулся - высокий, стройный мужчина с гривой седых волос, темной бородой, и пронзительными темными глазами. Его парадный балахон был распахнут, чтобы лучше демонстрировать модный деловой костюм под ним.

- По этим причинам я обратился с просьбой о телефонных переговорах к Красному Королю, - продолжил он. Он использовал английское слово «телефонных», потому как в латинском не было для этого подходящего перевода. Это вызвало реакцию собрания Совета, наблюдавшего за происходящим, как недопустимое и неприличное. – И поговорив с ним какое-то время, я заручился его поддержкой для заключения четко обговоренного, объединяющего и обоюдно удовлетворяющего мира. Заключение мира наиболее соответствует всеобщим интересам, и по этим причинам, я с удовольствием представляю вам, чародеям Белого Совета, Герцогиню Арианну Ортегу из Красной Коллегии.

Несколько чародеев в толпе недалеко от Кристоса начали с энтузиазмом аплодировать, и это нехотя распространилось по всему залу, постепенно переходя в вежливые аплодисменты.

Арианна, улыбаясь, поднялась на подиум.

Она была великолепна. Я не подразумеваю эффектность «самой симпатичной девушки в клубе». Я подразумеваю, что она выглядела буквально как богиня. Детали почти не имели значения. Высокая. Темные волосы. Кожа, как молоко, как полированная слоновая кость. Глаза столь же синие, как небо сумерек. Она была одета в платье из красного шелка, с глубоким вырезом. Драгоценности украшали её шею и уши. Её волосы были уложены в сложную прическу, и случайные пряди кольцами выпадали из неё. Её красота была такой чистой, что это было болезненным – Афина, спустившаяся с Олимпа ночью в пятницу.

Мне пришлось потратить целых пять или шесть секунд, чтобы начать понимать, что есть что-то под этой красотой, что мне совсем не нравится. Её очарование, как я понял, само по себе было оружием – такие создания, как она, буквально сводили людей с ума, превращаясь для них в одержимость и манию. Более того, я знал, что её красота была только поверхностна. Я видел, что скрывается под ней.

- Спасибо вам, Чародей Кристос, - сказала герцогиня грудным голосом. – Это большая честь для меня, присутствовать здесь сегодня, на заключении мира между нашими нациями, и таким образом поставить финальную точку в ужасном кровопролитии между нашими народами.

Команда поддержки начала овации снова, как только Арианна сделала паузу. На этот раз их подхватили гораздо охотнее. Однако, со стороны чародеев, которые стояли на полу, ниже трибуны, аплодисменты были по-прежнему чисто формальные и вполсилы.

Я подождал, пока они затихли, прежде чем отпустил двери. Они закрылись с тихим хлопком, точно в момент наступления тишины между окончанием аплодисментов и следующей фразой герцогини.

Примерно тысяча лиц повернулась в мою сторону.

Наступила полная тишина. Я мог слышать тихий шелест водопада и редкий щебет птиц.

Я с яростью посмотрел на Арианну и сказал четким голосом:

- Я хочу девочку, вампир.

Она с вежливой безмятежностью на секунду встретила мой взгляд. Потом намек на улыбку коснулся её лица, принес с собой тень насмешки. Это заставило мою кровь закипеть, и я услышал, как щелкнули суставы пальцев, когда я с силой сжал посох.

- Чародей Дрезден! – с острым упреком в голосе сказал Крестос. – Это неподходящее место и не подходящее время для вашего милитаристского идиотизма.

Я был так впечатлен его властью, что повысил голос и сказал громче:

- Верни обратно девочку, которую ты забрала от её семьи, Арианна Ортега, похитительница и воровка, или встретись со мной по правилам Дуэльного Кодекса.

Шепот пронёсся через толпу как раскат грома.

- Чародей Дрезден, - завопил ошеломленный Крестос. – Это посол одной из подписавших Соглашение сторон! Мы выступаем гарантами безопасности, пока она тут с миссией мира. Это недопустимо! – он оглянулся и показал пальцем на несколько одетых в серые плащи стражей, стоявших не так далеко от меня. – Стражи! Выпроводите этого человека из зала.

Я окинул их взглядом. Они все были из старой гвардии, все опасные, все жесткие, и я им действительно не нравился. Шесть пар глаз с милосердием и жалостью пистолетных стволов уперлись в меня.

Я услышал, как Молли нервно сглотнула.

Я оглянулся на них и сказал на английском:

- Вы уверены, что действительно этого хотите, ребята?

Это должно быть прозвучало более угрожающе, чем я думал, потому что полдюжины крутых ребят Белого Совета замерли. Они обменялись друг с другом взглядами.

Я отвернулся от них и снова посмотрел на трибуну:

– Итак, похитительница?

Арианна повернулась к Крестосу и улыбнулась ему немного грустно и спокойно.

– Я сожалею насчет этого происшествия, Чародей Крестос. Я не совсем понимаю, с чем это связано, но абсолютно четко видно, что Чародей Дрезден чувствует себя обиженным моими людьми. Примите во внимание, что именно его справедливое, а возможно и нет, чувство обиды привело к началу этой войны.

- Прошу прощения за его возмутительное поведение, - слегка поклонился Крестос.

- Пожалуйста, не стоит, - заверила его Арианна. – Я тоже лишилась близких мне людей в этом конфликте. Эмоции, возникающие при подобных ситуациях всегда сложно контролировать, особенно столь юным. Это - только одна из проблем, которые мы должны преодолеть, если мы сломаем круг насилия между нашими народами. На ветеранах войн остаются ужасные духовные и эмоциональные шрамы, как на вампирах, так и чародеях. Я не обижаюсь на слова и действия Чародея Дрездена, и не буду настаивать, чтобы он ответил за них, – она повернулась ко мне и сказала, голосом полным сочувствия. - Я могу абсолютно искренне сказать, что точно понимаю, насколько больно вам сейчас, Чародей Дрезден.

Мне пришлось приложить огромное усилие, чтобы не поднять жезл и не сжечь это фальшивое сострадание с лица герцогини. Я изо всех сил двумя руками вцепился в свои вещи, чтобы быть уверенным, что они не попытаются чего-нибудь сделать, не посоветовавшись со мной.

- Мы никогда не вернем любимых, которых забрала у нас эта война, - продолжила Арианна. – Все, что мы можем сделать, это положить конец войне – прежде чем еще больше дорогих нам людей пострадает. Я здесь, для того чтобы предотвратить ненужные смерти, Дрезден. Уверена, вы можете в точности понять, почему я это делаю.

Меня сделали, как мальчика. Для неё было недостаточно просто убить меня. Она хотела чистую победу - разделать меня и съесть пирог. Если она положит конец войне таким способом, она приобретет большое уважение среди сверхъестественного сообщества, а если она сделает это, одновременно расправившись со мной, это будет еще более элегантная победа.

Она снова мне улыбнулась, с тем же призрачным намеком на насмешку, таким слабым, что если не присматриваться, то ни за что и не увидишь. Ей было достаточно удостовериться, что я это заметил,

чтобы быть уверенным, что она усмехается мне в лицо перед всем Белым Советом. Она, наверное, тренировалась перед зеркалом.

- Я даю тебе этот шанс, - сказал я резким голосом. – Верни ребенка, и покончим с этим. Мы - квиты. Заставь меня забрать её у тебя силой, и я буду играть жестко.

Она прижала длинные, изящные пальцы к груди, как будто в растерянности.

– Я не знаю, почему вы так уверены, что я имею отношение к этому ребенку, сэр - сказала Арианна. – Но я понимаю ваш гнев. И мне жаль, что я не могу помочь вам.

Кто-то сбоку подошел ко мне. Это была молодая девушка, не очень высокая, с вьющимися каштановыми волосами, обрамляющими сердцевидное привлекательное, если не сказать красивое, лицо. В ее глазах читалась непоколебимая твердость.

- Гарри, - сказала Анастасия Люччио, капитан Стражей, - не делай этого. Пожалуйста.

Я сжал челюсти и разгневанно прошептал:

– Ана, если бы ты только знала, что она сделала.

- Ты не собираешься снова начать войну и бросить тень, на Белый Совет, нападая на посла которому была гарантирована неприкосновенность, - сказала она спокойно. – Ты сильный, Дрезден. Но не настолько. Если ты попробуешь сделать это, тут по крайней мере тридцать чародеев, которые могут справиться с тобой в одиночку. Объединившись, они даже не ударят тебя. Они прихлопнут тебя, как муху – и затем тебя посадят в камеру, пока не решат, что делать с тобой... месяца через три, четыре.

Мой живот и грудь горели, словно охваченные огнем. Я смотрел мимо Анастасии на Герцогиню Арианну.

Она наблюдала за мной - черт, вероятно, даже слушала нас, вампирский слух позволяет делать это. Её улыбка скальпелем медленно резала мою кожу.

Анастасия, без нажима, очень мягко положила ладонь на мою руку. Она снова попросила:

– Гарри, пожалуйста.

За моей спиной ей вторила Молли:

- Это не поможет Мэгги, босс.

Я хотел кричать. Я хотел драться.

На возвышении одна из фигур Старейшин подняла вверх руки и сняла капюшон. Мой старый наставник, Эбинизер МакКой - невысокий, коренастый мужчина с сильными руками и покрытыми шрамами пальцами. Он был практически лыс за исключением слабой бахромы седых волос. Его грубоватые, сильные черты лица были невозмутимы и непроницаемы, но он встретил мой взгляд и едва-едва заметно мне кивнул. Это послание было кристально ясным. Я практически услышал старческий голос, шепчущий мне: «Доверься мне, Хосс. Иди с ней».

Я почувствовал, как уголки моих губ приподнялись в безмолвном рыке.

Затем я повернулся и широко шагая, вышел из зала, тяжело впечатывая ботинки в пол и крепко сжимая посох в руке. Анастасия вышла со мной, её ладонь по-прежнему лежала на моей руке, давая четко понять, что я был выпровожен из Показушнитария, даже если она использовала мягкое убеждение, а не то, что предпочел бы Кростос.

Стражи с тихим, но четко слышимым хлопком закрыли дверь за моей спиной, отрезая меня от собрания, проводимого Белым Советом.

Глава 8

- Эй, - сказал один из молодых Стражей, дежуривших снаружи Хвастотория. – Эй, Гарри. Что стряслось, дружище?

Я был должен Карлосу Рамиресу больше, чем простой кивок головы, но я не смог этого сделать. Я не хотел ни с кем разговаривать, потому что вовсе не был уверен, что смогу удержаться и не сорваться на разъяренные крики. Я услышал, как Молли торопливо повернулась к нему и сказала:

- Не сейчас. Возникла проблема, мы работаем над ней, и я обещаю позвонить тебе, если ты сможешь чем-то нам помочь.

- Но... - начал он, делая несколько шагов нам вслед.

- Страж, - решительно сказала Люччио. – Возвращайтесь на свой пост.

Он должно быть повиновался. Мы продолжили путь уже без него.

Люччио провела нас через туннель, который я прежде никогда не видел. Пройдя несколько поворотов, мы вышли в темный коридор, подсвеченный только созданным ею шариком света, который парил в воздухе рядом с нами, а затем вошли в теплую, освещенную светом огня комнату. Это было похоже на логово. Большой потрескивающий камин, несколько зажженных свечей и множество удобной мебели, рассеянной вокруг в уединенных укромных уголках и в группах, так что тут по желанию мог посидеть и один человек и маленькая оживленная компания. Тут же был бар. Очень большой, очень хорошо заполненный бар.

- Ух-ты, - сказала Молли, войдя в помещение следом за мною. – Уютно.

Анастасия отпустила мою руку и целенаправленно пошла к бару. Она достала оттуда бутылку из черного стекла и налила янтарную жидкость в три стопки. Затем поставила их на ближайший стол, жестом приглашая нас садиться, и передвинула все три стопки в центр стола, предоставляя нам право самостоятельного выбора, – за два столетия службы стражем паранойя буквально въедается вам в кости.

Я сел за стол, взял стакан и залпом опустошил его. Напиток очистительным жаром прошелся по моей груди, как я и хотел.

Анастасия, не моргнув глазом, молча выпила жидкость одним длинным глотком. Молли подержала свою стопку, сделала маленький вежливый глоточек и, увидев брошенный мельком внимательный взгляд Люччио, пояснила:

- Кто-то должен быть назначен... если не шофером, то трезвым человеком.

- Гарри, - повернувшись ко мне, произнесла Анастасия. – То, что ты сделал сегодня... было опасным.

- Я мог достать эту сучку, - прорычал я.

- У нас нет возможности узнать, насколько стара Арианна, - возразила она, - потому что люди тогда еще не изобрели письменность, чтобы записать это. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Я оттолкнул пустой стакан легким щелчком пальцев и повторил:

- Я мог достать доисторическую сучку, – я осмотрелся. - Что это за место?

Анастасия откинулась назад в кресле и взмахнула руками, ладонями вверх.

– Добро пожаловать в Тревожную комнату.

- Тревожную комнату, неужели?

Она приподняла бровь.

– Ты не видел бар?

Молли хихикнула, с трудом сдерживая смех.

– Извините.

Голос Анастасии наполнился едва заменой иронией.

– Это место, куда мы, твердые старые Стражи, можем прийти, когда нас тошнит от мягкосердечных чародеев, которые так малодушны, что добиваются разрешения оставлять в живых капризных детей, достаточно одаренных, чтобы стать чернокнижниками, вместо того, чтобы их казнить. Например, как твою ученицу. Я гарантирую тебе, что напитки в этой комнате лились рекой и произносились резкие слова о том, как мы все еще пожалеем об этом после её испытания.

Я фыркнул.

– Так вы наливаете, выпиваете, или болтаете?

Она пожала плечами.

– Если не из-за неё, то из-за множества других. Я была здесь, когда Морган напился в хлам после твоего испытания, Гарри.

- Не удивительно тогда, что тут так уютно.

Она сухо улыбнулась.

– Это вероятно наиболее приватная и защищенная комната в комплексе.

- Паранойя-Центр, свободный от шпионов. Твои ребята становятся сентиментальными.

- Проклятье, Гарри, – Люччио покачала головой. – Ты выполняешь работу стража уже длительное время. Или большую его часть. Ты по-прежнему думаешь, что у Стражей никогда нет причин для действий... таких решительных, как они иногда действуют?

Я вздохнул. Жизнь не бывает простой. Я годами обвинял Стражей в убийствах детей- молодых парней и девушек, которые стали чернокнижниками, потеряли контроль над своими умами и магическими талантами, балуясь черной магией. Затем я увидел результаты веселья нескольких чернокнижников. Они уродливы. Уродливы, уродливы, уродливы.

– У вас есть для этого основания. Что не означает, что мне нравится это. Не означает, что делает это правильным.

– Не каждый, оступившийся однажды, не может вернуться обратно, – добавила Молли тихо. – Иногда люди просто... просто теряются. Им просто нужен кто-то, кто показал бы, как вернуться назад.

– Да, и за то время, которое потребуется, чтобы различить их, умрет множество невинных людей, мисс Карпентер, – сказала Анастасия искренним и спокойным голосом. – За последние два столетия народонаселение выросло с невиданной скоростью. Все больше рождается одаренных чародейским даром. Каждый раз, когда один из них становится чернокнижником, у нас все меньше и меньше времени, чтобы противостоять этой проблеме, и неоткуда ждать никакой помощи.

– Предотвращение, – сказал я. – Найти их раньше, и они не станут чернокнижниками.

– Ресурсы, – она вздохнула. Мы уже говорили об этом раньше. – Даже если целый Совет будет выполнять работу стражи полный рабочий день, этого по-прежнему будет недостаточно.

– Образование, – сказал я. – Используйте Паранет. Пускай меньшие таланты помогают выявлять одаренных.

Она улыбнулась мне.

– Я все еще пробиваю поддержку этого. Это хорошая идея, Гарри. Это может даже сработать. Проблема в том, чтобы заставить кое-кого из остальных в Совете понять это. Они видят в этом только риск для безопасности, особенно после Пибоди. Но это хорошая идея. Её время придет – непременно.

Я фыркнул, помолчал какое-то время и затем раздраженно произнес:

– Проверенный способ, так ведь? Нагрузить меня текучкой. Успокоить меня. Не так ли?

– Тревога, гнев и волнение застилают разум. Вот почему здесь Тревожная комната, – она слабо улыбнулась. – Я хорошо знаю, как это выглядит, когда чародея надо подтолкнуть к выпивке, – она налила нам еще и продолжила. – Так почему ты не скажешь мне, чем эта доисторическая сучка так вывела тебя?

Я взял стакан в руку.

– Она забрала маленькую девочку.

– Вампиры забирают множество детей, – внимательно глядя на меня, сказала Анастасия. – Что делает этого одного таким особенным?

Я ничего не сказал. Воцарилась тишина. Я поднял взгляд и посмотрел ей в глаза.

Анастасия и я встречались какое-то время. Она знала меня лучше, чем большинство людей. Она, наверное, с полсекунды изучала мое лицо и затем глубоко вздохнула.

– Гарри, – тихо сказала она, – не говори об этом НИКОМУ, кроме тех, кому ты доверишь свою жизнь.

Я коротко, горько ей улыбнулся и кивнул. Знание это сила. Любой, кто узнает, что Мэгги моя дочь, может использовать её, как рычаг влияния на меня. Анастасия так не сделает, ни по каким причинам, но остальные в Белом Совете могут. О, они, наверное, используют более мягкие методы, чем Арианна. Я мог навскидку предположить несколько вариантов. Например, деньги для поддержки Мэгги, чтобы предоставить ей доступ в лучшую школу, к привилегированному воспитанию, все, что отец может хотеть для своего ребенка – и все предложенное может быть отобрано, если я не буду играть по их правилам. В конце концов, они были хорошими парнями.

Но могло быть еще хуже. Я буквально содрогнулся от мысли, что Никодимус может сделать с этим знанием – или, радостная мысль, Мэб. (Да, та самая Мэб. Поверьте мне, история не воздаст ей должное). Я встречал несколько действительно выдающихся существ и ни у кого из них не было причин любить меня. С другой стороны, подумал я с дрожью, Арианна была дьяволом, которого я не знал.

Как бы то ни было, это только навредит, если знание про Мэгги будет общеизвестным. Я никогда не планировал раскрывать нашу кровную связь перед Советом. Это не вызовет сочувствия – только

интерес. Чем меньше людей будет знать, что я был отцом Мэгги, тем в большей безопасности она будет. И да. Я осознаю эту иронию.

Я продолжал смотреть на Анастасию.

- Могу я рассчитывать на тебя?

Она положила руки на стол и смотрела на них пять долгих секунд, обдумывая свои слова, прежде чем их озвучить.

- Я уже не так хороша в бою, как раньше, Гарри.

Я оскалился.

- Таким образом, ты будешь сидеть здесь, в безопасности.

Впервые с тех пор, как я прибыл в Эдинбург, темные глаза Анастасии Люччио вспыхнули настоящим гневом, и я внезапно вспомнил, что эта женщина была Капитаном Стражей в течение десятилетий. Воздух между нами буквально физически накалился.

– Хорошенько подумай, - сказала она очень тихим голосом, - прежде чем называть меня трусом.

С тех пор как суровый, седовласый капитан была перенесена в тело недавней выпускницы колледжа, её силы значительно уменьшились – но её сообразительность и опыт никуда не делись. Я бы не хотел драться с Люччио, невзирая на индекс относительной силы. И, черт, это даже если не принимать во внимание то, что я видел, какова она бывает в реальных боях.

Гнев во мне хотел выплеснуться на неё. Но она заслужила лучшего отношения с моей стороны. Я поставил стакан на стол и поднял ладонь правой руки в жесте молчаливого извинения. Об Анастасии Люччио можно было сказать очень многое, но она никогда не была трусом, и она родилась и выросла в эпоху, когда опровержение подобного обвинения могло в прямом смысле потребовать дуэли.

Нет, спасибо.

Она, успокоившись, кивнула, и часть напряжения ушло из неё.

– Я собиралась сказать, что здесь я была бы более полезна для тебя. Я могу собирать информацию, задавать вопросы и накапливать ресурсы, которые ты мог бы использовать. Конечно ты должен бороться, но ты не можешь сделать этого до тех пор, пока не найдешь девочку, а некоторые из наших людей будут заинтересованы, чтобы ты не сорвал мирный процесс. Если я буду работать отсюда, то смогу отвлечь их.

Я смотрел вниз, на свои руки, внезапно смущенный. Она думала более здраво, чем я.

– Я даже не подумал.... Да. Я извиняюсь, Ана.

Она наклонила голову.

– Пустое.

- Это было лишним, – я почесал голову. – Ты думаешь, сможешь навешать лапши на уши Мерлину?

Она приподняла обе брови.

- Адские колокола, я изумлен, что он не скинул свой капюшон и не начал орать на меня. Может быть, бросить мне вызов, тут же. Он бы ни за что не усидел на месте, если бы мог вонзить что-нибудь поострее мне в за...

Я запнулся, заметив, как расширяются глаза сидящей напротив меня Молли, и оглянулся назад.

Рисунок на стене только закончил сдвигаться в сторону, открывая дверной проем, спрятанный за ним. Дверь бесшумно распахнулась, и в Тревожную комнату вошел чародей, который олицетворял собою реальность киношной версии великого Мерлина.

Артур Лэнгтри был одним из Старейшин и самым могущественным чародеем в Белом Совете. Его снежно-белые, с прожилками серебра волосы и борода были идеально ухожены. На слегка вытянутом торжественном и благородном лице светилась голубизна глаз, цвета зимнего неба.

Мерлин Белого Совета был одет в простую белую мантию. Я сразу обратил внимание на стрелковый пояс из белой кожи, висевший на его бедрах. Он выглядела так, как будто был разработана для спецназа, но после внезапной вспышки озарения я понял, что это вероятнее всего было правдой. Многочисленные пузырьки, наверное, зелья, располагались в индивидуальных кожаных ячейках. Покрытая кожей рукоять тонкого жезла или толстой короткой палочки, торчала из кобуры. Несколько мешочков были плотно закрыты, и выглядели так, как будто могли содержать мелочи и прочий стандартный чародейский набор, который я обычно беру с собой, когда работаю. Он так же нес длинный, белый посох - простую деревянную палку, сделанную из неизвестного мне дерева.

Я мгновение смотрел на него.

- Мирные переговоры окончены?

- Конечно, нет, - резко сказал Мерлин. – Боже мой, Дрезден. Мы не собираемся позволять всему Совету Старейшин стоять на помосте, в пределах досягаемости вампирских клыков. Ты совсем спятил?

Я смог только удивленно моргнуть.

- Чародей МакКой единственный настоящий член Совета Старейшин на помосте, - сказал он, и затем поморщился. – Кроме Кристоса, разумеется, который не осведомлен о мерах безопасности. Посланник запросто может оказаться убийцей.

Я несколько раз задумчиво пошевелил нижней челюстью.

- Так. Вы позволили ему подняться туда и быть самим собой, пока вы тут играете в безопасность. Мерлин пожал плечами.

– Один из нас должен быть там и держать руку на пульсе. Это была идея МакКоя, Дрезден. Он раздражительный, заносчивый, высокомерный и очень опасный человек.

Я нахмурился и мысленно отхлестал свой мозг за слабость, не позволяющую ему заметить очевидное.

– Вы не доверяете вампирам, - произнес я медленно. Вы не пили «Кулэйд» на этой мирной конференции.

Лэнгтри вопросительно глянул на меня. Потом перевел взгляд на Люччио.

- Джонстаун *, - пояснила она. – Самое массовое самоубийство последнего века.

Он нахмурился, обдумывая это, и затем кивнул.

– Ага, я понял метафору. Нет, Дрезден, мы не собираемся просто так поверить им на слово, но очень много людей в Белом Совете не в курсе этого. Кристос собрал большое количество сторонников, которые с удовольствием согласятся на стандартные условия мира.

- Если вы не хотите положить конец войне, - возмутился я, - тогда какого черта вы остановили меня, Капитан Люччио? Я бы исправил это для вас прямо там.

- Ты бы не смог, - невозмутимо сказал Мерлин. – В тебе играли чувства, и ты попал бы в переплет, – слабая улыбка пробежала по его губам, когда он говорил это. – Согласен, приятное зрелище, но не практичное.

Рядом со мною Молли поставила локти на стол и положила подбородок на ладони, внимательно глядя на Мерлина.

Мой мозг продолжал пыхтеть и работать. Я думаю, что я могу... я думаю... Когда он добрался до вершины холма, мои глаза расширились.

– Вы не планируете курить трубку мира. Вы ожидаете атаку.

Он равнодушно посмотрел на меня, и словно невзначай положил руку на рукоять боевой палочки.

– Ей-богу! И что выдало этот секрет, Дрезден?

Я начал говорить что-то резкое в ответ, плевать Мерлин он там или нет, но Анастасия мягко положила руку на моё запястье.

- Наши источники, - с нажимом сказала она, прерывая поток оскорблений готовых сорваться с моих губ, - сообщают о большой активности в лагере Красной Коллегии. Они проводят мобилизацию.

Я перевел взгляд с одного на другого.

– Вы подозреваете, они попробуют протянуть Троянского коня?

- Или что-то подобное, - ответил Лэнгтри.

- Так что мы подготовились к этому, - продолжила Анастасия. – И подготовили наисильнейшую контратаку.

- Гм, - сказала Молли, - что если они серьезно хотят заключить мир?

Мы все посмотрели на неё, и моя ученица визуально уменьшилась под взглядом Мерлина.

- Такое может случиться, - добавила она немного тише.

Артур Лэнгтри чуть улыбнулся.

– Леопард не может изменить свои пятна, мисс Карпентер. Плохо овцам, где волк в пастухах. Красная Коллегия это сплошная дикость и крокодилы слезы. Если они хотят мира, то только для того, чтобы восстановить ресурсы и начать войну.

- Дьявол с хорошими манерами все равно поведет тебя в ад, - подтвердил я Молли, кивком включая в разговор и Мерлина. – Всегда надейся на лучшее и готовься к худшему.

Молли прикусила губы и глубокомысленно кивнула.

Лэнгтри пристально посмотрел на меня и произнес:

- Нужно говорить, почему мне пришлось это объяснять, Дрезден?

- Вы могли бы сделать это более красочно, - сказал я. – Например, вы не использовали иллюстрации и тому подобное, Профессор.

Лэнгтри вздохнул, на пару секунд, закрыл глаза и затем отвел от меня взгляд.

- Хм? - спросила Молли, недоуменно нахмурившись.

- Мы хотим, чтобы Красная Коллегия атаковала, если это является их целью, - пояснил я ей. – Мы хотим, чтобы Красная Коллегия думала, что их трюк сработал. Мы хотим, чтобы они были самонадеянны. Затем, когда они ударят нас, мы ударим их в ответ так сильно и так быстро, что они не будут знать, что происходит, до тех пор, пока не станет поздно.

- Нет, - сказал Лэнгтри. – Они никогда не узнают, что произошло. Конец. Мы не хотим больше вести войну, ни грязную, ни холодную, ни горячую, ни любую другую. Мы хотим уничтожить их, полностью, корни и побеги, – он чуть приподнял подбородок, а его голос стал обжигающе холодным. – Мы собираемся истребить их.

Упала тишина. Радостно потрескивал огонь в камине.

Я почувствовал, как мои ладони сжались в кулаки.

– Но вам надо дождаться, чтобы они первыми себя разоблачили. И вот, - прошептал я, - вы собираетесь попросить меня оставить в покое Герцогиню Арианну.

- Не будь смешным, - сказал Лэнгтри спокойным, тихим голосом. – Я не прошу. Я приказываю тебе воздержаться, Страж Дрезден.

- И оставить ребенка умирать, - сказал я.

- Наиболее вероятно, что ребенок уже мертв или обращен, - сказал Мерлин. – И даже если она еще жива, мы должны смотреть голой правде в лицо: Бесчисленные миллиарды сейчас живущих, как и те, кто еще только родится, будут спасены, если мы остановим питание Красной Коллегии на человечестве навсегда, – его голос стал еще холоднее. – Ни одна невинная жизнь, не стоит больше, чем это.

Я ничего не говорил на протяжении нескольких долгих, тихих секунд.

Затем я поднялся и на мгновение встретился взглядом с Мерлином. Я мог чувствовать жесткую, стальную волю, которая вела этого мужчину и сделала его волшебство самым большим источником смертной силы на лице земли.

- Есть и другая сторона медали, вы это знаете, - сказал я ему тихо. – Никакая жизнь не стоит больше чем это? Нет, Мерлин. Никакая жизнь не стоит меньше.

Выражение его лица не изменилось. Но его пальцы немного напряглись, сжимая посох. Холодные, голубые глаза мельком скользнули по Молли и затем снова посмотрели на меня.

Опасность буквально витала в воздухе.

Я чуть наклонился к уху Мерлина и прошептал:

- Действуйте, Артур. Попробуйте. – Затем я медленно выпрямился, избавляясь от каждой эмоции и каждой мысли, на лице. Напряжение в воздухе можно было буквально пощупать руками. Никто не шевелился. Я мог видеть, как Молли дрожит на месте, где она сидела.

Я медленно кивнул Мерлину.

Затем я сказал спокойным, чистым от эмоций голосом:

- Кузнечик.

Молли немедленно поднялась.

Я держался между девочкой и Лэнгтри, пока мы шли к двери. Он не принял вызов, но его глаза были абсолютно ледяные. Позади него Люччио, коротко и заговорщицки мне кивнула.

Адские колокола. Она знала, против кого будет работать все время.

Молли и я покинули Эдинбург и возвратились обратно домой в Чикаго.

Глава 9

Я ожидал проблем на протяжении всего пути обратно в Чикаго, но они так и не возникли.

Путешествие из Эдинбурга могло быть трудным, если пользоваться строго физическим транспортом. Чародей и реактивные самолеты чувствуют себя вместе как торнадо и трейлерные кемпинги, и с таким же разрушительным результатом. Корабли, пожалуй, самые верные средства современного транспорта, доступные для нас, но это - немного перебор для путешествия из Шотландии в Чикаго.

Так что мы сделали то, что делают все хорошие чародей, когда обстоятельства складываются против нас: Мы сжульничали.

Небывальщина - мир духов - существует рядом с нашим собственным, как один из видов альтернативной реальности, но она не имеет такую же форму, как смертный мир. Небывальщина соприкасается со смертным миром в тех местах, где у них есть что-то общее, резонанс энергий. Так, если пунктом «А» является темное и жуткое место в Небывальщине, то он соприкасается с таким же темным и жутким местом в реальном мире – скажем, книгохранилищем Чикагского Университета. Но место на расстоянии всего пяти футов от точки «А» в Небывальщине - пункт «В» будет только темным и грустным, не страшным на самом деле. Может быть пункт «В» соприкасается с кладбищем в Сиэтле.

Если ты - чародей, то можешь начать путешествие в книгохранилище Университета, открыть путь в Небывальщину, пройти пять футов, открыть другую дверь в реальный мир и выйти на кладбище в Сиэтле. Итак, общее пройденное расстояние это пять или шесть футов. Общая дистанция путешествия больше, чем семнадцать сотен миль.

Круто, правда?

Конечно, почти никогда это не занимает так мало, как пять футов, и эта прогулка может познакомить вас с таким огромным, отвратительным, всепроникающим ужасом, что он может свести с ума от одного взгляда на него. Небывальщина - пугающее место. Вам не захочется туда идти без предварительного планирования и хорошего прикрытия, но если вы знаете безопасные тропы – Пути – тогда вы можете длинное путешествие сделать коротким и быстрым и с минимальными шансами внезапно сойти с ума.

Было время, когда я отказался бы даже войти в Небывальщину, за исключением самых страшных из чрезвычайных ситуаций. Теперь же мысль пройти через страну духов не более необычна для меня, чем мысль проехать в автобусе. Времена меняются.

Мы вернулись в Чикаго перед ленчем, выйдя из Небывальщины в переулке позади большого старого здания, которое использовалось как скотобойня. Я припарковал Голубого Жучка, мой старый потрепанный «Фольксваген Жук», поблизости. Мы вернулись обратно в квартиру.

Судя по всему, Сьюзен и Мартин дожидались нас. Буквально через две минуты, после того как мы вошли, раздался стук в дверь и, открыв, я обнаружил обоих полувампиров, стоявших на моем пороге. Мартин нес кожаный чемоданчик, перекинутый на ремне через плечо.

- Кто эта девушка? - спросил Мартин, невозмутимо скользнув по мне взглядом и сфокусировав его на Молли.

- Я тоже рад тебя видеть, приятель, - сказал я. – И не заморачивайся насчет этого. Я постоянно спасаю человеческие жизни.

Сьюзен улыбнулась мне, осматривая Молли женским-оценивающим-взглядом; процесс, которым одна женщина создает доскональный портрет другой женщины, базирующийся на миллионе мелких деталях: телосложение, одежда, украшения, макияж, и затем решает, насколько опасной соперницей она может быть. Мужчины проделывают такой же процесс, но бинарный: У него есть пиво? Если есть, поделится ли он со мною?

- Гарри,- проворковала Сьюзен, целуя меня в щеку. Я почувствовал себя сосной в стране кугуаров. Я только надеялся, что территориальные царапины на моей коре не будут следующим шагом. – Кто это?

- Моя ученица, Молли Карпентер, - представил я. – Кузнечик, это Сьюзен Родригес. Это - Марвин Как-то-там.

- Мартин, - поправил он меня, невозмутимо, как будто фиксировал что-то. – Ей можно доверять?

- Настолько же, насколько ты доверяешь мне, - заявил я.

- Ну, - голос Мартина не мог быть еще более сухой, но он честно пытался. – Спасибо Господу и за это.

- Я знаю, кто они, Гарри, - сказала Молли спокойно. – Они из Братства Святого Жилия, правильно? Охотники на вампиров?

- Достаточно близко, - сказала Сьюзен, становясь, справа от меня, внутри моего личного пространства. Это была интимная дистанция. Не отрывая взгляда от Молли, она на секунду коснулась моей руки горячими пальцами. – Действительно? Ученица чародея? И каково это?

Молли, глядя настороженно, пожала плечами и немного нахмурилась.

– Много чтения, много скучной практики, с редкими вспышками чистого террора.

Сьюзен перевела взгляд с Молли на меня и, кажется, пришла к каким-то выводам. Она снова вышла из моего личного пространства.

– Ты поговорил с Советом?

- Немного, - нахмурился я. – Герцогиня была в штаб-квартире. Поговорил и с ней, за компанию.

Сьюзен резко вдохнула.

– Что? Она не покидала Мексику более чем сто восемьдесят лет.

- Звоните Гиннесу. Она установила новый рекорд.

- Милосердный Боже, - прошептала Сьюзен. – Что она делала там?

- Была исполнена сострадания и понимания и простила мне вызов на дуэль перед, примерно, тысячей смертных чародеев.

Мартин издал звук, словно ему не хватало воздуха. Глаза Сьюзен немного расшились.

- Я хотел разорвать её на куски прямо там, - прорычал я, - но она под защитой неприкосновенности посла во время мирных переговоров. Разведка Совета доложила, что зафиксировали признаки возросшей вампирской активности. Я постараюсь разведать больше, но это займет какое-то время.

- Мы уже знаем про мобилизацию, - произнесла Сьюзен. – Братство предупредило Совет три дня назад.

- Я предполагаю, очень мило со стороны Совета об этом проинформировать всех. Но я бы отдал всё что угодно за знания Совета в ближайшие несколько часов, - сказал я. – Вы, ребята, выяснили что-нибудь?

- Вроде этого, - сказала Сьюзен. – Присядем.

Мы расселись вокруг кофейного столика, и Мартин с тихим хлопком положил чемоданчик на его поверхность. Он достал оттуда желто-коричневую папку и протянул её мне.

- Из приблизительно петабайта информации... - начал он.

- Пета...чего? – переспросил я.

- Один квадрильон байта, - разъяснил он. Услужливо.

Сьюзен закатила глаза и добавила:

- Это сравнимо с несколькими библиотеками.

- Ох. Хорошо.

Мартин прокашлялся и продолжил, словно его не прерывали.

– Мы восстановили меньше чем три сотни файлов. Большинство из них были отчетами инвентаризации.

Я открыл папку и обнаружил несколько листов бумаги для принтера, покрытых списками, и чуть больше тех, которые содержали фотографии объектов сопровождаемых инвентаризационными номерами.

- Объекты в этом файле, - пояснила Сьюзен, - классифицированы, как метаконденсаторы.

Я хмыкнул, листая фото более медленно. Каменный нож. Древний зазубренный меч. Закопченный кирпич. Чаша, покрытая странным, смутно тревожащим абстрактным рисунком.

– Хм. Не могу быть уверен, не осмотрев вещи своими глазами, но они выглядят, как ритуальный набор.

Я нахмурился и начал сверять номера на списках.

– Согласно с этим, все они были изъяты из секретной камеры хранения в Неваде и в своём большинстве переправлены... - я глянул на Сьюзен. – Когда точно похитили Мэгги?

- Чуть меньше чем за сутки до того, как я тебе позвонила.

Я, нахмурившись, раздумывал над временем.

– Они переправили это в тот же день, когда похитили Мэгги.

- Да, - согласилась она. – Спустя три часа после похищения.

- Переправили куда?

- Вот это вопрос, - сказала она. – При условии, что это связано с Мэгги.

- Было бы странно, если это не так, - бесстрастно произнес Мартин.

- Твое время лучше использовалось бы, исключай ты другие возможности, из тех которые мы имеем, Марвин, – я сэкономил ему сердитый взгляд и вернулся к изучению листов. – Если я смогу узнать, для чего эти вещи могут быть использованы, может быть, я смогу что-то в связи с этим предпринять. Возможно, это предназначается только для вызова дождя, – я задумчиво положил листы себе на колени. – Я сделаю это сначала. Пока я буду заниматься этим, Молли, я хочу, чтобы ты сходила, поговорила с отцом Фортхиллом, лично. Мы должны предполагать, что телефоны могут прослушиваться. У Фортхилла есть кое-какие связи на юге. Скажи ему, я бы хотел знать, не замечал ли кто-то из них что-то необычное. Возьми с собой Мыша на всякий случай.

- Я могу сама позаботиться о себе, Гарри. И сейчас все залито солнечным светом.

- Твои оружия, Кузнечик, - сказал я голосом Йоды. – Тебе не будет нужды в них.

Она досадливо нахмурилась, глядя на меня, и проворчала:

- Ты знаешь, я полагаю, что можно, ссылаться на что-либо другое кроме Звездных Войн, босс.

Я прищурил глаза в Маппет-мудрости.

– Вот в чем твой недостаток.

- Это не делает даже....Гррр... Проще сделать так, как ты сказал, – она встала и подняла в знак капитуляции вверх руки. Я бросил ей ключи от Голубого Жучка. – Идем, Мыш.

Мыш поднялся со своего места на кухне и поплелся в сторону Молли.

- Подожди секунду, малышка. Сюзен! - окликнул я. – Кое-что из происходящего заставляет кожу у меня на спине чесаться. Плохие парни знали, где найти нас прошлой ночью. Они, должно быть, следили за нами, а у нас нет нужды расхаживать повсюду с мишенью, нарисованной на наших спинах. Может быть, ты и Мартин смогли бы вычислить наши тени?

- Они увидят нас и исчезнут, как только мы покинем квартиру, - сказал Мартин.

- Ой! – Неожиданно воскликнула Молли, её глаза засияли. – Верно!

Я вышел, чтобы глянуть почту и выгулять пса на маленьком заднем дворике, пока Молли, Сюзен и Мартин, под прикрытием одной из первоклассных завес Кузнечика, выскользнули из квартиры.

Молли догнала меня, после того, как вывела Сюзен и Мартина, сделав их невидимыми для глаз любого, кто наблюдал за дверями моей квартиры.

– Ну, как это было? – спросила она равнодушным голосом, но я знал её достаточно хорошо, чтобы заметить, когда мой ответ важен для неё.

- Отлично, - улыбнулся я. – Заставила меня гордиться.

Она кивнула, но чуть более энергично, чем это должно было быть для незначительного замечания. Адские колокола! Я еще помнил то, что она чувствовала: желание, почти физическое, доказать свой талант, свою дисциплинированность, свой опыт учителю. Мне потребовалось почти десятилетие, чтобы прийти к выводу и понять, каким неопытным, каким безрассудным и каким удачливым я был, пережив своё ученичество с обоими глазами и всеми целыми пальцами.

Я не особо волновался, посылая малышку в самостоятельное плаванье. Она была хорошо обучена и нравилась отцу Фортхиллу. Молли была не очень хороша в драке, но она могла чертовски хорошо избегать её, если была заранее предупреждена – и на этот случай с ней был Мыш. Мало что может ускользнуть от внимания большой собаки. Если будут враждебные намерения, Мыш предупредит её и, вуаля, они оба исчезают.

В этом она была хороша.

- Не задерживайся слишком долго, - сказал я спокойно. – Держи глаза широко раскрытыми. И не забывай о безопасности.

Её сияющее лицо сразу приуныло.

– Ты мне не босс.

Я мог почти испытать гордость, которую она чувствовала от осознания, что ее таланты могут мне пригодиться.

– Черта с два, - сдвинул я брови. – Сделай так, или я лишу тебя годичной зарплаты.

- Ты знаешь, что ты мне ничего не платишь?

- Проклятье, - возмутился я. – Снова неудача.

Она сверкнула в мою сторону еще одной улыбкой и поспешила наружу, оживленно подпрыгивая на каждом шагу. Мыш, с настороженно приподнятыми ушами, следовал за ней, выражая всем своим видом серьезность намерений. Проходя мимо маленького столика возле двери, он схватил зубами лежавший на нем кожаный поводок. Молли забыла об этом, но в городе действовали специальные законы о поводках. Я подозревал, что Мыш не заботился о законе. Моя теория заключалась в том, что он настаивает на поводке, потому что люди чувствуют себя более комфортно и уверенно рядом с огромным псом, когда он “благополучно ограничен.”

В отличие от меня, он – человек людей. Собака. Какая разница.

Я подождал до тех пор, пока Жучок завелся и закрыл дверь. Затем я поднял распечатки Мартина, оттащил в сторону ковер, прикрывавший люк в полу гостиной и спустился в лабораторию.

- Моя ла-бо-ра-то-рия, - сказал я, экспериментируя, растягивая каждый слог. – Почему всегда, когда говоришь вот так, так и хочется добавить что-то вроде ‘мвуу-хах-хах-хах-хааахххх’?

- Ты пересмотрел в детстве Хаммер Филмз*? – прощептал жизнерадостный голос из пустоты.

Я спустился вниз по стремянке, прошептал слово и простер руку широким жестом, зажигая огонь на дюжине свечей.

Моя лаборатория не была фантастическим местом. Это была бетонная короба в подвале здания. Наверное, кто-то пожалел гравия и земли, чтобы засыпать пустоту, когда строился дом. Заставленные чародейскими безделушками столы и полки выстроились вдоль стен. В центре комнаты стоял большой длинный стол, почти полностью занятый масштабной оловянной моделью центра Чикаго, со всеми домами, уличными фонарями и деревьями.

Рабочим местом моей ученицы был крошечный письменный столик между двумя столами. Поскольку ее обучение продолжалось у нее прибавлялось все больше и больше собственных записей, приспособлений и материалов, но каким-то образом у неё все время оставалось свободное пространство. Все было аккуратно разложено и блестело чистотой. Различие между рабочей территорией Молли и остальной частью подвала было таким же острым и очевидным, как линии на карте.

Я обновил свой магический круг, который был установлен в бетонированном полу, в дальнем конце маленькой комнаты - пятифутовый обруч переплетенных нитей меди, серебра и железа, который обошелся мне в три штуки, когда я заказал его у свартэльфа - серебряных дел мастера. Материалы не были дорогими, но это потребовало серьезной компенсации, чтобы убедить свартэльфа работать с железом.

Каждая полоска металла, вплетенная в круг, была покрыта символами и рунами в порядке, который, в гораздо большей степени, чем простой круг, удерживал и контролировал магические энергии. У каждой полоски была своя собственная последовательность символов, - работа настолько тонкая и точная, что только свартэльф и, может быть, «Интел» могли выполнить ее. Вспышки света, как статические разряды, только плавные, скользили вокруг каждой полоски металла - красный свет, синий и зеленый, танцуют и переливаясь в непрерывных спиралях.

Я все еще молод для волшебника, но время от времени, я могу сделать кое-что действительно крутое.

Одна полка отличалась от всех остальных в комнате. Это была простая деревянная доска. Вулканические наплывы расплавленного свечного воска покрывали оба ее конца. В центре полки стоял человеческий череп, окруженный дешевыми женскими романами. Пока я за ним наблюдал, оранжевые огоньки мерцали в пустых глазницах черепа и, повернувшись, сфокусировались на мне.

– Слишком много Хаммер Филмз, - повторил Боб-Череп. – Или, возможно, ночей, проведенных за Рокки Хоррор Пикче Шоу*.

- Джанет, Бред, Рокки... тьфу, - кивнул я, соглашаясь.

Я подошел к полке, снял с неё череп (Ура! – воскликнул Боб), и понес его к наиболее чистому месту на одном из рабочих столов. Я поставил череп сверху кипы журналов и положил перед ним бумажную папку Мартина.

- Надо, чтобы ты поглядел на кое-что, - сказал я, открывая папку и выкладывая оттуда фотографии, которые мне дал Мартин.

Боб около секунды внимательно их рассматривал.

- На что мы смотрим, а?

- Метаконденсаторы, - махнул я рукой в сторону папки.

- Это странно. Потому что они выглядят как набор ритуальных предметов.

- Ага. Я подозреваю метаконденсаторы это кодовый язык для ритуальных объектов.

Боб изучал фотографии и что-то невнятно бормотал сам себе, периодически вздыхая. Он не был говорящим черепом – он - дух разума, который проживал внутри специально зачарованного черепа. Он помогал волшебникам со времен Средневековья и, если он не забыл больше, чем я когда-либо знал о мире волшебства, это - только потому, что он ничего не забывает, никогда.

- Они перемещаются единой группой. Я должен знать хоть приблизительно, для чего они могут быть использованы.

- Сложно сказать по двухмерным изображениям, - недовольно сказал Боб. – Я немного сбиваюсь с толку, когда они меньше чем в четырех измерениях, – он задумчиво щёлкнул несколько раз зубами черепа. – Есть что-нибудь еще? Описание или что-то вроде этого?

– Только инвентаризационная опись, – я показал пальцем на картинку с каменным ножом и прочитал. - «Кремневый нож», – затем ткнул пальцем в кирпич с обугленными гранями. – «Кирпич».

- Да, это просто ослепительно полезно, - пробормотал Боб.

Я фыркнул.

– Возможно, что это просто набор старой рухляди. Если ты не думаешь, что они собраны с определенной целью, тогда...

- Я не говорил этого, - кислым голосом перебил меня Боб. – Черт побери, Гарри. Имей чуть больше доверия.

- Можешь ты сказать что-нибудь или нет?

- Я могу сказать тебе, что ты раскачиваешься на краю нормальной психики, сагиб.

Я удивился.

– Что?

Боб не отрывался от картинок.

– Твоя аура вся перекошена. Она выглядит, как взрыв на фабрике красок. Именно так люди становятся сумасшедшими.

Я фыркнул и пару секунд обдумывал слова Боба. Затем пожал плечами.

– Меня, возможно, слишком зацепило это дело.

- Тебе нужно какое-то время и тихое место, босс. Распрямить свои мозги. Подсластить себе флюиды.

- Спасибо тебе, доктор Фрейд, - я иронично поклонился. – Я обдумаю это. Ты можешь мне что-нибудь сказать об этих объектах или как?

- Только если рассмотрю их поближе, - сказал Боб-Череп.

Я фыркнул.

– Супер. Еще одна плохая подача от чародейской калоши.

- Извини, - заявил он. – Но все что я могу сказать, что это спусковой курок.

Я нахмурился.

– И что это должно значить?

- Ох, это предметы темной, опаснейшей магии, - продолжил Боб. – Я имею в виду, это очевидно. Посмотри на углы. Ничего сбалансированного и пропорционального. Они предназначены для чего-то уничтожающего, разрушительного, смертельного.

Я фыркнул.

– Это след. Ходят слухи, что война скоро снова наберет обороты, – я задумчиво запустил пальцы в волосы. – Повтори, для чего ты говоришь этот курок?

- Для чего это темное? – спросил Боб. – Одно я знаю наверняка.
- Я почувствовал, как меня начал бить озноб. Жажда кофеина в крови охватила весь организм.
- Человеческое жертвоприношение, - радостно прошептал череп. – Забой невинного младенца.

Глава 10

Я уставился на стол невидящим взглядом.

Красная Коллегия готовила разрушительный акт черной высшей магии.

Ритуал, независимо от того, что это будет, предполагал человеческое жертвоприношение.

У себя в голове я прокручивал видео: Мэгги, как овца на убой в ритуальном кругу истекающая кровью, окруженная армией вампиров, под небом из ночных кошмаров.

В этом была отвратительная элегантность. Один удар, и моя дочь будет мертва, а её смерть будет использована, чтобы нанести удар по Совету. Это были голые предположения, но они соответствовали тому, что я знал о герцогине. Она могла нанести максимальный удар по моим чувствам и одновременно начать наступление на чародеев. Месть и война одновременно, а пока она улыбалась и, улыбаясь, раздавала обещания мира и понимания, защищенная от меня теми самыми идиотами, которых она планировала уничтожить.

Я мог бы предупредить их, но немногие бы прислушались. Эбинизер, может быть, и Анастасия, и некоторые из молодых Стражей, но даже если они послушаются и поверят, они должны будут еще убедить остальных. Долбанный Совет ничего не делает быстро, и у меня было плохое ощущение, что время неистово летит.

Так. Я должен был сделать это сам.

Но, чтобы сделать это, мне нужна была информация.

Я снова взглянул на свой магический круг призыва и медленно, глубоко вдохнул. Были вещи, которые я мог сделать. Ужасные вещи. Были существа, которых я мог призвать - злобные умы средоточия нечестивой мудрости - кто мог бы сделать непостижимое таким же простым, как дневной свет.

Если бы я сделал так, они попросили бы ужасную цену.

Я оторвал взгляд от круга и покачал головой. Я не был в таком безвыходном положении.

Пока.

Кто-то громко постучал в двери моей квартиры.

Я поднялся по лестнице, закрыл лабораторию и, приготовив на всякий случай жезл, подкрался к двери, чтобы выглянуть через глазок. На улице, сутулясь, стояла Мёрфи, держа руки в карманах кожаной куртки.

- Не могла использовать телефон, - сказала она, когда я открыл. Она зашла внутрь, и я запер за нею дверь.

- Ага, мы предположили, что Красная Коллегия может прослушивать его.

Она покачала головой.

- Я ничего не знаю насчет этого, Гарри. Но Отдел внутренних расследований прослушивает мой. Я удивленно посмотрел на неё.

- Эти идиоты из ВР? Опять? Что Рудольф не может успокоиться?

Рудольф был крысой-копом, как его нежно называли в отделе, который перецеловал достаточно много задниц, чтобы перевестись в Отдел внутренних расследований. Он испытывал жгучую неприязнь к своим бывшим коллегам, нелогично обвиняя их в (теперь уже бывшей) ссылке среди работяг отдела спец. расследований.

- Очевидно, нет, - безразлично проговорила Мёрфи. – Он делает себе на этом имя.

- Мёрф, ты хороший коп. Я уверен, что...

Она резка рубанула рукой по воздуху и покачала головой.

- Это не важно сейчас. Слушай. Ладно?

Я хмыкнул и кивнул ей.

- Ведется полномасштабное расследование взрыва твоего офисного здания, - начала Мёрфи. – Рудольф переговорил с руководством ФБР и начальством местных детективов, ведущих дело и убедил их, что ты подозрительная личность и отличный кандидат в преступники.

Я застонал.

– Расследование только убедит их в этом. Взрывчатка была на моём этаже, часть из неё в стенах моего офиса.

Мерфи рукою откинула назад с лица волосы. Мешки под её глазами стали заметнее.

– Они собираются задержать тебя и опросить в течение следующей пары часов и наверняка задержат тебя на полные двадцать четыре часа. Может быть больше, если найдут, что предъявить.

- У меня нет на это времени – устало сказал я.

- Тогда тебе нужно исчезнуть, - спокойно произнесла Мёрфи. – И мне нужно идти. Никто нам не поможет, если нас увидят вместе.

- Сукин сын, - прорычал я. – Я собираюсь закинуть Рудольфа на середину озера Мичиган и посмотреть, как эта маленькая липкая кучка дерьма будет плавать.

- Я принесу свинцовый груз, - без улыбки проговорила Мёрфи. Она вытянула из-под футболки амулет, который я сделал для нее, чтобы она могла проходить сквозь магическую защиту моей квартиры и показала его мне. – Надеюсь, я не смогу найти тебя. Войдешь со мною в контакт, когда тебе потребуется моя помощь, так?

- Мёрф, - начал я. – Если власти решат прижать меня... тебе нельзя быть поблизости.

Её брови чуть приподнялись, что было опасным сигналом.

– Извини? – это прозвучало слишком вежливо.

- Это и так со стороны смотрится достаточно плохо - наше сотрудничество в прошлом. Если ты действительно поможешь мне сейчас,... они лишат тебя значка. Ты знаешь, они могут так сделать. Они могут даже больше. Ты можешь угодить за решетку.

Подсознательное выражение ярости на её лице внезапно исчезло.

– Господи, Дрезден. Ты дурачок.

Я удивленно уставился на неё.

- Если я пойду с тобой, - хмыкнула она, - я могу попасть под два метра земли. И это, кажется, тебя не волнует.

- Нуу, - смутился я. – Я...

- Я выбираю свои битвы, Дрезден. Не ты, – она глянула на меня спокойно. – Позволь мне это выразить в словах, которые дойдут до твоего скудного умишки: мой друг собирается спасти ребёнка от монстров. И я буду с ним. Это - то, что делают друзья, Гарри.

Я кивнул и замолчал на некоторое время. Затем, собравшись с мыслями, я со вздохом начал:

- Я знаю тебя, Кэррин. Для тебя умереть в битве со злом это не ужасный конец. Ты знаешь, что это возможно, и ты приготовила себя к этому, – я глубоко вздохнул. – Но... если они заберут твой значок... Я знаю, что твоя работа означает для тебя. Ты будешь медленно умирать. Я не думаю, что смогу просто стоять и смотреть, как это будет происходить.

- Так что ты выбираешь не впутывать меня в это? Мое решение в расчет не берется?

- Я не знаю, - нахмурился я. - Возможно.

- И ты тот, кто это решает?

Я задумался на секунду.

- Нет.

Мерфи серьезно кивнула.

– Хороший ответ, – она коснулась очертаний амулета под футболкой. – Позовешь.

- Обязательно. Может быть через кого-то, но обязательно.

- Со мной такое уже случалось, когда, желая причинить боль тебе, спускали курок в твоих друзей. Как я смогу проверить, что этот кто-то от тебя?

Я покачал головой. Чем больше я думал об этом, тем больше я был уверен, что даже здесь, в моём собственном доме, я не могу быть абсолютно защищен от прослушивания. Моя квартира была надежно закрыта с помощью магии, но есть множество людей (и нелюдей), которые были более сильными, более опытными и более коварными, чем я.

– Если мне придется отправить посланника, то я позабочусь, чтобы ты поняла, от кого он.

Мёрфи наблюдала за мной, пока я отвечал. Затем она медленно осмотрела комнату, как будто высматривая невидимых наблюдателей, и кивнула в знак понимания.

– Хорошо. Не задерживайся здесь слишком долго, Гарри.

- Да, - согласился я. – Не волнуйся за меня, Мёрф.

Она сделала невозмутимое лицо.

– Я не волнуюсь только насчет тебя. У тебя припрятан здесь по крайней мере один пистолет, и, держу пари, что есть еще более незаконные вещи в лаборатории. Если они держат тебя за подозреваемого, то у них будет орден на обыск. И у ФБР, насколько я знаю, нет амулетов, чтобы попасть внутрь и остаться в живых.

Я громко застонал. Мёрф была права. У меня дома был небольшой склад незаконного оружия. Мечи также были спрятаны в лаборатории. Плюс некоторые разнообразные материалы, которым власти навряд ли обрадуются, найдя их у меня дома, включая пыль обедненного урана; так что от вопроса «Кому вы звонили?» было недалеко до поворота к «Гарри Дрезден, вас арестовывают...»

Обереги, которые охраняют мою квартиру, могли также создать проблему. Они не отреагируют, если кто-то подойдет и постучит в дверь, или даже если подергает за дверную ручку – но любой, кто попытается силой открыть дверь, будет в шоке. Примерно семьдесят тысяч вольт шока, если быть более точным, благодаря защите, которую я наложил вокруг своей двери. Это была укрощенная молния, и это был только первый слой защиты. Она недолго продержалась, когда армия зомби прорывалась в мою квартиру, и я не собирался повторять этот опыт, поэтому сделал несколько бастионов обороны.

Но мои обереги не видели никакой разницы между зомби, или сумасшедшими вампирами или заблуждающимися агентами ФБР. Они просто отреагируют, если кто-то будет прокладывать свой путь внутрь с помощью силы. Мне нужно было отключить обереги, прежде чем кто-то пострадал. Затем мне необходимо будет убрать любую подозрительную вещь из дома.

Адские колокола. Как будто мне было мало всего остального. Я потер пальцами между бровями, в том месте, где начала формироваться головная боль.

– Мне только этого не хватало, в добавление ко всему остальному. Вот почему она сделала это.

- Почему кто, сделала что?

- Герцогиня Арианна из Красной Коллегии, - устало буркнул я и посвятил Мёрфи в события своего дня.

- Это не в их характере, не так ли? – спросила Мёрфи. – Я имею в виду для них нетипично делать что-то, столь разрушительное? Взрывать здания?

- Они проделывали похожие вещи несколько раз в течение войны, - пояснил я. – Она сделала этим заявление. Взрывая моё офисное здание перед лицом Господа и всех. Точно так же чародеи поступили с командным пунктом ее мужа в Гондурасе. Плюс она отвлекла моё внимание и энергию и лишила меня потенциальных союзников.

Мёрфи покачала головой.

– Она такая умная, но все же делает ошибки.

- Ну да?

- Да. Если бы она была такой умной, она бы разнесла тебя на кусочки в твоём офисе.

Я кивнул.

– Да, это более практичный путь.

- Так почему она так не сделала?

- Подозреваю, что она хочет насладиться максимальной болью, которую сможет нанести мне, прежде чем она избавится от меня.

Мёрфи удивленно приподняла брови.

– Для мести? Это... как в каком-то сценарии плохого фильма, не так ли? – она заговорила со слабым британским акцентом. – Нет, мистер Дрезден. Я ожидаю, вы умрете.

Я хмыкнул. Мёрфи была права. Герцогиня Арианна крайне маловероятно будет услаждать свою садистскую сторону в ущерб практичности. Вы не проживете тысячелетия как вампир, не будучи хладнокровно смертельной сучкой.

Что означает...

- Здесь что-то еще замешано, - заявил я. – Ведется еще какая-то игра.

Мёрфи кивнула.

– Насколько ты уверен, что Сьюзен, *действительно*, откровенна с тобой?

- На все сто, - насутился я. Это прозвучало немного фальшиво, даже для меня.

Рот Мёрфи исказился в горькой улыбке.

– Так я и думала. Ты все еще любишь её. С помощью этого так легко манипулировать тобой.

- Сьюзен так бы не сделала, - тихо произнес я.

- Я надеюсь, нет, - ответила Мёрфи. – Но... она исчезала надолго, Гарри. Сражаться на войне, участвовать в ней.... Этого достаточно, чтобы изменить любого, и не в лучшую сторону.

Я медленно кивнул головой и повторил:

- Только не Сьюзен.

Мёрфи пожала плечами.

– Гарри.... У меня плохое предчувствие... - она поморщила носик, подбирая слова. – У меня плохое предчувствие, что все летит под откос.

- Что ты имеешь в виду?

Она повела плечом.

– Только... взрыв здания во всех новостях. Ты не сможешь найти ни одного разговора, в котором не говорили бы об этом. Люди вопят насчет террористов. За все время, пока я работаю, ни одна ситуация не привлекла такого максимального внимания верхушки правительства. Ты говоришь, большинство постов в Белом Совете фактически под контролем людей Кристоса. Теперь в дело втянулось руководство Красной Коллегии, и из того, что ты рассказал, я поняла, что все держат пальцы на спусковых крючках, – она взмахнула руками. – Это... это как Кубинский ракетный кризис. Каждый находится на грани.

Блин-тарарам. Мёрфи была права. Сверхъестественный мир находился на грани – и это был один чертовски длинный путь вниз, к войне на истребление.

Я глубоко вздохнул, размышляя. Затем твердо сказал:

- Мне плевать на это.

Золотистые брови Мёрфи приподнялись.

- Я не ответственен за все в этом мире, Мёрф. Я собираюсь найти маленькую девочку и отвезти её куда-нибудь в безопасное место. Вот и все. Весь другой мир сможет управиться и без меня.

- Что если это последняя соломинка, Гарри? Маленькая девочка. Что ты будешь делать потом?

Я зарычал, когда столб чистой ярости поднялся по моей спине и сделал мой голос грубым.

– Я обеспечу Мэгги безопасность. Если мир сгорит дотла из-за этого, да будет так. Я и мой ребенок поджарим на этом костре зефир.

Мерфи задумчиво наблюдала за мной несколько секунд. Затем она очень мягко произнесла:

- Ты хороший человек, Гарри.

Я сглотнул и наклонил голову, стараясь не обращать внимания на тон её голоса и выражение на её лице, а вслушиваясь в слова.

- Не всегда рациональный, - продолжила она, улыбаясь. – Но у тебя лучший вид безумия.

- Спасибо тебе, Кэррин.

Она поднялась и одобряюще пожала мне руку.

– Я должна идти. Позови меня.

- Позову.

Она ушла спустя минуту, а я начал санировать квартиру для правительственного досмотра. Это заняло немного моего драгоценного времени, но оказаться запертым за решетками заняло бы его куда больше. Я все еще собирал остатки моей контрабанды, когда раздался стук в дверь. Замерев, я прислушался. Спустя мгновение стук повторился.

- Гарри Дрезден! – раздался мужской голос. – Это специальный агент Тилли из Федерального бюро расследований. У меня есть орден на обыск этой собственности и задержание жильцов для опроса относительно взрыва произошедшего этой ночью. Если вы не откроете дверь, мы будем вынуждены применить силу.

Проклятье.

Глава 11

Я снова рывком оттянул ковер от люка. Почти все сомнительные вещи были упакованы в большую спортивную нейлоновую сумку, которую я перекинул через плечо. Схватив плащ, посох и жезл, я чуть не убился, пытаясь спуститься по стремянке слишком быстро. Мне еле удалось затормозить на последних ступенях. Я приподнялся, закрывая за собой люк на пару простых засовов, которые были закреплены на внутренней стороне. Я установил их, чтобы, закрываясь, я или Кузнечик могли сигнализировать друг другу, что делается что-то деликатное и вмешательство может быть опасным.

- Что происходит? – выпалил Боб со своей полки.
- Боб, мне нужно сейчас же отключить обереги.
- Почему ты просто...
- Потому что они включатся снова спустя пять минут после того, как я использую отключающее заклятие. Мне нужно их отключить. Подними свой костлявый зад и сделай это!
- Но, чтобы они снова зарядились, пройдет как минимум неделя...
- Я знаю. Давай сделай это, и побыстрее! У тебя есть моё разрешение, чтобы выйти из черепа для этой цели.

- Да-да. О, капитан, мой капитан, - рявкнул Боб. Маленькое облачко оранжевого искрящегося света выплыло из глазниц черепа и стремительно умчалось вверх, просочившись сквозь щели люка.

Я лихорадочно скидывал вещи в сумку, забрасывая их внутрь в полном беспорядке, но по сравнению со всем остальным это были сущие мелочи.

Меньше чем за полминуты Боб возвратился назад в череп.

– Там ребята в костюмах и униформе стучатся в дверь, Гарри.

- Я знаю.

- Почему? – спросил он. – Что происходит?

- Проблемы, - буркнул я. – Что у меня тут хранится незаконного?

- Я что, выгляжу как прокурор? Я окружен вовсе не томами с законами.

Наверху раздался гулкий хлопок и удар. Кто-то из тех, кто был снаружи, пытался выбить дверь. Удачи вам в этом, парни. Мне уже выбивали прежде дверь, поэтому я установил тяжелую металлическую, с которой кроме взрыва ничто бы не справилось.

- Где призрачная пыль? – спросил я.

- Верхняя полка. Футляр от сигары в коричневой картонной коробке, - немедленно ответил Боб.

- Спасибо. Где ящичек с рогом носорога?

- На полке слева от тебя, пластиковый контейнер.

Так что дело продвигалось, благодаря безукоризненной памяти Боба, ускорявшей процесс. Я приподнял доверху набитую сумку. Затем сорвал карту Паранета со стены и уложил её тоже, бросив сверху записную книжку с контактными номерами членов. Самое последнее, в чем я нуждался, это чтобы ФБР решило, что я руководитель ячейки террористической сети.

Череп Боба последовал в сумку следом. Я до половины застегнул молнию, оставив её чуть приоткрытой, чтобы Боб мог выглядывать наружу. Последними по очереди, но не по значимости, были два Меча (по крайней мере один из которых использовался для убийств на территории Чикаго), продев их через какие-то ремешки сбоку сумки, я торопливо закрепил их там, чтобы быть уверенным, что они не потеряются. Я накинул плащ и с криком перекинул лямку сумки через плечо. Это было тяжело.

Наверху продолжали слышаться удары. Затем раздался внезапный, резкий трескучий звук. Я вздрогнул. Дверь и коробка были олицетворением индустриальной мощи, но дом, к которому они крепились, был деревянным антиквариатом из предыдущей половины столетия. И этот звук означал, что кое-что начало ломаться.

- Я говорил тебе, - забрюзжал Боб. – Ты давным-давно должен был узнать, что на другой стороне.

- И я говорил тебе, - ответил я, - что последним, что я хотел бы сделать, это уменьшить барьер между моим собственным домом и кровавой Небывальщиной, пройти через него и привлечь внимание проголодавшегося бада-буу на той стороне.

- И ты ошибся, - самодовольно заявил Боб. – И я говорил тебе это.

Наверху раздался грохот, звук выстрелов и послышался крик:

- ФБР! – Ему вторил другой мужской голос, - Чикагская полиция!

Миг спустя кто-то удивленно выругался, и стрельба стихла.

- Что это было? – прокричал очень высокий, пронзительный голос.

- Кот, - ответил голос агента Тилли, сочащийся сарказмом. – Ты открыл стрельбу по проклятому коту. И промазал.

Мистер. Моё сердце дрогнуло в груди. Я совсем позабыл о нем. Но, верный своей природе, Мистер, судя по всему, произвел тактический маневр под названием смелое бегство. Раздался тихий смех нескольких голосов.

- Это не смешно, - поспешно встрял другой голос. Это был Рудольф, кто же еще. – Этот парень опасен.

- Чисто, - произнес голос из моей спальни и ванной, так как это была единственная другая доступная комната. – Здесь никого нет.

- Черт побери, - подал голос Рудольф. – Он где-то здесь. Вы уверены, что ваши люди видели его через окно?

- Они видели, как кто-то двигался здесь не дольше чем пять минут назад. Это не означает, что это был он, – затем возникла пауза, и агент Тилли сказал, - Опа, ну и дела. Может быть, он спустился в подвал через этот люк?

- У вас все еще есть наблюдатели за окнами? - спросил Рудольф.

- Да, - устало откликнулся Тилли. Он чуть повысил голос, словно обращался к кому-то на другом конце большой комнаты. – Это место плотно оцеплено. Он нигде не сможет пройти. Давайте просто надеяться, что он сам покажется и спокойно сдастся. Мы зачитаем ему права и все в этом духе, и если он будет сотрудничать с нами, то все очень быстро закончится.

Я замер. У меня был кое-какой выбор.

Я мог сделать так, как предлагал Тилли. В конечном счете, это было лучшим выбором для меня. Меня бы опросили, и я был бы свободен от подозрений со стороны любых разумных лиц (т.е. кроме Рудольфа). Я мог даже указать им на деловые интересы герцогини и тем самым вонзить шип ей в зад. После этого я бы вернулся к статус-кво осторожного взаимодействия с властями, но всё это заняло бы драгоценное время. Несколько дней, по меньшей мере.

У меня не было столько времени.

Агент Тилли не показался мне кем-то, лишенным разума. Но если я покажусь ему сейчас, заявляя о своей невинности, и затем исчезну, мне припишут сопротивление при аресте, и это в лучшем случае. Даже если все в этом деле сложится для меня наилучшим образом, это может задержать меня в камере на некоторое время, чего я бы хотел избежать. К тому же, не было ничего, что Тилли мог сделать для Мэгги.

И, должен признать это, я был сердит. Очень сердит. Проклятье, это был мой дом. Вы не выламываете дверь в доме у человека только потому, что так сказала такая змея, как Рудольф. У меня было много гнева, уже запасенного, но доносящиеся из моей гостиной голоса добавили еще одну глыбу к насыпи. Я очень сомневался в своей способности оставаться спокойным длительное время.

Итак, вместо того, чтобы сдаться и поговорить, я направился к магическому кругу, вступил в него, сконцентрировал свою волю и прошептал:

- Aperturum.

Я взмахнул посохом слева направо, направляя в него энергию, и реальность свернулась, как пергаментный свиток. Мягкий зеленый свет начал исходить из пустого воздуха передо мной - в прямоугольнике размером примерно в семь футов в высоту открывалась широкая дверь между моей квартирой и Небывальщиной. И у меня не было ни малейшего представления, что было на другой стороне.

Засовы на люке начали дребезжать. Я услышал, как кто-то предложил использовать пилу. Люк неплотно закрывался. Они могли просунуть полотно пилы через щели и перепилить засовы в считанные секунды.

Я вложил силу в защитный барьер вокруг себя, используя свой браслет-накопитель, и оскалил зубы в усмешке. Моё сердце екнуло в груди. Возможно, что прогулка через дверь между мирами выведет

меня на дно озера раскаленной лавы или на кромку водопада. И не было никого способа узнать это, кроме как фактически ступить туда.

- Я же говорил тебе! – приглушенно хохотнул Боб.

Надо мной зажужжала и так же внезапно (Ха!) умерла электропила. Раздался озадаченный возглас. Затем тонкое стальное лезвие показалось в щели люка, и кто-то начал пилить засовы вручную.

Я ушел из реального мира и ступил в Небывальщину.

Я приготовился к любой пакости. Леденящему холоду. Испепеляющему жару. Сокрушающей толще воды или даже к полному вакууму. Сфера силы вокруг меня была воздухонепроницаемой, она сохранит меня живым, даже в таком месте, как открытый космос, по крайней мере какое-то время.

Я появился в Небывальщине с полностью поднятыми щитам, с жезлом наперевес, готовый спустить с привязи инферно, когда невидимая сфера силы вокруг меня с хлопком ударилась в...

... весьма симпатичную клумбу маргариток.

Мои щиты вмяли их в землю. Целая клумба, маленькая белая плантация, немедленно превратилась в гербарий.

Моё тело было напряжено и готово к драке, чувства обостренны - я медленно оглядел округу.

Я был в саду.

Это было похоже на итальянский стиль. Только небольшое количество кустов и цветов было посажено в приподнятых клумбах. Остальные растения производили впечатление, словно они росли самостоятельно на своих местах. Травянистые дорожки пролегали через этот необычный парк, извиваясь и поворачивая так и этак. Колибри размером с серебряный доллар бросались вниз и вонзали клювики в чрезвычайно яркие цветы, и снова исчезали. Жужжала пчела – обычный старый шмель, а не какой-то монструозный мутант-переросток.

Не смейтесь. Я видел таких однажды.

Я отрегулировал заклятие щита, чтобы тот мог пропускать воздух, и сделал недоверчивый, осторожный вдох. Это могло выглядеть как милое место, но я-то знал - в атмосферу мог быть добавлен хлор.

Тут пахло, как солнечной осенней порой, когда дни могут быть теплыми, но ночью можно подцепить тяжелую простуду. Впустить воздух означало, что и звуки теперь легко проложат себе дорогу. Лениво чирикали птицы. Где-то поблизости текла вода.

Боб начал хихикать.

– Берегись! Берегись порочной мега-белки, босс! – он захлебывался от смеха, едва способный говорить четко. – Черт возьми! Тот фокус заигрывает с тобой.

Я сердито глянул вниз на череп и опять вернулся к осмотру окрестностей. Затем я осторожно опустил щиты. Они сжигали уйму энергии. Если бы я попробовал удержать их чуть дольше, боюсь, на другие действия я был бы уже не способен.

Ничего не случилось.

Это был просто сонный день в очень симпатичном, тихом саду.

- Тебе надо видеть свое лицо, - воскликнул Боб, все еще дергаясь от сдавленного смеха. – Ты как будто собирался встретиться лицом к лицу с разъяренным драконом или чем-то похуже.

- Заткнись, - сказал я ему тихо. – Это Небывальщина. И все слишком просто.

- Не каждое место в мире духов это фабрика ночных кошмаров, Гарри, - менторским тоном произнес Боб. – Это - равновесие во вселенной. Каждому темному месту где-то соответствует светлое.

Я медленно повернулся по кругу, высматривая угрозу, прежде чем взял посох и вновь взмахнул им слева направо, закрывая проход в лабораторию. Затем я вернулся к внимательному сканированию территории.

- Звезды и камни, Гарри, - сказал Боб весело. - Я подозреваю, ношение серого плаща так долго сказалось на тебе. Параноя замучила?

Я посмотрел на него с негодованием и продолжил осмотр.

– Все. Слишком. Просто.

Спустя пять минут ничего так и не случилось. Трудно оставаться должным образом запуганным и параноидальным, когда нет никакой очевидной угрозы и когда окружающая среда является настолько миролюбивой.

- Ладно, - сказал я, в конце концов. – Возможно, ты прав. В любом случае нам нужно двигаться дальше. Надеюсь, мы сможем отыскать какие-то ориентиры, благодаря которым выберемся на изведенные Пути.

- Ты хочешь оставить след из хлебных крошек или что-то такое? – спросил Боб.

- А ты на что, - заявил я. – Запоминай, как вернуться обратно.

- Принято! - рявкнул он. – По какому пути мы пойдём?

Вдаль убегали три тропинки. Одна извивалась между густой травой и высокими деревьями. Другая была покрыта гравием и бежала вверх по склону между многочисленными валунами, украшавшими пейзаж. Третья была из зеленоватого булыжника и вела через поле милых низких бледно-желтых цветов, которое скрывалось за горизонтом слева от нас. Я остановился на пункте три и направился по дорожке из булыжников.

Спустя двадцать или тридцать шагов я почувствовал смутную тревогу. Насколько я мог видеть, для этого не было никаких причин. Это был чистый инстинкт.

- Боб? – спросил я мгновенно спустя. – Что это за цветы?

- Примулы, - тотчас же донеслось из черепа.

Я прекратил шагать.

– О. Дерьмо!

Вздрагнула земля.

Поверхность приподнялась вокруг моих ног и вдоль бледно-желтого пути впереди меня, камни тропинки зашевелились и оторвались от земли. Это оказались мягкие округлые сегменты наружного скелета. Вышеупомянутые сегменты принадлежали невероятно огромной зеленой многоножке, которая начала отряхиваться от земли, пока я говорил. Я с болезненным очарованием наблюдал, как это создание на расстоянии пятидесяти футов от нас отрывало голову от земли и повернулось посмотреть в нашу сторону. Её жвала щелкнули вместе несколько раз, напомнив мне какой-то гигантский набор ножниц. Они были достаточно большими, чтобы разрезать меня в талии пополам.

Я оглянулся назад, чтобы увидеть, что обратный путь в пятидесяти или шестидесяти футах позади нас тоже был отрезан. Почва под ногами зашевелилась и, глянув вниз на камни дорожки, на которых я стоял, я с ужасом увидел, что они тоже были последней еще не собранной в целое частью существа.

Я постарался сохранить равновесие, когда камни подо мной дернулись, но не удержался и был сброшен на ковер из первоцветов, в то время, как гигантская голова многоножки скользнула влево - вправо и повернулась ко мне с действительно тревожащей скоростью.

Её огромные глаза ярко блестели, с жадно щелкающих челюстей капала тягучая слюна. Сотни ног дружно уперлись в землю, передвигая вперед её вес, их кончики как колышки палатки вонзались в почву. Это походило на какой-то дьявольский поезд.

Я перевел взгляд с монстра на череп.

– Я же говорил тебе! – закричал я. – Все! Слишком! Просто!

Глава 12

Да.

Это не совсем то, что было у меня на уме, когда я вставал с кровати этим утром.

Эта проклятая тварюга должна была быть медленной! Согласно любому закону физики, любому правилу, такая большая многоножка должна быть медленной. Динозавроподобной. Неуклюжей.

Но это было Небывальщина. Вы не играете здесь по знакомым правилам. Физика здесь больше похожа на сборник рекомендаций - очень свободных и растяжимых рекомендаций. Здесь более важны ум и сердце, чем материя, и этот жучара-переросток был быстрым. Огромная хищная голова метнулась в мою сторону, как какой-то сумасшедший локомотив, её убийственные челюсти широко раскрылись.

К счастью для меня, я был, хоть чуть-чуть, но быстрее.

Я поднял перед собой левую руку, держа её ладонью от себя в приказном жесте команды отказа, в универсальной позе, означающей: «Стоп!» В этом месте важны намерения. Как только челюсти закрылись, я поднял сферический щит, чтобы наполнить его энергией, струящейся из моего браслета-накопителя, который ярко засиял, когда магия прошла через материальный металл в царстве

эфемерных веществ. Жвала сомкнулись со скрипом и треском, и мой браслет засиял еще ярче. Щит расцвел еще большим количеством цветов и форм, став похожим на огромный калейдоскоп. Я развернулся в сторону челюстей этой твари – её сила, прежде всего, была материально направляемой силой в нематериальном царстве.

Я, сжав боевой жезл, коротким словом высвободил сокрушающую огненную энергию. Она устремилась вниз и затем, извиваясь, приподнялась вверх, ударяя колдовским апперкотом по тому, что казалось подбородком многоножки, подбросив голову существа вверх на несколько ярдов и заставив её тело трястись.

Что, оглядываясь назад, не должно было поймать меня врасплох.

Но...

Земля под моими ногами приподнялась и взбрыкнула, и я, как ветряная мельница, хаотично размахивая руками, оправился в недолгий полет. Я неуклюже приземлился посреди поля примул, которые немедленно начали двигаться, перебирая тоненькими усиками со злобными острыми маленькими колючками. Как раз когда я, чертыхаясь, отрывал их от своих запястий и лодыжек, я заметил, что цветы вокруг меня начали окрашиваться в глубокий алый цвет.

- Ты знаешь что, Гарри! – завопил Боб. – Я думаю, что это вовсе не сад!!!

- Гений, - пробормотал я. Тем временем многоножка восстановила равновесие и сориентировалась для атаки. Все её тело заструилось вперед, начиная движение с головы. Я решил, что все эти ножки вгрызаются в землю, как маленькие буры землекопов, в определенной последовательности, что заставляло большое насекомое походить на локомотив, а не на большой кусок чего-то из сельской навозной кучи.

Я подбежал к ней, направив силу ниже себя и, уперев посох в землю, подбросил ноги вверх, как прыгун с шестом. Энергия толкнула меня выше, и я перелетел через спину твари, которая продолжала по инерции двигаться вперед. Она издала грохочущий звук недовольства и разочарования, когда я исчез из поля ее видимости. Голова многоножки изогнулась, готовая следовать за мной, но была вынуждена замедлиться, чтобы её собственные задние ноги успевали за ней. Это дало мне только несколько секунд.

Больше не значит лучше, особенно в Небывальщине. Одна секунда была временем достаточным, чтобы развернуться, сфокусировать луч огня на очень небольшой площади и направить его как огромный режущий факел, точно через середину большого тела. Этому виду точной магии меня обучила Люччио, и я был не совсем уверен, что смогу повторить этот фокус в реальном мире.

Луч, не толще чем пара моих пальцев, разрезал существо пополам так аккуратно и просто, как будто я использовал нож для бумаги размером в пол трейлера.

Тварь издала болезненный, ревуший низкий звук, который даже у такого чужого существа выражал всю глубину ее физической муки. Ей задняя часть продолжала двигаться вперед, словно она не заметила, что голова куда-то исчезла. Передняя половина начала менять направление и дико трястись; её крошечные мозги, наверное, были перегружены от усилия посылки нервных импульсов в ту анатомическую часть, которой больше не существовало. Она попыталась преследовать собственный отступающий мидель, вытаптывая большой круг в поле примул с обеих сторон дорожки.

- О-ля-ля! – воскликнул я, переполненный эйфорией. Адреналин превратил мой мужественный баритон во что-то похожее на испуганный вопль. – Что ты можешь против пламенного луча смерти, ха? Ты ничего не можешь против пламенного луча смерти! Лучше вернись обратно к «Атари»*, мальчик-личинка, потому что ты недостаточно хорошо для меня играешь!

Мне потребовалось пять или десять секунд, чтобы понять - что-то происходит.

Рана, которую я нанес, не позволяла начаться обильному кровотечению, прижигая одновременно с разрезом, но даже те немногие капли крови, которые просачивались на обеих разделенных половинках чудовища, пропали. У раненой передней половины, внезапно округлилась задняя часть. Вторая половина, лишённая передней части, содрогнулась и внезапно деформировалась; с извивающимся движением новая голова начала сплетаться из нескольких обрубков.

В течение нескольких секунд обе половины сосредоточенно принаравливались, нацеливаясь на меня, и затем уже две чертовы твари, клацая и треща жвалами, двинулись в мою сторону - такие же

сильные и такие же смертельные, как и прежде. Только теперь они собирались вцепиться в меня с разных направлений одновременно.

- Ничего себе, - сказал Боб, абсолютно спокойный, сухим, деловым голосом. – Это невероятно несправедливо.

- Не сложился денек, - буркнул я и взялся вместо жезла за посох. Жезл хорош для метания огня, но мне нужно справиться с задачей более сложной, чем простое разрушение, и в этом мой чародейский посох был более универсальным и предназначался для того, чтобы обращаться с широким диапазоном возможностей. Я призвал свою волю и соединил её с душевным огнем, затем поднял посох над головой и прокричал: « Fuego murus! Fuego vellum!»

Энергия выплеснулась из меня, и полоса серебряно-белого огня толщиной в три фута окружила меня кольцом около шестидесяти футов в диаметре и три или четыре ярда высотой. Рев пламени звучал в моей голове странным звуком, который напоминал звон большого колокола.

Многоножки (Во множественном числе! Адские колокола, мне нужно перестать быть таким высокомерным) приподнялись на задних ногах, стараясь этаким живой аркой преодолеть стену пламени, но отпрянули от него, даже более яростно, чем когда я запустил в оригинальную голову пушечным ядром из огня.

- Эй, отлично работает! – присвистнул Боб. – Этот душевный огонь отличная штука.

Усилие от управления таким большим количеством энергии вызвало у меня дрожь, я задышался и покрылся испариной.

- Ага, - устало пробормотал я. – Спасибо.

- Конечно, теперь мы в западне, - отметил Боб. – Скоро стена лишится подпитки, но ты сможешь какое-то время их шинковать. Затем они все равно тебя сожрут.

- Неа, - выпалил я, тяжело дыша. – Мы в это вдвоём вляпались. Так что сожрут нас обоих.

- Ой, - тревожно сказал Боб. – Тогда тебе лучше открыть Путь обратно в Чикаго.

- Обратно в мою квартиру? – с издевкой спросил я. – Там как раз ФБР дожидается, чтобы зашелкнуть на мне наручники.

- Тогда я предполагаю, тебе не стоило становиться террористом, Гарри!

- Эй! Я никогда...

Боб повысил голос и прокричал видневшимся впереди многоножкам:

- Я не с ним!

Выбор был не очень широк. Быть съеденным сверхъестественными, эластичными демонами-многоножками было бы очень сильной помехой в моем плане спасения. Оказаться схваченным ФБР было не намного лучше, но по крайней мере, если федералы посадят меня за решетку, у меня есть шансы выйти оттуда – в отличие от желудка многоножки. Желудков.

Но я не мог вернуться обратно в квартиру с сумкой, полной компромата. Я должен был спрятать её прежде, чем попаду туда – и это означало оставить сумку здесь. Это не было блестящей идеей, но у меня не было выбора. Мне придется принять кое-какие меры безопасности и надеяться, что их будет достаточно.

Магия земли - это не моя сильная сторона. Это - чрезвычайно требовательная дисциплина, говоря языком физики. Вы, прежде всего, подразумеваете огромный вес, который надо передвигать. Использование магии не означает, что можно игнорировать физику. Энергия для создания высоких температур или движения исходит из разных источников, но они всё также должны взаимодействовать с реальностью и по тем же законам, что и другие энергии. Это означает, что передвижение огромного количества тонн земли требует огромного количества энергии, и это было чертовски трудно, но не невозможно. Эбинизер МакКой настоял на том, чтобы я выучил по крайней мере одно весьма полезное, но очень сложное заклинание из магии земли. Оно бы потребовало усилий на протяжении целого дня для использования в реальном мире. Но здесь, в Небывальщине...

Я поднял посох, направил его на землю перед собой и интонировал с глубокой, тяжелой монотонностью: « Dispertius!». Я практически выдохся, но, стиснув зубы, собрал по крохам всю оставшуюся у меня силу, и в нескольких дюймах перед моими ногами земля и камни с треском разошлись, открывая черную щель, словно большой каменистый рот.

- Ох, нет, нет, - забрызжал Боб. – Ты же не собираешься положить меня в...

Это было огромным напряжением для моего абсолютно утомленного тела, но я спихнул сумку с мечами, черепом и всем остальным, в дыру. Она исчезла в темноте, сопровождаемая криком Боба: - Тебе лучше поскорее вернуться!!!

Бешеное шипение разъяренных многоножек разрезало воздух.

Я снова направил посох на дыру и пропел: «Resarcius!». Остатки моей силы ливнем хлынули из меня, и так же быстро отверстие исчезло - земля и камни, место которых заняла сумка, распределились тонким слоем по обширной площади, укрыв выпуклость на земле. Заклинание сделало сложным поиск для любого, кто точно не знал, где искать, а я спрятал сумку на достаточную глубину, для того чтобы скрыть ее от любого, кто не знал, что именно ищет. Я так надеялся.

Боб и мечи были в максимальной безопасности, которую я смог для них обеспечить при данной обстановке. Моя стена серебряного огня неуклонно снижалась. Как раз наступило время убраться отсюда, пока я мог это сделать.

Мои ноги дрожали от усталости, я тяжело опирался на посох, чтобы удержаться от падения. Мне нужно было еще разок напрячься, чтобы сбежать из этой милой смертельной ландшафтной западни, и после этого...

Кольцо огня упало достаточно низко, позволив одной из многоножек изогнуться в воздухе, формируя дугу из собственного тела, концы которой уперлись в землю снаружи и внутри круга. Её фасеточные глаза уставились на меня, в то время как жвала клацала в голодном предвкушении.

Я повернулся в сторону, концентрируя свои мысли и волю, и рубящим движением руки сделал маленький разрез в воздухе, открывая узкую дверь, больше похожую на щель между Небывальщиной и реальностью. Затем я буквально ввалился в неё.

Я никогда не проходил прежде через такой узкий проход. Чувство было таким, словно меня сжимали в каком-то прессе для духовного мусора. Это было ужасно больно. Миг дикой пытки, которая казалось, растянулась на час, пока все мои мысли были сжаты в единственное, невероятное, плотное целое - психическую черную дыру, где каждая темная и мрачная эмоция, которую я когда либо испытывал, буквально охватила и отравила каждую мысль и воспоминание, добавляя невероятную душевную боль к физическим мукам.

Через мгновение, показавшееся мне вечностью, я протиснулся через проход. Я физически ощущал время, в течение которого многоножка пыталась преследовать меня, но щель, открытая мною между мирами, заросла практически мгновенно.

Я, споткнувшись, пролетел примерно три фута пустого пространства, зацепился бедром о бок рабочего стола в моей лаборатории и упал на бетонный пол, как мешок битых кирпичей.

Раздались крики, и кто-то навалился на меня, переворачивая на живот и упираясь коленом в спину. Мне заломили руки и одели наручники. Все это сопровождалось бесполезной болтовней, на которую я не обращал внимания. Мне было слишком больно, и я слишком устал, чтобы волноваться.

Откровенно говоря, единственной мыслью в моей голове в этот момент было чувство большущего облегчения оттого, что я, наконец-то, арестован. Теперь я мог ответить ударом на удар и просто расслабиться в симпатичной паре наручников.

Или может быть в смиренной рубашке, в зависимости от того, как пойдут дела.

Глава 13

Они отвели меня в Чикагское отделение Федерального бюро расследований на Рузвельта. Перед зданием скопилась толпа репортеров, которые начали выкрикивать вопросы и делать фото, как только пара патрульных вывели меня из машины и почти потащили в здание. Никто из федералов ничего не сказал в камеры, но Рудольф задержался достаточно долго, чтобы проинформировать всех желающих, что расследование продолжается и несколько «представляющих интерес персон» задержано, и что добропорядочным горожанам Чикаго нечего бояться и блаблабла, блабла, бла.

Стройный невысокий парень с нездорово-белой кожей и чернильно-черными волосами в костюме федерала неспешно подошел к Рудольфу, дружеским жестом положил ему на плечо руку и, практически сбив его с ног, оттянул от репортеров. Рудольф недовольно фыркнул, но Тонкий тяжело глянул на него и Руди завял.

Я смутно помню прохождение через контрольно-пропускной пункт, подъем на лифте, и тяжелое приземление на стул. Тонкий снял наручники с моих запястий. Я сразу же сложил руки на столе перед собой и опустил на них голову. Не знаю, сколько я отсутствовал, но когда я пришел в себя, очень суровая, строго-выглядевшая женщина светила маленьким фонариком мне в глаза.

- Нет признаков удара или сотрясения, - констатировала она. – Нормальная реакция. Я думаю, он просто изможден.

Тонкий стоял у двери небольшой комнаты, интерьер которой составляли стол, несколько стульев и длинное зеркало на стене. Рудольф маячил рядом с ним - молодо выглядевший мужчина в костюме, который стоил больше, чем он мог себе позволить, с темными, до безумия аккуратно уложенными волосами и нервным напряжением в плечах.

- Он придушивается, - настаивал Рудольф. – Он пропал из нашего поля зрения не больше чем на несколько минут. Как он мог сам себе загнать до изнеможения за это время, ну? Даже не вспотев? Даже не запыхавшись? Он врет! Я знаю это. Мы не должны были давать ему час для сочинения какой-нибудь истории.

Тонкий глянул на Руди безо всякого выражения на сухощавом, бледном лице. Затем он посмотрел на меня.

- Я полагаю, это делает вас Хорошим Полицейским, - вымученно усмехнулся я.

Тонкий закатил глаза.

– Спасибо, Роз.

Женщина обернула стетоскоп вокруг шеи, посмотрела на меня взглядом, полным неодобрения, и покинула комнату.

Тонкий подошел к столу и сел напротив меня. Рудольф обошел вокруг и стал за мной. Это был простой психологический трюк, но он работал. Присутствие Рудольфа, вне моего поля зрения, было раздражающим и отвлекало внимание.

- Меня зовут Тилли*, - сказал Тонкий. – Вы можете звать меня Агент Тилли или Агент или Тилли. Как вам будет более удобно.

- Хорошо, Тонкий, - кивнул я.

Он медленно вдохнул и выдохнул. Затем сказал:

- Почему вы просто не открыли дверь, мистер Дрезден? Так было бы гораздо легче. Для нас всех.

- Я не слышал вас, - устало буркнул я. – Я спал внизу, в подвале.

- Бред собачий, - заявил Рудольф.

Тонкий перевел взгляд с меня на Руди и обратно.

– Спали, неужели?

- У меня очень крепкий сон, - пояснил я. – Держу подушку под одним из столов в лаборатории. Дремлю иногда там внизу. Приятно и свежо.

Тонкий изучающе смотрел на меня в течение минуты. Затем он, четко выговаривая фразы, произнес:

- Нет, вы там не спали. Вас там вовсе не было. Там нет достаточно большого пространства, чтобы скрыть мужчину в этом подвале. Вы были где-то еще.

- Где? – спросил я его. – Я имею в виду, это вовсе не большая квартира. Гостиная, спальня, ванная, подвал. Вы обнаружили меня на полу в подвале, в который имеется только один вход. Где еще, как вы думаете, я был? Вы считаете, я просто материализовался там из воздуха?

Тонкий прищурил глаза. Потом он покачал головой и вздохнул:

- Не знаю. Я наблюдал множество трюков. Видел, как парень однажды заставил исчезнуть Статую Свободы.

Я развел руками.

– Вы считаете, я сделал это при помощи зеркал или чем-то там таким?

- Может быть, - пожал он плечами. – У меня нет хорошего объяснения, как вы внезапно там оказались, Дрезден. А я становлюсь раздражительным, когда у меня нет для чего-то хорошего объяснения. Поэтому я начинаю копать до тех пор, пока что-то не нахожу.

Я усмехнулся ему. Я не смог это сдержать.

– Я спал в своей лаборатории. Проснулся, когда вы парни начали заламывать мне руки. Вы думаете, я вылез из секретного места, так хорошо спрятанного, что никто не нашел его в комнате подвергнувшейся полной зачистке? Или, может быть, я возник из воздуха? Какая из этих историй будет иметь смысл для судьи при рассмотрении гражданского иска, который я подам против Чикагского департамента полиции и Бюро? Ваша или моя?

Выражение лица Тонкого стало кислым.

Рудольф внезапно возник, справа от меня и с треском ударил кулаком по столу.

– Рассказывай нам, почему ты взорвал здание, Дрезден!

Я буквально лопнул от смеха. Я не смог его сдержать. Я был полностью вымотан, но смеялся до тех пор, пока мой живот не начал ходить ходуном.

– Я сожалею, – задыхаясь, выдавил я мгновение спустя. – Я сожалею... Это было именно так... ах-ха-ха! – я покачал головой и попытался взять под контроль свои эмоции.

– Рудольф, – холодно произнес Тонкий. – Убейся.

– Ты не можешь приказать мне уйти. Я должным образом назначенный представитель Чикагского департамента полиции и член этой оперативной группы.

– Ты – бесполезен, непрофессионален и мешаешь снятию показаний, – сказал Тонкий ровным голосом. Он перевел темные глаза на Рудольфа и повторил, – Проваливай. Отсюда.

У Тонкого был чертовски выразительный взгляд. У некоторых людей он есть. Они просто смотрят на вас, не произнося ни слова, и вы понимаете, что они готовы проявить жестокость и желают это продемонстрировать. Такой взгляд не выражает никакой специфической эмоции, ничего, из того, что можно легко обречь в слова. Тонкий не нуждался ни в каких словах. Он смотрел на Рудольфа с некоей тенью застарелой смерти в глазах и кроме этого ничего не делал.

Рудольф вздрогнул. Он промямлил что-то про подачу жалобы на ФБР и покинул комнату.

Агент Тилли повернулся обратно ко мне. Выражение его лица на какое-то мгновение смягчилось, на нем промелькнуло нечто, похожее на улыбку, и он спросил:

– Ты сделал это?

Я на секунду встретился с ним взглядом.

– Нет.

Тилли прикусил губу, несколько раз кивнул головой и сказал:

– Хорошо.

Я удивленно приподнял брови.

– Все так просто?

– Я знаю, когда люди лгут, – ответил он спокойно.

– Именно поэтому – это опрос, а не допрос?

– Это – опрос, потому что Рудольф заврался, когда науськивал на тебя моего босса, – скривившись, произнес Тилли. – Теперь я увидел тебя сам. И ты не подходишь под профиль подрывника.

– Почему не подхожу?

– Твоя квартира это одна большая груда неорганизованного беспорядка. У неорганизованных изготовителей бомб небольшие надежды на продолжительную жизнь. Мой ход. Почему кто-то пытается впутать тебя в это дело с офисным зданием?

– Политика, думаю, – я откинулся на спинку стула. – Кэррин Мёрфи отщипнула немного денег, разрушив некоторые их теневые планы. Денег предназначенных для политиков. Я некий побочный результат этого, потому что она – та, кто нанимала меня как консультанта относительно этих дел.

– Грёбаное Чикаго, – сказал Тилли, с настоящим презрением в голосе. – Правительство в полном составе насквозь коррумпировано.

– Аминь, – закончил я.

– Я прочел твоё досье. Говорят, ты заглядывал в наш офис прежде. Говорят, четыре агента исчезло несколько дней спустя, – он скривил губы. – Тебя подозревали в похищении, убийстве, и по крайней мере в двух случаях поджога, один из которых был общественным зданием.

– Это не была моя вина, – буркнул я. – Это здание – случайность.

– Ты живешь интересной жизнью, Дрезден.

– Не совсем. Просто бурные выходные время от времени.

- Наоборот, - внимательно глядя на меня, произнес Тилли. – Я очень заинтересовался тобой.

Я вздохнул.

– Приятель. Не стоит.

Тилли нахмурился, обдумывая это, слабая тонкая линия появилась между его бровей.

– Ты знаешь, кто взорвал твоё офисное здание?

- Нет.

Выражение лица Тилли застыло, словно высеченное из камня.

– Ложь.

- Если я скажу тебе, - помолчав, заявил я, - ты мне просто не поверишь и решишь упрятать меня куда-нибудь в психушку. Так что - нет. Я не знаю, кто взорвал здание.

Он задумчиво кивнул головой и сказал официальным тоном:

- То, что вы сейчас делаете, может быть истолковано как вмешательство и препятствование расследованию. В зависимости от того, кто стоит за взрывом и почему, это может трактоваться как измена.

- Другими словами, - я смерил его взглядом, - вы не смогли найти ничего в моей квартире, чтобы инкриминировать мне или дать вам предлог для моего задержания. Так что сейчас вы надеетесь запугать меня для откровенной беседы с вами.

Агент Тилли откинулся назад на стуле и покосился на меня.

– Я могу задержать вас на двадцать четыре часа безо всякой причины. И я могу сделать их весьма неприятными для вас, при этом, не нарушая ни одного закона.

- Я хотел бы, чтобы вы так не сделали, - спокойно заметил я.

Тилли пожал плечами.

– И я бы хотел, чтобы вы рассказали все, что знаете про взрыв. Но я догадываюсь, никто из нас не получит того, что он хочет.

Я подпер подбородок рукой и на минуту задумался. Я полагал вероятным, что кто-то в сверхъестественном сообществе, вероятно герцогиня, дернула некоторые ниточки, чтобы поставить Рудольфа на моём пути. Если дело было в этом, возможно я смогу отправить эту маленькую ручную гранату обратно к ней.

- Не для протокола? – спросил я Тилли.

Агент поднялся, вышел за дверь и вернулся минуту спустя, полагая, выключив любые записывающие устройства. Он снова сел и глянул на меня.

- Вы обнаружите, что в здании была заложена взрывчатка, - начал я. – На четвертом этаже.

- И как ты узнал это?

- Кое-кто, кому я доверяю, видел копии файлов, которые показывали, где были заложены заряды, предположительно по указанию владельцев здания. Я вспомнил, что несколько лет назад появились ремонтники, которые копались в стенах неделю или около того. Сказали, они избавляются от асбеста. По заказу владельцев здания.

- «Нуево Верита, Инс.», владельцы здания. Страховая афера, это не ново.

- Это не из-за страховки, - покачал я головой.

- Тогда из-за чего?

- Месть.

Тилли наклонил голову набок и сосредоточенно обдумал мои слова.

– Ты что-то сделал этой компании?

- Я сделал кое-что кое-кому высоко в пищевой цепочке в созвездии корпораций, к которому принадлежит «Нуево Верита».

- И что это было?

- Ничего нелегального.- Я махнул рукой. - Вы могли бы изучить коммерческие дела мужчины, называющего себя Паоло Ортега. Он был профессором мифологии в Бразилии и... умер несколько лет назад.

- Ага, - сказал Тилли. – И его семья вцепилась в тебя?

- Это очень точное определение. Его жена весьма специфическая особа.

Тилли отвлекся на какое-то время, обдумывая это. На несколько минут в комнате повисла тишина.

Наконец Тилли поднял на меня взгляд.

– Я испытываю большое уважение к Кэррин Мёрфи. Я позвонил ей, пока ты отдыхал. Она сказала, что прикроет тебя, безоговорочно. Учитывая источник информации, это существенное заявление.

- Да, - кивнул я. – Учитывая источник, именно.

- Откровенно говоря, я не уверен, смогу ли я как-то помочь тебе. Я не руковожу этим расследованием, и оно направляется политиками. Я не могу обещать, что тебя не опросят снова, хотя сегодняшние события усложняют выдвижение обвинения против тебя.

- Я не уверен, что понял, что именно ты имеешь в виду, - сказал я.

Тилли взмахнул рукой, показывая на стены здания.

– Поскольку они заинтересовались - ты виновен, Дрезден. Они уже написали заголовки и текст новостей. И теперь нужны только доказательства, чтобы поддержать то обвинение, которое они захотят предъявить.

- Они, - сказал я. – Не ты.

Тилли ухмыльнулся.

- Они кучка говнюков.

- А ты нет?

- Я другой вид говнюка.

- Эх, - сказал я. – Я действительно могу идти?

Он кивнул.

– Пока они не получили ничего, отдаленно напоминающего доказательства того, что ты был одним из тех, кто заложил взрывчатку. Поэтому они будут копать под тебя. Рыться в твоей личной жизни. Твоем прошлом. Искать вещи, которые смогут использовать против тебя. Они будут играть грязно.

- Хорошо для меня, - сказал я. – Тогда я тоже могу так играть.

В глазах Тилли блеснула улыбка.

– Похоже, да. – Он протянул мне руку. – Удачи.

Я пожал её и почувствовал очень слабое покалывание типичное для того, кто обладает небольшим магическим талантом. Это, наверное, объясняло способность Тилли отличать правду от лжи.

Я поднялся, и устало пошел к двери.

- Эй, - сказал Тилли, перед тем, как я открыл её. – Не для печати. Кто сделал это?

Я остановился, оглянулся на него, и ответил:

- Вампиры.

Выражение его лица менялось в соответствии с быстро изменяющимися эмоциями: изумление, потом осознание сопровождаемое сомнением, и ярды, ярды рационализма.

- Видишь, - усмехнулся я ему. – Я говорил, что ты мне неверишь.

Глава 14

Я вышел из дверей здания ФБР и обнаружил кольцо из папарацци, с терпением истинных хищников дожидаящихся еще больше материала для своих статей. Некоторые из них заметили меня и торопливо направились ко мне, на ходу задавая вопросы и протягивая ко мне микрофоны и всякие другие технические штучки. Я вздрогнул. И хотя я был все еще очень уставшим, с их приборами мог случиться маленький апокалипсис, если я окажусь рядом.

Я оглянулся вокруг в поисках спуска к тротуару, чтобы успеть исчезнуть до того, как испорчу чье-нибудь оборудование, и как раз в этот момент меня попытались убить.

Я уже однажды был мишенью в покушении, совершаемом из машины. Это было подготовлено значительно более профессионально, чем первое. Сейчас я не слышал ни рева двигателя, который бы меня предупредил, ни дикого визга шин. Единственный намек на предупреждение, которое я получил, было внезапное покалывание в виде мурашек вдоль шеи и отблеск опускающегося пассажирского окна у чёрного седана.

Затем что-то ударило в левую сторону груди, и меня, как кузнечным молотом, сбilo на ступеньки. Ошеломленный, я понял, что кто-то стреляет в меня. Я мог скатиться вниз по ступенькам к толпе репортеров, подставив их между собой и нападавшими, но я не был уверен, что стрелок не захочет открыть огонь сквозь толпу в надежде достать меня. Таким образом, я скрутился в позе эмбриона, и

почувствовал, как меня достали еще два тяжелых удара: один попал по ребрам, второй по левой руке, которую я поднял, чтобы прикрыть голову.

Чуть ниже меня раздался возглас и затем несколько человек подошли ко мне.

- Эй, приятель, - обратился ко мне пузатый фотограф в охотничьем жилете. Он протянул руку, чтобы помочь мне подняться. – Прикольное падение. Ты все еще цельный кусок?

Во мне бурлил адреналин; я с секунду смотрел на него, пока понял, что фотографии – такие падкие на сплетни – даже не заметили того, что произошло мгновение назад.

Это было пугающее чувство. Я ничего не слышал. Убийца, должно быть, использовал глушитель. Не было никакой вспышки, значит, он сделал все правильно, целясь в меня через окно и сидя достаточно глубоко в салоне, чтобы быть уверенным, что ствол не выглянет подозрительно из машины и он не привлечет всеобщего внимания. И я невольно помог этому, не показав зрителям мертвого тела с маленькой дырочкой впереди и большой сзади. Ни звука, ни вспышки, ни жертвы. Почему кто-то должен думать, что только что совершено покушение?

- Шевелюсь! – сказал я, поднимаясь с помощью лапы фотографа. Я изо всех сил пытался стать выше, чтобы заглянуть поверх толпы и прочесть номера чёрного седана. Для этого мне потребовалось обогнуть несколько человек и, поднявшись на цыпочки, увидеть машину стрелка, спокойно отъезжающую прочь; без рева двигателя, без выскакивания на тротуар и без бегущих красных огней. Она просто исчезла в потоке машин, как акула исчезает в глубинах. Я так не разобрал номера.

- Проклятье, - прорычал я. Боль только сейчас начала ощущаться, особенно в руке. Защитные заклития, которые я наложил на пыльник, удержали пули снаружи, но кожа плаща прилегала слишком близко к моему телу и в результате у меня было чувство, словно кто-то бейсбольной битой вмазал мне по предплечью. Пальцы левой руки покалывали и не были способны ни на что большее, чем простое судорожное подергивание. Я чувствовал похожие пульсации в местах двух других попаданий, поэтому провел руками по плащу, просто на всякий случай для уверенности, что нигде нет дырки, которую я не заметил.

Я обнаружил пулю, застрявшую в левом рукаве. Она вошла не глубже, чем на четверть дюйма, но застряла в коже и деформировалась от столкновения. Я вытащил носовой платок из кармана, завернул в него пулю и убрал его обратно, стараясь проделать это незаметно, в то время как дюжина человек смотрели на меня, как на сумасшедшего.

Со стороны дороги раздалось дребезжащее тихое биип-биип! Голубой Жучок медленно подъехал и остановился перед зданием. За рулем сидела Молли и отчаянно мне махала.

Я поспешил вниз к дороге и сел, пригнувшись в машину; прежде чем несоответствующая правилам цветовая гамма моей машины приведет одержимо-навязчивых федералов из здания позади меня в истерику. Как только Молли отъехала, я разогнулся и тут же получил мокрый поцелуй в лицо от Мыша, который сидел на заднем сиденье и отбивал хвостом бум-бум-бум по спинке водительского сиденья.

- Брр! – скривился я. – Моих губ коснулись губы собаки! Дайте мне виски прополоскать рот! Дайте мне йода!

Его хвост продолжал барабанить, и он облизывал меня снова, прежде чем улегся с выражением удовлетворения на морде.

Я откинулся назад на сиденье и закрыл глаза.

Возможно, прошли пару минут.

– И тебе привет, - внезапно сказала Молли расстроенным голосом. – Без проблем, Гарри. Сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь.

- Извини, падаван, - откликнулся я. – Это был чертовски длинный день.

- Я вернулась обратно из церкви и увидела кучу парней и копов, спящих снаружи и внутри твоей квартиры. Дверь была выломана, и все выглядело так, словно там идет обыск, – она вздрогнула и вцепилась в руль. – Господи. Я была уверена, что ты мертв или в большой беде.

- Ты примерно на девяносто процентов права, - буркнул я. – Кто-то сказал агентам ФБР, что я тот, кто взорвал здание офиса. Они хотели поговорить со мной.

Взгляд Молли расширился от удивления.

– Что с Мечами? Мы должны сказать моему папе, прямо сейчас, или...

- Расслабься, - я махнул рукой – Я спрятал их. Они сейчас должны быть в безопасности.

Молли вздохнула с облегчением.

– Ты выглядишь ужасно, - сказала она минуту спустя. – Они били тебя или делали что-то в этом духе?

Я водил глазами вправо и влево, приглядываясь.

– Гигантская многоножка.

- О, вот оно что... - сказала Молли, растягивая слова, как если бы я объяснил все. – Что ты высматриваешь?

Я осматривал поток машин вокруг нас в поисках черного седана и уже нашел приблизительно тридцать таких, чувствуя себя очень крутым детективом.

– Машину с парнем, который только что стрелял в меня. – Я продемонстрировал пулю - маленький, покрытый медью заряд, более тонкий, чем мой мизинец, и длиной чуть меньше дюйма.

- Что это? – спросила Молли.

- Два-двадцать-три Ремингтон, - отчеканил я. – Я так думаю. Вероятно.

- Что это означает?

- Что это мог быть практически кто угодно. Этот калибр используется в большинстве штурмовых винтовок НАТО. И так же во множестве охотничьих ружей. – Тут мне в голову пришла мысль и я, насупившись, глянул на свою ученицу. – Эй. Откуда ты узнала, где меня искать?

- Я пустила Мыша за руль.

Бум-бум-бум.

Я устал. Моим мозгам потребовалась секунда, чтобы найти юмор в её словах.

– Это не смешно, если каждый так сумеет, Молли. К бремени хитрой бестии ты не готова.

Она широко усмехнулась, очевидно, засчитывая себе очко в этом состязании.

– Я использовала поисковое заклинание и волосы, которые ты мне дал на тот случай, если мне необходимо будет тебя найти.

Конечно она довольная.

– Ох, верно. Отличная работа.

- Ага, - улыбнулась она. – Я не уверена, куда мне ехать. Насколько я знаю, твоя квартира все еще обыскивается теми парнями.

- Приоритеты, Кузнечик. В первую очередь самое главное.

Она покосилась на меня.

– «Бургер Кинг», полагаю?

- Я умираю от голода, - заявил я. – Потом обратно в квартиру. Они уйдут к тому времени, как мы там появимся и это единственное место, где я уверен, Сьюзен и Мартин попробуют установить контакт.

Она нахмурила брови.

– Но... обереги отключены. Там ведь больше не безопасно. Не так ли?

- И никогда не было, - ответил я спокойно. – Если кто-то действительно хочет тебя убить, то его очень тяжело остановить. Все что ты в силах сделать, так это заставить дорого расплатиться за эту попытку, и надеяться, что враги решат, что цена слишком высока для риска.

- В общем-то, да, - протянула Молли. – Но... без оберегов... разве это не похоже на грандиозную распродажу?

Ребенок был прав. Любой, кто хотел нанести мне удар, сейчас имел для этого первосортную возможность. Внимание, покупатели! Специальные скидки на жизнь Гарри Дрездена! Немного подержан, не возвращается, лимит – один Дрезден в одни руки! Покупайте на аукционе! Аукцион.

Я прижался лбом к стеклу, закрыл глаза и спросил:

- Что Фортхилл сказал тебе?

- Тоже что и всегда. Что он не может ничего обещать, но что он сделает все, что в его силах. Он велел перезвонить ему через несколько часов, когда он будет знать что ему начирикают.

- Уверен, что римско-католические священники не могут зачирикать, - заявил я рассудительно. – Слишком сверхсовременно и эфемерно. Как автомобили. И печатные прессы.

Молли ничего не возразила против моих комментариев, хотя я сделал их слегка пренебрежительным тоном. Она была не согласна с целым сводом церковных догматов что, наверное, говорило о хорошем состоянии её ума. Люди, которые задают вопросы и думают о вере, меньше всего расположены принимать догмы – и в последнюю очередь отказываются от того пути, который выбрали. Я всецело уверен, что Всевышний, каким бы именем его не называли на данный момент, мог бы ответить на несколько вопросов людей, ищущих ответы. Черт, ему бы могло это даже понравиться.

- Гарри, - произнесла она. – Мы можем поговорить с моим отцом.

- Нет, - сказал я спокойным и решительным голосом. – Это даже не обсуждается.

- А возможно стоило бы. Может быть, он мог бы помочь тебе найти Мегги.

Я почувствовал, как резкий разряд ярости и боли прошел через меня – отчетливое воспоминание. Майкл Карпентер, Рыцарь Меча и надежный друг, стал инвалидом и заработал уйму шрамов, когда помогал мне в одном из моих дел. Носитель Меча, содержащего в себе один из гвоздей Распятая, врученного ему архангелом - он был борцом против очень реальных, очень буквальных сил зла. Это было невероятно успокаивающе иметь такого человека на своей стороне. Мы вместе прошли через множество смертельных ситуаций и выбирались из них.

Кроме последнего испытания.

Сейчас он был в отставке; счастлив безо всякой борьбы со злыми силами; проводя время строя дома и общаясь с семьей, как он всегда и мечтал. И пока он остаётся в отставке, я абсолютно точно знаю, у него иммунитет против сил сверхъестественного зла. Меня бы не удивило, если бы у него за плечом (в прямом смысле) стоял ангел, готовый защитить его и его семью. Как секретная служба, но с мечами, крыльями и нимбами.

- Нет, - повторил я снова. – Он вне игры. Он заслужил это. Если я попрошу его о помощи, он окажет ее, включая все последствия. Тогда он больше не сможет защитить себя или вашу семью от них.

Молли глубоко вздохнула и затем кивнула, её встревоженные глаза сосредоточились на дороге.

– Ты прав, - признала она. – Хорошо. Просто...

- Да?

- Полагаю, что я просто привыкла к нему прежнему. Знать что... если мне нужно будет, он поможет. Я думаю, у меня всегда крутилось в голове, если все станет плохо, действительно плохо, он придет на помощь, - сказала она, выделяя ласковым произношением последние слова.

Я не ответил ей. Мой отец умер, когда я был ребенком; прежде чем я выяснил что есть кто-то сильнее, чем был он. И я прожил всю свою жизнь без этой поддержки. Молли только сейчас начала понимать, что в какой-то мере она должна полагаться только на себя.

Я задался вопросом, знала ли моя дочь, что у неё вообще есть отец? Если бы она только знала что есть кто-то, кто отчаянно хочет НАЙТИСЬ.

- Когда ты вернешься домой со слезами на глазах - он будет там, - сказал я тихо. – Если какой-то парень разобьет тебе сердце - он поднимется к тебе с мороженым. У множества людей нет отцов, которые так сделают. И большую часть времени это значит гораздо больше.

Она несколько раз моргнула и кивнула.

– Да. Но...

Я понял, что она не сказала. Но... когда ты нуждаешься в ком-то чтобы выбить дверь и надрать задницы, тебе действительно это надо. И Майкл не сможет больше этого сделать для своей дочери.

- Вот что я тебе скажу, Молли, - заявил я серьезно. – Если тебя когда-либо надо будет спасать, я буду тот, кто уладит эту проблему. Договорились?

Молли глянула на меня блестящими от слез глазами и несколько раз кивнула. Она взяла меня за руку и легонько сжала. Затем снова сосредоточилась на дороге и надавила на газ.

* * *

Мы перекусили в машине и вернулись обратно в мою квартиру.

Наверху лестницы, которая вела вниз к моей квартире, я почувствовал, как начинаю злиться. Они выбили дверную коробку. На двери было несколько следов от ног, но не очень много. Крепкая дверь.

Но деревянная стена вокруг была разбита вдребезги. Не было никакого способа снова установить дверь без обширного ремонта, который вероятнее всего был далеко за пределами моей квалификации.

Я стоял там, дрожа от злости. Ведь я не жил в Башне из слоновой кости или в Торбе-на-Круче. Это была просто тусклая маленькая дыра в подвале. В ней не было много места, но это был мой единственный дом, который я имел, и мне было в нем уютно.

Это был мой дом.

А Рудольф и компания разгромили его. Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

Молли прикоснулась к моему плечу.

– Все не так плохо. Я знаю хорошего Плотника. (игра слов: Карпендер переводится как плотник).

Я вздыхал и кивал. Я точно знал, что когда это все закончится, Майкл появится у меня.

– Надеюсь, Мистер скоро вернётся. Может, стоит передать его кому-нибудь, пока не починят дверь.

– Я направился вниз по лестнице. – Я надеюсь, что...

Мышь внезапно глубоко и низко зарычал.

Я выхватил жезл и поднял щиты меньше чем за две секунды. Мышь не паникер. Я никогда не слышал его рычания без уважительной на то причины. Я покосился вправо и не увидел Молли, стоявшей там. Кузнечик исчезла из поля зрения даже быстрее, чем я приготовился к обороне.

Я сглотнул. Я слышал множество вариантов рычания своего пса. Этот не был таким угрожающим, как мог быть – как это *уже было* – в присутствии темной угрозы. Положение его тела находилось в балансе между напряжением и расслабленностью; просто осмотрительность, а не боевая стойка, в которую он становился прежде. Он унюхал что-то, что как он думал, было крайне опасным, но не обязательным для немедленной атаки и уничтожения.

Медленно я направился вниз по лестнице, держа щиты наготове; левая рука вытянута вперед; ладонь в защитном жесте – большой, указательный палец и мизинец выпрямлены и широко расставлены, средние согнуты. Я сжимал жезл, правой рукой направив его вперед. Бурлящая алая сила прорывалась из вырезанных рун и блестела усиками яркого пламени на его конце, одинаково готовая как разрушать, так и освещать мне путь. Мышь спускался вместе со мной, его плечо терлось о моё правое бедро, а рычание держалось на одной частоте, как двигатель у хорошо отлаженной машины.

Я спустился вниз по лестнице и остановился, увидев огонь, потрескивающий в камине. Света от камина, моего боевого жезла и нескольких заблудившихся лучиков послеобеденного солнца было достаточно, чтобы я смог рассмотреть все очень хорошо.

Я полагаю, ФБР могло обойтись с моей квартирой хуже. Книги были сброшены с полок, но по крайней мере они были свалены в кучи, более или менее, что все же лучше, чем разбросанные по полу. Они передвигали мебель и снимали сиденья и подушки, но сложили их обратно. Неправильно, но сложили. С такой же небрежной любезностью обошлись с моей кухней, но ничего не разломали.

Всё это было отмечено моим умом как второстепенное по сравнению с парой похожих на гробы коконов, которые, казалось, были сделаны из зеленого шелка. Один кокон был прикреплен к моему потолку, второй к стене возле камина. Застывшее, в чем-то близком к бессознательному состоянию, лицо Сьюзен проглядывало из потолочного кокона, её темные волосы безжизненно свисали. Сквозь второй кокон я мог видеть только мужской рот и часть подбородка, но я был уверен, что это Мартин. Они вернулись в мою квартиру, вероятно, после того как ушли федералы и были схвачены.

– Мышь, – прошептал я. – Ты унюхал кордит?

Пес потряс головой, словно вытряхивал попавшую в уши воду.

– Я тоже, – пробормотал я. Итак, чтобы не произошло с ними, это случилось быстро, прежде чем чрезвычайно быстрая Сьюзен и чрезвычайно параноидальный Мартин смогли применить оружие.

Одно из моих старых глубоких кресел стояло далеко от двери. Когда я переступил через порог, оно повернулось (абсолютно игнорируя тот факт, что оно не было приспособлено для вращения и на нем не было установлено никакого механизма, который бы сделал такие вещи возможными), показав в игре каминного света и тени незваную гостью и моего кота.

Она была высока и нереально прекрасна – как большинство сидхе. Её кожа была гладкой и безупречной; огромные, слегка раскосые изумрудно-зеленые глаза. Фактически, они повторяли глаза Мистера, который чопорно сидел на коленях женщины-сидхе. У неё были полные и очень яркие губы,

а её длинные красные волосы, оттененные прядями чистого белого цвета, струились вниз шелковыми кольцами и волнами спадали по её изумрудно-зеленому платью.

Она широко улыбнулась, увидев меня, обнажив аккуратные острые клыки и изящные, и хищные одновременно.

– Ах, - тепло сказала она. – Гарри. Прошло так много времени с тех пор, как мы разговаривали.

Я задрожал, продолжая держать жезл нацеленным на женщину-сидхе. Она была фейри, а я выучил из долгого опыта, что волшебный народ, независимо представители они Зимних или Летних фейри нельзя недооценивать. Только дурак может доверять им - но с другой стороны, только сумасшедший может оскорбить их. Они придают огромное значение вежливости, этикету и взаимоотношениям гостя и хозяина. Каждый из них презирает опасности, соблюдая условности - вполне нормальная реакция для сидхе - лордов среди фейри.

Итак, вместо того чтобы открыть огонь в надежде на то, что я нанесу роковой удар, я опустил жезл и, не отводя от Леанансидхе взгляда, выверенным движением слегка поклонился.

- Действительно. Это было давно, Крестная.

Глава 15

- Разве ты не доволен мною? – спросила Леанансидхе. Она махнула ухоженной рукой, указывая на два кокона, затем вернулась к ласкам Мистера. – Я натолкнулась на этих бандитов роющихся в твоей маленькой пещере и... Как же это слово? – Её улыбка стала еще шире. – Я задержала их.

- Я вижу, - кивнул я.

- Насколько я разбираюсь в смертных делах, - продолжила она, улыбаясь, - следующим будет расследование, после него... Какое слово смертные законы используют для убийства? Ах да, *казнь*. – Её красно-золотистые брови на мгновение поднялись домиком. – Или сначала казнь, а *затем* расследование? – она пожала плечами. – Ля-ля-ля. В любом случае это вопросы семантики. Гарри, ты предпочтешь быть судьёй, присяжным или палачом?

Я... просто смотрел.

Последний раз, когда я видел свою фееричную крёстную мать, она разглагольствовала и бредила различными голосами в раздвоении личности, почти погребенная под слоем льда в Арктис-Торе - сердце Зимнего Двора. С тех пор как мне исполнилось шестнадцать, она неуклонно подстерегала меня всякий раз, когда я заходил в Небывальщину, очевидно желая превратить меня в одну из своих гончих.

Черт побери! И теперь она раздает улыбки и любезности? Защищает мою квартиру? Предлагает мне поиграть в заседание суда, словно я ребенок, а Сьюзен и Мартин пара кукол?

- Не то чтобы я не был рад вас видеть, Леа, - сказал я. – Но я не могу не тревожиться, не зная, чего вы хотите.

- Только лишь гарантировать здоровье твоему духовному началу, - ответила она. – Вот для чего нужна крёстная, или нет?

- А я уж надеялся, что ваш ответ будет более конкретным.

Она музыкально рассмеялась, как будто где-то вдали зазвонили ледяные церковные колокола.

– Милое дитя. Неужели ты ничего не узнал о феях?

- А кто-нибудь, когда-нибудь узнает?

Её тонкие пальцы гладили мех Мистера.

– Ты думаешь, это так невозможно?

- Разве *Вы* так не думаете?

- А почему мое мнение значимо для правды?

- Мы собираемся стоять здесь весь день, отвечая друг другу вопросом на вопрос?

Её улыбка стала шире.

– Ты бы этого хотел?

Я поднял руку, капитулируя.

Она чуть наклонила голову в мою сторону - милосердный победитель. Леа была лучшим, чем я, игроком в этой игре слов, имея за спиной несколько столетий практики.

К тому же, достойно проиграть гостю было обыкновенной вежливостью.

- Чего бы я хотел, - сказал я, - так это, чтобы вы были так добры и освободили этих двоих. Они не грабители. Они гости. И это, прежде всего, мой дом.

- Ну конечно, дитя, - радостно согласилась она. – Не нанесено никакого вреда. – Она щелкнула пальцами, и коконы казалось, превратились в прекрасный зеленый туман, который начал быстро исчезать. Сьюзен мягко упала от стены, но я ждал, чтобы подхватить ее и нежно положить на диван.

Мартин отклеился от потолка и приземлился на обветшалый декоративный коврик, который прикрывал бетонный пол. Поблизости никого не было, чтобы подхватить его, что было ужасно. Просто ужасно.

Я быстро осмотрел Сьюзен. У неё не было явных травм. Она дышала. У неё был пульс. И на этом глубина моих медицинских познаний исчерпывалась. Я так же проверил Мартина, но был разочарован. Он был в таком же состоянии, как и Сьюзен.

Я глянул на свою крестную. Мистер, блаженствуя, растянулся на ее коленях лежа на спине, пока она ласкала своими длинными ногтями его грудь и животик. Его мурлыканье разносилось по всей комнате.

– Что вы сделали с ними?

- Я временно усыпила их хищное начало, - сказала она спокойно. – Бедные овечки. Они не осознают, как много силы они черпают оттуда. Возможно, это послужит полезным уроком.

Я чуть поморщился, обдумывая это.

– Вы имеете в виду... их вампирическую часть?

- Ну конечно.

Я ошеломленный сел прямо на пол.

Если вампирическое заражение у таких людей, как Сьюзен и Мартин, можно было колдовски усыпить, то, наверняка, можно было проделать так же хорошо и всё остальное. Подавить это, возможно, надолго.

Или может быть, даже совсем уничтожить это.

Я почувствовал, как у меня внутри снова затеплился огонек надежды, который я растоптал много лет назад.

Возможно, я смогу спасти их обоих.

- Мне... - я покачал головой. – Я искал возможность для... я провел больше чем... - я еще сильнее затряс головой. – Я провел больше года, пытаюсь найти способ... - я посмотрел на крестную. – Как? Как вы это сделали?

Она лукаво глянула на меня, её губы изогнулись в чем-то, что точно не было улыбкой.

– Ах, милое дитя. На самом деле информация такого рода это целое сокровище. Что ты готов обменять за такой драгоценный камень знания?

Я до скрипа сжал зубы.

– Это всегда сводится к сделкам с вами, не так ли?

- Ну конечно, дитя. Но я всегда до конца следую своим принципам. Поэтому я защищаю тебя.

- Защищаете? – повышенным голосом спросил я. – Вы провели почти два десятилетия, пытаетесь превратить меня в собаку!

- Только когда ты покидал мир смертных, - сказала она, озадаченная тем, что я был расстроен. – Дитя, у нас была сделка. И ты не захотел выполнять свои обязательства, – она широко улыбнулась Мышу. – И собаки такие очаровательные.

Мыш наблюдал за ней невозмутимыми, настороженными глазами, его тело было неподвижно.

Я нахмурился.

– Но... вы продали мой долг Мэб.

- Точно. И по превосходной цене, я могу отметить. Итак, сейчас все эти отношения между тобой и мной сводятся к сделке с твоей матерью. Конечно до тех пор, пока ты не предпочтешь заключить новое соглашение...

Эти слова бросили меня в дрожь.

– Нет, спасибо, – я наконец-то опустил свои щиты. Леанансидхе не отрываясь, смотрела на меня. – Я видел вас в башне у Мэб, - нахмурился я.

Что-то темное проглянуло сквозь её изумрудные глаза, и она чуть повернула лицо, отворачиваясь от меня.

– Действительно, - произнесла она спокойно. – Ты видел, что означает для моей королевы излечивать недуг.

- Какой недуг?

- Безумие овладело мною, - прошептала она. – Похитило меня у себя. Вероломные дары... - она покачала головой. – Я лучше не буду думать об этом, чтобы не делать себя снова уязвимой. Достаточно сказать, что мне сейчас гораздо лучше, – она провела кончиком пальца по льдисто-белой пряди в волосах. – Сила моей королевы победила, и мой ум принадлежит мне.

- Гарантировать здоровье моему духовному началу, - пробормотал я. Затем я моргнул. – Сад, на другой стороне этого места... Он *Ваш*.

- Конечно, дитя, - улыбнулась она. – Ты не находишь странным то, что в твоё суматошно-растрачиваемое время никто из твоих недругов – ни *один* - никогда не попытался пробраться сюда с другой стороны? Никогда никто не посылал злобных духов прямо к тебе в постель, в твой душ, твой холодильник? Никогда никто не подкладывал корзинку со змеями тебе в шкаф, так чтобы они забрались тебе в обувь, ботинки, карманы твой одежды? – она покачала головой. – Милое, милое дитя. Пройди ты чуть дальше, то ты бы увидел гору костей существ, которые пытались добраться до тебя, и которых я уничтожила.

- Ага, точно. И я сам чуть не очутился там же.

- Душка, - улыбаясь, сказала она. – Мои стражники были созданы атаковать любого нарушителя, включая того, который выглядит как ты. Мы ведь не могли допустить, чтобы пробрался какой-нибудь умный перевертыш, не так ли? – она вздохнула. – Ты ужасно обошелся с моими примулами. Откровенно говоря, дитя, там *есть* следы других элементов кроме огня, сам знаешь каких. Ты действительно стремишься к многообразию. Теперь мне нужно кормить, две прожорливы утробы, вместо одной.

- Я буду... буду более аккуратным в следующий раз, - хмыкнул я.

- Я должна по достоинству оценить такое намерение, – она спокойно и изучающе смотрела на меня. – Твои слова обо всей твоей прошедшей жизни были правдивы. Я преследовала тебя в мире духов. Создала стражей и защищала с другой стороны твой спокойный сон, стоя на страже твоего дома. И ты можешь только предполагать, сколько пытались его нарушить, – она улыбнулась, снова показывая аккуратные острые клыки. – Пытались, и тщетно.

Что так же объясняет, почему она всегда была на расстоянии вытянутой руки, когда бы я ни посещал Небывальщину. Почему она нападала на мой след всегда, когда я заходил туда.

Потому что она была там, защищая меня.

От всего, кроме себя.

- Сейчас, в этот раз, - сказала она деловым голосом. – Ты оставил существенный клад из снаряжения для хранения в моём саду.

- Я был в безвыходной ситуации.

- Я осознаю это, - улыбнулась она. – Я, конечно же, сохраню или верну его, как ты пожелаешь. И, если ты погибнешь, я отнесу его наследникам, указанным в твоём завещании.

Я устало рассмеялся.

– Вы... Конечно же вы сделаете именно так. – Я глянул на Мыша. – Как ты думаешь, приятель?

Мышь глянул на меня, потом на Леа. Затем он сел, но, все еще не спуская с неё глаз.

- Да, - хмыкнул я. – Я тоже так думаю.

Леанансидхе широко улыбнулась.

– Это хорошо, что ты так близко к сердцу воспринял мои уроки, дитя. Это холодная и недружелюбная вселенная, в которой мы живем. И только силой тела и ума ты можешь надеяться управлять своей собственной судьбой. Опасайся всех. Даже своего защитника.

Я глядел на неё, размышляя.

Моя мать с завидной дальновидностью подготовила защиту для меня. Она предвидела, в конечном счете, поиск и нахождение моего сводного брата, Томаса. Могла ли она приготовить другие вещи для меня? Вещи, о которых я пока даже не догадываюсь?

Как я могу передать наследство своему ребенку, если я знаю, что умру и не увижу, как это случится? Какое наследство у меня есть, кроме коллекции магических вещичек, которые со временем может накопить любой, безо всякой помощи?

Моим настоящим сокровищем были знания.

Будь вы боги или маленькие рыбки, но знания были опасным наследством. Я представил, что могло бы случиться, если бы, лет в пятнадцать, я изучил аспекты магии, к которым я подобрался только, когда мне исполнилось тридцать. Это походило бы на вручение ребенку заряженного и взведенного револьвера.

Нужен был какой-то механизм безопасности – что-то, что уберегло бы ребенка от достижения вышеупомянутого знания, то тех пор пока он не станет достаточно зрелым, чтобы обращаться с ним мудро. Что-то простое, но сильное для ребенка. Для ребенка-чародея.

Я улыбнулся. Что-то, как невежество обладателя, выраженное в максимально простой форме: задавай вопросы. И, насколько я теперь знал, мою мать не просто так звали “ЛеФей”.

- Крёстная, - сказал я спокойно. - Моя мать оставляла что-нибудь у вас для передачи мне, когда я буду готов для этого? Книгу? Карту?

Леа сделала очень медленный, глубокий вдох, её люминесцентные глаза засветились.

- Хорошо, - пробормотала она. - Хорошо, ну, в общем... хорошо.

- Она оставляла, не так ли?

- Да, действительно. Но меня просили справедливо предостеречь тебя. Это - смертельно опасное наследство. Если ты примешь его, то примешь и последствия, которые придут вместе с ним.

- Какие?

Она повела плечом.

- Это индивидуально для каждого. Твоя мать потеряла возможность спокойно спать. Для тебя же это может обернуться хуже. Или не затронуть вовсе.

Я пару мгновений раздумывал над этим, и затем кинул.

- Я хочу это.

Леа, не отрываясь, смотрела на меня. Она подняла пустую ладонь, сложила её лодочкой и накрыла другой рукой.

Маленький, блестящий рубин, сияющий как капля крови, огранённый в пятиугольник, лежал в её ладони, когда она открыла ее.

- Это квинтэссенция её знаний Путей, - сказала Леа спокойно. - Каждая тропа, каждый прямой путь, каждая связь. Она развила достаточно навыков, разыскивая их, так что в итоге - смогла их предсказывать. Пути могут изменяться из десятилетия в десятилетие, но твоя мать знала, где они были и где они будут. Очень немногие из моего собственного рода могут сказать такое, - она прищурилась. - Это знание – бремя, которое я держу в своей руке, дитя. Я верю, что это может принести тебе гибель. Выбор должен быть сделан тобой.

Я, не отрываясь, уставился на камень, пытаюсь сосредоточиться на медленном дыхании. Все Пути. Способность путешествовать по миру без оглядки на географию. Знание, подобное этому, может выиграть войну с Красной Коллегией прежде, чем она начнется. Любой обладатель этого знания может плевать на закон, избегая расплаты со стороны смертных властей или сверхъестественных наций. Проходить куда угодно. Сбежать из любой западни. Добыть больше информации, чем возможно для кого-либо.

Адские колокола. Этот блестящий маленький камень был скрытой силой, которая потенциально была сильнейшим из всего, что я видел.

Такая *власть*.

Такой соблазн.

Я задавался вопросом, буду ли я в состоянии совладать с этим. Я не святой.

И в тоже время, я никогда не видел вещи, так явно предназначенной для человека, который отчаянно хочет НАЙТИСЬ для своей маленькой девочки. Где бы она ни была, я мог прийти к ней. Прийти к ней и уйти - незаметно.

Мэгги.

Я потянулся и взял камень из руки крёстной.

Глава 16

- Гарри, - прокричала Молли из гостиной. – Я думаю, они просыпаются.

Я фыркнул и снял с шеи свой амулет-пентаграмму, осматривая его. Маленький пятиугольный рубин был, очевидно, огранен для этого редкого специфического украшения. Или так было прежде, до того как я был вынужден использовать его как серебряную пулю. Моя небольшая пентаграмма - пятиугольная звезда в круге - была искорежена до невозможности от того, как я ею пользовался. Я немного выровнял её с помощью ювелирного набора, который использовал для обновления Маленького Чикаго.

Драгоценный камень внезапно со щелчком вошел в центр магической фигуры, как в гнездо. Я несколько раз потряс пентаграмму, камень сидел плотно. Но в этом деле я не мог полагаться на случай, поэтому перевернул её и размазал по обратной стороне толстый слой клея. Она, может, не так хорошо будет выглядеть, когда обсохнет, но меня поджимало время.

- Весьма по-свински, - пробормотал я и бросил взгляд на полку Боба, где развалился Мистер, используя как подушку пару книг в мягком переплете, развлекаясь, царапая когтями застывший свечной воск. Я потянулся и кончиками пальцев почесал у него за ухом; в ответ раздалось громкое урчание, и я пообещал сам себе поскорее вернуть Боба на его законное место, но пока, он был, как и Мечи, слишком ценным и слишком опасным, чтобы оставаться без присмотра. В кровожадном саду Леа они, вероятно, были в большей безопасности, чем сейчас в моей квартире.

Оставив амулет моей матери и блестящий рубин лежащими на рабочем столе, чтобы на них высох клей, я поднялся вверх по стремянке.

Я положил Сьюзен на диван, подложив подушку под голову и укрыв пледом. Молли поступила с Мартином проще, закатав его в подстилку для кемпинга, но все же подпихнула ему подушку и накинула сверху одеяло. Мыш дремал на полу неподалеку от Мартина. И хотя его глаза были закрыты, и он легонько похрапывал, его уши подрагивали при каждом звуке.

Пока я был в лаборатории, Молли прибралась наверху. Видимо она знала лучше меня, где хранится моя посуда. Или провела на кухне небольшую реорганизацию. В любом случае, я был уверен, что когда мне в следующий раз просто захочется поджарить себе одно яйцо на завтрак, мне не удастся найти маленькую сковородку до тех пор, пока я не воспользуюсь большой и не вымою её.

Я присел на корточки возле Сьюзен. Через пару минут она зашевелилась и что-то тихо прошептала, затем сделала резкий вдох, её глаза внезапно широко распахнулись, словно она испугалась.

- Легче, - сказал я. – Сьюзен. Это- Гарри. Ты в безопасности.

Прошло несколько секунд, пока Сьюзен осознала мои слова. Затем она расслабилась, несколько раз моргнула, и повернула ко мне голову.

- Что со мной случилось? – спросила она.

- Вас ошибочно приняли за грабителей, - рассказал я, – ударили какой-то магией, которая вас усыпила.

Она устало поморщилась.

– Ох. Мне снилось...

- Да?

- Мне снилось, что проклятие ушло. Что я была человеком, – она покачала головой с горькой, легкой усмешкой. - Я думала, что я одна в своем теле... Мартин?

- Здесь, - неразборчиво отозвался Мартин. – Я в порядке.

- Может быть ненадолго, - буркнул я. – Квартирные обереги отключены. Мы тут как голые.

- Ну, - сказал Мартин кислым голосом. – Я думаю, мы выучили наш урок о том, куда это ведет.

Сьюзен закатила глаза, но во взгляде, которым она меня наградила, был маленький намек на улыбку, а в глубине её темных глаз тлел неугасимый огонек.

Да. Это было многообещающе.

- Ребята, вы узнали что-нибудь про наш хвост? – спросил я.

- Хвосты, так будет точнее. Три местных детективных агентства, - доложил Мартин. – Им было заплачено наперед наличными, за слежку за нами с того момента, как мы прибыли. Они все дали

различное описание женщины, которая нанимала их. Все нанимательницы были слишком красивы, чтобы верить им.

- Арианна? – спросил я.

Мартин фыркнул.

– Возможно. Старейшие из них могут создавать любую маску плоти, какую они пожелают, и под ней ходить при дневном свете, скрытые от солнца в тени их собственной маски.

Мои брови удивленно поползли куда-то вверх. *Это* было новостью для меня. Я даже не был уверен, владеют ли Стражи такой информацией. Мартин должно быть еще не совсем отошел от своего « тихого часа».

- Как долго мы были в отключке? – спросила Сьюзен.

- Я добрался сюда примерно пять часов назад. Солнце село.

Сьюзен закрыла на секунду глаза, как будто советуясь сама с собой, и кивнула:

– Все верно. Нам с Мартином нужно ехать.

- Куда? – поинтересовался я.

- В аэропорт, - ответил мне Мартин. – Мы должны любой ценой оказаться в Неваде поздно ночью или, в крайнем случае, ранним утром. Затем мы сможем выдвинуться на их секретные склады, чтобы получить больше информации.

- Мы обсудили это, Гарри, - добавила Сьюзен спокойно. – Ты не сможешь лететь на самолете, а у нас на счету каждая минута. Реактивный самолет доставит нас туда примерно за семь часов. Машиной это займет два дня. На это просто нет времени.

- Да, я понимаю твои доводы, - кивнул я.

Мартин скованно поднялся и потянулся.

– Нам может потребоваться какое-то время для разведки. Мы должны установить их слабые места, периоды патрулирования, так что прежде че...

Я прервал его, с силой хлопнув записной книжкой по кофейному столику.

– Хранилище располагается в каменном холме. Есть несколько автономных аккумуляторов снаружи во дворе, подключенных к колючей проволоке проходящей поверх двенадцатифутового забора. Дорога входит в холм и ведет вниз, как я предполагаю, в пещеру, или специально созданную как хранилище, или приспособленную для этого после завершения горнодобывающей деятельности, – я указал на записную книжку с небольшой зарисовкой, в которой я отметил каждую существенную особенность.

- Имеется единственная наблюдательная вышка с одним охранником, вооруженным крупнокалиберной штурмовой винтовкой с большим оптическим прицелом. Еще двое мужчин с собакой патрулируют периметр с этими маленькими штурмовыми винтовками...

- Карабинами, - подсказала Молли с кухни.

... и осколочными гранатами. Они не спешат. Обход у них занимает около двадцати минут; затем они заходят внутрь, вероятно выпить или передохнуть и снова приступают. Так, еще есть камеры наблюдения здесь, здесь, и здесь, и достаточно много машин на служебной парковке, что наталкивает меня на мысль о том, что подземная часть хранилища весьма обширна, и там наверняка есть что-то наподобие казарм для сотрудников службы безопасности.

Я кивнул.

– Это относительно того, что на поверхности, но нет никакого способа послать разведчика внутрь. Хотя всё и так выглядит достаточно просто. Мы движемся вперед под прикрытием завесы. Я вырубаю все коммуникации. Мы отвлечем их внимание и, пока наружу будет выходить подкрепление, мы проникнем внутрь. Надеюсь, мы сможет найти способ закрыться изнутри. И после этого, есть смысл...

Я запнулся, когда глянул на Мартина и Сьюзен, уставившихся на меня с открытыми от удивления ртами.

- Что? – спросил я.

- Как... - начал Мартин.

- Где... - продолжила Сьюзен.

Молли надрывалась от хихиканья, которое она даже не пыталась скрыть.

- Откуда я это знаю? – я потянулся через стол и поднял старый маленький бинокль, который положил там до этого. – Я прогулялся и осмотрелся на местности. Дорога в один конец заняла у меня около пятнадцати минут. Я могу отвести вас, если желаете, но будет прикольно, если вы ребята захотите добираться на самолете. Я подожду вас там.

Мартин не сводил с меня тяжелого взгляда.

- Ты... - начала Сьюзен, что-то похожее на злость звучало в её голосе. Затем она запрокинула голову и громко рассмеялась. – Ты невыносимая, высокомерная свинья, - сказал она нежно. – Я не должна была недооценивать тебя. Ты не всегда выступаешь изящно, находясь на первой линии — но ты всегда впереди, иначе это не ты.

- Я надеюсь на это, - сказал я спокойно и снова поднялся. – Лучше перекусите что-нибудь. Мне нужно закончить кое-что в лаборатории, что может нам помочь. Мы выдвинемся через час.

Глава 17

Мы выкатились через пятьдесят пять минут.

Голубой Жучок был забит до отказа, но мы не собирались ехать дальше, чем полдюжины кварталов. Вход на нужный Путь был в переулке позади многоквартирного здания из бурого песчаника, в самом обычном чикагском районе. Уже было поздно, поэтому дорожное движение практически замерло, и Мыш с хорошей скоростью двигался позади нас, оставаясь по большей части в тени и легко держась наравне с машиной.

Что говорит о силе моей собаки, а не о слабости моего автомобиля. Seriously.

Молли подъехала к началу улицы и остановилась. Она нервно оглядывала округу, пока мы покидали машину. Я подал Сьюзен руку, когда она выбиралась с крошечного заднего сиденья, и затем придержал дверь, пока Мыш запрыгивал на пассажирское место.

Я почесал ему уши и, нагнувшись вниз, заговорил с Молли.

– Пойди, попей кофе или еще чего-нибудь. Дай нам час, максимум полтора. Мы вернемся за это время.

- А если нет? – спросила Молли. Она непроизвольно потянулась к Мышу рукой, словно ища у него поддержку, и зарылась пальцами в его шерсти. – Что мне тогда делать?

- Если мы не появимся за это время, возвращайся к себе домой. Я свяжусь с тобой там.

- Но что если...

- Молли, - сказал я твердо. – Невозможно всё запланировать наперед, иначе мы никогда не сделаем первый шаг. Начинай действовать. И не позволяй псу тебя облизывать. Он очень нахально себя ведет в последнее время.

- Хорошо, Гарри, - сказала Молли по-прежнему несчастным голосом. Она тронулась с места, и Мыш, повернув голову, наблюдал за нами, пока она уезжала прочь.

- Бедный ребенок, - проговорила Сьюзен. – Ей так не нравится оставаться позади.

Я хмыкнул.

– У этого ребенка достаточно силы, чтобы одолеть нас всех троих, если она застанет нас врасплох, - сказал я. – Просто её сила не такая явная.

- Я говорю не об этом.

Я проворчал:

– Что ты имеешь в виду?

Сьюзен бросила на меня короткий взгляд, её брови приподнялись.

– Боже мой! Ты не понимаешь.

- Понимаю что?

Она покачала головой, один уголок её рта приподнялся в улыбке, которую я так хорошо помнил. От этого мое сердце дернулось, если это конечно было возможным.

– Молли потеряла от тебя голову, Гарри.

Я насупился.

– Нет, это не так. Мы давно разобрались с этим. Ничего такого нет.

Сьюзен пожала плечом.

– *Может быть*, ты разобрался с этим, но не она. Она влюблена.
– Это не так, – возразил я, нахмурившись. – Она ходит на свиданья и все такое прочие.
– Я сказала, что она влюблена. Не мертва, – выражение ее лица внезапно стало нейтральным. – Или... полумертва, – она посмотрела вслед исчезнувшей машине и спросила. – Могу я поделиться с тобой кое-чем, что я узнала за несколько прошедших лет?

– Я полагаю, да.

Она повернулась ко мне с серьезным выражением лица.

– Жизнь слишком коротка, Гарри. И в ней слишком мало радости. Если ты нашел её, то хватай, не раздумывая. Прежде чем она исчезнет.

Для Сьюзен сказать это стоило очень многого. Она хорошо это скрывала, но не настолько хорошо, насколько я знал её. Озвучив эти мысли, она причиняла себе очень реальную боль. Я хотел не согласиться с этим, но заколебался. Вместо этого я сказал:

– Я никогда не прекращал любить тебя. Никогда не хотел, чтобы ты ушла.

Сьюзен немного отвернулась от меня, позволяя волосам упасть на лицо, скрывая его, как за вуалью. Затем она проглотила комок в горле и сказала немного дрожащим голосом:

– Я тоже. Но это не означает, что мы будем вместе.

– Нет, – прошептал я. – Я предполагаю, теперь уже нет.

Она внезапно сжала руки в кулаки и выпрямила спину.

– Я не могу сделать это... Не прямо сейчас... Мы должны сосредоточиться... Я... – Сьюзен покачала головой и пошла прочь. Она подошла к перекрестку и, остановившись возле него, начала делать медленные, глубокие вдохи.

Я глянул на Мартина, который стоял, прислонившись к стене здания с безразличным выражением на лице.

– Что? – огрызнулся я на него.

– Ты думаешь, то, что ты чувствуешь в отношении своей дочери это ярость, Дрезден? Это не так, – он подбородком показал в сторону Сьюзен. – Вот ярость. Она знала семью Мендозы – приемных родителей Мэгги – и любила их, как родных. Она первая зашла к ним в дом и обнаружила их. Она нашла их детей. Вампиры в прямом смысле разорвали их на куски. Одному из четырех детей Мендозы было три года. Двое были примерно возраста Мэгги.

Я не мог ничего сказать. Моё воображение показывало мне ужасные картины.

– Нам потребовалось полчаса, чтобы найти все части тел, – невозмутимо продолжил Мартин. – Нам пришлось сложить их вместе, как мозаику. И все это время жажда крови сводила нас с ума. Несмотря на тот факт, что она знала этих людей. Несмотря на её ужас за дочь. Представь это на секунду. Представь Сьюзен, стоящую там, наполненную желанием вцепиться в окровавленную конечность зубами, даже зная, что маленькая изуродованная нога может оказаться ногой её дочери. Вообрази это.

С такой точки зрения, я не думаю, что смог бы вынести это.

– Это закончилось только, когда пазлы из тел были собраны, и мы поняли, что Мэгги среди них нет, – продолжил Мартин спокойным и вежливым голосом. – Она с трудом держится. И если она потеряет контроль, могут погибнуть люди. Она может стать одной из них, – глаза Мартина стали жесткими и, абсолютно холодными. – Таким образом, я принял бы это, как гребаную любезность, если ты перестанешь мучить её, взрывая ей эмоции за пять минут до того как нам предстоит ворваться в дверь супер-охраняемого хранилища.

Я оглянулся через плечо на Сьюзен. Она, отвернувшись от нас, смотрела вдаль, собирая волосы в хвост.

– Я не знал, – пробормотал я.

– В этой ситуации твои эмоции это помеха, – сказал Мартин. – Они не помогут Родригез. Они не помогут маленькой девочке. Я надеюсь, ты прекратишь потворствовать им, пока все не закончится.

– Пока что не закончится? – спросила Сьюзен, возвращаясь.

– Гм, прогулка, – сказал я, поворачиваясь, чтобы провести их переулком. – Это не займет много времени – около тридцати секунд на прохождение по ровному коридору. Но там темно и вы должны задержать дыхание на протяжении всего пути.

– Почему? – спросила Сьюзен.

- Там полно метана и двуокиси углерода, и немного других газов. Если вы зажжете свет, то рискуете подорваться.

У Сьюзен удивленно приподнялись брови.

- А как насчет твоего амулета?

Я покачал головой.

- Света от него на самом деле.... Ггмм, это более сложно для понимания, чем вам нужно знать. Достаточно сказать: я чувствую, есть очень маленький шанс, что это послужит причиной атмосферного взрыва. Как эти предупреждения о статическом электричестве на бензозаправках. Зачем попусту рисковать?

- Ага, - усмехнулась Сьюзен. - Ты хочешь, чтобы мы прогулялись через туннель, заполненный ядовитыми газами, которые могут взорваться от малейшей искры?

- Да.

- И... ты уверен, что это хорошая идея?

- Это ужасная идея, - подтвердил я. - Но это самый быстрый путь к месторасположению хранилища. - Я поднял руку, прикасаясь пальцами к красному камню амулета, когда приблизился в точке открытия Пути. Это был старый, заложённый кирпичом дверной проем на уровне подвала в многоквартирном здании.

Женский голос - хриплый и спокойный раздался в тишине - без видимого источника звука. Голос моей матери. Она умерла вскоре после моего рождения, но я был уверен, уверен, как ни в чем в своей жизни: Это был её голос. Он обволакивал меня душевным теплом, и я слушал его, как старую, любимую мелодию, которую не слышал годами.

- Коридор на другой стороне заполнен скопившимся до опасного уровня метаном и угарным газом, с примесью других газов. Эта смесь очень неустойчива, поэтому нет уверенности, какая именно энергия может или не может послужить детонатором взрыву. Сорок два прогулочных шага в дальний конец, который открывает выход на гребень скалы возле Корвина, Невада. - Момент тишины, и потом снова тот же голос, тяжело дыша, дрожа и задыхаясь. - Примечание: Коридор не совсем заброшен. Что-то попыталось схватить меня, когда я проходила через него, - она прокашляла несколько раз. - Примечание второе: Когда будешь в следующий раз собираться в Корвин, не одевай платье, глупышка. Для некоторых фермеров это целое шоу.

- Может быть, это был груй, - пробормотал я, улыбаясь.

- Ты что-то сказал? - спросила Сьюзен.

- Ничего, - продолжая улыбаться, ответил я. - Не обращай внимания. - Я положил руку на дверной проём и мгновенно почувствовал пружинистую эластичность под пальцами. Тут была слабая граница между миром плоти и духа. Я сделал глубокий вдох, выплеснул небольшое усилие воли и прошептал, - *Aparturum*.

Черный круг начал расползаться от центра под моей ладонью, быстро набухая и покрывая стену. Я не позволил ему стать слишком большим. Переход со временем закроется сам, но меньший проход закроется быстрее, и я не хотел, чтобы какой-то бедолага прошел через него.

Кроме присутствующей компании, разумеется.

Я оглянулся на Сьюзен и Мартина.

- Сьюзен, держись за мой плащ. Мартин, возьми за неё. Сделайте глубокий вдох и давайте закончим это быстро и тихо.

Я повернулся к Пути, сделал глубокий вдох и затем шагнул вперед.

Мамин камень не предупреждал, что тут будет *настолько* жарко. Когда я шел по коридору во время первой прогулки, я чувствовал себя так, словно меня поместили внутрь трех саун, вложенных друг в друга, наподобие русских матрешек. Я нашел правую стену и пошел вперед, считая шаги. Я делал их чуть короче, чем обычно, и на этот раз более точно отмерил длину маминого шага. Мы сошли с Пути на сорок третьем.

Еще одно усилие воли и шепот произнесенного слова открыли переход, и я вошел в холодный горный вечер. Сьюзен и Мартин вышли за мной, и мы простояли с минуту, успокаивая наше сдержанное дыхание. Мы находились в пустынных горах, покрытых жесткими, волокнистым

растениями и населенными быстрыми, тихими животными. Врата позади меня повисли в воздухе и выглядели как вход в старую шахту, который был замурован давным-давно.

- Куда идти? – спросил Мартин.

- Полмили в эту сторону, - указал я и начал подниматься по склону.

* * *

Я должен отметить, это было хорошее укрытие. Мы были далеко на пустынных холмах, в тех местах, куда никто просто так не забирается. Хранилище было вырублено в гранитном шельфе в конце каньона. Единственная ведущая к нему дорога находилась на дне каньона - широкого, ровного и лишенного таких свойств рельефа, как благоприятно расположенные куски скал, за которыми можно было попробовать укрыться. Стены каньона были практически ровными. Никто не сможет спуститься по ним без ста ярдов веревки или вертолета.

Или чародея.

- Все в порядке, - сказал я. Ночью тут было чувствительно холодно. Моё дыхание замерзло в воздухе, когда я говорил. – Возьмите это. Выпейте половину. Сохраните остальное, – я вручил пробирки со светло-синей жидкостью Мартину и Сьюзен.

- Что это такое? – спросила Сьюзен.

- Парашют, - хмыкнул я. – Технически, это снадобье для полета, но я чуть упростил его. Оно должно безопасно доставить нас на дно каньона.

Мартин посмотрел на пробирку и затем на меня.

- Гарри, - начала Сьюзен. – В последний раз, когда я выпила одну из твоих микстур, мне было... неловко.

Я поднял к небу глаза.

– В конце сделайте кувырок для погашения инерции. – Затем я выпил половину жидкости из своей бутылочки и сделал шаг с края обрыва.

Полет, это очень сложная в исполнении вещь для чародея. Каждая магия работает немного по-разному, и это означает, что когда доходит до полета, управлять им можно только методом проб и ошибок. Полет, вообще, означает очень быстрое перемещение, длинный путь за короткое время; потенциальные «воздуходемоны» имеют тенденцию к прекращению карьеры (и жизни) при первой же серьезной ошибке.

Летать трудно - но падать легко.

Я полетел вниз, ускоряясь в течение секунды, а затем поддерживал скорость около пятнадцати миль в час. Чтобы достичь поверхности пустыни ушло не так уж много времени, и я кувырком перекатился, гася избыточную энергию. Я поднялся, отряхиваясь. Мартин и Сьюзен с кувырком приземлились поблизости и так же уже стояли на ногах.

- Прикольно, - пробормотала Сьюзен. Она, в виде эксперимента, подпрыгнула в воздух и улыбнулась, медленно приземляясь. – Очень круто. Потом мы выпьем больше, чтобы взлететь?

- Это будет для нас плевое дело, - ухмыльнулся я. – Но нам нужно двигаться быстро. Снадобье перестанет действовать примерно через двадцать минут.

Сьюзен кивнула, регулируя лямки маленького рюкзака, который висел у нее на спине.

– Принято.

- Держитесь ближе ко мне, - я обвел их взглядом. – Я не смогу прикрыть завесой всех троих, если мы не будем на расстоянии вытянутой руки.

Они подошли ближе, и спустя три секунды сосредоточенности и концентрации я поднял завесу вокруг нас, которая должна была скрыть нас и тепло наших тел. Она не была идеальной. Нас по-прежнему можно было разглядеть на приборах ночного видения с той или иной стороны. Я рассчитывал на то, что мужчины, охраняющие изолированный объект, очень редко сталкиваются с какими-то проблемами. Они занимаются очень спокойной, испытанной рутинной, которая и будет тем фактором, что усыпит бдительность часовых. Такова человеческая натура.

Я подал знак кивком головы, и мы втроем двинулись в сторону хранилища. Тут не было перебежек от тени к тени, или раскрашенных в камуфляжные цвета лиц. Заклинание завесы позаботилось об

этом. Мы просто шли по неровной земле, сосредоточившись на том, чтобы держаться рядышком. Эта часть пути была бы гораздо веселее, если бы тут не было Мартина.

Мы остановились, не доходя до забора около тридцати ярдов. Я поднял посох, направил его на первую камеру наблюдения и прошептал: - *Nexus*.

Я никогда раньше не пробовал удерживать что-либо такое затратное как завеса и одновременно работать с другим – даже таким простым заклинанием, как порча техники. На секунду я подумал, что не удержал вуаль, но затем её состояние стабилизировалось. Огоньки на камере погасли.

Мы двигались по периметру, и еще две камеры превратились в бесполезную рухлядь, но как только я испортил камеру номер три, Сьюзен схватила меня за руку и указала на пеший патруль, осматривающий местность.

- Собака унюхает наш запах, - прошептала она.

Мартин достал короткий пистолет из-под пиджака и накрутил на него глушитель.

- Нет, - почти прорывался я. Порывшись в кармане пыльника, я нашел второе зелье, которое сделал, пока готовился к этому путешествию. Это был изящный, круглый шарик из стекла толщиной, наверное, с лист бумаги. Я метнул этот шар в сторону приближающегося патруля и услышал, как он разбился с тихим потрескиванием.

Мужчины с собакой подошли к тому месту, где я оставил свой сюрприз, и пес вдохнул новый запах с видимым интересом. Рванув вперед, собака потащила за собой охранников, и они все вместе проследовали мимо, не заметив нас.

- У собаки обоняние и слух восстановятся к утру, - прошептал я. – Эти парни просто выполняют свою работу. Мы не собираемся убивать их за это.

Мартин, продолжая держать пистолет в руке, выглядел сконфуженным.

Мы добрались до того места, где напротив большой парковки забор упирался в стену каньона. Сьюзен достала кусачки для проволоки. Она раскрыла их и приготовилась делать проход, когда Мартин схватил её за запястье, предостерегая от прикосновения к забору.

– Под напряжением, - прошептал он. – Дрезден.

Я фыркнул. Теперь, когда он указал на это, я и сам почувствовал электричество - еле слышное гудение висело в воздухе, заставляя волосы на моих руках приподняться. Околдовать что-то, содержащие микрочипы очень просто. Помешать потоку электричества, проходящего через металл значительно сложнее. Я наложил свой лучший сглаз на провода в том месте, где они соединялись с линией электропередачи, и был вознагражден резким запахом паленой резины. Мартин потянулся и коснулся забора тыльной стороной ладони. Электричество его не ударило.

- Все в порядке, - прошептала Сьюзен и начала орудовать кусачками, прорезая путь вовнутрь. При этом она старалась попадать в такт с завываниями ветра, который выводил крещендо и скрывал щелчки ножниц. – И где обещанное отвлечение внимания?

Я подмигнул ей, поднял жезл, просунул его между звеньями забора и тщательно прицелился. Затем я глянул на вышку и, убедившись, что охранник не смотрит на нас, прошептал: *Fuego, fuego, fuego, fuego*.

Крошечные шары зловещего красного цвета, пролетев сквозь забор, направились в сторону стоянки для автомобилей. Мой прицел оказался хорош. Маленькие сферы, зашипев, проплавили себе путь через крылья нескольких транспортных средств и взорвались в бензобаках под ними.

Результат был предсказуем. Бензобак взрывается не так громко, как настоящая бомба, но когда вы стоите на расстоянии нескольких ярдов от взрыва, их достаточно тяжело различить. Раздалось несколько быстро нарастающих глухих хлопков, пламя от вспыхнувших автомобилей осветило округу.

Охранник на вышке начал кричать что-то в радио, но очевидно не смог получить ответа. Неудивительно. Вторая камера располагалась на вышке и порча, которая разрушила её, очевидно, зацепила и его радио. Пока он был занят, Сьюзен, Мартин и я проскользнули через проход в заборе и, прячась в тени, прокрались к темной нише у входа в хранилище.

Машина, припаркованная между двумя пылающими автомобилями, с легким хлопком воспламенилась, делая вечер еще более светлым. Спустя несколько секунд вокруг хранилища начали

вспыхивать красные огоньки, и зазвучала тревожная сирена. Огромная металлическая дверь, ведущая внутрь хранилища, начала подниматься вверх, совсем как гаражные ворота.

Двое патрульных и их временно-ручная немецкая овчарка выбежали первыми, а спустя мгновение следом за ними выскочили около дюжины парней одетых в такую же униформу или по крайней мере в её части. Это выглядело так, словно часть из них выпрыгнула из кроватей и схватила то, что попало под руку. Несколько парней тащили огнетушители, как будто они могли справиться с таким большим пожаром. Удачи вам в этом, мальчики.

В тот момент, когда последний из них миновал нашу позицию и в спешке направился к горящим автомобилям, я ринулся вперед, полностью сосредоточившись на завесе и надеясь, что Мартин и Сьюзен держаться достаточно близко. Они так и поступили. Мы прошли через большую гаражную дверь и направились вниз по длинному пандусу, ведущему вглубь хранилища.

- Идите вперед, - крикнул Мартин. Он поспешил к контрольной панели на стене и щелкнул по нескольким переключателям. – Я закрою дверь.

- Но так, чтобы мы смогли открыть её, когда будем выбирать, - пробурчал я.

- Конечно, Дрезден, - сказал Мартин решительно – Я делал это на протяжении шестидесяти лет до того, как ты родился.

- Лучше скинь эту невидимую штуку, Гарри, - сказала Сьюзен. – То, что мы ищем, может быть в компьютере, так что...

- Так что мне нужно придержать магию до тех пор, пока мы это не выясним. Принято.

Мы направились вперед. Пещера простиралась глубоко внутрь скалы; мы прошли около сотни ярдов, не считая четырех сотен ярдов спуска по спиралевидному пандусу. Воздух становился холоднее, чего и следовало ожидать под землей.

Более того, в нем ощущался четкий духовный холод. Злобные энергии кружили вокруг нас - меленные и вязкие, как полузамерзший мед. Было что-то темно, злорадное, вызывающее в моем уме изображение старого, скупого Дракона, лежащего в жадной дремоте на кровати из сокровищ. Что, должно быть, было причиной, по которой Красная Коллегия спрятала здесь темные сокровища. Окружающая энергия как эта, не была прямо опасна для кого-либо, но при самом небольшом усилии, она ревностно защитит и сохранит волшебные орудия, успешно противостоя течению времени.

Пандус уперся в большое помещение, которое напомнило мне внутренние коридоры стадиона. Перед нами было три двери. Одна была слегка приоткрыта и на ней читалась надпись «КАЗАРМА». Другая была закрыта, и надпись на ней гласила: «АДМИНИСТРАЦИЯ».

Последняя - большая, стальная дверь, была украшена табличкой «ХРАНИЛИЩЕ». Бетонная погрузочная рампа, покрытая по краям желтыми и черными полосами, располагалась перед нами, на высоте облегчающей выгрузку из транспортных грузовиков, таких, как припаркованный поблизости.

Ах, да и еще было два охранника, стоящих перед дверью хранилища с враждебно выглядящими дробовиками.

Сьюзен не колебалась. Она с почти сверхъестественной скоростью бросилась вперед, и один из охранников упал на пол, прежде чем он понял, что оказался в бою. Второй успел развернуться ко мне и открыть огонь из своего оружия. В лихорадочной спешке он не прицеливался. Люди делают большую рекламу дробовикам, утверждая, что из них можно поразить абсолютно все, на что только вы наведете ствол, но это не так. Это требует значительного опыта использования дробовика под давлением, а впавший в панику охранник его не имел. Дроби гудели вокруг меня, как сердитые осы; я сделал три быстрых шага влево и спрятался за открытой дверью казармы, уходя с линии огня.

Со стороны хранилища раздался треск, как от удара чего-то твердого, например рукоятки оружия о череп, и Сьюзен прокричала:

- Чисто.

Я беспечно вышел из пустой казармы. Оба охранника лежали оглушенные у ног Сьюзен.

– Боже, я хорош, - заявил я.

Сьюзен кивнула и ногой оттолкнула оружие от обоих пребывающих без сознания охранников.

– Прекрасное отвлечение внимания.

Я подошел к ней и посмотрел на дверь.

– Как мы пройдем через неё?

- Мы и не будем через неё проходить. - Достав маленький набор отмычек, она подошла к двери администрации, игнорируя вход в хранилище. – Нам не нужны их сокровища. Нам нужны всего лишь квитанции.

Я немного изучал науку вскрытия замков, но Сьюзен определенно знала больше меня. Ей оказалось достаточно бросить один взгляд на замок, достать отмычку из набора и открыть его так же чертовски быстро, как если бы у неё был ключ. Она распахнула дверь и произнесла:

- Подожди здесь. И не сломай ничего.

Я сложил руки за спиной и постарался выглядеть благочестиво. Улыбка молнией скользнула по ее лицу, быстрая и свирепая, и она скрылась внутри офиса.

Я зашел в казарму. Мои пистолеты покоились вместе с остальной контрабандой в глубине парка Леа, а я принципиально не любил ходить безоружным. Магия чертовски хорошая вещь, когда требуется побуяннить, но бывают времена, когда незаменимо огнестрельное оружие. Оно превосходно, если применяется по назначению.

Пара секунд осмотра показали мне несколько вариантов. Во-первых, я поднял большой полуавтоматический пистолет и несколько обойм к нему, после беглого осмотра я положил их в карман плаща. Затем я заметил на стойке штурмовую винтовку и обнаружил, что к ней подходят два магазина, которые лежали рядом.

Винтовки не были моей сильной стороной, но я знал достаточно, чтобы проверить патронник и убедиться в том, что там нет патрона. Я так же проверил предохранитель и перекинул через плечо нейлоновый ремень. Затем я вернулся к двери администрации, ожидая новостей снаружи.

Сьюзен разразилась бранью на нескольких языках. Она появилась секунду спустя и рывкнула:

- Пусто. Кто-то побывал здесь первым. Они стерли все связанное с перемещением грузов меньше чем три часа назад.

- Как насчет бумажных копий? – спросил я.

- Гарри, - нахмурилась Сьюзен. – Ты слышал когда-нибудь про безбумажные офисы?

- Ага, - сказал я. – Это как Йети. Кто-то рассказывает, что он знает кого-то, кто видел что-то, но ты никогда не видел его сам, – я запнулся и продолжил. – Хотя полагаю, я действительно видел Йети и он выглядел как приличный малый, но метафора все еще работает. Вспомни, кто владельцы этого места. Ты думаешь, кто-то вроде герцогини компьютерный асс? Поверь мне. Если тебе пара сотен лет, у тебя будут копии всего хотя бы в трех экземплярах.

Сьюзен приподняла брови и кивнула.

– Ладно. Приступим, в таком случае.

Мы зашли внутрь и обыскали офис. Там было множество файлов, но у нас был идентификационный номер отгрузки магических артефактов (000937, если это имеет значение), поэтому была возможность быстро перебрать их. На выходе мы снова получили ноль. Кто бы ни заметал следы, он сделал это хорошо.

- Проклятье, - тихо сказала Сьюзен дрожащим голосом.

- Спокойнее, - отозвался я. – Спокойнее. Мы пока еще не перебрали все варианты.

- Это был наш единственный след, - вздохнула она.

Я ободряюще сжал её руку и произнес:

- Поверь мне.

Она чуть-чуть мне улыбнулась. Я мог видеть слезы в её глазах.

- Идем, - я махнул головой. – Давай выберемся отсюда, прежде чем прибудет кавалерия. Ох, держи. – Я вручил её штурмовую винтовку.

- Это так заботливо с твоей стороны, - сказала она, улыбаясь более широко. Её рука пробежала по оружию, проверяя патронник, так же как поступил и я чуть ранее, только ее движения были более быстрые и плавные. – А я для тебя ничего не приготовила.

Я повернулся и глянул на прицепной фургон, затем подошел к его грузовой двери.

– Здесь. Откроешь эту дверь для меня?

Она достала отмычки и сделала это за меньшее время, чем потребовалось мне, для того чтобы озвучить свою просьбу.

Внутри обнаружилось несколько длинных ящиков, стоящих вертикально, и спустя секунду я понял, что это были гардеробные боксы. Я открыл один и...

И обнаружил длинный плащ, сделанный из белых и зеленых перьев, висящий на маленькой вешалке в центре бокса. На взгляд он мог весить более пятидесяти фунтов. Весьма тяжелый наряд. Рядом крепилась палка с вырезанными на рукояти пиктограммами, оббитая острыми, как лезвие кусочками обсидиана. Я не был силен в этой редкой форме письменности, но я узнал её и также понял, что это не был древний артефакт. Это было вырезано в течение нескольких прошедших десятилетий.

- Это церемониальный костюм Майя, - пробурчал я, нахмурившись.- Зачем загружать это в готовый к отбытию грузовик...?

Тут меня осенил ответ. Я повернулся к Сьюзен, и мы обменялись понимающими взглядами. Она подошла к кабине грузовика и скрылась внутри, затем вытащила оттуда спортивную нейлоновую сумку, в которую начала лихорадочно запихивать какие-то вещи.

- Что ты обнаружила?- окликнул я ее.

- Потом, нет времени, - отрывисто ответила Сьюзен.

Мы поспешили обратно по пандусу к Мартину.

Большая дверь выглядела так, словно пыталась пересилить сама себя. Она вздрагивала и скрипела в попытках подняться, но Мартин делал что-то с парой проводов на разбитой панели, и она вновь падала вниз. Я увидел, как охранники пытаются просунуть оружие под дверь для выстрела наугад, но Мартин не давал им такой возможности, пресекая любые попытки прицельными выстрелами пистолета с глушителем.

- Наконец-то, - бесстрастно произнес Мартин, когда мы подошли к нему. – Они пытаются проникнуть внутрь.

- Проклятье, - выругался я. – Я полагал, они дольше провозятся с пожаротушением.

Я осмотрел пустой туннель. Я устал и замерз. Будь я свеженький, я бы без проблем прорвался через кучку ребят с автоматическим оружием, учитывая, что все они передо мной. Но я был уставший, и это кое-что значило. Малейшее колебание в концентрации и щит станет пористым и прогнется. И я наверняка схлопочу кучу пуль. Пыльник остановит большую их часть, но это не сможет длиться вечно, и у меня не было ничего, чем бы я мог прикрыть голову.

- Планируем план Б, - сказал я. – Право, нам нужен план Б. Если бы у нас была тачка, это было бы здорово...

Сьюзен громко хохотнула; меня осенило, и я повернулся к ней с горящими глазами.

- У нас есть отличный большой грузовик, - ухмыльнулась Сьюзен.

- Тогда почему вы не внесли его в список наших активов? – воскликнул я с плохим британским акцентом. – Вперед!

Сьюзен исчезла в глубине туннеля, двигаясь пугающе быстро.

- Мартин, - скомандовал я. – Держись позади меня!

Как только он сделал это, я поднял левую руку и поставил простой физический щит; через пять или шесть секунд дверь поднялась на два фута от земли, и несколько лежащих стрелков открыли огонь по первому человеку, которого они увидели – по мне.

Я держал щит, поскольку дверь продолжала подниматься, и пули рикошетили с концентрическими кругами света, расплывающимися по невидимой обычно поверхности щита. Напряжение от удержания щита нарастало по мере того, как все больше охранников присоединялось к стреляющим. Я увидел, как один бедолага повалился на землю, схлопотав рикошет в живот, но у меня не было ни времени, ни желания чувствовать сожаление. Я оскалил зубы и держал щит, так как охранники остервенело продолжали стрельбу по нему.

Затем раздался рев большого двигателя, и Сьюзен повела грузовик вперед, как какого-то обезумевшего бизона, нацелившись на группу охранников, блокирующих выход.

Мужчины закричали и бросились в разные стороны, пытаясь избежать столкновения с грузовиком. Не ожидая команды Мартина, я начал двигаться, как только грузовик с ударом вписался в поворот, а его дальний конец занесло в смертельной, скользящей дуге. Мы воспользовались царившим беспорядком и рванули к кузову, который Сьюзен предусмотрительно оставила открытым.

Один из наиболее проворных охранников попытался повторить наш трюк, но Мартин, разгадав его намеренье, прострелил ему ногу из своего маленького пистолета. Мужчина закричал и упал, а грузовик тем временем набирал скорость. Сьюзен до упора утопила педаль газа, завизжали разрываемые металл и колючая проволока, когда она протаранила секцию забора и выехала на открывшийся простор долины. Она незамедлительно развернулась в сторону нашей точки бегства, и грузовик, подпрыгивая и грохоча, помчался прочь от хранилища.

Остальное выеденного яйца не стоило.

Мы вернулись к нашей точке восхождения, выпили остатки летательного зелья и поднялись по скалистому склону каньона как горные козлы. Или возможно белки. В любом случае это сделало подъем по склону в восемьдесят градусов не сложнее, чем подъем по длинной лестнице.

- Гарри, - попросила Сьюзен, тяжело дыша, когда мы достигли вершины. – Мог бы ты сжечь этот грузовик для меня?

- С удовольствием, - хмыкнул я, и расправился с грузовиком тем же способом, что и с машинами на парковке. Через тридцать секунд раздался взрыв, и Сьюзен удовлетворенно кивнула.

- Отлично, - сказала она. – Хорошо. Будем надеяться, это осложнит им осуществление задуманного.

- Что вы обнаружили? – спросил Мартин.

- Ритуальные костюмы майя, - ответил я. – Не основные вещи, но из того же рода. Реквизиты. Они были в грузовике, который должен был выезжать следующим.

Сьюзен зашуршала в нейлоновой сумке и достала клочок бумаги.

- Отчет о погрузке, - пояснила она. – Груз номер 000938. Следующая исходящая партия после начальной отгрузки, и она должна была отправиться спустя два дня после отбытия оригинального груза.

Мартин прищурил глаза, размышляя.

- Если это направлялось в то же место, куда и первый груз...

- Это означает, что мы можем сделать очень вероятное предположение о том, что где бы ни происходило действие, это будет на расстоянии двух дней пути, - подумав, сказал я. – Это даёт вампирам достаточно времени, чтобы принять первый груз, понять все ли на месте и востребовать со второй отгрузкой недостающие предметы.

Мартин кивнул.

- Итак? Где они?

Сьюзен копалась в содержимом нейлоновой сумки.

- Мексика, - сказала она и подняла паспорт США, предположительно фальшивый (ведь большинство людей не вкладывают паспорта в желтый конверт, вместе с бумажником, полным подозрительно новых мексиканских наличных).

- Она собирались отвезти эти плащи и прочие вещи в Мексику.

Я хмыкнул и пошел в сторону Пути. Мартин и Сьюзен держались позади меня.

- Гарри? Того, что мы уничтожили, хватит, чтобы остановить их?

- Это побеспокоит их, - сказал я спокойно. – Немного, но побеспокоит.

Настоящая магия не нуждается в костюмах. Это люди, которые делаю её, нуждаются в них. Итак, можно заменить любые шестидесяти фунтовые попугайские плащи, а при особо сильном желании можно провести ритуал даже без них.

- Они узнают, кто здесь был, - произнес Мартин. – Слишком много людей видело нас. Внутренние камеры тоже могли что-нибудь заснять.

- Хорошо, - криво усмехнулся я. – Я хочу, чтобы они знали. Я хочу, чтобы они знали, что их самые безопасные места не безопасны.

Сьюзен издала рычащий звук, который стоило расценивать как одобрение.

Даже рот Мартина скривился в маленькой холодной улыбке.

- Итак, кроме испорченного сна кое-кого из Красной Коллегии, что мы фактически тут достигли?

- Мы узнали, где они собираются провести ритуал, - ответила ему Сьюзен.

Я кивнул.

- Мексика

- Ну, - скривился Мартин. – Я полагаю, это уже кое-что.

Глава 18

Госпожа Спанкелкриф была фантастической домохозяйкой. Она жила на первом этаже старого дома, редко покидала свою квартиру, была практически глухой и, как правило, не совала свой нос в мои дела, пока получала чеки за аренду, которые в последнее время поступали вовремя или даже чуть раньше.

Маленькая армия сумасшедших, сильных зомби штурмовала мою квартиру, не потревожив её покой, наверное, потому что они были достаточно любезны, сделав это сразу после заката, после того как она отправилась спать. Но, я подозреваю, совместный визит полицейских и ФБР был намного громче. Когда Молли припарковала Голубой Жучок на маленькой гравийной парковке, я увидел госпожу Спанкелкриф, которая медленно поднималась по ступенькам моей квартиры, тяжело опираясь на трость. На ее плечи был накинут теплый платок поверх мягкого синего домашнего халата – октябрьские ночи прохладны. Светло-синие глаза встревожено блеснули.

- Вот ты где, - воскликнула она раздраженно. – Я звонила тебе домой весь вечер, Гарри.

- Извините, миссис С, - слегка поклонился я. – Меня не было.

Я не думаю, что она хорошо расслышала мои слова, но она не была глупой.

– Очевидно, что тебя не было, - буркнула она. – Что случилось с твоей хорошей новой дверью? Она просто широко распахнута! Если пройдет еще одна сильная гроза, дождь зальет все внутри, и по стенам расползется плесень, прежде чем ты успеешь сказать: «Джек Робинсон».

Я развел руками и сказал так громко, как только смог, чтобы это не выглядело как крик:

– Это была небольшая путаница с полицией.

- Нет, - сказала она, - условия аренды весьма четкие. Ты ответственен за любые повреждения, нанесенные квартире, пока ты арендуешь её.

Я вздохнул и кивнул.

– Я все почию завтра.

- Ох, не горюй так из-за этого неприятного сюрприза. Ты, в общем-то, хороший человек. – Она перевела взгляд с меня на Молли, Съюзен и Мартина. – Большую часть времени. И ты расчищал дорожки, когда была метель.

Я улыбнулся ей, что, надеюсь, выглядело как извинение.

– Я позабочусь о двери, мэм.

- Хорошо, - кивнула она. – Я надеюсь, ты так и сделаешь. Я приду, проверю спустя несколько дней.

Мышь возник из темноты, даже не запыхавшись после бега за Голубым Жучком. Он незамедлительно подошел к миссис Спанкелкриф; уселся, и протянул ей правую лапу для пожатия. Она была такой крошечной, а пес таким большим, что ей практически не пришлось наклоняться, чтобы взять его лапу. Она широко улыбнулась, потрясла лапу, и затем нежно похлопала его по голове.

– Можно много сказать о человеке по тому, как он обращается со своей собакой, - улыбнулась она мне.

Мышь подошел ко мне, сел, довольно сопя, и нежно прислонился плечом к моему бедру, из-за чего я немного пошатнулся.

Миссис Спанкелкриф удовлетворенно кивнула и повернулась, собираясь уходить. Потом она остановилась, прошептала что-то сама себе, словно о чем-то вспомнив, и, порывшись в кармане халата, достала белый конверт.

– Я почти забыла. Это лежало у тебя на ступеньках, мальчик.

Я взял его у неё с вежливым кивком.

– Спасибо вам, мэм.

- Пожалуйста. – Она вздрогнула и чуть плотнее затянула шаль вокруг себя. – Куда катится мир? Людям выламывают входные двери.

Я бросил взгляд на Молли, которая кивнула и сразу же подошла сбоку к миссис Спанкелкриф, протягивая ей руку для поддержки. Моя домохозяйка взялась за неё, говоря:

- Благослови тебя Господь, дитя. Моя рука с тростью так устала на пути вниз.

Молли, улыбаясь, повела миссис Спанкелкриф по маленькой лестнице к входной двери в её квартиру.

Мышь мгновенно направился вниз, тщательно пригнувшись. Затем он повернулся ко мне и вильнул хвостом. Никакие сюрпризы не подстерегали меня в моей разрушенной квартире. Я смело вошел, небрежным движением руки пробудил к жизни огонь и, подойдя к камину, спешно открыл конверт.

Внутри был сложенный лист бумаги и второй маленький конверт, на котором плавным почерком Люччио было написано: «ПРОЧТИ МЕНЯ ПЕРВЫМ». С него я и начал:

«Если ты получил это письмо, значит, кто-то воспрепятствовал моему контакту с тобой. Ты должен предполагать, что я полностью выбыла из игры.

Передавший это письмо, тот человек, которому я доверяю больше всего из Стражей, находящихся в Эдинбурге. Я не знаю подробностей моей нейтрализации, но ты можешь слепо доверять его рассказу, я нахожу, что его суждения являются необыкновенно здоровыми в субъективных вопросах

Удачи, Гарри.

- А-»

Я задумчиво посмотрел на записку и очень медленно вытянул второй лист бумаги. Он был исписан печатными буквами, такими аккуратными, что они больше походили на печатный шрифт, а не на почерк.

Привет, Дрезден.

Люччио хотела, чтобы я доставил тебе это сообщение на тот случай, если с нею что-либо случится. Не имею ни малейшего представления о содержимом её письма, но я должен сообщить тебе информацию, которой владею.

И, боюсь, это будут неприятные новости. Совет выглядит так, словно медленно сходит с ума.

После твоего скандального появления во время выступления Крестоса случилось множество отвратительных вещей. Несколько молодых Стражей были пойманы во время дебатов в своей компании, где они обсуждали, стоит ли устранить герцогиню в Эдинбурге, чтобы гарантировать продолжение военных действий. В конце концов, они понимали, что вампиры не будут просто так просить о мире, если они еще могут сражаться. По приказу Крестоса они были арестованы и взяты под стражу старшими членами Совета (ни один из которых не был Стражем), чтобы «препятствовать их действиям по дестабилизации дипломатических переговоров».

Об этом узнал Рамирес и, я подозреваю, что ты можешь догадаться, что его «испанская ради Америки» реакция была больше страстной, чем рациональной. Он и несколько его друзей (только один из которых был здравомыслящим человеком), вломились в крыло, где удерживались Стражи, что привело к их поимке (естественно, кроме вышеупомянутого гения) и аресту. Так что теперь они тоже находятся в камере.

Здесь все в отчаянии. Ничего неизвестно о местонахождении членов Совета Старейшин кроме Крестоса, который весьма деловито пытается спасти нас от нас самих, подлизываясь к герцогине Арианне. Цепочка командования у Стражей полностью разрушена. Капитан Люччио направилась к Крестосу потребовать освобождения своих людей и пропала, так же как примерно сорок процентов наиболее опытных Стражей..

Она просила меня сообщить тебе, что ты не должен возвращаться в Эдинбург ни под каким предлогом до тех пор, пока Совет Старейшин не разгребет этот бардак. Она не уверена в твоей безопасности.

Она также хотела, чтобы я сказал тебе, что ты – САМ по СЕБЕ.

Я постараюсь сообщать тебе о дальнейшем развитии событий, если не исчезну, как они.

«Конь»

ПОСТСКРИПТУМ. Кстати, я фактически могу использовать любые слова для своей выгоды. Любые, которые пожелаю. Этот язык английский. Я англичанин. Следовательно, моё мнение имеет значение, колониальный неуч».

Я снова перечитал письмо, на этот раз более медленно. Затем сел на каминную доску и с трудом проглотил ком в горле.

«Боевой Конь» была кличка, которую я дал Стражу Чандлеру, отвечающему за безопасность в Эдинбурге, одному из охранников штаб-квартиры Белого Совета. Насколько я знал, он был из ребят,

работающих плечом к плечу с Анастасией в самых крутых передрягах, и которому она полностью доверяла – он один стоил полудюжины.

Только мы с ним присутствовали при беседе, во время которой я дал ему эту кличку. Он всегда был одет в аккуратный костюм и котелок и носил зонтик, как аксессуар. Настоящий английский джентльмен, так что сама подпись говорила о его честности. Да и легкомысленный тон соответствовал Чандлеру. Также я знал почерк Анастасии, и к тому же бумага, на которой было написано её письмо, пахла одними очень мягкими, очень изысканными духами, которые она предпочитала.

Послание было правдивым, насколько это могло быть при данных обстоятельствах.

Что означало - у нас возникла реальная проблема.

Белый Совет имел зловещую репутацию не просто потому, что был способен вступить в прямую схватку с врагом, но и также потому, что обладал огромным экономическим потенциалом. Я имею в виду, что не надо быть гением, чтобы разбогатеть после двухсот пятидесяти лет начисления процентов и открытой торговли. Существовала целая команда экономических воинов Белого Совета, которые непрерывно изыскивали пути для защиты инвестиций Совета от вражеских экономических интересов, финансируемых другими долгоживущими существами, например, вампирами. Такие деньги могут купить большое влияние. Кроме этого, Совет мог сделать мир очень неудобным местом для того, кто вызовет их недовольство, примерно миллионом способов, даже не применяя для этого магию. В Совете были люди, которые могли вести грязную игру с самыми жестокими умами в истории.

В целом это было похоже на колосса. Организация такая же неизменная и неподвижная, как огромное и древнее дерево, наполненное жизнью, силой, с корнями, уходящими глубоко в землю, способное пережить самые страшные катаклизмы, которые могли разразиться на земле.

Но все это: власть, деньги, влияние, вращались вокруг одного основного критического понятия – каждый член Белого Совета согласованно играл свою партию. Или, по крайней мере, так казалось окружающим. И это было по большей части правдой. Мы могли ссориться и вести двойную игру друг с другом в мирное время, но когда появлялся общий враг, мы смыкали ряды. Черт, они проделывали это даже со мной, хотя большая часть Совета думала, что я новое пришествие Дарт Вейдера. Но по большому счету, когда появлялись монстры, я полагаю, большинству из них втайне нравилась мысль иметь Вейдера в команде. Они не любили меня и никогда не полюбят, но мне не нужна их любовь, чтобы сражаться на их стороне. Когда дела шли трудно, Совет объединялся.

Но только не в этот раз.

Я смотрел на сложенное письмо и у меня внезапно возникло инстинктивное впечатление, словно я наблюдал за тем, как огромное дерево начало падать. Вначале медленно – так казалось из-за его гигантской высоты – но оно падало, разрушая все, что пряталось под его кроной.

Я был полностью вымотан, что, наверное, объясняло, почему обдумывая эту мысль, я не проявил никакой эмоциональной реакции. Это должно было до чертиков меня испугать и заставить взвыть от отчаянья. Но нет.

Сьюзен подошла ближе и стала возле меня.

– Гарри. Что случилось?

Я смотрел в огонь.

– Белый Совет не поможет нам найти Мэгги, - сказал я спокойно. – Там произошло слишком многое. Они будут бесполезны для нас.

После всего того, в чем они незаслуженно обвиняли меня, после всех тех случаев, когда я рисковал для них своей шеей; в тот момент, когда мне действительно нужна их помощь, их не будет рядом.

Я увидел, как мои руки, не спрашивая моего мнения, скомкали конверт и письмо. Я швырнул их в огонь и сердито смотрел, как они горят, не замечая, что огонь в камине увеличился втрое от обычной высоты, пока бело-голубой блеск пламени не начал слепить мне глаза. Отвернуть чуть-чуть в сторону лицо было как повернуть вентиль газовой горелки – пламя сразу же уменьшилось до нормального размера.

Контроль, идиот, напомнил я себя. Контроль. Ты - заряженное оружие.

Все молчали. Мартин сел на один из диванов и чистил свой маленький пистолет на кофейном столике. Молли стояла возле дровяной печки, помешивая что-то в котелке.

Сьюзен, стараясь не касаться меня, присела рядышком и сложила руки на коленях.

– Что у нас осталось?

- Личности, - ответил я спокойно.

- Я не поняла, - она подняла бровь.

- В целом люди потерпели поражение, - устало пояснил я. – Но личности могут быть экстраординарным. Я обратился к Совету. Я рассказал им, что сделала Арианна. Я обратился к группе людей, надеясь на помощь. Ты увидела, что случилось. Итак... теперь я поговорю с индивидуальностями.

- С кем? – спросила она меня тихо.

- Личностями, которые могут помочь.

Я почувствовал взгляд её темных глаз - серьезный и глубокий.

– Некоторые из них не очень привлекательны, я полагаю.

- Очень немногие из них, честно говоря, - буркнул я.

Она сглотнула.

– Я не хочу, чтобы ты подвергал себя опасности. Эта ситуация произошла не по твоей вине. Если кто-то и должен заплатить, то я должна быть единственной, кто сделает это.

- Это не работает таким образом, - негромко ответил я.

- Он прав, - подтвердил Мартин. – Для примера – ты расплачиваешься за то, что он не отговорил тебя от действий против Красной Коллегии.

- Я сама сделала свой выбор, - резко ответила Сьюзен.

- Основанный на предположениях, - сказал я спокойно. – Ты сделала выбор, не имея достаточной информации. Я мог дать её тебе, но я этого не сделал. Эта ситуация – не твоя вина.

Она со смирившимся выражением лица покачала головой.

– Я полагаю, у нас сейчас нет времени, чтобы копаться в себе, испытывая чувства вины.

Мартин, прочищающий пистолетный ствол кусочком чистой тряпочки с помощью короткого шомпола, заговорил тоном человека, читающего мантру:

– Сосредоточьтесь на цели.

Сьюзен кивнула.

– Сосредоточились на цели. С чего мы начнем, Гарри?

- Не мы, - я поправил ее, - я. Я собираюсь спуститься в лабораторию, пока вы вчетвером останетесь наверху и приготовитесь к неприятностям. Уверен, вы предупредите меня, когда они появятся.

- Когда что появится? – Спросила Сьюзен.

- Что-нибудь, такой уж сегодня день.

Молли со встревоженным выражением лица повернулась от печи.

– Что ты собираешься делать, босс?

Я почувствовал, как мои внутренности наполнил клубящийся черный дым, но я нашел в себе достаточно силы, чтобы подмигнуть Молли.

– Я собираюсь сделать несколько междугородных звонков.

Глава 19

Спустившись в лабораторию, я начал расчищать свой магический круг. ФБР и Рудольф не слишком церемонились, сбрасывая вещи на пол, да и я во время своего поспешного сбора и бегства не утруждал себя соблюдением чистоты. Я убрал все из круга и тщательно подмел его метлой. Когда вы используете круг, как часть ритуальной магии - чистота превыше всего. Любой предмет, который попадает в него или пролетает сквозь него, ломает энергию круга. Пыль и другие мелкие частички не разрушат круг, но они снижают его эффективность.

После того, как я закончил уборку, я взял кусок чистой ткани, бутылку спирта и вымыл магический круг с такой тщательностью, словно собирался делать в нём хирургическую операцию. Это заняло у меня около двадцати минут.

Когда с этим было покончено, я открыл старую коробку из-под сигар, хранившуюся на одной из полок, полную речных камней. Все они, кроме одного, были обманками, маскировкой. Я рылся среди них, пока не нашел гладкий кусочек обугленного обсидиана, и вынул его из коробки.

Подойдя к кругу, я сел в него, подогнув под себя ноги, и со слабым усилием воли замкнул круг. Он с еле слышным щелчком ожил, внезапно засияв паутинкой энергии. Круг поможет удержать и настроить магию, с которой я буду работать.

Я положил черный камень на пол перед собой, сделал глубокий вдох, выпрямил спину, и затем начал направлять свою волю. Я старался оставаться расслабленным, глубоко и медленно дыша, тем временем формируя заклинание у себя в голове. Это была весьма деликатная работа, и она, наверное, была мне не по плечу до того, как я начал обучать Молли контролировать её собственную силу. Сейчас же, тем не менее, это было просто раздражающе сложно.

Как только энергия сформировалась у меня в голове, я сделал глубокий вдох и прошептал:

- *Voce, voco, vocius.* – Я выждал несколько секунд и повторил. - *Voce, voco, vocius.*

Затем последовало несколько минут, в течение которых я сидел там и представлял в своём воображении римский телефон. Я только начал волноваться о том, работает или нет проклятый камешек, когда лаборатория вокруг меня исчезла в кромешной темноте. Энергетическое поле моего круга стало видимым – светло-голубой свет в форме цилиндра, простирающийся от пола на бесконечную высоту над головой. Свет ничего не освещал вокруг, словно ему не от чего было отражаться.

- Гм, - сказал я, и мой голос отдался странным эхом. – Привет?

- Попридержи своих коней, - сказал издали сварливый голос. – Я приближаюсь.

Яркая вспышка света мгновение спустя и прямо передо мной появился цилиндр, аналог моего. В нём в такой же позе, как и я, сидел Эбинизер. Черный камень, близнец моего, лежал перед ним. Эбинизер выглядел усталым. Волосы пребывали в беспорядке, а под глазами появились круги. Он был одет только в пижамные штаны, и я удивился, насколько в хорошей форме он был, невзирая на его возраст. Конечно, он провел по крайней мере, несколько столетий работая на своей ферме. Это держало бы в тонусе мускулатуру у кого угодно.

- Хосс, - сказал он, вместо приветствия. – Где ты?

- У себя дома.

- Как обстановка?

- Мои обереги отключены. У меня есть резервная копия, но я не хочу оставаться тут надолго. В дело втянулись полиция и ФБР, а Красные покушались на меня дважды за прошедшую пару дней. Где вы?

Эбинизер фыркнул.

– Будет лучше, если я не скажу. Мерлин подготавливает контрудар, и мы пытаемся узнать, как много они знают об этом.

- Когда вы говорите “мы”, я полагаю, вы имеете в виду Серый Совет?

Серый Совет, это было имя, которым нарекли нашу маленькую непослушную организацию, которая возникла внутри Белого Совета. Она состояла из людей, которые могли видеть молнии, слышать гром и признаться себе, что чародеям по всему миру грозит опасность быть уничтоженными или же склониться перед чужими интересами – например Вампирских Коллегий или Черного Совета.

Черный Совет был почти гипотетической организацией. Он состоял из множества таинственных лиц в черных одеждах и с призрачной мечтой о Кольце Всевласти. Им нравилось призывать смертельно опасных демонов из внешней стороны действительности, Иных; проникать и развращать любое сверхъестественное сообщество, до которого они могли добраться. Их мотивы были таинственными, но они вызвали много проблем у Совета и у всех остальных довольно долгое время. Я сталкивался пару раз с членами их команды, но ни я, ни кто-то другой не имели веских доказательств их существования.

Предостерегающие слухи об их угрозе были встречены с высмеиванием и обвинениями в паранойе большей частью Белого Совета. Вплоть до прошлого года, когда агент Черного Совета убил больше чем шестьдесят волшебников и проник так глубоко в Эдинбургскую систему безопасности, что смог промыть мозги более чем 95 процентам персонала в той или иной мере. Даже на Совет Старейшин было оказано воздействие.

Предатель был остановлен, но с большим трудом и высокой ценой. И после этого Совет, наконец, уверовал, что может существовать безликая, безымянная организация, оплетающая своими сетями мир

– и неизвестное количество ее членов, может быть на самом деле членами Белого Совета, скрывающими свои истинные интересы.

Паранойя и недоверие. Они неуклонно нарастали внутри Белого Совета, глава которого, Мерлин, все еще отказывался признать, что Черный Совет был реальностью, из боязни, что наши люди начнут переходить к плохим парням из страха или амбиций. Его решение фактически оказало противоположный эффект на испуганных, нервных чародеев Белого Совета. Вместо того, чтобы открыть правду и кристально четко прояснить ситуацию, Мерлин напустил еще больше мрачности и дыма, из-за чего страх еще шире распространился в умах чародеев.

Внутри Серый Совет, который состоял из меня, Эбинизера и не установленного числа других, был организован в ячейки, для предотвращения нашего обнаружения любым из Советов и уничтожения всех нас одним ударом. Мы были единственными, кто пытался оставаться нормальными в это безумное время. Это все может очень плохо для нас закончиться. Однако, я полагаю, что некоторые люди не могут просто стоять и смотреть, как происходят плохие вещи. Они должны хоть что-нибудь делать с этим.

- Да, - кивнул Эбинизер. – Это те, кого я имею в виду.

- Я нуждаюсь в помощи Серого Совета, - начал я.

- Хосс... мы все сидим под дамокловым мечом, ожидая его падения. События, разворачивающиеся сейчас в Эдинбурге, могут означать конец организованного, законопослушного чародейства. Конец Законов Магии. Это опрокинет нас на века в хаос, человечество захлестнет новая волна направляемых чернокнижниками монстров и нашествие искусственных полубогов.

- По некоторым причинам, сэр, я всегда себя чувствую немного более комфортно, сидя под этим мечом. Должно быть, все дело в практике.

Эбинизер нахмурился.

– Хосс...

- Мне нужна информация, - сказал я твердым голосом. – Где-то там маленькая девочка. Кто-нибудь знает про то, где она. И я знаю, что Совет может раскопать это что-нибудь. Белый Совет уже захлопнул передо мной дверь. – Я выпятил нижнюю челюсть. – Как насчет Серого?

Эбинизер вздохнул, его утомленное лицо как-то разом постарело.

– То, что ты собираешься сделать... это хорошо и верно. Но не умно. И это урок, который ты пока еще не выучил.

- Какой урок?

- Иногда, Хосс, - сказал он очень мягко, - ты проигрываешь. Иногда темнота забирает кого-то. Иногда монстры убегают, чтобы начать убивать в другой день. – Он покачал головой и посмотрел вниз. – И иногда, Хосс, убивают невинных маленьких детей. И нет, черт побери, ничего, что ты мог бы с этим поделать.

- Оставить её умирать, - огрызнулся я. – Это то, что вы советуете мне сделать?

- Я хочу, чтобы ты помог спасти миллионы или миллиарды маленьких девочек, мальчик, - сказал он голосом, который начинал походиться на жесткое, суровое рычание – Не выбрасывай множество ради одного.

- Я не собираюсь оставлять её одну, - рявкнул я. – Она...

Эбинизер сделал жест правой рукой, и мои голосовые связки просто перестали работать. Мои губы шевелились. Я мог свободно вдыхать и выдыхать, но я не мог говорить.

Его темные глаза вспыхнули от гнева - выражение, которое я редко видел на его лице:

– Проклятье, мальчик, ты должен быть умнее! Ты разве не видишь, что ты делаешь? Ты даешь Арианне именно то, что она хочет! Ты танцуешь как марионетка на её ниточках! Реагируешь в точности таким образом, как она хочет, и *это убьет* тебя!

Мой наставник вздохнул.

- Я давным-давно говорил тебе, что быть настоящим чародеем означает жертвовать. Это означает знать вещи, которых никто не знает, - сказал он, все еще ворча. – Я говорил тебе, что это означает, что, возможно, тебе предстоит действовать и действовать правильно, даже если весь мир будет против тебя. Или что тебе придется делать ужасные, но необходимые вещи. Ты помнишь это?

Я помнил. Четко. Я помнил запах костра на привале, возле которого мы тогда сидели. Я кивнул.

- Вот так ты узнаешь, кто ты на самом деле, - сказал он жестким и ровным голосом. – Есть множество дел, которые нужно сделать, и почти нет времени, не говоря уже про то, чтобы тратить его с тобой на второстепенные вещи, ты и так должен это знать. – Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох, словно восстанавливал свой самоконтроль. – Встреть меня в укрытии в Торонто, через двенадцать часов.

Эбинизер говорил голосом, наполненным абсолютной властью, который я слышал от него несколько раз в своей жизни. Он ожидал выполнения своего приказа.

Я отвернулся от учителя. Краем глаза я увидел, как он снова нахмурился, потянулся вниз и поднял свой черный камень – и внезапно я оказался вновь сидящим на полу лаборатории.

Утомленно подняв связной камень и положив его в карман, я откинулся на спину и лег на пол, разрушая круг, который создал до этого, и задумчиво глядя в потолок. Я повернул голову влево и посмотрел на зеленую – очень толстую, с переплетом из трех железных колец - папку, где я хранил все свои знания о существах, которые я мог призвать из Небывальщины.

Нет.

Я оторвал взгляд от папки. Если ты призываешь кого-то для получения информации, ты должен быть готов заплатить их цену. Она всегда разная. И никогда не бывает приятной.

Эта мысль пугала меня.

Наступило время, которого дожидались эти существа. Момент крайней нужды, такой нужды, что я мог согласиться практически на все, если это спасет ребенка. Для неё я мог заключить сделку, на которую иначе никогда бы не пошел.

Я мог даже призвать...

Я одернул себя до того как успел даже *про себя* произнести имя Королевы Воздуха и Тьмы. Остановил себя из страха, что она может что-то почувствовать и начать действовать. Она ненавязчиво и терпеливо искушала меня на протяжении многих лет. Я иногда задавался вопросом: почему она не приложит больше усилий, чтобы я поддался на её предложение? Она, несомненно, могла так сделать, если бы пожелала.

Теперь я понял. Она знала всё это время, что рано или поздно, придёт день, когда моя жажда будет сильнее, чем осторожность. У неё не было причин танцевать вокруг да около сладких искушений и подсылать их, заманивая меня в ловушку. Все что она должна была сделать – это просто немного подождать. Это был холодный, логический расчет – и это было очень в её стиле.

Но были и другие существа, которым я мог задать вопросы. В светло-синей папке, лежавшей поверх зеленой, хранилась информация о существах менее могущественных и осведомленных, и соответственно с более низкими расценками. Казалось маловероятным получить что-то стоящее от них, но ты никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

Я потянулся в синей папке и приступил к призыву этих существ, надеясь получить ответы.

После трех часов призывов и расспросов я получил абсолютный ноль. Я говорил с крошечными духами природы в форме трио крошечных пищащих сов; и духами-посланниками, которые курьерами сновали между враждебными королевствами Небывальщины. Ни один из них ничего не знал. Из мира духов я призвал пару особенно любопытных призраков, живущих вокруг Чикаго; я призвал эльфов Тильвит Тег, с чьим королем я был в хороших отношениях. Я спрашивал духов воды и их родню, видели ли они Мэгги; я вглядывался в мигающие огоньки существ разумного пламени, мысли которых виднелись в изображениях внутри них.

Один из духов огня показал мне картинку, которая продлилась не более трех или четырех секунд - лицо маленькой девочки, как на фото у Сьюзен, бледной и немного грязной, и дрожащей от страха или холода. Моя дочь протягивала руки к языкам пламени, в попытке согреть их. В профиль, она была больше похожа на свою мать - большими темными глазами и изящным носом. Я думаю, я передал ей свой подбородок, что придавало её лицу выражение силы или упрямства. В отличие от Сьюзен, у неё была светлая кожа, и в этом она походила больше на своего отца.

Но затем картинка исчезла.

Это было самое большее, чего я достиг.

Присев на табуретку после трех часов работы, я почувствовал, что больше вымотался, чем в любое другое время, о котором я мог вспомнить. Я не получил ничего, что могло мне подсказать где она,

ничего, что могло мне сказать, что ее ожидает. За исключением единственного проблеска знания, что Мэгги всё ещё была жива, я не получил ничего.

Но даже этого было достаточно. Она все еще дышала.

Держись там, малышка. Папа идет.

Я ещё с минуту устало посидел в лаборатории на стуле, размышляя. Затем потянулся за кусочком бумаги, старым карандашом и написал:

Ива,

Мне нужна твоя помощь.

Это для маленькой девочки, которую удерживают плохие парни.

Пожалуйста, свяжись со мной.

Гарри Дрезд...

Прежде чем я закончил писать свою фамилию, зазвонил телефон.

Я только что связался с Архивом, которая была магически созданной библиотекой, в которую попадал любой клочок знаний, когда-либо записанный человечеством. Всё это находилось в голове подростка. Все знания человечества в руках девочки, которая должна была пойти в девятый класс в этом году.

Знание – власть, и несколько лет назад Архив доказала это. Ребенком, не намного старше Мэгги, она противопоставила свою магию навыкам существ с многовековым опытом и по большей части обыграла их. Она была опасным для здоровья могущественным ребенком, и, хотя она всегда вела себя как зрелая сорокалетняя женщина, я видел проблески детства из-под тяжелейшего бремени Архива. Я знал, что может произойти, если ребенок станет руководить Архивом. Это, наверное, могло выглядеть, как эпизод из Сумеречной Зоны - с чудовищным маленьким ребенком, обладающим суперсилой.

Снова зазвонил телефон. Я вздрогнул и поднял трубку. Мы провели линию в лабораторию, и теперь старый дисковый аппарат стоял на столе Молли, удобно оказываясь под рукой в таком хорошо организованном месте.

– Алло?

– Это Кинкейд, - произнес приятный баритон. Кинкейд был водителем Ивы, телохранителем, поваром и все остальным, вплоть до плюшевого мишки. Он был единственным смертным наемником, который вызывал во мне ужас, и одним из относительно немногих людей, которых я одинаково не любил и тем не менее доверял. Он однажды описал способ, которым, если ему придется, он меня убьет, и я должен признать, что у него были прекрасные шансы на успех. Он был жестким, умным, опытным и поступал согласно кодексу чести наёмника – тот, кто нанимал его, получал его тело и разум, и он никогда не отменял контракт, если он за него брался.

- Дрезден, - ответил я. – Эта линия, вероятно, прослушивается.

- Я знаю. – Ответил Кинкейд. – Чего ты хочешь?

- Мне нужно отыскать ребенка. Она была похищена Красной Коллегией несколько дней назад. Мы подозреваем, что её удерживают где-то в Мексике.

- Где-то в Мексике? – переспросил Кинкейд, я мог слышать, как он ухмыляется. – Ты попытаешься обойти всю округу, громко крича её имя?

- Я собираюсь туда, - отрезал я. – Послушай, она знает что-либо об этом, или нет?

Кинкейд закрыл чем-то микрофон, наверно рукой. Я услышал его низкий, гулкий голос, когда он задавал вопрос. Мне показалось, я услышал легкое, звонкое сопрано, отвечающее ему.

Кинкейд возвратился к телефону и произнес:

- Ива сказала - она не может вмешиваться. Что дело, которым ты занимаешься, смертельно опасно. Она не смеет нарушать равновесие из страха изменения результата.

Я издал рычащий звук.

– Черт подери, Кинкейд. Она должна мне услугу. Напомни ей, кто пришел и забрал её от этих гребаных, сумасшедших Динарианцев.

Голос Кинкейда стал тише, серьезнее.

– Поверь мне, она помнит, Дрезден. Но она не свободна разделить свои знания, например, с тобой или со мной. Когда она сказала, что не может ничего рассказать тебе, она говорила буквально. Она физически не может допустить, чтобы подобная информация покинула её голову.

Я ударил ладонью по стене и прислонился к ней, закрыв глаза.

– Скажи ей, - попросил я, - что у меня должна быть эта информация. Если она не поможет мне, я обращусь к другим источникам. К тем, что в моей зеленой папке.

Кинкейд снова с кем-то заговорил. На сей раз я определенно услышал голос Ивы, отвечающий ему.

- Она не может сказать тебе, где девочка, - произнес Кинкейд твердо, с намеком на сталь в голосе, предупреждая меня не давить слишком сильно. – Но она сказала, что укажет тебе на того, кто может.

- Любая помощь будет весьма кстати, - сказал я, облегченно вздыхая.

- Она сказала, что прежде чем ты попробуешь зеленую книгу, ты можешь рассмотреть другой вариант. Мужчина, которого ты меньше всего хотел бы видеть, может иметь полезную информацию.

Я застонал, сразу поняв, о ком она говорит:

– Проклятье, - пробурчал я. – Проклятье.

Я набрал другой номер. Секретарь спросила меня, куда она может направить мой звонок.

- Это Гарри Дрезден, - ответил я спокойно. – Переключите меня, пожалуйста, на личную линию мистера Марконе.

Глава 20(перевод Александра «Zagen»)

-Не нравится мне это,- нахмурилась Молли. - Ты точно не хочешь, чтобы я пошла туда с тобой? Он там будет не один.

-Определенно нет,- ответил я спокойно. - Не хочу, чтобы он положил на тебя глаз.

-Хотела бы видеть его попытку, - Молли сжала ладонь в кулак и ударила для выразительности по рулю Голубого Жучка. - Я проглочу его, не подавившись.

-Нет, Молли,- отрезал я непреклонным тоном.- Не проглотишь. Может, Марконе и простой смертный, но он опасен. У большинства людей есть пределы. У него их нет. Никогда не забывай этого.

-Если он настолько опасен, зачем ты идешь с ним на контакт?

-Потому что у него тоже есть правила,- пояснил я. - И, кроме того, я просто обязан увидеть его здесь. Не своди с нас глаз в качестве стороннего наблюдателя. Я опасаюсь Марконе. Хорошо?

-Хорошо, - согласилась Молли напряженно, всем своим видом демонстрируя недовольство делать то, что я говорю, а не то, что я делаю. По части упрямства она могла уделать кого угодно. - Хорошо.

Я выбрался из Голубого Жучка и отправился на встречу с Джентльменом Джонни Марконе, бесспорным главой преступного мира Чикаго.

«Бургер Кинг» только открыл обеденную зону, но она была уже наполовину заполнена. Я проигнорировал Марконе и встал в очередь. Взяв гамбургер и чашку кофе, я прошел к столику в дальнем углу, за которым сидел босс преступного мира, и возле которого стояла его свита.

Конечно же, присутствовал Хендрикс в экстрабольшом костюме, как всегда с короткой стрижкой на рыжих волосах. Должно быть, он тренировался, поскольку выглядел так, будто набрал несколько фунтов. Если он станет еще больше, ему потребуются строительная лицензия. Мисс Гард стояла немного в стороне от Хендрикса, перекрывая угол, который не мог прикрыть здоровяк. Белокурая, атлетично сложенная, она была как никогда похожа на амазонку; костюм и галстук сглаживали ее формы, не уменьшая их привлекательности.

Марконе восседал в кабинке, словно за столом в зале заседаний, положив локти на стол и сцепив кончики пальцев. На нем был шелковый костюм, по всей вероятности дороже моей тачки. Это был мужчина в самом расцвете сил, аккуратный и опрятный, начиная от стрижки и заканчивая полированными кожаными туфлями. Он наблюдал, как я подошел к столу и поставил пластиковый поднос. Я высыпал в свой кофе четыре или пять пакетиков сахара и размешал его маленькой палочкой.

-Вы не едите?

Он посмотрел на часы, а затем снова на меня. У него были бледно-зеленые глаза цвета старых купюр, абсолютно бесстрастные. Мы уже заглядывали друг другу в души. Именно поэтому я знал, как мог быть опасен человек, сидящий за столом напротив меня, и именно поэтому я обращался с ним бесцеремонно, насколько это было возможно. Никто не показывает опасному хищнику слабость или страх. Это вызывает у них голод.

Я откусил кусок от гамбургера, и его вкус напомнил мне, как хороши настоящие домашние булочки и котлеты, но ради моих зрителей я простонал от удовольствия, прожевал и проглотил.

- Уверены? - Я хлебнул кофе. - Вы упускаете возможность вкушать пищу богов.

- Дрезден,- произнес Марконе, - это невыносимо. Даже для тебя.

- Да,- согласился я, улыбаясь, и откусил еще один кусок от гамбургера.

Хендрикс зарычал.

Я закончил жевать и смерил его взглядом:

- Уверен, что хочешь этого, здоровяк?

- Хендрикс,- резко сказал Марконе.

Хендрикс замолк.

Я кивнул.

- У вас есть нужная мне информация.

- Без сомнения,- отозвался Марконе. - Какая информация тебе нужна и что ты можешь предложить взамен?

- Я здесь не для того чтобы обмениваться с вами бейсбольными карточками, Марконе,- пробурчал я, с полным ртом.

- А я не благотворительная организация, Дрезден,- ответил он. - Полагаю, это как-то связано с взрывом в твоём офисе. - Он покачал головой в знак слабого сожаления.

- Точно,- кивнул я. - Обычно за разрушением всегда стоите вы.

- Я не приказывал делать это. Я не заработал на этом денег. Я не получил никакой финансовой или политической пользы от разрушения твоего офиса. И ты выжил. Это было полным расточительством.

Хендрикс издал другой рык, вполне сошедший за смех гориллы.

- Может, можно выяснить что-либо через здание. Что вам известно о его владельцах?

Улыбка Марконе стала ледяной.

- Что они часть организации, чьи прислужники пытались подорвать мой бизнес.

Я поднял бровь.

- Кто-то вторгается на вашу территорию?

- Кратковременно, - кивнул Марконе, - но постоянно.

- Тогда у нас может быть общая проблема.

Марконе взглянул на меня, будто бы я был совсем недоразвитым ребенком.

- Да. Именно поэтому я согласился на эту встречу.

Я хрюкнул и покончил с гамбургером.

- Красная Коллегия пришла в движение. Разгорается конфликт между ними и Советом. Мой интерес в этом деле - восьмилетняя девочка. Красные выкрали ее из дома. Я думаю, они держат ее где-то в Мексике. Мне нужно знать где.

Марконе пристально смотрел на меня еще несколько секунд, а затем, четко разделяя слова, медленно произнес:

- Где-то. В Мексике. Это все, что ты можешь сказать?

- Это все, что я знаю,- буркнул я.

- Для какой цели ее отвезли туда?

- Это имеет значение?

- Если ее взяли в качестве сексуального объекта, она будет совсем в другом месте, как если бы она предназначалась для рабского труда или для донорства органов.

Я стиснул зубы и отвел взгляд, пытаясь избавиться от нахлынувших на меня очаровательных картин.

Марконе прищурился.

- Кем она тебе приходится, Дрезден?

- Дочь моего клиента,- ответил я, стараясь говорить бесстрастно. - Думаю, ее собираются принести в жертву в каком-то ритуале.

- Тогда это значительно сужает поиски,- продолжил Марконе. - Насколько я понимаю процесс, такой ритуал, о котором ты упомянул, нуждается в месте с сильной энергетикой.- Он взглянул на мисс Гард, которая кивнула и тотчас вышла из ресторана, направившись к своему автомобилю. - Подозреваю, для тебя я могу сузить поиски еще больше, Дрезден. Обговорим цену.

-Я собираюсь использовать информацию, чтобы нанести вред людям, пытающимся выбить вашу территорию, Марконе,- сказал я. - Этого более чем достаточно.

-А если я не согласен?- спросил Марконе.

-Тогда мы покончим с этим прямо сейчас, и после того, как я заброшу ваших цепных псов на верхушку здания "Сирз", я буду причинять вам боль до тех пор, пока вы все равно не выдадите мне информацию.

Холодная улыбка вернулась.

- Думаешь, это возможно?

Я пожал плечом, придерживаясь обыденного тона.

- Думаю, есть только один способ это выяснить. - Я немного наклонился вперед и снизил голос до заговорщического шёпота. - Но, между нами, я не думаю, что местные окажут вам поддержку.

Некоторое время он смотрел на меня сквозь сцепленные пальцы. Затем негромко произнес:

-Конечно, не окажут тем способом, который бы я предпочел.- Он положил руки ладонями параллельно столу и слегка откинулся назад. - Нет никакого смысла устраивать конфронтацию из-за этого. И я еще ни разу не пожалел, когда позволял тебе избавлять меня от врагов.

- Я делал это не для того, чтобы услужить вам.

Он пожал плечами.

- Твои намерения несущественны. Важен результат.

-Просто помните, что вы в моем списке, Марконе. Как только я покончу со всем другим злом в этом городе, вы не будете больше меньшим из них.

Марконе уставился на меня из-под полузакрытых ресниц и усмехнулся:

- О-о-о!

- Думаете это смешно?

- Я не слишком беспокоюсь о мертвецах, Дрезден.

Я ощетинился.

- Это угроза?

- Вряд ли. Когда-нибудь, вероятно скоро, задолго до того, как мое имя окажется на вершине твоего списка, ты умрешь, благодаря иррациональным побуждениям, которые ты называешь совестью. Мне даже пальцем не придется пошевелить. - Он пожал плечами. - Дать тебе информацию, кажется отличным способом ускорить этот процесс. Это также истощит ресурсы моих врагов. - Марконе задумался на мгновение, и продолжил. - И... думаю, у меня также нет возражений по поводу сотрудничества против любой организации, использующей в качестве жертв детей.

Я сердито посмотрел на него. Частично от того, что он был, вероятно, прав, а частично от того, что он не единожды уже проявлял гуманность, я не мог причислить его ко всем прочим злым, алчущим, хищным тварям, скрывающимся в диком мире. По его собственным причинам, Марконе пошел бы на крайние меры, чтобы помочь и защитить детей. В Чикаго, каждый взрослый годился для его бизнеса. Каждый ребенок был вне игры. Ходили слухи, что любой из его наемников, пересекший эту черту, исчезал.

Гард появилась вновь, нахмурившись, она подошла к нашему столику.

Марконе взглянул на нее.

-Итак?

Гард заколебалась, а затем объявила:

- Он не будет говорить об этом по телефону. Он сказал, что у вас нет никакого права, чтобы задавать вопросы. Он будет говорить только с Дрезденом. Лично.

Марконе приподнял брови.

- Интересно.

- Я тоже так думаю, - задумчиво кивнула Гард.
- Кхе, - кашлянул я.- Кто хочет со мной встретиться?
- Мой... работодатель, - перевела на меня взгляд Гард. - Донар Ваддерунг, исполнительный директор «Монок-Секьюритиз».

Глава 21

Мы с Гард отправились в Осло.

Это считается длительной поездкой, но это - чертовски быстрее, если вам нет нужды волноваться из-за границ, служб безопасности, таможен или просто большого расстояния.

Гард открыла Путь в Небывальщину возле зоопарка, просто разрезав ткань реальности кинжалом с выгравированными рунами. Путь повел нас короткой тропинкой через мрачный лес из мертвых деревьев, и закончился, когда мы появились в месте, которое она назвала Исландией и где, конечно, было дьявольски холодно. Второй Путь провел нас через поверхность замерзшего озера и закончился перед корнями старого огромного дерева, ствол которого, возможно, мог вместить мою квартиру с комнатой, предназначенной для гаража.

Оттуда, мы вышли в холодный, сырой подвал, где столкнулись лицом к лицу с двумя дюжинами вооруженных мужчин в бронежилетах. Мне в нос уткнулась высокотехнологичная штурмовая винтовка.

Я замер, абсолютно ничего не делая. Очень старательно стараясь не дышать.

Один из мужчин с оружием что-то сказал, короткую фразу на языке, которого я не знал. Гард ответила что-то, я полагаю, на том же языке, и указала на меня.

Глава охранников подозрительно разглядывал нас пару секунд, затем что-то тихо произнес, и все мигом прекратили целиться в меня из винтовок. Двое охранников вернулись к двери, став по обе стороны от неё. Еще двое внимательно разглядывали место, где появились мы с Гард, очевидно опасаясь увидеть еще большую компанию, выскакивающую из того же Пути, который мы только что использовали. Остальные вернулись к нескольким карточным столам и раскладушкам.

Гард покачала головой и пробурчала:

- Эйхерии *. Дайте им маленький глоток возобновленной смертности, и четыре сотни лет дисциплины идут псу под хвост.

- Я узнал некоторых из этих ребят, - заявил я и кивком головы указал на троицу, играющую в карты.
– Эти трое. Они были среди наёмников, которых Марконе привел на вечеринку в Провале Рейтов.

Гард глянула на трио и моргнула в знак согласия.

– Да. И?

- И они просто доступны для найма? – спросил я.

- Если ты можешь себе их позволить, - ответила Гард, оскалив зубы в улыбке. – Хотя должна предупредить, что цена может измениться. Нам сюда, Дрезден.

Я последовал за ней в коридор через комнаты, в которых было достаточно оружия, чтобы выиграть небольшую войну в любом веке по выбору. Стойки копий с древками из ясеня размещались бок о бок со старыми «Маузерами» с поворотным затвором, которые, в свою очередь, стояли рядом с современными штурмовыми винтовками. Мечи-катаны, соседствовали с мушкетами и пулеметами «Максим». Один шкаф был заполнен всевозможными видами гранат, демонстрируя эволюцию их развития - от наполненных порохом глиняных сосудов с фитилём до самых современных миниатюрных ослепляющих гранат. Судя по многообразию содержимого этого места, это походило на музей, но, исходя из количества экспонатов, это мог быть только оружейный склад.

Мы добрались до лифта, стены которого были сделаны из простой металлической сетки, не закрывающей обзор. Я прекратил считать после того, как увидел семь этажей с похожим набором оружия на каждом.

- Полагаю, ваш босс верит в пользу заблаговременных приготовлений? - ухмыльнулся я.

Гард улыбнулась.

– Да, это одна из его черт.

- Это немного экстремально, не так ли?

Гард глянула на меня, приподняв одну бровь.

- Только тот может заблаговременно подготовиться, кто предвидит.

Я какое-то время обдумывал это заявление и решил, что, раз пошли загадочные утверждения, значит, все не так уж хорошо.

Лифт продолжал подниматься вверх, вверх и вверх, давая мне возможность краткого осмотра различных этажей. Один этаж выглядел, как огромный спортзал и был заполнен потеющими мужчинами и женщинами, работающими над собой. Следующий был похож на дорогой юридический офис. Еще один был буквально залит антисептическим белым светом, и пах дезинфицирующими средствами. Этаж, озаряемый свечами и озвученный песнопением бормочущих голосов, этаж - химическая лаборатория, этаж, заполненный клетками, чьи обитатели не были видны и ничем себя не выдавали, кроме призрачного присутствия. И так далее.

Я покачал головой.

– Адские колокола. Это похоже на какой-то сумасшедший тематический парк.

- Разница в том, что вы здесь ничего не увидите для развлечения, - заметила Гард. – И не утруждайте себя, задавая вопросы. Я всё равно на них не отвечу. Ага, вот мы и достигли первого этажа.

Лифт продолжал подниматься вверх через громадный атриум, вмещающий десять или двенадцать ярусов, которые выглядели как современные корпоративные офисы. Каждый уровень, открытый атриуму, был заполнен растениями, декоративными деревьями, водопадами; из боковых и потолочных окон лился свет, благодаря этому все здание выглядело как единый, объемный сад. Звуки деятельности офисов и техники, птиц и текущего водопада сливались в единое целое и формировали белый шум жизненной суеты, многообразия ее движения. Мы пролетели через атриум, и наш прозрачный лифт исчез в коротком туннеле.

Мгновенье спустя дверь открылась в довольно новую приемную.

У кабинета были все признаки офиса – выступающий письменный стол, несколько стульев, кофеварка и столик с лежащими на нём журналами. Однако... в этом офисе все было сделано из нержавеющей стали. Пол из нержавеющей стали. Стены из нержавеющей стали. Потолок. Даже лампы и кофейник были сделаны из нержавеющей стали. Только лежащие журналы выглядели бесформенной, расплывшейся яркой кляксой.

Барельефный логотип «Монок-Секьюритиз» размещался на одной из стен и каким-то образом напоминал мне больше герб на щите, чем корпоративный маркетинговый символ – четко очерченный круг, разделенный пополам вертикальной линией, проходящей от края до края. Это могло быть упрощенным, абстрактным изображением глаза, который был выбит из глазницы чем-то вроде меча – у меня были такие знаки, написанные шрамами на моём лице, где порез шел вниз от брови на скулу, к счастью минуя глаз. Это могло быть простым абстрактным символом, обозначающим мужское и женское начало, с помощью круга и прямых линий, подразумевающих единство и равновесие. Или, черт подери, это могли быть наложенные друг на друга греческие буквы омега и йота - одна поверх другой. Омега-йота. Последняя подробность? Финальная деталь? Может быть, это обозначало что-то вроде “все до последней мелочи”.

Или, может быть, это было комбинацией всех этих вещей – слепой глаз, который все видит.

Да. Так вроде бы верно.

Две женщины сидели позади большого стола за компьютерными мониторами, состоящими из маленьких облачков мелкодисперсного тумана, похожими на самую тонкую из иллюзий. Очень продвинутая технология, я полагаю. В туманной киберреальности дрейфовали меняющиеся картинки и письма.

Сами женщины были, я полагаю, идентичными близнецами. У обоих волосы цвета вороньего крыла были уложены под плотно-прилегающими кепками, цвет которых был подобран тон в тон с их одинаковыми черными костюмами. У обоих были темные глаза, которые искрились силой и умом. Обе бледны, с чертами лиц, как минимум, очень выразительными, если не сказать красивыми. Они выделялись бы в любой толпе, даже будучи одетыми так строго, в любом случае – их бы никогда не приняли за заурядных моделей.

Близнецы поднялись, как только открылась дверь лифта и очень решительно, и очень мрачно посмотрели на нас. Недавно я смотрел в ствол ружья. Это походило на взгляд четырех их штук одновременно. Женщины застыли, нечеловечески неподвижные. У обоих были одеты наушники с микрофоном, но только одна из них что-то в него сказала.

Я начал выходить из лифта, но Гард предостерегающе положила руку мне на плечо.

– Нет, пока нас не пригласят, - прошептала она. – Они убьют вас. Может быть и меня, заодно.

- Как же эти секретарши суровы, да?

- Было бы более мудро не шутить, - ответила она спокойно. – Они все замечают и они ничего никогда не забывают.

Секретарь, которая говорила в микрофон, немного провела ладонью по крышке стола. Её ногти сняли небольшие серебряные завитки. Со стола нержавеющей стали!

Я подумал отпустить шутку про маникюр... и решил, не стоит. Вперед, вперед мудрость Гаджета.

- С апельсинами вы тоже так делаете? – спросил мой рот, решив не советоваться с остальной частью моей головы. – Как насчет заточки столовых ножей, ножниц и инструментов для газона? Лезвие газонокосилки моей домовладелицы может использоваться для ручной работы у таких девушек как В...

- Дрезден, - прошипела разъяренная Гард, её глаза были широко раскрыты в чем-то близком к панике.

Обе секретари теперь полностью сосредоточились на мне. Одна немного переместила свой вес, как будто приготовилась сделать шаг.

- Успокойтесь, Сигрун, - сказал я своей спутнице. – Я пытаюсь быть дипломатичным. Шило в моей заднице широко известно. Если я ничего не скажу им, после того, как откровенно хамил королевам фэйре и верхушкам вампирских *Коллегий*, полубогам и демонам, то их чувства могут пострадать.

Гард смотрела на меня пару секунд, пока в её затуманенных голубых глазах не блеснул свет бесшабашного вызова. Это выглядело гораздо более естественно на ней, чем страх.

– Может быть, ваша наглость и оскорбления не такие ценные, как вы считаете.

- Эй, - возмутился я. – Ценные.

Болтливая близняшка чуть склонила голову в сторону и сказала:

- Сразу же, сэр, – она указала ногтем в мою сторону. – Вы зайдете в кабинет через дверь позади меня, – потом она перевела ноготь на Гард. – Вы будете его сопровождать и представите.

Гард кратко кивнула и махнула головой в приглашающем жесте. Мы вышли из лифта и прошли мимо близнецов к двери позади них. Они синхронно повернули головы, отслеживая каждое моё движение. Это выглядело очень жутко.

С другой стороны двери находился длинный коридор тоже из нержавеющей стали. Многочисленные порты или люки, размерами примерно с обеденную тарелку, располагались вдоль стен. Все они были закрыты. Я почувствовал, что любой посетитель, который бы попытался узнать, что подают на этих тарелках, позже за ужином уже бы не интересовался кулинарными рецептами.

В конце коридора виднелась еще одна стальная дверь, которая беззвучно распахнулась перед нами, открывая нашему взору еще одну комнату, выполненную целиком из нержавеющей стали. Из всей мебели в ней был только массивный стол, за которым восседал мужчина.

Дональд Ваддерунг сидел, оперев подбородок на раскрытую ладонь, смотря искоса на голографический компьютерный дисплей. И первое, о чем меня предупредили мои инстинкты - он был очень, очень опасен.

Он не производил ошеломляющего впечатления. Мужчина в хорошей форме, может чуть старше пятидесяти лет. Худощавый и стройный, как бегун на дальние дистанции, но слишком крепко сложенный в плечах и руках, если бы он занимался только этим. Его волосы- цвета разбушевавшейся грозовой тучи- были немного длинноваты для мужчины и... словно взлохмачены ветром. Глаз блестел ледяной синевой. Элегантная черная тканевая повязка на одном глазу, в сочетании с вертикальным шрамом, похожим на мой собственный, заставили меня подумать, что я был прав насчет корпоративного логотипа. Он носил короткую, аккуратно подстриженную бородку. Ваддерунг смотрелся потрясающим негодяем, особенно с глазной повязкой, и был похож на человека, который отсидел тридцать лет из тройного пожизненного заключения, и которому удалось уговорить совет по

условно-досрочному освобождению отпустить его на волю – возможно, к их глубочайшему сожалению.

- Сигрун, - сказал он вежливым голосом.

Гард преклонила колено и склонила голову. Не было ни грамма колебания в ее движениях - этот жест был не простой формальностью, которую она соблюдала. Она верила, что Ваддерунг заслуживает такого поклона.

- Мой лорд, - почтительно проговорила Гард. – Я привела чародея, как вы приказали.

- Хорошо сделано, - кивнул седоволосый мужчина и сделал жест рукой, который, должно быть, обозначал разрешение подняться. Я не думаю, что она увидела его (со склоненной-то головой), но она отреагировала на него и поднялась. Возможно, у них просто было несколько столетий для практики.

- Мой лорд. Позвольте представить Гарри Дрездена, чародея и Стража Белого Совета.

Я кивнул Ваддерунгу.

- Чародей, это Дональд Ваддерунг, исполнительный директор «Монок-Секьюритиз».

- Я думаю, что имею хорошее представление о том, за что он отвечает, - сказал я спокойно.

Уголки рта пожилого мужчины чуть приподнялись вверх, когда я заговорил. Он жестом указал на стальной стул, напротив себя.

– Пожалуйста. Присаживайся.

Я показал на голографический дисплей.

– Вы уверены, что хотите подвергать это риску? Если я буду слишком близко к нему...

Ваддерунг запрокинул вверх голову и искренне рассмеялся, похожим на лай смехом.

– Я рискну.

- Это мне подходит, - хмыкнул я.

Подойдя к столу, я сел на стул напротив Ваддерунга. Стул оказался удивительно комфортным, хотя на нем не было обивки или подушки.

- Кофе? – спросил он. – Что-нибудь перекусить?

Я замер буквально на один вздох, раздумывая над ответом. Такое предложение тесно связано с обязательствами и обязанностями гостя и хозяина и наоборот. Если Ваддерунг был тем, о ком я думал, то он был известен привычкой время от времени появляться и проверять людей на преданность старым традициям – со щедрой наградой за верность, и отвратительной карой за скупость, черствость или жестокость.

В сверхъестественном мире подобные обязательства и ограничения имели жизненную важность для несметного количества сверхъестественных существ. Я не уверен почему. Может быть, это было как-то связано с порогом защитной энергии, который формировался вокруг дома.

- Только если это не слишком вас затруднит, - ответил я.

- И что-то перекусить, - кивнул Ваддерунг Гард.

Она склонила голову.

- Мой лорд. – И вышла.

Хотя большой мужчина не поднимался, я понял, что он был большой. Даже, я бы сказал, гигантский. Стоя он был бы на пару дюймов выше, чем я, а его плечи по сравнению с моими выглядели так же, как ширина книжки с её толщиной. Он снова подпер рукой подбородок и изучающе посмотрел на меня, своим ярко-синим глазом.

- Ну, - начал он. – Я полагаю, ты знаешь, кто я такой?

- У меня есть несколько догадок, - подумав, ответил я. – Я думаю, они достаточно хороши. Сигрун делала кое-какие намеки. Но, откровенно говоря, они совсем не объясняют, почему я сегодня здесь оказался.

В уголках голубого глаза собрались морщинки.

– Неужели?

Я, недоуменно нахмурившись, глянул на него и чуть склонил набок голову.

– В каком смысле?

Он приподнял вверх ладонь, пока объяснял.

– Кто-то с достаточной силой предвидения мог бы заготовить предпосылки, чтобы однажды помочь одному импульсивному молодому чародею Белого Совета. Возможно, то кто я, непосредственно отвечает за то, почему ты здесь.

- Да. Я полагаю, такое могло быть, - осторожно сказал я. – Технически возможно, что ваши побуждения помочь мне являются альтруистическими. С другой стороны, также технически возможно, что Вы говорите языком змеи, и что на самом деле Вы пытаетесь найти какой-то способ получить надо мной преимущество, оказывая на меня давление – Я пожал плечами. – Такое нечасто случается, но объясняет все гораздо лучше альтруизма.

- Такой молодой и столь циничен. – Он осмотрел меня с головы до пят. – Но ты предполагаешь... Ты предполагаешь.

- У меня есть вопросы, - начал я. – Полагаю, они не такие глубокие, как «Кто я?» или «Почему я здесь?», но они чуть более важны для меня в этот момент.

Ваддерунг кивнул.

– Ты разыскиваешь свою дочь.

Я почувствовал, как моё тело окаменело.

–Откуда...?

Его улыбка была похожа на волчью.

– Я знаю сущность, Дрезден. И если я чего-то не знаю, то могу узнать. Как и ты впрочем. Это то, что я делаю.

Я почти минуту безмолвно смотрел на мужчину, пока не выдавил:

- Вы знаете, где она?

- Нет, - сказал он спокойным, твердым голосом. – Но я знаю, где она будет.

Я безвыходно посмотрел вниз на руки.

– Чего мне будет стоить узнать это?

- Чичен-Ица, - просто ответил Ваддерунг.

Я удивленно рывком поднял голову вверх. Мгновенье я смотрел на него.

– Я...

- Не понимаю? – спросил Ваддерунг. – Это не сложно. Я на твоей стороне, мальчик.

Я задумчиво провел пальцами по волосам, размышляя.

– Почему там?

- Красный Король и его ближайшее окружение – палата Лордов Внешней Ночи – имеют некий сильнейший амулет. Они нуждаются в сильном месте для него. Вот почему они используют Чичен-Ицу.

- Почему там?

- Они готовятся к жертвоприношению. Как в давние времена, – гневное рычание исказило его голос и внезапно сделало его пугающим. – Они готовят проклятье родословной.

- Что это?

- Смертельная магия, - скривился он, - направленная по линии крови. От жертвы- ребенка к её братьям, сестрам и родителям. От родителей к их братьям, сестрам и родителям и так дальше. Распространяется по генеалогическое дереву до тех пор, пока никого не останется.

Холод выморозил меня изнутри.

– Я... я никогда не слышал о смертельной магии такого размаха. Энергия необходимая для этого... Она огромна. – Я замолчал на мгновенье и затем сказал, - И это глупо. Сюзен была единственным ребенком в семье, и у неё уже умерли родители. Тоже самое с моей...

Ваддерунг чуть приподнял бровь, глядя на меня.

– Неужели? Они любят быть тщательными, эти старые монстры.

Я постарался сохранить равнодушное выражение лица и ничем не показать своей настоящей реакции. Это заклинание могло убить меня, если они его осуществят. Но так же оно может убить мою единственную семью, моего сводного брата, Томаса.

- Как оно действует? – спросил я подавленным голосом.

- Оно взрывает сердце, - серьезно произнес Ваддерунг. – Разрывая его изнутри. Звучит знакомо?

- Адские колокола, - пробормотал я тихо. Уже прошли годы с тех пор, как я вспоминал о Викторе Селлзе или его жертвах. Долгое время они были наверху моего хит-парада ночных кошмаров, но я перерос это.

Ваддерунг чуть наклонился ко мне, его голубой глаз ярко сиял.

- Это все связано, Дрезден. Целая игра. И ты только сейчас начинаешь узнавать, кто игроки, - он откинулся назад в кресле, позволяя тишине добавить акцент к его утверждению, прежде чем продолжить. - У волшебника, который прежде использовал это заклинание в Чикаго, не имелось достаточно силы, чтобы оно распространилось дальше указанной цели. У Красной Коллегии имеется. Никто не использовал Силу для таких целей уже больше тысячелетия.

- И они нацелились на меня?

- Говорят, можно много узнать о человеке по его врагам, Дрезден, - он улыбнулся, скрывая смех за его следующими словами, - ты бросал вызов существам, которые должны были до смерти тебе испугать. Ты противостоял силам безо всяких на то оснований, просто потому, что они должны быть остановлены. Ты не склонял голову ни перед демонами, ни перед ангелами, и ты рисковал собой, защищая тех, кто не способен сделать этого сам, - он медленно кивнул. - Я думаю, ты мне нравишься.

Я удивленно приподнял брови и пару секунд изучающе смотрел на него.

- Тогда помогите мне.

Ваддерунг жестко сжал губы, размышляя.

- В этом я тебя разочарую. Я... уже не тот, что был прежде. Мои дети разбросаны по миру. Большинство из них позабыло наше предназначение. После отступления Ётунов* ... - он покачал головой. - Ты должен понимать, что в этой битве сойдешься лицом к лицу с существами, такими же, как и я.

Я нахмурился.

- Вы имеете в виду... богами?

- Главным образом, с отставными богами, во всяком случае, - ухмыльнулся Ваддерунг. - Когда-то им поклонялась целая цивилизация. Сейчас они почитаемы только небольшой горсткой; сила их крови разделилась на тысячи потомков. Но даже так, силы палаты Лордов Внешней Ночи слишком много для такого как ты сейчас.

- Я уже слышал это прежде, - буркнул я.

Ваддерунг просто искоса глянул на меня. Потом он сказал:

- Позволь мне помочь тебе это понять.

И сила, подобная сотне наковален, сорвала меня со стула и вмяла в пол.

Я обнаружил себя лежащим на спине, задыхающимся, как выловленная рыба. Я с силой дернулся, пытаясь подняться, но не смог даже оторвать руки от пола. Я сконцентрировал волю в попытке использовать её, чтобы отбросить эту силу от меня и...

... и внезапно, резко почувствовал, как моя воля столкнулась с другой. Сила, которая удерживала меня внизу, не была земной магией, как я полагал. Это было простое, неукротимое, жесткое заявление воли Дональда Ваддерунга - Отца Грома, Отца и Короля сонма богов. Желание Одина удерживало меня на полу, и я не мог ни бежать, ни отбросить его, ничего не мог с этим сделать, как не может ничего сделать насекомое с замахнувшейся на него рукой с тапкой.

В тот момент, когда осознание этого озарило меня, сила исчезла, испарилась, как будто её никогда не было. Я, задыхаясь, лежал на полу.

- В моей власти убить тебя, молодой чародей, - сказал Ваддерунг спокойно. - Я мог просто пожелать твоей смерти. Особенно здесь, в центре моей силы, в Мидгарде.

Он поднялся, обошел вокруг стола и протянул мне руку. Я принял ее, и он поставил меня на ноги, непоколебимый, как скала.

- Ты будешь в центре их власти. Их будет дюжина и каждый почти такой же сильный, как я, - он ободряюще положил руку мне на плечо. - Ты отважный, умный, и время от времени удачливый. Все это отличные качества для таких битв, как у тебя. Но против такой силы, как эта, ты не сможешь противостоять в своем нынешнем состоянии. Даже если у тебя получится бросить вызов Красному Королю в Чичен-Ице, тебя повергнут через секунду после этого. Ты не сможешь ничего сделать, глядя на смерть своей дочери.

Он какое-то время молча смотрел на меня. Затем открылась дверь в кабинет, и зашла одна из близнецов.

– Сэр, - произнесла она, - у вас назначен обед через пять минут.

- Действительно, - кивнул Ваддерунг. – Спасибо тебе, М.

Она поклонилась и вышла.

Ваддерунг повернулся ко мне, когда в комнату вернулась Гард, неся накрытый поднос. Она поставила его на большой стальной стол и скромно отступила назад.

- Ты бросаешь вызов судьбе, Дрезден, - продолжил Ваддерунг. – Ты выходишь против сил, гораздо больших, чем ты. За это, ты имеешь моё уважение.

- Как вы думаете, я могу обменять уважение на... я не знаю... полдюжины Валькирий, секретаршу и пару взводов мертвых героев?

Ваддерунг снова рассмеялся. У него был искренний смех, как у Санта Клауса, когда он был еще молод и играл в футбол.

– Боюсь, я не смогу обойтись без своих секретарш, – он успокоился и сразу стал серьезным. – И все остальные... будут не так сильны в центре власти Красного Короля. – Один покачал головой. – Нравится тебе это или нет, это дела смертных. И должны решаться смертными.

- Вы не собираетесь помогать, - сказал я спокойно.

Ваддерунг подошел к стальному шкафу, распахнул дверцу, доставая пальто. Он накинул его и только потом повернулся ко мне.

- Я уже в этой игре очень, очень давно, мальчик. Откуда ты знаешь, что я не дал тебе именно то, в чем ты нуждаешься? – Он снял крышку с подноса, весело мне кивнул и ушел.

Я посмотрел на поднос. Там стояла кружка чая, возле неё три пустых пакетика из-под сахара. Чай пах перечной мятой - мой любимый. Возле чашки стояло маленькое блюдо с двумя пончиками, покрытыми тонким слоем сахарной пудры и неиспорченными глазурью или любыми другими съедобными украшениями.

Я поднял взгляд и увидел, как Ваддерунг идет в сопровождении обоих секретарей и как они просто исчезают, вероятно, в Пути.

- Итак? – спросила Гард. – Вы готовы идти?

- Буквально через минуту.

Я сел за стол. И задумчиво выпил чай и съел пончики.

Глава 22

Мне нужно было поспать.

Молли привезла меня назад домой в середине утра. Мышь выбежал нам навстречу, как только мы вышли из машины. Увидев нас, он завилял хвостом, радостно меня обнюхал и стал восторженно подпрыгивать вокруг, всем своим видом демонстрируя счастье от встречи. Я неторопливо побрел в свою квартиру. Все, явно, было спокойно.

Сьюзен и Мартин были внутри, оба заняты делом под пристальным взглядом Мистера, вальяжно развалившегося на своем барском месте наверху книжной полки. Сьюзен выбила все подстилки и ковры, которые устилали пол, и сейчас укладывала их на место, наверняка, не так, как они лежали до этого. Она подняла конец дивана пальцами одной руки, чтобы добраться до угла комнаты.

Мартин располагал в алфавитном порядке книги на книжных полках.

Они достойны смерти за такое кощунство, как это.

Я с силой подавил готовые вырваться из моего рта ругательства и сказал себе, что они считают, что совершают добрый поступок.

- Отличные новости, - улыбнулась Сьюзен. – Или по крайней мере, очень близко к этому. Наши люди узнали, кто именно висит у нас на хвосте.

- Неужели? – спросил я. – Кто?

- Ээбы, - ответила она.

В квартиру зашла Молли и строго нахмурилась, увидев, что они делают. Согласен, что квартира была похожа на свалку после визита ФБР и копов, но все же... Она, наверное, привыкла к этому месту, так же как и я.

- Звучит, как Скубис, только менее характерно.

Мартин покачал головой.

- Эстебан и Эсмеральда Батисты, - ровным голосом проговорил он. – Одна из супружеских команд, используемых Красной Коллегией для полевых работ.

- Одна из? – хмыкнул я.

- Пары, путешествующие вместе, привлекают меньше внимания, - пояснила Сьюзен. – Они чаще вызывают доверие, в том числе при общении с чиновниками и полицией. Это помогает разрешить многие вещи гораздо менее болезненно.

- Например, вы с Мартином, - кивнул я.

- Да, - ответил мне Мартин. – Именно.

- Печально известные Эстебан и Эсмеральда, - холодно продолжила Сьюзен. – Они неортодоксальные, сложно предсказуемые, что кое-что говорит, когда ты рассуждаешь о вампирах. Они пройдут по трупам своих же, чтобы получить результат. Лично я думаю, это потому что они чувствуют друг к другу какой-то извращенный вариант любви. Это делает их более эмоциональными.

- Они просто безумны, - возразил Мартин. – Не приписывай им ничего большего.

- Один из них ушел, Гарри? – задумчиво произнесла Сьюзен. – Эстебан, вероятно. Он труслив как древний заяц, что объясняет, почему он еще жив. Эсмеральда, наверное, была наблюдателем на крыше ближайшего здания – она, скорее всего, и подорвала бомбу.

- Должно быть, это они скрываются за покушением возле здания ФБР, - подумав, добавил я. – Затемнённые стекла в машине и стрелок сидел глубоко, подальше от света.

- Вполне может быть, - кивнула Сьюзен. – Они прячутся под светонепроницаемыми костюмами и ходят при дневном свете, если считают что это действительно необходимо.

Я хмыкнул.

- То есть Эстебан и Эсмеральда...

- Ээбы, - невозмутимо поправила меня Сьюзен.

- Итак, Ээбы на самом деле не бойцы. Они планировщики. Я достаточно точно угадал?

- Достаточно точно, - сказал Мартин. Мне показался слабый намек на одобрение в его голосе.

Я кивнул.

- Таким образом, они и их вампирическая шайка следили за вами и были вынуждены форсировать события, перейдя от наблюдения к действию, когда поняли, что вы попытаетесь вскрыть их базу данных. Они пытались защитить информацию. Все верно.

Сьюзен нахмурилась и кивнула мне.

- Конечно, - сказал Мартин. – Сложно предсказуемо, но не глупо.

- Тогда, почему, - продолжил я, - если они действовали исходя из приказов герцогини, только сорвать ваши усилия, они предприняли попытку покушения на меня?

Мартин приоткрыл рот, очевидно собираясь что-то сказать, и затем, нахмурившись, закрыл его.

- Я подразумеваю, что Арианна хочет видеть мои страдания, верно? Спасибо Господи за шаблонный склад ума, но это кстати. Я не смогу страдать, если буду мёртв. Если я рано умру, это испортит ей все веселье.

- Есть различные ветви в Красной Коллегии, - задумчиво проговорила Сьюзен. – Это единственная вещь, которая может все объяснить. Конфликт интересов – в том числе, и среди верхушки их иерархии.

- Или, - добавил Мартин, - это не были Ээбы, - он вдохнул, -... те, кто предпринял попытку покушения.

- Но я за последнее время не видел других людей, которые хотели бы убить меня, - заявил я. – И я видел Ээбов в прошлую ночь. Это простейшее объяснение.

Мартин чуть наклонил голову в знак согласия.

- Но помните, это только лишь теория. А не факты. Ты не можешь похвастаться нехваткой врагов, Дрезден.

- Гм, Гарри? – окликнула меня Молли.

Я повернулся к ней.

- Я не знаю, могу ли я рассуждать о таких вещах или нет, но... если в Красной Коллегии внутренний раскол ... что если похищение и все прочие... как прикрытие чего-то другого, что она делает внутри коллегии? Я имею в виду, может быть, это все не из-за тебя. Или по крайне мене, не только из-за тебя?

Я тупо смотрел на неё несколько секунд.

- А ведь это может быть правдой, - согласился я. - Я ведь не центр вселенной.

Молли закатила глаза.

- Хорошая мысль, Кузнечик, - улыбнулся я. - Надо держать это на уме. Может быть, мы немного заблуждаемся.

- А это имеет значение? - нахмурилась Сьюзен. - Я имею в виду, что это меняет для нас?

Я пожал плечами.

- Я полагаю, мы это увидим.

Она поморщилась.

- Если Эббы работают на фракцию, противостоящую Арианне, тогда они наш единственный след. Я надеюсь, смогу убедить их сказать мне, где удерживают Мэгги.

- В любом случае это стоит попытаться сделать, - согласился Мартин. - Если мы сможем поймать их.

- Мы сможем сделать это, - сказал я. - Или, будьте уверены, мы попробуем в Чичен-Ицу и выкрадем Мэгги оттуда, прежде чем они приступят к их волшебной танцевальной вечеринке.

Сьюзен резко повернула ко мне лицо, её глаза широко распахнулись от удивления.

- Что?

- Они намереваются провести основную церемонию в Чичен-Ице, - встретившись глазами со Сьюзен, я кивнул. - Я нашел её. Она будет там. И мы отправимся за ней.

Сьюзен издала свирепый радостный вопль и коршуном бросилась на меня от другого конца комнаты. От столкновения я прижался спиной к одной из книжных полок. Ноги Сьюзен обвили вокруг моей талии, а губы нашли мои.

Её губы были обжигающе-горячие и... сладкие. Когда они коснулись меня, огонь, вспыхнув, пробежал по моему телу и сжег любые мысли. Мои руки сомкнулись вокруг неё - вокруг Сьюзен, такой теплой и такой настоящей... и такой, такой очень близкой. Моё сердце застучало в ускоренном марше, и я почувствовал лёгкое головокружение.

Внезапно глубокое рычание Мыша вырвалось из его груди и прокатилось по комнате.

- Родригез, - рявкнул Мартин напряженным голосом.

Губы Сьюзен оторвались от меня, и когда она открыла глаза, они были полностью черные, буквально залиты тьмой - совсем как у Красных вампиров. Мои губы и язык всё еще покалывало от прикосновения её рта - слабое эхо коварного яда вампиров. Ярко красные татуировки проявились на лице и шеи Сьюзен, спиралью обвивая одну руку, они заканчивались где-то на ладони. Она, ошеломленно смотрела на меня пару мгновений, потом медленно кивнула и оглянулась через плечо на Мартина.

- Ты близко, - сказал он очень спокойным, очень мягким голосом. - Тебе нужно успокоиться. Тебе нужно какое-то время передохнуть.

Что-то вроде бешенства на мгновение появилось на лице у Сьюзен. Затем она вздрогнула, перевела взгляд с Мартина на меня, и тихо опустилась на пол.

- Солнце взошло и уже тепло, - сказал Мартин, мягко беря её за локоть. - Идём. Пройдемся немного под солнцем, и всё пройдет.

- Солнце, - повторила Сьюзен, её голос все еще оставался более низким и глухим, чем обычно. - Верно, больше солнца.

Мартин буквально выстрелил взглядом, которым он, наверное, надеялся убить меня, и они со Сьюзен покинув квартиру, вышли на солнечный утренний свет.

Молли выждала пока они отошли подальше от двери, и сказала:

- Хорошо. Это было глупо для вас обоих.

Я оглянулся на неё через плечо и нахмурился.

- Говорю так, как есть, - сказала спокойно моя ученица. – Ты знаешь, что ей сложно контролировать свои эмоции, инстинкты. Она не должна жить воспоминаниями и надеждами. И ты не должен был целовать её в ответ, – её губы напряженно сжались. – Кто-то мог пострадать.

Я потерял свои онемевшие губы и подавил вспышку гнева.

– Молли...

- Я все понимаю, - твердо заявила она. – Честно. Ты заботаешься о ней. Хорошо. Может быть, даже любишь её. Может быть, она все еще любит тебя. Но так не может дальше продолжаться, – она развела руками. – Когда этот беспорядок утихнет, вам надо будет жить дальше. Ты не можешь это игнорировать. Ты становишься ближе к ней, и это не закончится ничем хорошим, босс.

Я тяжело смотрел на неё, вся ярость внутри меня прорвалась в моём голосе, несмотря на то, что я пытался удержать её.

– Будь осторожна, Молли.

Молли побелела и отвела взгляд. Но она сложила руки на груди и осталась на месте.

– Я говорю это, потому что я переживаю, Гарри.

- Ты переживаешь из-за Сьюзен? – мрачно спросил я. – Ты ведь даже её не знаешь.

- Не Сьюзен, - тихо сказала она. – Тебя.

Я сделал шаг в её сторону.

– Молли, ты чертовски многого не знаешь обо мне и Сьюзен.

- Я знаю, что ты до сих пор винишь себя в том, что с нею случилось, - сказала она, звенящим голосом. – Подумай над тем, как бы ей понравилось, если бы она во время поцелуя потеряла над собой контроль и поняла, позже, что она разорвала тебе горло и выпила твою кровь, а сама превратилась в монстра. Ты хочешь, чтобы так закончилась ваша со Сьюзен история?

От этих слов мне захотелось кричать. Я не знаю, что помешало мне наброситься на девочку.

Кроме того факта, что Кузнечик никогда бы не поверила, что я на это способен.

И она была права. Так могло случиться.

Итак, я сделал глубокий вдох и, закрыв глаза, начал умирять свою ярость. Я все больше устаю от этого.

Когда я заговорил секунду спустя, мой голос звучал грубо.

- Обучение у чародея сделало тебя интриганкой.

Она фыркнула несколько раз и, открыв глаза, я увидел, что она тихо плачет.

– Н-нет, - выдавила она. – Это была моя мама.

Я издал невнятный звук, который должен был означать понимание, и кивнул.

Она глянула на меня и не сделала ни единого движения, чтобы вытереть слезы с лица.

– Ты выглядишь ужасно.

- Я кое-что выяснил, - буркнул я.

Молли чуть прикусила губу.

– Все плохо. Так ведь?

Я кивнул.

– Действительно плохо. Мы... - я покачал головой. – Без поддержки Совета я не знаю, как мы сможем это проделать.

- Выход есть, - шмыгнула она носом. – Выход есть всегда.

- В этом... и проблема, - сказал я, глядя на безнадежно организованную книжную полку возле себя. – Я... я бы хотел какое-то время побыть один.

Молли смотрела на меня, её поза была напряжена, словно она держала в руках хрупкий фарфор, и малейшее неверное движение могло вдребезги его разбить.

– Ты уверен?

Мыш издал горлом тихий скулящий звук.

- Я не собираюсь идти на крайние меры, - сказал я ей. Пока, во всяком случае. – Мне просто нужно немного времени.

- Хорошо, - вздохнула она. – Идем, Мыш.

Мыш озабочено посмотрел на меня, но все же потрусил из квартиры следом за Молли вверх по лестнице.

Я направился в ванную, включил душ, разделся и залез под холодную воду. Я просто стоял там, немного дрожа и пытаюсь думать.

Откровенно говоря, я думал о том, как было приятно чувствовать прикосновение губ Сьюзен. Я подождал до тех пор, пока холодная вода не свела эти специфические мысли до приемлемого уровня. Потом я вспомнил предупреждение Ваддерунга о Красной Коллегии.

У меня было несколько жестких клиентов в своё время. Но ни один из них не был богоподобным существом или их остатком, или, чем там еще были члены Палаты лордов Внешней Ночи и Красный Король. Невозможно столкнуться с чем-то вроде этого в прямой конфронтации и победить. Я, конечно, могу быть могущественным. Блин, в хороший день я согласился бы с утверждением, что я один из двадцати или тридцати наиболее могущественных чародеев на планете, если сравнивать только магические мускулы. И моё искусство, и опыт продолжают совершенствоваться. Дайте мне пару сотен лет, и я займу одну из верхних ступеней пьедестала.

Конечно, если Марконе был прав, я никогда не поднимусь так высоко. А этот босс-хищник бетонных джунглей был вовсе не глуп. По правде говоря, я бы сказал, что есть отличный шанс, что я не переживу ближайшие два или три дня.

Я не мог состязаться с хозяевами Красной Коллегии и победить.

Но у них была моя маленькая девочка.

Я знаю. Не должно иметь значение то, что она моя маленькая девочка. Я должен был так реагировать, если бы любая маленькая девочка попала в руки этих монстров. Но это имело значение. Мэгги была моим ребенком, и это имело чертовски большое значение.

Я стоял под душем до тех пор, пока холодная вода не смыла напрочь все гормоны, все эмоции, всю бессмысленную власть крови, призывающей к крови. Размышляя об этом, я решил, что у меня всего три варианта.

Враг был силен. Таким образом, я мог призвать еще больше мускулов на свою сторону. Я мог созвать каждого друга, каждого союзника, каждую темную личность, которая должна была мне услугу. Достаточная помощь могла повернуть ход любой битвы, а у меня не было иллюзий, что это будет битва эпических масштабов.

Проблема была в том, что единственные люди, которые готовы были на такой отчаянный шаг, были моими друзьями. И мои друзья будут умирать. Я мог буквально использовать их как щит от сокрушающей мощи Красного Короля и его коллегии, и у меня не было иллюзий, каких жертв это будет стоить. Мои друзья будут умирать. Большинство из них. Черт, возможно, они все и я вместе с ними. Может быть, я смогу добраться до ребёнка и уйти вместе с ней, пока мои друзья будут отдавать свои жизни за то, чтобы сделать это возможным. Но после этого, что потом? Провести жизнь в бегах вместе с Мэгги? Всегда оглядываться через плечо, никогда не оставаться на одном и том же месте дольше, чем на несколько дней?

Второе, что я мог сделать, это - придумать вместо прямого столкновения что-то другое. Найти какой-то способ подкрасться поближе и, схватив девочку, исчезнуть, миновав всю обреченную на поражение борьбу из варианта номер один. Этот план не требовал от меня смерти моих друзей.

Конечно, для его осуществления, мне надо было найти какой-то способ стать более умным и коварным, чем существа с тысячелетней практикой и опытом, которые веками специализировались на проникновении и предательстве. Ты не проживешь так долго, как они, среди племени хищников, не будучи на самом деле ужасающе умным и осмотрительным. Я сомневался, что это будет так просто, как снять пару часовых, одеться в их униформу, и пробраться внутрь с моими друзьями Трусливым Львом и Железным Дровосеком. (Мне отводилась роль Страшилы. Если бы у меня были мозги, я придумал бы лучший план).

Итак, прямая схватка со звездной командой была плохой идеей. Она вероятно не сработает.

Трусливый вариант «схватить-и-убежать» в центре силы Красной Коллегии был тоже плохой идеей. Это вероятно не сработает, также.

И оставался пункт номер три, который был невероятен. Точнее, так было несколько дней назад. Прежде чем я узнал, что я являюсь отцом.

Моя карьера чародея была... очень активной. Я попробовал на вкус множество ужасно могущественных вещей. И, главным образом избежал неприятностей, хотя от тех времен у меня

осталось большое количество шрамов - физических и духовных. Многие игроки высшей лиги видели во мне потенциал для одного вида разрушений или для другого.

Некоторые из них предлагали мне власть.

Большую власть.

Я подразумеваю, если бы я вышел, прямо сейчас, и собрал все, что я мог — независимо от ценника, который мне выставят - это могло изменить игру. Это сделало бы меня больше, чем скороспелым молодым чародеем. Это дало бы моей силе интенсивность, мощь, глубину, размах, которых я себе с трудом могу представить. Это дало бы мне шанс призвать новых союзников. Я получил бы почти неограниченное количество оружия в свое распоряжение; это открыло бы варианты, которые иначе никогда бы не возникли.

Но что будет после этого?

Мне не придется подаваться в бега с Мэгги, чтобы защитить её от монстров.

Я буду одним из них.

Может быть, не в тот же день. Может быть, не в ту же неделю. Но в один не очень далекий день, то, что я приму, изменит меня. И я, наверное, не буду против этого возражать, даже если и замечу, как это происходит. Такова природа подобной силы. Вы не чувствуете, как она меняет вас.

Не существует чувства, которое предупредит вас, когда ваша душа становится черной.

Вариант три имел одно общее с вариантами один и два: я не переживу их. Не тем человеком, которым я был. Тем, который пытался сделать мир чуточку светлее или более спокойным. Тем, кто пытался помочь и тем, кто все портил. Тем, кто верил в такие вещи как семья, ответственность, любовь.

Но Мэгги могла пережить это. Если я все сделаю правильно ...- только снова будет сиротой, так или иначе.

Я почувствовал себя слишком усталым.

- Возможно, нет других вариантов, - прошептал голос у меня в голове.

Я выключил воду и потянулся к полотенцу.

– Отставить такие мысли, Дрезден, - приказал я себе. – Должен быть какой-то вариант. Должен быть. Ты просто должен найти его.

Я тщательно вытерся и пристально всмотрелся в свое избитое, покрытое шрамами, небритое лицо в зеркале. Оно не выглядело как лицо, которое полюбит ребенок. Ребенок вероятнее всего начнет плакать, когда хорошо рассмотрит меня.

Но это лицо могло принадлежать тому мужчине, который заберет её целой и невредимой из лап кровожадных монстров.

У меня не было ни малейшей идеи о том, что я должен делать.

Я знал только, что я не должен сдаваться.

Глава 23

Я позвонил Мёрфи на мобильный.

- Мёрфи слушает.

- Хай, Мёрф. Чем занимаешься?

- Эта линия не...

- Я знаю, - перебил ее я. – Я знаю. Моя тоже. Привет, ребята из ФБР. Вам не надоело заниматься этой фигнёй?

Мёрфи фыркнула в телефонную трубку.

– Что случилось?

- Я думаю о том, как заставить поработать половую тряпку и заставить починиться разбитую дверь и сломанную стену вокруг нее, – заявил я. – Спасибо вам, ребятки из ФБР.

- Не делай из Бюро демонов ада, они ничуть не глупее других. Просто делают то, что могут с такими плохими наводками.

- Как насчет твоего дома? – спросил я.

- Они пришли, они поискали, они ушли. Роулинз, Столлинкс, и дюжина ребят из отдела внутренних расследований им помогали. Бюро вынуло и вытрясло весь мой хлам, и после отшло их.

Я зло рассмеялся.

- Мальчики из отдела это пережили?

Голос Мёрфи звучал определённо самодовольно.

– Они там были по просьбе нового агента, ведущего расследование.

- Тилли?

- Ты уже встречался с ним, верно?

- Да, и рад этому. Он хорошо отзывался о тебе.

- Он – айкидока¹, - пояснила Мёрфи. – Мастер джо² и преподаёт борьбу с некоторыми видами оружия. Я была в его додзё³ несколько раз, чтобы провести пару практических мастер - классов.

- Да, верно. Он тот парень, который обучал тебя бою на посохах?

- Это он. Мы когда-то начинали заниматься вместе. Много лун назад.

Я проворчал:

– Плохой повод для встречи через длительное время.

- Бюро в целом это вовсе не кучка придурков. Это всё из-за Рудольфа. Или того, кто отдавал ему приказы.

Тут меня посетила одна мысль, и я безмолвно замер на мгновение.

- Гарри? Ты все еще там?

- Да, извини. Как насчет, высунуть голову из здания и перекусить мясным сэндвичем? Интересно?

- Конечно. Двадцать?

- Двадцать.

Мёрфи повесила трубку, а я радостно проорал во всё ещё открытую линию:

- Эй, там! Если у вас есть наблюдатели у моей квартиры, то разрешаю им вызвать копов, если кто-либо попытается украсть мой постер «Звёздных Войн». Это – оригинал!

Потом я мстительно похихикал над ФБР. Это наполнило меня, практически, детской радостью.

Двадцать минут спустя я вошел к МакЭнелли.

Еще было слишком рано для обычного столпотворения, и мы с Мёрфи уселись за угловой столик - самый дальний от окна - заодно и подальше от лазерных микрофонов, на тот случай если у наших преследователей из ФБР случится двойной приступ паранойи.

Я начал без вступления.

– Кто сказал, что Рудольф получает приказы от своего непосредственного руководства? Или от любого в Чикаго?

Она нахмурилась и обдумывала это какое-то время. Я терпеливо ждал.

– Ты ведь не думаешь так на самом деле? - спросила Мерфи. – Так ведь?

- Я исхожу из худшего. Он выглядел запуганным, когда я видел его.

- Ага, - задумчиво протянула она. – У меня дома тоже.

Я посвятил её в детали, которые она пропустила - о моей квартире, и моем приключении в ФБР, и к тому времени как я закончил, она согласно кивала головой.

– Продолжай.

- Мы оба знаем, что такие карьеристы как Рудольф обычно не нервничают, не трясутся и не суетятся, когда они действуют с официальной санкции. Они получают слишком много удовольствия, поплёвывая с высоты своего положения на людей.

- Не знаю, все ли они так делают, - пробормотала она, - но я уверена на все сто, что так делает Рудольф.

- Да. Но в этот раз он был нервный, раздражительный. В отчаянии, – я в трех словах рассказал ей о его поведение, особенно, у меня дома и в комнате для допросов. – Тилли сказал, что Рудольф лгал своему руководству, чтобы подставить меня федералам.

- И ты поверил в это? – прищурилась Мёрфи.

- А ты нет?

¹ Айкидока - человек, занимающийся айкидо.

² Джо - короткий шест

³ Додзё - зал для проведения тренировок по восточным единоборствам.

Она пожала плечами.

– Довод. Но это не означает, что он является кем-то вроде засланца.

– Я думаю, означает, – возразил я. – Он не действует с полного одобрения своего руководства. Кто-то другой подталкивает его, кто-то, кто напугал его достаточно, чтобы он нервничал и трясся.

– Может быть и так, – согласилась Мёрфи. – Зачем он это делает?

– Кто-то хочет быть уверенным, что у меня не останется времени на поиск Мэгги. Таким образом, они натравили Рудольфа на меня. Затем, когда Тилли дал мне свободу, они повысили ставки и попытались избавиться от меня на выходе из здания ФБР.

Голубые глаза Мёрфи стали ледяными при упоминании о попытке покушения.

– Они смогли доставить стрелка на позицию так быстро?

Я попытался думать логически.

– После того, как Тилли выставил Рудольфа из комнаты, наши разборки не заняли много времени. Минут десять, максимум пятнадцать. Достаточно времени для звонка с докладом о провале дела, и достаточно времени для его кукловода, чтобы подготовить и нанести удар, как ты считаешь?

Мёрфи какое-то время это обдумывала, затем медленно покачала головой.

– Только если они были очень, очень близко и двигались как смазанная жиром молния. Но... Гарри, для экспромта этот удар был слишком гладким, слишком подготовленным. Это – не импровизация.

Я нахмурился, и мы оба замолчали, когда к нашему столику подошел Мак и поставил пару коричневых бутылок. Мак был худощавый, полностью лысый мужчина, как всегда одетый в черную одежду и безупречно-белый фартук. Мы оба пробурчали спасибо, и он снова вернулся за стойку.

– Хорошо, – протянула она, сделав глоток из бутылки. – Может быть, кукловод заранее доставил убийцу на случай непредвиденных обстоятельств, на тот случай, если ты сведешь на нет все усилия Руди?

Я покачал головой.

– Скорее всего, убийца находился там, чтобы устранить Рудольфа, после того, как он отыграл свою роль. Кто бы ни стоял у него за спиной, им нужны были дополнительные возможности, для того чтобы прервать цепочку, которая могла привести к ним. Как только Рудольф позвонил им, и сказал, что не способен удержать меня за решеткой, они приказали стрелку поменять мишень.

Что означает..., я принял три пули, предназначенные Рудольфу.

– Гарри? – спросила Мёрфи. – Почему ты смеешься?

– Я услышал шутку вчера, – хохотнул я. – Но дошло до меня только сейчас.

Она, нахмурившись, посмотрела на меня.

– Тебе необходимо немного отдохнуть. Ты выглядишь чертовски плохо. И ты сильно вымотан, раз начал хихикать.

– Чародеи не хихикают, – выдавил я, захлебываясь. – Они – кудахчут.

Мерфи косо на меня посмотрела и отхлебнула пива. Она выждала до тех пор, пока я полностью не отсмеялся, прежде чем спросила снова:

– Ты что-нибудь узнал о Мэгги?

– Немного, – ответил я, резко успокоившись. – Я думаю, что знаю, где она будет несколько следующих дней. – Я посветил её в то, что мы узнали о намерениях герцогини, пропустив ту часть, где я совершил немного правонарушений – воровство, несанкционированное проникновение в частную собственность и вандализм. – Поэтому прямо сейчас, пока я беседую с тобой, проходит всеобщая проверка их контактов в Мексике, – закончил я

– Сьюзен? – спросила она.

– И Отец Фортхилл, – кивнул я. – Между прочим, они должны попытаться выяснить, что происходит в Чичен-Ице.

Мёрфи кивнула, и небрежно спросила:

– Как она держится?

Я сделал еще один глоток пива и, подумав, сказал:

– Она думает, Молли влюблена в меня.

Мёрфи хрюкнула.

– Ничего себе! Она, должно быть, использовала вампирическую суперсилу, чтобы выяснить это.

Я удивленно моргнул, глядя на Мёрфи.

Она секунду смотрела на меня, прежде чем закатить глаза.

– Ох, Гарри, ладно тебе. Действительно? Ты действительно такой невежа?

– Угу, - сказал я, все еще моргая. – Очевидно.

Мёрфи самодовольно ухмыльнулась, пряча улыбку в пиве, и произнесла:

– Это всегда потрясающе, выяснить одно из твоих белых пятен. У тебя, их не так много, но те, что есть, как минимум с миллю шириной, – она покачала головой. – Ты знаешь, ты ведь так и не ответил на мой вопрос.

Я кивнул.

– Сюзен почти развалина. Возможно, потому что она полувампир...

– Я не знаю, Гарри. Из того, что ты сказал, я полагаю, тебе не стоит загадывать дальше, чем на несколько дней.

– Может быть, - вздохнул я. – Так или иначе, она на самом краю.

– Как и ты, - спокойно произнесла Мёрфи.

Я раздраженно глянул на неё.

– Что?

Она приподняла бровь и посмотрела на меня открытым, прямым взглядом.

Я начал сердиться на неё, но потом остановил себя и задумался.

– На самом деле?

Она медленно кивнула.

– Ты заметил, что барабанишь левой ногой по полу последние пять минут?

Я насупился, посмотрел на неё, затем на ногу, которая быстро постукивала, приводя мои мускулы в состояние усталости. – Я... Нет.

– Я твой друг, Гарри, - сказала она спокойно. – И я говорю тебе, что ты не контролируешь себя сейчас.

– Монстры собираются убить моего ребенка, Мёрф. Может быть этой ночью, может быть завтра. У меня нет времени на здравомыслие.

Мёрфи медленно кивнула, затем тяжело и, словно, обреченно вздохнула.

– Итак, Чичен-Ица.

– Вроде бы так.

– Круто. Когда мы атакуем?

Я покачал головой.

– Мы не можем нашей дикой горсткой идти на этих людей. Они прихлопнут нас.

Она нахмурилась.

– Но Белый Совет...

– Не поддержит, - зло, буркнув, я не смог сдержаться, и рычание прорвалось в мой голос. – И в ответ на твой вопрос... мы не уверены, когда будет проводиться ритуал. Мне нужно больше информации.

– Рудольф, - проговорила Мёрфи задумчиво.

– Рудольф. Кто-то, кто часть всего этого, возможно из Красной Коллегии, держит его за шею. Я намерен выяснить, кто этот кто-то, а затем тыкать его носом до тех пор, пока он не выкашляет информацию, которую я смогу использовать.

– Я тоже хотела бы поговорить с Рудольфом. Мы начнем с разных концов, и будем двигаться к середине, верно?

– Звучит как план. – Я махнул Маку, пантомимой изобразил перед собой сандвич и куснул его. Он кивнул, и вопросительно посмотрел на Мёрфи. – Ты будешь мясной сандвич?

– Я думала, у тебя нет времени на здравомыслие.

– Нет, - сказал я. – Но у меня так же нет времени на голод.

Глава 24

– Как может полицейский детектив позволить себе такой дом? – спросила Молли.

Мы сидели в Голубом Жучке на спокойной жилой улице в Крествуде. Было далеко за полдень, и небо было затянуто тяжелыми облаками. Дом Рудольфа, чей адрес я получил от Мёрфи, был самым маленьким домом в квартале, но это было относительно. Он располагался у лесного заповедника Графства Повара, и массив старых, величественных деревьев придавал всей территории пасторальный, уютный вид.

- Он не может, - ответил я спокойно.

- Ты подразумеваешь, что он взяточник?

- Может быть, - хмыкнул я. – Или может быть, у него богатая семья. Или может быть, он заложил свои органы и взял ипотеку. Люди становятся действительно глупыми, когда дело доходит до приобретения домов. Переплачивают за дом больше четверти миллиона долларов, потому что он в хорошей местности. Покупают дома, за которые, как они и сами чертовски хорошо знают, они не в состоянии делать взносы, – я покачал головой. – Если бы они имели хоть йоту здравого смысла, то никогда бы не приняли подобное предложение.

- Возможно, это не глупо, - возразила Молли. – Каждый хочет дом, который что-то значит. Возможно дополнительные деньги, которые они уплачивают, имеют для них дополнительный смысл. Я поморщился.

– Я бы охотнее нашел особый, дополнительный смысл в древнем захоронении под плавательным бассейном, или от осознания того, что я построил это своими руками или что-то вроде того.

- Не каждый так низко оценивает материальные блага, как ты, босс, - усмехнулась Молли. – Для них может, даёт дополнительный смысл высокая цена на ценнике.

Я фыркнул.

– Это по-прежнему глупо.

- С твоей точки зрения. Всё зависит от точки зрения, так ведь?

- Точки зрения, что дополнительные четверть миллиона долларов вашего материального человека, потраченные на увеличение престижа его дома, могли бы стать очень большим количеством спасательной пищи и медикаментов. Того что, возможно, помогло бы людям, если бы ублюдок с большим домом на окраине не унес все это, чтобы искусственно раздуть свой социальный член.

- Эх, - вздохнула Молли. – И их дома гораздо привлекательнее, чем твой дом.

- И это тоже, - проворчал я.

Мыш на заднем сиденье, тихо зарычал во сне и, повернувшись, я потянулся к нему, чтобы почесать за ушами до тех пор, пока он снова не успокоится.

Молли, около минуты просидела спокойно, прежде чем сказала:

- Что еще мы будем делать?

- Кроме того, что сидеть в засаде и смотреть? – спросил я. – Это- наблюдение, Молли. Это- то, что ты делаешь во время наблюдения.

- Наблюдение это отстой, - заявила Молли, сдувая несколько прядей волос, которые висели у неё перед глазами. – Почему Мёрфи не выполнит эту часть? Почему мы не используем магические штучки?

- Мёрфи отслеживает Рудольфа на работе, - терпеливо пояснил я. – Ну, а я наблюдаю за его домом. Если кукловод хочет его смерти, это лучшее место чтобы избавиться от него.

- И мы не используем магию потому что... ?

- Что ты предлагаешь, чтобы мы сделали?

- С помощью заклинаний отследили Рудольфа и Мэгги, - сказала Молли бойко.

- У тебя есть капля крови Рудольфа? Волосы? Обрезки ногтей?

- Нет, - потупилась она.

- Итак, никакого следящего заклинания, - подвел я черту.

- Но как насчет Мэгги? – встрепелась девушка. – Я знаю, у тебя нет её волос или чего-то от неё, но ты создал поисковое заклинание для меня, используя кровь моей матери, верно? Разве ты не можешь использовать свою кровь для этого?

Я успокоил своё дыхание и погасил всплеск разочарования, которое пыталось просочиться в мой голос.

– Это первое, что я попробовал. Сразу после звонка Сьюзен, как только все началось.

Молли нахмурилась.

– И почему это не сработало?

– Я не знаю, - вздохнул я. – Может, потому что должно быть что-то большее, чем простая кровная связь. Возможно, должна быть более сильная семейная связь между ребенком и родителями, которая усилит эффект поискового заклинания. Может быть, Красная Коллегия использует какую-то магию, которая скрывает или блокирует поиск. Бог его знает, чему они могли научиться, чтобы применять контрмеры против чародеев в течение войны, – я устало покачал головой. – А, возможно, сыграло роль простое расстояние. Я никогда никого не отслеживал на расстояние больше чем несколько сотен линейных миль. Я слышал о заклинаниях, которые работают больше, чем несколько тысяч миль, но ни от того, кто на самом деле делал это. Имей немного доверия, Кузнечик. Конечно, я пытался. Я бы не провел половину дня, пытаюсь узнать что-либо по своим каналам, если бы сначала не попробовал этого.

– Ой, - сказала Молли. Она выглядела смущенной. – Да. Извини.

Я вздохнул, и, запрокинув голову назад, закрыл глаза.

– Без обид. Извини, малышка. Я немного напряжен.

– Есть такое, - кивнула она. – Хм. А мы должны торчать тут у всех на виду? Разве нам не стоит спрятать машину и затаиться?

– Неа, - пробормотал я. – Мы хотим быть заметными.

– Почему?

– Я собираюсь закрыть глаза, - устало буркнул я ей. – Ненадолго. Оставайся настороже, хорошо?

Она косо глянула на меня, но сказала:

– Хорошо.

Я закрыл глаза, но буквально через полсекунды после этого, Молли пихнула меня в бок.

– Просыпайся, Гарри. У нас компания.

Я открыл глаза и обнаружил, что серый день сменяется ранними сумерками. Глянув в зеркало заднего вида, я заметил белую спортивную машину, притормаживающую, чтобы припарковаться на улице позади нас. Габаритные огни погасли, как только водитель покинул салон.

– Это заняло у него много времени, - пробурчал я.

Молли непонимающе покосилась на меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Попросил его встретиться со мной здесь. Не знал, где его найти.

Молли оглянулась назад через заднее окно, и даже Мыш приподнял голову и оглядел окрестности.

– О, - понимающе протянула Молли, в то время, как хвост Мыша нерешительно застучал по спинке моего сиденья.

Я вышел из машины и пошел навстречу вампиру, моему сводному брату.

Мы с Томасом две полнейшие противоположности. Я худощавого сложения, ростом чуть больше шести с половиной футов. Он на волосок ниже шести футов и выглядит как фитнес - модель. Мои волосы грязно-коричневого цвета, подстрижены очень коротко на висках и затылке, и чуть длиннее сверху. Они имеют склонность торчать в разные стороны спустя несколько минут после расчесывания. У Томаса черные, ниспадающие на плечи волосы, волнистые от природы. Я одеваюсь в джинсы, футболку и большой черный кожаный пыльник. Томас носит сшитые на заказ брюки из белой кожи, белую шелковую рубашку и более грубый шелковый пиджак, тоже белый, украшенный элегантной парчой. Его лицо просится на рекламные щиты, мое хорошо бы смотрелось на плакате «Разыскивается преступник».

Однако у нас одинаковые линии подбородка, и наши глаза похожи друг на друга формой, пусть и не цветом. Это у нас от матери.

Мы с Томасом встретились уже взрослыми. Он был со мной в самых худших передрыгах, где я когда-либо бывал. Он спасал мою жизнь не раз, и я был благодарен ему за это. Но так было в то время, когда он боролся против Голода - вампирического демона присущего вампирам Белой Коллегии. Он провел годы, сохраняя контроль над своей темной стороной, интегрировавшись в чикагское общество, и в целом пытаюсь жить как человек. Мы были вынуждены сохранять наше родство в тайне. Совет

попытается использовать его против Белой Коллегии, в тот же самый момент как этот секрет станет им известен. Так же вампиры попытаются дотянуться до Совета через меня.

Потом кое-что плохое случилось с ним, и он перестал пытаться быть человеком. Я видел его в общей сложности две, может быть три, минуты с тех пор как он начал питаться на людях снова; теперь не отпивая маленькие глотки, а выгрызая большие куски чужой жизненной энергии.

Томас самодовольно подошел ко мне, словно мы расстались буквально вчера, осмотрел меня сверху вниз, и заявил:

- Тебе срочно нужен стилист, младший брат.

Я отмахнулся.

- Знаешь что. Ты - дядя.

Томас запрокинул назад голову и коротко рассмеялся.

– Что? Нет, едва ли... если только случайно не выжил кто-то из отцовских отпрысков. Что по существу не случилось...

Он запнулся на середине предложения, и его глаза расширились.

- Да, - кивнул я.

- Опа, - протянул он, и замер с широко раскрытыми глазами, очевидно окаменев от сюрприза. Это было немного пугающе. Люди обычно выглядят как люди, когда они замирают. Бледная кожа Томаса и ярко синие глаза застыли, как у статуи. – Опа.

Я ухмыльнулся, довольный произведенным эффектом.

– Скажи «маслёнка».

Томас удивленно моргнул.

– Зачем?

- Тебе придётся быть Железным Дровосеком.

- Зачем?

- Не обращай внимания, не важно, – вздохнул я. – Послушай, не вдаваясь во множество деталей: у меня есть восьмилетняя дочь. Сьюзен никогда мне не говорила. Герцогиня Арианна из Красной Коллегии похитила её.

- Хм, - сказал Томас. – Если бы я знал это, возможно, я приехал бы раньше.

- Не мог ничего говорить по телефону. В дело вовлечены ФБР и полиция, они постоянно вставляют мне палки в колеса, – я мотнул головой в сторону улицы. – Тот, кто пытается остановить меня, шантажирует полицейского, живущего в конце этой улицы. Я тут надеюсь поймать кого-либо из шантажистов или киллеров, которых послали по его душу, и выбить из них любую информацию, которую смогу.

Томас немного ошарашено посмотрел на меня и повторил:

- Я - дядя.

Я провел ладонью по лицу.

- Извини, - медленно сказал он. – Я просто думал, что это будет еще один пустой разговор о том, как ты волнуешься, что зло Белой Коллегии развратило меня. Мне нужно пару секунд.

- Сделай этот отрезок еще короче, - попросил я. – Нас поджигает время.

Томас несколько раз кивнул, словно отодвигая эмоции.

– Хорошо, итак ты разыскиваешь... Как её имя?

- Мэгги.

Мой брат замер, вздохнул несколько раз, и чуть наклонил голову.

– Это хорошее имя.

- Сьюзен тоже так подумала.

- Итак, ты разыскиваешь Мэгги, - продолжил он. – И тебе нужна моя помощь?

- Я не знаю точную дату, но я знаю, что её собираются доставить в Чичен-Ицу. Возможно сегодня вечером, позднее всего - завтра ночью.

- Зачем? – спросил Томас и добавил, - И какое отношение это имеет ко мне?

- Они используют её в проклятие линии крови, - рассказал я. – Когда они принесут её в жертву, проклятие убьет её братьев и сестер, затем её родителей, затем их братьев и сестер и так далее.

- Погоди. У Мэгги есть братья и сестры? С каких это пор ты стал такой горячий?

- Нет, черт возьми! – я почти закричал от досады. – Это иллюстрация того, как работает проклятье родословной.

Его брови подскочили вверх.

– Вот дерьмо. Ты говоришь, что это убьет так же и меня?

- Да, это именно то, что я, блин, сказал. Ты - легкая жертва.

- Гм, - сказал Томас, - я против этого, – его глаза снова расширились. – Погоди. Как насчет остальных Рейтов? Они тоже в опасности через меня?

Я покачал головой.

– Я не знаю.

- Голод мне в глотку, - пробурчал он. – Ладно. Ты знаешь, где она будет. Ты хочешь, чтобы я вскочил в седло и помог тебе вернуть Мэгги, как мы проделали это с Молли?

- Нет, до тех пор, пока не останется другого выбора. Я не думаю, что мы сможем пережить прямое столкновение с Красным Королем и его свитой на их домашней площадке.

- Ну, ты или я естественно не сможем. Но с Советом за спиной...

- Именно, за моей спиной, - оборвал я его, бурлящим от гнева голосом. – Так далеко за мной, что ты не знаешь, есть ли они там.

Глубокие синие глаза моего брата вспыхнули от ярости.

– Эти задницы...

- Поддерживаю, направление верное, - согласился я.

- Итак, как ты думаешь, что мы должны сделать?

- Мне нужна информация, - резко сказал я. – Добудь мне любую, какую сможешь. Любая активность в Чичен-Ице или любой цитадели Красных, любые упоминание о маленькой девочке, удерживаемой Красными, что угодно. Должно быть хоть что-то где-то, что поможет нам отыскать щель в их броне. Если мы выясним, где они удерживают её, мы сможем нанести туда визит. Если я смогу изучить защитную магию вокруг того места, возможно, я смогу проделать в ней дыру, и мы просто схватим девочку и уйдём. Иначе...

- Да, - понял меня Томас. – Иначе нам придётся схлестнуться с ними в Чичен-Ице. Что будет хреново.

- Это будет несколькими милями хуже, чем хреново.

Томас задумчиво нахмурился.

– Как насчет того, чтобы попросить Лару о помощи? Она может распоряжаться значительной огневой мощью других Домов Белой Коллегии.

- Почему она должна помогать мне? – спросил я.

- Самосохранение. Это ее пунктик.

Я фыркнул.

– Я не уверен, грозит ли опасность всей остальной твоей семье.

- Но ты не уверен и в обратном, так ведь? - усмехнулся Томас.- И в любом случае, если ты не знаешь, Лара не знает тем более.

- Не будь так уверен, - буркнул я. – Нет. Если я пойду к ней с этим, то она предположит, что это - уловка, мотивированная отчаянием.

Томас развел руками.

– Убогая выходка, если так. Но ты упускаешь кое-какой нюанс.

- Ну?

Томас опустил руки и потом поднял их перед собой в жесте, которым Ванна Вайт представляет буквы в Колесе Фортуны.

– Бесспорно, я в опасности. Она захочет защитить меня.

Я скептически посмотрел на него.

Томас пожал плечами.

– Я играю теперь за эту команду, Гарри. И каждый знает это. Если она допустит, чтобы со мной случилось несчастье, когда я попрошу её о помощи, это огорчит множество людей. И это будет вредно для ее имиджа, я уверен, что не хочу подставлять её таким образом.

- Для того чтобы это сработало как рычаг, упором должно быть знание об этом остальных членов Коллегии, - возразил я. – Они должны будут узнать, почему ты в опасности от кровного проклятия, нацеленного на меня. Затем они выяснят все о нашей кровной связи. Не только Лара.

Томас с секунду обдумывал это. Потом он пожал плечами.

– Все равно. Может быть, стоит затратить пару усилий и обратиться к ней. Она находчивая женщина, моя сестра, – выражение его лица стало нейтральным. – Очень талантлива, когда дело доходит до устранения помех. Она, вероятно, сможет помочь тебе.

В обычной ситуации я бы принял подобное предложение, не раздумывая и секунды. Но в этот раз... Я секунду раздумывал.

Лара, наверное, знала Красную Коллегию так хорошо, как никто. Она годами взаимодействовала рука об руку с ними, в той или иной степени. Старшая сестра Томаса была серым кардиналом позади трона Белой Коллегии, вампиры которой гордились навыками шпионажа, манипуляций и другими формами непрямого вмешательства. Если кто-то, возможно, имел что-то на Красных, это была Лара Рейт.

Часы продолжали тикать. У Мэгги заканчивалось время. Это не позволяло мне быть привередливым.

- Я бы предпочел, чтобы ты этого не делал, - сказал я спокойно. – Мне необходимо чтобы ты разузнал все, что сможешь, парень.

- Что случится, если я ничего не выясню?

- Если это случится... - я покачал головой. – Если я ничего не предприму, моя маленькая девочка умрет. Так же как и мой брат. Я не смогу жить с этим.

Томас кивнул.

– Я посмотрю, что смогу сделать.

- Не посмотри. Сделай это.

Это прозвучало так жестко, что мой брат вздрогнул, хотя и еле заметно.

– Хорошо, - твердо произнес он. – Давай...

Его голова резко повернулась в сторону дома Рудольфа.

- Что? – спросил я.

Он поднял руку, прося тишины, поворачиваясь и полностью сосредотачиваясь.

– Бьющиеся стекла, - прошептал он. – Множество.

- Гарри! – позвала Молли.

Повернувшись, я увидел, как распахивается пассажирская дверь Жучка. Молли выскочила из машины, обеими руками вцепившись в ошейник Мыша. Большой пес полностью сфокусировался на доме Рудольфа, и его грудь вибрировала от глубокого, бешеного рычания, которое я слышал только несколько раз, и которое всегда означало, что поблизости сверхъестественные хищники.

- Кто-то прибыл за Рудольфом, - крикнул я и бросился к дому. – Вперед!

Глава 25

Буквально полторы секунды я возглавлял отряд, выглядя, как крутой парень, а потом мой брат и Мыш оставили нас с Молли глотать пыль. Если бы я не занимался постоянно бегом, Молли сделала бы то же самое, хотя может и не так быстро. К тому времени как я покрыл половину расстояния, Томас и Мыш направились к задней двери дома Рудольфа, каждый по своей стороне стены.

- Укройся, Кузнечик! – выпалил я, и Молли исчезла прямо на бегу под своей лучшей завесой. Чтобы преодолеть всю дистанцию мы потратили около пятнадцати секунд, и я направился в ту сторону, где скрылся Томас. Обогнув дальний угол, я увидел большую стеклянную раздвижную дверь, ведущую из деревянной веранды в дом, которая была разбита вдребезги. Громкие, ужасные удары, похожие на низкочастотный бас самбуфера, раздавались в глубине дома.

Одним большим прыжком я поднялся по лестнице, ведущей на веранду, и просто чудом уклонился от внезапного взрыва стекла, дерева, гипсокартона и обшивки, который взметнулся передо мной. Я мгновенно понял, что реактивный снаряд, который только что прошел сквозь стену, был моим братом и, потом что-то огромное, черное и быстрое пробило эту же стену, увеличив дыру раз в пять от первоначального размера.

Чем бы это ни было, но оно застыло, сделав шаг или два, и я, воспользовавшись этим, рванул с места. Я бросил одну руку на перила и перепрыгнул на противоположную сторону лестницы. Мне удалось успеть отдернуть руку от перил, прежде чем существо воодушевлённо смяло их одной большой, дьявольски быстрой когтистой лапой. Гулкое биение стало громче и сильнее, и я с ужасом понял, что слышу ускорившееся биение сердца этого существа так же отчетливо, как если бы его отбивали в барабан.

Я бы дурачил себя, если бы думал, что могу убежать от чего-то такого быстрого. Между тем тварь покрыла разделяющее нас расстояние за полдюжины больших шагов, и ударила меня по голове с огромной силой и скоростью.

Я закрутился волчком, доставая жезл и выпуская сгусток пламени, но споткнулся и упал на спину. Огонь ударил в это создание, и ... с таким же результатом я мог стоять в сторонке и пинать стенку.

Я подумал, что полностью выдохся, пока Мышь не выскочил из дома, купаясь в слабом сиянии голубоватого света. Он сделал единственный, предельно точный, тридцатиярдовый прыжок, который закончился на огромных, уродливых плечах атакующей твари. Клыки Мыша вонзились в кожу существа, и его массивные челюсти сомкнулись сзади на толстой, практически незаметной шее.

Существо выгнулось от боли, но не издало ни звука. Оно повалилось на меня, слишком занятое, чтобы атаковать на самом деле; однако удар такой массы и силы отозвался дикой болью в моих ребрах и бедре.

Мышь, продолжая терзать и разрывать спину твари, упал в грязь; его когти буквально прорывали борозды в плоти существа. Его рычание гулко звучало в вечернем воздухе, а каждое движение и поворот тела, казалось, поднимали маленькие клубы светящегося голубого тумана от его меха.

Мышь должен был одержать вверх над этим созданием, но оказалось, никто ничего не сказал об этом монстру. Он ловко изогнулся, отталкиваясь от земли, как будто был сделан из резины, схватил Мыша за хвост и размахнувшись огромной собакой запустил его по большой дуге. Мышь ударился о землю как двухсотфунтовая кувалда, издав пронзительный скулящий визг боли.

Я не думал. Я, крича, поднял жезл, наполняя его своей волей и всем огнем души, который смог собрать:

- Отвали от моего пса!

Белый огонь вылетел из жезла и прочертил на монстре линию от бедра до черепа, прорезая плоть беспощадным огнём. Тварь еще раз вздрогнула в безмолвной агонии и бум-бокс, барабанный удары его сердца, затрясся еще сильнее. Она упала, неспособная больше удерживать Мыша, и начала корчиться на земле.

Я попытался подняться, но моя ушибленная нога не согласилась со мной, а внезапная волна слабости, которая захлестнула меня, заставила и руки повиснуть вдоль тела. Я лежал, задыхаясь, неспособный пошевелиться. Мышь пошатываясь, поднялся на ноги, его голова бессильно висела, а язык безвольно вывалился изо рта. Позади себя я услышал стон и неуклюже изогнувшись, увидел садившегося Томаса, плечо которого было вывернуто под неестественным углом. Его одежда была порвана; из живота, прямо над пупком, торчал кусок железа, а половина лица была залита кровью, которая была слишком бледной, чтобы принадлежать человеку.

- Томас! – крикнул я. Или попытался крикнуть. В туннеле, в который я внезапно попал, была очень странная акустика. – Поднимайся, дружище!

Он перевел на меня пустой, контуженный взгляд.

Существо медленно зашевелилось. Повернувшись, я увидел, как оно расслабилось, его тело вздрогнуло, барабанный бой его сердца стабилизировался, и я смог лучше взглянуть на то, с чем мы имели дело.

Оно было огромным, размером примерно как взрослый бык, и жутко воняло. Впрочем, возможно это было следствием того, что я его только что поджарил. Его тело было странным, на вид способным с одинаковой эффективностью двигаться как на двух ногах, так и на четырех. Кожа отличалась рыхловатой чернотой, очень похожей на настоящую кожу Красных вампиров, а голова имела странную форму, словно смешали головы человека, ягуара и может быть крокодила или дикого кабана. Тварь была полностью черная как смоль, включая глаза, язык и рот.

И, невзирая на раны, которые я нанёс, монстр снова начал подниматься.

- Томас! – рявкнул я. Или прохрипел.

Существо покачало головой, и его мертво-черные глаза сфокусировались на мне. Оно направилось ко мне, сделав небольшую остановку и отшвырнув со своего пути мою оглушенную собаку. Мышь приземлившись, перекувыркнулся, вероятно, пытаясь восстановить равновесие, но у него не получилось.

Я снова поднял жезл, но во мне не осталось даже сока, чтобы выжать из жезла что-нибудь сильнее, чем слабый дымок.

А затем из ниоткуда прилетел камень и ударил существо по морде.

- Эй! – прокричал голос Молли. – Эй, Капитан Асфальт! Эй, смоляной бычок! Я тут!

Мы с тварью одновременно повернулись и увидели Молли в двадцати ярдах от нас. Она бросила еще один камень, и он отскочил от широкой груди монстра. Биение его сердца начало ускоряться и становится опять громче.

- Давай прогуляемся, симпатюлька! - прокричала Молли. – Ты и я! – она повернулась в сторону существа, скрутила бантиком губки и с преувеличенным усердием хлопнула себя по попе. – Подходи, получи кусочек!

Существо напряглось и бросилось вперед, несясь по земле с ошеломительной скоростью.

Молли исчезла.

Тварь со всего размаху врезалась в то место, где только что стояла девушка, а её огромные лапы, собравшиеся в яростные кулаки, с хлопком погрузились на несколько дюймов в землю.

Раздался перезвон насмешливого смеха, и еще один камень отскочил от монстра, на этот раз слева. Разъяренный, он завертелся, чтобы обрушиться на Молли – и снова она полностью исчезла. Тварь еще раз пропахала пустую землю. И еще раз Кузнечик привлекла ее внимание камнем и несколькими насмешками, сразу же исчезая, как только она направлялась к ней.

Каждый раз Молли оказывалась чуть ближе к существу, неспособная на равных соревноваться с ним в скорости. И каждый раз она оказывалась чуть дальше от нас троих. Пару раз она даже кричала: «*Toro, toro! Olé!*»

- Томас! – я завопил. – Вставай!!

Мой брат моргнул несколько раз, каждый раз чуточку быстрее. Он сильно хлопнул рукой по окровавленной стороне лица; яростно потряс головой, чтобы убрать кровь с глаз, и посмотрел вниз на металлический стержень, торчащий у него из живота. Томас, скривившись, сжал его рукою и начал медленно вытягивать, обнажая шестидюймовый треугольник, который должно быть, был угловой стяжкой стены, через которую он пролетел. Он бросил его на землю, застонал от боли, и его глаза закатились.

Я увидел, как он начал меняться. Кожа стала очень бледной и практически засветилась жемчужным светом. Его дыхание мгновенно стабилизировалось, и порез вдоль линии волос, который кровоточил, начал заживать. Томас распахнул глаза, их цвет изменился от глубокого, спокойного синего к холодному, металлическому серебру.

Он плавно поднялся и глянул на меня.

– Ты истекаешь кровью?

- Нет, - прохрипел я. – Я в порядке.

В нескольких футах от нас на ноги поднялся Мышь и встряхнулся, мелодично позвякивая ошейником. Далеко от нас снова показалась на улице Молли, и оттуда раздался громкий звук столкновения.

- На этот раз мы сделаем все умнее, - холодно произнес Томас. Он повернулся к Мышу вместо меня. – Я пойду первым и привлеку его внимание. Давай обездвижим его. Я думаю, ты сможешь хорошенько потрепать ему ноги.

Мышь гавкнул, вероятно, в знак согласия, ворчливо зарычал, и вокруг него опять засиял слабый, очень бледный голубой свет.

Томас кивнул, затем поднял кусок разлетевшейся веранды, который лежал возле того места, где он упал. Он легко закинул на плечо угловую опору - брус четыре на четыре дюйма и около полутора ярдов в длину - и сказал:

- Не напрягайся, Гарри. Мы вернёмся к тебе через минуту.

- Вперед, Команда Дрездена, - прохрипел я.

Двое из команды бросились вперед, развив скорость от нуля до скорости гепарда буквально за секунду. Потом они исчезли из видимости. Я услышал, как Томас издал пронзительный крик, пародирующий Брюса Ли, и раздался громкий треск дерева, столкнувшегося с чем-то твердым.

Мгновенье спустя Мыш издал свой боевой рык. Я увидел отблески ярких колонн света, когда Молли обрушила на существо немного ослепительной магии. Это не навредит твари, но малышка, если захочет, может создавать из пустого воздуха настолько яркий, цветной свет, который буквально обжигает глаза. И все это сопровождается оглушающими звуками. Она называет это один период рэйва женщины. Во время последнего Дня Независимости Молли использовала его на заднем дворе своих родителей вместо фейерверка, и это было настолько впечатляюще, что вызвало пробку на скоростной автомагистрали.

Мне было тяжело лежать, ограниченному в движении, видя только случайные вспышки света и слыша отзвуки боя. Я попробовал снова подняться на ноги и потерпел неудачу. Поэтому я просто сел и сосредоточился на дыхании, стараясь не дышать слишком глубоко. Эта тварь определенно сломала мне по крайней мере одно ребро.

Именно тогда я заметил два набора пылающих красных глаз, уставившихся на меня из леса, с безошибочно узнаваемым выражением хищников. Глаза медленно, неуклонно, безмолвно приближались.

Я внезапно понял, что все те, кто могли помочь мне, были немного заняты в этот момент.

- Ох, - вздохнул я. – Вот дерьмо.

Глава 26

Глаза рывком метнулись ко мне, и что-то темное и сильное ударило меня в челюсть. Я и до этого был близок к тому, чтобы потерять сознание. Удара было достаточно, чтобы я отключился.

Я пришел в себя оттого, что меня подняли и запрокинули на чье-то плечо. Потом было множество быстрых, тошнотворных движений. Это длилось достаточно долго, чтобы меня укачало. А у меня не осталось даже сил прицелиться в моих похитителей.

Субъективную вечность спустя меня бросили на землю. Я лежал безмолвно, надеясь внушить своим похитителям, что я в бессознательном состоянии и слаб как котенок. Что было очень легко, потому что было правдой. У меня никогда не было выдающихся актерских способностей.

- Нам не нравится это, - раздался женский голос. – Его Сила дурно пахнет.

- Мы должны быть терпеливыми, - мужской голос. – Это может быть ценным приобретением.

- Это слушает нас, - промурлыкала женщина.

- Мы знаем это, - ответил мужчина.

Я услышал мягкие шаги, ступающие по ковру из сосновых иголок, и снова заговорила женщина, более медленно и низко. Она звучала... голодной. – Бедное существо. Такое избитое. Мы должны это поцеловать и уложить спать. Это будет милосердно. И Он будет доволен вместе с нами.

- Нет, наша любовь. Он будет доволен нами. Есть различия.

- Разве мы не пришли к пониманию этого простого факта? – сказала она в ответ с огорчением в голосе. – Никогда Он не призовет нас в Круг; не имеет значения, сколько трофеев мы принесем Коллегии. Мы чужаки. Мы не первые Майя.

- Множество вещей может измениться, в промежутке вечности нашей любви. Мы будем терпеливыми.

- Ты считаешь, что Он может пасть? – Она безумно захихикала. – Тогда почему мы не оказываем расположение Арианне?

- Мы не должны даже рассматривать это, - ответил он жестким голосом. – Мы не должны даже думать об этом слишком часто. Он может узнать. Он может действовать. Мы понимаем?

- Мы да, - ответила она недовольным голосом.

Потом кто-то схватил меня за плечо стальными пальцами и перевернул на спину. Надо мной высились темные очертания деревьев. Ничего кроме черных силуэтов, освещенных огнями Чикаго, отражающимися от облаков.

Впрочем, света хватило, чтобы я смог рассмотреть бледную, хрупкую фигуру крошечной женщины. Она была не больше ребенка. Серьезно, она была около четырех футов и шести дюймов, хотя её пропорции были такими же, как у любого взрослого. Очень бледная кожа, слегка покрытая веснушками, и выглядела незнакомка, словно ей было девятнадцать лет. У неё были прямые, каштановые волосы и очень странные глаза. Один - цвета светло-синего льда, а второй - глубокого, темно-зеленого. Я инстинктивно почувствовал, что независимо от того, что за существо скрывается за этими разноцветными глазами, оно не было в здравом рассудке.

Женщина была одета в платье с длинными, струящимися рукавами, балахоне без рукавов и корсете поверх всего этого. И она была босиком. Я знал это, потому что чувствовал её маленькую холодную ногу на своей груди. Она наклонилась ко мне.

- Мы слишком поздно. Послушайте, этот начал разлагаться.

- Ерунда, - ответил мужской голос. – Это - прекрасно подходящий экземпляр. Смертным чародеям полагается быть потрёпанными и жесткими, наша любовь.

Я глянул вверх и увидел второго говорящего. Мужчина, приблизительно пять футов и шесть дюймов, с коротким ежиком рыжих волос, черной бородкой и загоревшей бронзовой кожей. Он носил черную шелковую одежду и в целом выглядел так, словно прибыл с костюмированной репетиции Гамлета.

- Ага, - пробормотал я. – Вы должно быть Эстебан и Эсмеральда. Я слышал о вас.

- Мы известны, - прошипела маленькая женщина, покосившись на мужчину.

Он строго посмотрел на неё, вздохнул, и произнес:

– Да, мы здесь чтобы помешать тебе позволить Арианне продолжить её проект.

Я моргнул.

– Чего?

Эсмеральда наклонилась ниже. Её волосы щекотали мой нос и губы.

– Неужели эти уши поломаны? Если уши с дефектом, можем мы отделить их и отослать обратно?

- Терпение, наша любовь, - сказал Эстебан. Он сел на корточки и глянул на меня. – Это не его ошибка. Это даже не понимает того, как Арианна манипулирует им.

- О чем вы говорите? – возмутился я. – Послушайте, народ, никто не хочет остановить Арианну больше, чем я.

Эстебан рассеяно махнул рукой.

– Да, да. Это чувствует, что должно спасти свою икру. Оно попытается забрать её обратно, из самого сердца Его королевства; из места, помещенного в центре огромных движущихся сил; места, где возможен тонкий баланс любого количества путей.

- Это едва ли выглядит достаточно серьезным, - фыркнула Эсмеральда. – Оно только неотёсанное, грязное создание.

Эстебан пожал плечами.

– Мы знаем сейчас, что внешнее едва ли имеет значение. Определенная ложь в своих пределах часто скрывает важную истину. Согласен ли ты, неотёсанный чародей?

Я облизнул губы. Мне действительно не хотелось подшучивать над парой сумасшедших вампиров, но это вероятно было лучшее, что я мог предпринять. Любой, кто живет достаточно долго, имеет склонность не следить за временем. После того, как прошли несколько тысяч лет, один час на самом деле не имеет значения. Если драка моего брата и компании будет успешной, они через несколько минут поймут, что я исчез, и я не думаю, что Ээбы унесли меня достаточно далеко, чтобы сбить со следа Мыша. Насколько я могу судить, Мыш способен учуять след из космоса.

Говорить с ними. Выиграть время.

- Это зависит от природы объекта и наблюдателя, - начал я. – Но если вы используете метафору в её простейшей форме, тогда да. Истинная природа того или иного создания превышает по важности её внешний вид, – я попробовал улыбнуться. – Это очень милое обращение, кстати, – сказал я. – Я ожидал чего-то совсем другого.

- Мы хотели съесть тебя и убить тебя. Или убить тебя, потом съесть тебя, - промурлыкала Эсмеральда, улыбаясь в ответ. Её жребий был гораздо более ненормальный, чем у меня. Я так надеялся. – И возможно что-нибудь ещё.

- Хотя, очевидно, у вас что-то другое на уме, - продолжил я. – Очевидно, вы хотите поговорить. Я более чем готов слушать.

- Отлично, - кивнул Эстебан. – Мы довольны, что ты можешь разумно обдумать предмет обсуждения.

- Что именно вы хотите обсудить?

- Вопрос твоего вмешательства в планы Арианны, - сказал Эстебан. – Мы желаем, чтобы ты прекратил в этом участвовать.

- Это... может быть проблематично. Ведь если она сделает то, что она намеревается сделать, это убьёт меня вместе с матерью ребёнка.

Вампиры обменялись долгими, безмолвными взглядами, выражения их лиц едва уловимо менялись. У меня создалось впечатление, что на другом уровне идёт гораздо более интенсивное общение.

Эстебан снова повернулся ко мне. – Откуда ты узнал это, потрепанный чародей?

- Это- то, что я делаю, - буркнул я.

- Оооо, - протянула Эсмеральда. Она скользнула своим телом вдоль моей груди, прижимаясь ко мне бедрами. Я едва ощущал её вес на мне, настолько она была крошечная. И она пахла... неправильно. Как формальдегид и плесень. – Это такое высокомерие. Мы обожаем высокомерных. Это так сладко наблюдать, как гибнут маленькие высокомерные вещи. Тебе нравятся наши симпатичные глаза, потрепанный чародей? Какой цвет тебе нравится больше? Посмотри ближе и внимательнее.

Не смотреть вампирам в глаза. Каждый знает это. Я пару раз случайно пересекался взглядом с вампирами Красной Коллегии, и для меня не было проблемой отвести глаза. Это не было очень сложно. Но очевидно, те вампиры были хреновыми игроками.

Синий лед и глубокое зеленое море закружились перед моим взглядом, и только в последнее мгновение я понял, что происходит, и резко захлопнул свой разум, оставляя только жесткие, укрепленные места для атаки; замок мысли и памяти, готовый устоять под штурмом.

- Прекрати это, пожалуйста, - сказал я спокойно мгновение спустя. – Такая беседа никуда не приведёт.

Маленькая вампириша поморщила губы, её голова склонилась, как если бы она решала, быть ей расстроенной или удивленной. Она остановилась на удивленной. Эсмеральда захихикала и чуть потерялась бедрами.

– Прелестно, прелестно, прелестно. Мы очень довольны.

- У тебя есть выбор, - сказал Эстебан. Если его и расстроило поведение Эсмеральды, он не показал этого. Черт, он этого даже не заметил.

- Конечно, - согласился я. – Перечислите их.

- Я полагаю, простейшим средством для разрешения нашей проблемы будет, если ты покончишь с собою, - сказал он. – Если ты умрёшь, у Арианны не будет причин вредить твоей икре.

- Кроме мертвой части, есть кое-какие небольшие проблемы с этой идеей.

- Конечно, - нахмурился Эстебан. – Перечислите их.

- Откуда я буду знать, что ребенок будет спасен и возвращен матери? Какие гарантии заставят меня поверить, что Арианна не предпримет попытку через месяц?

- Будет набросан контракт, - подумав, ответил Эстебан. – Засвидетельствованный, подписанный и заверенный одной из нейтральных сторон Соглашения. Для безопасности, мы полагаем, сможем попросить нашего Бога, чтобы Он дал свое слово, освобождающее твою самку и икру от круга мести.

- Это возможно стоит обсудить, - хмуро кивнул я. – Хотя та часть, где я умираю, выглядит небольшим недостатком.

- Понятно, - продолжил Эстебан. – Мы так же может предложить тебе альтернативу смерти.

Движение бёдер Эсмеральды стало более медленным, более чувственным. Я уже попадал в лапы вампиров Красной Коллегии прежде. У меня до сих пор иногда бывают ночные кошмары. Но у довольной девочки на мне была та женская мистика, которая бросает вызов описанию и определению. Я так близко к ней находился, что это вызывало тошноту, но моё тело реагировало на неё с неудобным напором.

- Альтернатива, - прохрипела она тихим голосом. – В этот день это модно. И мы любим, показывать маленьким смертным, как быть модными.

- Вы предлагаете сделать меня таким, как вы, - сказал я тихо.

Эсмеральда медленно кивнула, её рот изогнулся в ленивой, сексуальной улыбке; её бедра все еще продолжали невыносимо тереться о мои; у неё показались клыки.

- Это даст тебе некоторые преимущества, - между тем продолжал Эстебан. – Даже если Арианна закончит обряд мести, изменение твоей крови исключит тебя из него. Ну и конечно ты не будешь убит, захвачен или замучен до смерти, когда Белый Совет прекратит своё существование через шесть месяцев.

- Это, конечно, следует рассмотреть тоже, - глубокомысленно покивал я. – Очень практично. Есть еще какие-нибудь варианты, которые вы считаете возможными?

- Еще один, - сказал Эстебан. – Подарить твою икру нашему Богу, Красному Королю.

Если бы у меня были силы ударить его, я бы так и сделал. Поэтому, наверное, хорошо, что их у меня не было.

– И что это будет означать?

- Он примет во владение икру. Она будет, фактически, под его защитой, то тех пор, пока Он не признает её негодной, не стоящей или не нуждающейся в подобной заботе.

Эсмеральда быстро кивнула.

– Она будет его. Он души не чает в своих маленьких домашних питомцах. Мы считаем это очаровательно, – она открыла рот в маленьком «О», как школьница, пойманная посреди научной конференции за обсуждением запрещенных тем. – О, мой, Арианна расстроится. Она будет быть несколько *столетий*.

- Мы можем предложить движимое имущество, чтобы подсластить сделку, Дрезден, - улыбнулся Эстебан. – Мы можем предложить семь молодых женщин. Ты можешь выбрать их из нашего запаса или из их естественной среды обитания, и мы должным образом их подготовим и расположим.

Я надолго задумался, потирая подбородок. Потом сказал:

- Это все очень разумные предложения. Но я чувствую, что я чего-то не понимаю. Почему Красный Король не может просто приказать Арианне прекратить все это?

Эббы вздохнули в возмущенном изумлении.

– Из-за её супруга, Дрезден, - пояснил Эстебан.

- Убитого чародеем Черного посоха, - добавила Эсмеральда. – Долг крови.

- Священная кровь.

- Святая кровь.

Эстебан покачал головой.

– Даже наш Бог не может вмешиваться в вендетту долга крови. Это- право Арианны.

Эсмеральда кивнула.

– Так же как Бьянка взыскала долг с тебя, положив начало дням войны. Хотя многие желали, чтобы она не делала того, что она сделала, это было её право, несмотря на то, что она была очень, очень юным членом Коллегии. Как её создатель, супруг Арианны, принял тот долг. Как Арианна сейчас сделала сама, – она глянула на Эстебана и широко улыбнулась. – Мы так счастливы с потрепанным чародеем. Оно такое вежливое и милое. Полностью отличается от всех остальных чародеев. Может, мы сможем оставить это себе?

- Бизнес, наша любовь, - проворчал Эстебан. – Бизнес, превыше всего.

Эсмеральда надула нижнюю губу – и внезапно повернувшись, резко замерла, внимательно сосредоточившись на одном направлении.

- Что такое, наша любовь? – спокойно спросил Эстебан.

- Ик'каукс..., - сказала она пустым, озадаченным голосом. – Оно находится в боли... Оно бежит.... Оно... - она широко распахнула глаза, заполненные такой же теменью, какую я недавно видел в глазах монстра. – О! Это мошенничает! – её лицо повернулось ко мне, и она оскалила клыки. – Это жульничает! Это привело собственного демона! Ледяного горного демона из Страны Грёз!

- Если ты не осуществляешь их, они невозможны, - сказала я философствуя.

- Полицейский, - спросил Эстебан. – Оно убило полицейского?

Эсмеральда на секунду снова посмотрела в никуда и покачала головой:

- Нет. Оно было атаковано спустя секунды, после проникновения в дом, – она задрожала и глянула вверх на Эстебана. – Демон потрепанного чародея приближается в этом направлении и стремительно. Эстебан вздохнул.

– Мы надеялись решить задачу немного цивилизованно. Это твой последний шанс, потрепанный чародей. Что ты скажешь на моё предложение?

- Пойди трахни себя, – оскалился я.

Глаза у Эстебана стали черными и пустыми.

– Убей его.

Тело Эсмеральды напряглось в сексуальном желании, и она, оскалив зубы, наклонилась вниз, издавая низкий, рычащий звук, до краёв заполнений эротической и физической жаждой.

В течение нескольких последних мгновений пальцы моей правой руки расстегнули застёжку на амулете моей матери. И когда маленькая вампирша наклонилась ко мне, ее встретила серебряная пентаграмма - символ, в который я верил. Пятиконечная звезда, олицетворяющая пять элементов и духовное начало, ограниченное кольцом смертной воли, контроля и милосердия. Я не викканин. Я не отношусь к верующим никакой церкви, невзирая на тот факт, что я говорил лицом к лицу с архангелом Всевышнего.

Но были некоторые вещи, в которые я верил. Некоторые вещи, которым я доверял. Ведь вера это не постоянное посещение служб, и не то количество денег, которые вы положили на маленькую тарелочку. Это не значит отправится нагим к Святым реликвиям или медитировать каждый день на диване.

Вера это то, что вы делаете. Это стремление быть лучше и благороднее и добрее, чем вы есть. Это как делать добрые дела для всех остальных, даже когда никто не говорит вам, что вы герой.

Вера - это сила внутри вас, и это даже более сложно и неуловимо для понятия, чем магия. Символ веры, наполненный истиной верой и искренностью, это проклятие для многих сверхъестественных хищников, и одними из созданий, на которых он наиболее сильно влиял, были вампиры Красной Коллегии. Я не знаю, как это работает или почему. Я не знал, должна ли быть какая-то поддержка могущественных существ или Существ. Я никогда не просил никого из них сделать это, но если так, один из них все равно поддерживал меня.

Магический амулет загорелся ярким серебряным светом, который ударил Эсмеральду как шестифутовая волна, отбрасывая её и разрывая на клочки маску плоти, которую она носила, обнажая существо, скрывающееся под ней.

Я повернулся и направил символ на Эстебана, но он успел на несколько шагов отскочить назад. Однако свет заставил его поднять руки и прикрыть глаза, пока он продолжал отступать.

Эсмеральда издала шипящий, змеиный звук, и я увидел изможденное, чернокожее существо, поднявшееся из обрывков одежды и маски плоти. Оно было таким же маленьким, но его конечности были длиннее по крайней мере на треть, из-за чего оно казалась длиннее и костлявее. Обрюзгшее черное брюхо свешивалось вниз, а его лицо заставило бы чувствовать себя лучше одну из действительно отвратительных летучих южноамериканских мышей.

Она раскрыла челюсти, обнажив клыки и длинный извивающийся розовый язык, покрытый черными пятнами. Абсолютно черные глаза пылали яростью.

Тени дернулись в лучах бледно-голубого света, и в лесу раздалось торжествующее охотничье завывание Мыша. Он нашел мой запах – или вампиров – и уже приближался.

Эсмеральда снова зашипела, и этот звук был наполнен гневом и ненавистью.

- Мы не должны! – рявкнул Эстебан.

Он пронесся вокруг меня со сверхъестественной скоростью, огибая пылающий амулет по широкой дуге, и схватил маленькую женщину-вампира за руку. Они оба на мгновение устали на меня своими холодными, пустыми, черными глазами, и затем раздалось завывание ветра, и они исчезли.

Я с удовольствием распластался на земле. Моё мчащееся сердце начало замедляться, мой страх понемногу начал уходить. Однако смятение от того, что случилось, тем не менее, осталось. Может быть, это было так запутано и невыполнимо, потому что я был так вымотан. Да. Наверное.

Мышь издал один громкий рык и встал надо мною. Он толкал меня носом до тех пор, пока я не поднял руку и слегка не почесал ему за ухом.

Томас и Молли прибыли следом. Я был рад, что Томас доверил Мышу вести преследование, пока он сам двигался более медленно, чтобы моя ученица не оставалась одна среди деревьев. Его глаза сияли серебром, а рот расплылся в самодовольной улыбке; в волосах блестело разбитое стекло. Левая половина верхней части тела Молли была залита зеленой краской.

- Все хорошо, - промямлил я. – Я недоразвитый.

- Почему это? – просила Молли, с встревоженным выражением лица становясь на колени возле меня.

- Недоразвитый. Я детектив. Мне полагается все расследовать и выяснять. А я стал недоразвитый. Чем больше я в этом копаюсь, тем больше я понимаю, что не имею ни малейшего представления о том, что происходит.

- Ты можешь стоять? – спросил Томас.

- Нога, - сказал я. – Рёбра. Может быть сломаны. Не смогу выдержать нагрузку.

- Я буду нести его, - твердо сказал Томас, обращаясь к Молли. – Найди телефон.

- Хорошо.

Мой брат поднял меня и понес через заросли. Мы направлялись обратно к машинам.

Остаткам машин.

Я тупо смотрел на месиво. Это выглядело, словно кое-кто взял белый «Ягуар» Томаса и засунул его в мусорный уплотнитель вместе с «Голубым Жучком». Обе машины были смяты в лепешку толщиной около четырех футов. Из-под них по улице растекались ручьи масла и топлива.

Томас осторожно поставил меня на здоровую ногу, поскольку я ошарашено уставился на свой автомобиль.

Не было ни единого способа воскресить Жучка после такого. Я сморгнул слезы. Это не был дорогой автомобиль. Это не был сексуальный автомобиль. Это был *мой* автомобиль.

И его не стало.

- Проклятье, - пробормотал я.

- Гмм? – спросил Томас. Он выглядел значительно менее избитым, чем я.

- Мой посох был в машине, – я вздохнул. – Потребуются недели, чтобы сделать еще один.

- Лара будет недовольна мной, - улыбнулся Томас. – Это- третья в этом году.

Я закатил глаза.

– Ага. Я чувствую твою боль. Что случилось с большой тварью?

- Бой? – пожал плечами Томас. – Тактика корриды, по большей части. Когда оно попробовало сосредоточиться на одном, двое других зашли со спины. Мыш заставил тебя гордиться.

Большой пес радостно завилял хвостом.

- Краска? – спросил я.

- Ох, это создание швырнуло в неё ведро с краской, или пытаюсь убить Молли, или пытаюсь разглядеть её через завесу. Действие сработало примерно на пять секунд, затем она исправила это и снова исчезла. Девочка отлично справилась, для того, кто так ограничен в средствах, - серьезно сказал Томас. – Позволь мне глянуть, смогу ли я спасти что-нибудь из своего багажника. Извини меня.

Я уселся прямо на улице перед машиной, опершись на подставленный пушистый бок Мыша. Голубой Жучок был мертв. А я был слишком уставший, чтобы кричать.

- Я вызвала такси, - появившись, сказала Молли. – Машина будет ждать нас через два квартала. Бери его и я скрою нас, пока она подъедет.

- Хорошо, - ответил Томас, и снова поднял меня.

Я не помню, приходил ли я в сознание в такси.

Глава 27

Томас, поддерживая почти весь мой вес, усадил меня в одно из кресел в гостиной. Одна из моих ног полностью отказала.

- Мы не можем находиться здесь слишком долго, - спокойно произнес он. – Эта парочка из Красных знает, что он ранен и полностью выдохся. Они вернутся, попробуют проникнуть внутрь или похитить одного из нас, пока мы уязвимы.

- Да, да, - торопливо проговорила Молли. – Как он?

Брат присел передо мною так, чтобы наши лица были на одном уровне, и пристально всмотрелся в мое лицо. Его глаза выглядели как полированный хром.

– Все такая же язва.

- Шок?

- Может быть. У него сильные боли.

Мне больно? О! Мне больно. Я полагаю, это могло объяснять, почему я до сих пор молчал.

- Господи, - сказала Молли лихорадочным голосом. – Мне нужно собрать кое-какие его вещи.

- Это не главное. Возьми Боба.

Молли казалась смущенной.

– Взять что?

На лице Томаса вспыхнуло удивление, а затем оно снова стало нейтральным.

– Извини. Губы говорят, не советуясь с мозгом. Возьми Мечи.

- Их здесь нет, - сказала Молли, перемещаясь. Её голос прозвучал из моей спальни. – Он убрал их.

Спрятал, вместе с призрачной пылью и кучкой остальных нелегальных вещей.

Томас нахмурился при этих словах и кивнул.

– Хорошо. Так и следовало сделать. Куда мы отвезем его?

Молли появилась в моём поле зрения и стала на колени, заглядывая мне в лицо. Она взяла мою руку в свои.

– Туда, где будет хорошо, я полагаю.

Томас сделал медленный вдох. Его серебряные глаза становились все ярче. Это было жутко до чертиков и захватывающе одновременно.

– Я надеялся, ты знаешь хорошее укрытие. Я на все сто уверен, что не смогу укрыть его у себя дома.

Голос Молли задрожал:

– Я даже не имею дома. Я все еще живу в доме родителей.

- Поменьше скули, - сказал Томас ледяным голосом. – Лучше сообщи мне место, куда можно отвезти его и где он не будет убит.

- Я... - начала Молли. Потом она на секунду закрыла глаза и смягчила тон. – Я сожалею. Я просто... - она глянула вверх на Томаса. – Я просто боюсь.

- Я знаю, - сказал Томас сквозь сжатые зубы.

- Ой, - сказала она и сглотнула. – Почему твои глаза стали такими?

Была длинная пауза, прежде чем Томас ответил.

– Они не мои глаза, мисс Карпентер. Они глаза моего демона, чтобы лучше тебя видеть.

- Демон... - прошептала Молли. Она пристально на него смотрела. – Ты голоден, как вампир.

- После такого боя, как этот? – хмыкнул Томас. – Я едва нормален.

Они оба должны были лучше помнить. Каждый раз, когда чародей смотрит кому-то в глаза, он подвергается риску запустить глубокое зрение, бросить вуаеристский взгляд в окошко чужой души. Вы получаете полный снимок истинной природы этого человека, но и он видит вас.

Это был второй раз, когда я видел со стороны, как взгляд души случается с кем-то другим. Все произошло в доли секунды. Глаза Молли внезапно расширились, как у испуганной самки, и она дернулась в резком вздохе. Она смотрела на Томаса, слегка повернув подбородок в одну сторону, словно она пыталась, но была не в состоянии отвести взгляд.

Томас замер, неестественно неподвижный, и хотя его глаза тоже были широко раскрыты, но это больше напомнило мне кота, припавшего к земле непосредственно перед тем, как вонзить когти в добычу.

Спина Молли слегка изогнулась, и она тихо застонала. Её глаза наполнились слезами.

- Господи, - прошептала она. – Господи. Нет. Нет, ты прекрасен. Господи, твоя боль такая большая, твоя жажда такая сильна... Позволь мне помочь тебе... - она неуклюже нащупала его руку.

Томас не шевельнулся, когда её пальцы прикоснулись к нему. Ни единым мускулом. Его глаза очень, очень медленно закрылись.

- Мисс Карпентер, - прошептал он. – Не прикасайтесь ко мне. Пожалуйста.

- Нет, все в порядке, - бормотала Молли. – Все в порядке. Я здесь.

Рука Томаса двигалась слишком быстро, чтобы это можно было увидеть. Он поймал её запястье своими бледными пальцами, и она тяжело вздохнула. Томас раскрыл свои глаза и сосредоточился на девушке; Молли начала быстрее дышать. Ее грудь затвердела, и сквозь рубашку стали видны соски, из ее губ вырвался легкий стон.

Я думаю, что издал тихий звук в знак протеста. Никто из них этого не услышал.

Томас наклонился ближе, кошачьим и в то же время змеиным движением. Молли задрожала. Она облизнула губы и начала медленно наклоняться вперед, к нему. Их губы встретились, и её тело затрепетало, напряглось и замерло. Она закрыла глаза, и, казалось, не дыша, откинула голову назад; Томас внезапно прижался к ней. Бедрa Молли закачались, поднимаясь вверх и вниз. Она подняла руки и начала судорожно цепляться за его рубашку, отрывая кнопки от шелка так, чтобы ее пальцы могли гладить его голую грудь.

Мыш ударил Томаса как чугунное ядро. Снаряд из большого пса оторвал моего брата от моей ученицы и вмял его в облицовку камина. Томас внезапно зарычал от чистой, удивленной ярости, но Мыш схватил его за горло, прежде чем он смог подняться.

Челюсти большого пса сомкнулись не полностью, но кончики его зубов вонзились в плоть, и он удерживал Томаса, не давая ему подняться; его грудь вибрировала от рычания. Мой брат дернул рукой, пытаясь дотянуться до кочерги, висящей возле камина. Мыш заметил это и предупреждающе чуть встряхнул Томаса, вонзив зубы чуть глубже. Мой брат не прекратил попытки дотянуться до оружия, и я увидел, как напряжение охватывает большое собачье тело.

Я напрягся изо всех сил и слабо позвал:

- Томас.

Он замер. Мыш повернул ко мне ухо.

- Томас, - прокаркал я. – Прекрати. Он защищает девочку.

Томас издал задыхающийся, болезненный звук. Потом он скривил гримасу, принуждая себя расслабиться и сдаться. Его тело понемногу сбросило боевое напряжение, он опустил обе руки ладонями вниз и поднял подбородок чуточку выше.

- Хорошо, - прохрипел он. – Хорошо. Все уже нормально.

- Покажи мне свои глаза, - требовательно сказал я.

Он сделал это. Они были оттенка бледно-бледно серого, с небольшими пятнами танцующего рефлексивного голода.

Я прохрипел.

– Мыш.

Мыш медленно сдал назад, понемногу ослабляя давление челюстей и аккуратно убирая зубы с горла Томаса. Он сделал пару шагов назад и сел, опустив голову в боевой стойке, которая сохраняла его собственное горло прикрытым, продолжая наблюдать за Томасом, не шевелясь и не издавая ни единого звука. Это выглядело странно и зловеще в исполнении такого большого пса.

- Не могу оставаться здесь, - прохрипел Томас. Раны от укуса на его шее выглядели воспаленными, опухшими. Их края были слегка почерневшими, словно зубы пса были раскалены. - Не хотел с ней так, - он закрыл глаза. - Я не хотел этого. Извини.

Я глянул на Молли, которая лежала в позе эмбриона и дрожала, все еще тяжело дыша.

- Уходи, - сказал я.

- Как будешь ты...

- Томас, - сказал я, и мой голос стал чуточку сильнее, горячий от гнева. – Ты мог причинить Молли боль. Ты мог даже убить её. Моя единственная защита здесь нянчит тебя, вместо того чтобы стоять на страже. Иди. Ты бесполезен мне в таком состоянии.

Мыш издал еще один предупреждающий рык.

- Я сожалею, - повторил Томас. – Я сожалею.

Он осторожно обошел вокруг Мыша и вышел, шаркая ногами по лестнице.

Пару мгновений я смотрел ему вслед. Мое тело покалывали тысячи булавок, словно оно заснуло и теперь чувствовало все последствия возвращения. Душевный огонь. Я должно быть слишком много выплеснул его из себя. Ужас и адреналин поддерживали меня какое-то время, но после этого я впал в предобморочное пассивное состояние.

Ужас за моего сводного брата и Молли вернул мне мой голос, мою волю, но это могло недолго продлиться. Больно просто сидеть. Больно дышать. Любое движение приносит боль, а не двигать всё равно больно.

Поэтому, полагаю, я мог хоть как-то двигаться.

Я попытался подняться, но моя левая нога со мной не согласилась, и мне повезло, что мой путь не завершился на полу. Хотя ничего не было сказано, Мыш поднялся и поспешил в мою комнату. Я услышал тяжелые звуки, когда он приподнял кровать, пытаясь протиснуть под нее свои массивные плечи. Спустя некоторое время, он появился, неся в зубах один из моих костылей, оставшихся после прошлых ранений.

- Кто у нас хороший песик? – простонал я.

Он повилял мне хвостом и направился обратно за вторым костылем. Когда у меня были они оба, я оказался способен подняться и проковылять до кухни. «Тайленол 3» является хорошей штукой, но это также нелегальная штука, если вы приобрели его без рецепта и если вы не канадец, поэтому он также был спрятан под безумной лужайкой моей крестной. Я принял большую дозу обыкновенного «Тайленола», поскольку у меня не было ни «Тайленола 3», ни его менее известного, короткодействующего кузена – «Тайленола 2»: Боль Наносит Ответный Удар.

Я внезапно понял, что говорил Мышу все это вслух, что может поставить меня в неловкое положение, если войдет в привычку. Когда это было сделано и я выпил третий стакан воды, я добрался до Молли и проверил её пульс. Он был устойчивый. Её дыхание успокоилось. Глаза приоткрыты, но взгляд был пустой.

Я со вздохом пробормотал кое-какие нехорошие слова. Эта проклятая девчонка определённо была склонна к суициду. Это был второй раз, когда она подошла очень близко к тому, чтобы на ней кормился вампир, хотя, по общему признанию первый был опосредованным способом. Однако для нее встреча с этим снова могла закончиться плачевно. И если Томас фактически начал питаться на ней, нельзя предвидеть, что это могло с ней сделать.

- Молли, - позвал я. Потом громче, - Молли!

Она поморщилась, внезапно неглубоко вдохнула и, моргнув, посмотрела на меня.

- Ты размазала всю краску по моему коврику, - сказал я устало.

Она села, посмотрела вниз на ковер, затем перевела взгляд на свое измазанное краской тело и снова подняла на меня изумленный взгляд:

– Что только что случилось?

- Ты заглянула в душу Томаса. Вы оба потеряли контроль. Он почти съел тебя, – я ударил её костылем. – Мыш спас тебя. Поднимайся.

- Конечно, - пробормотала Молли. – Конечно, – она поднялась очень медленно, вздрагивая и потирая запястье. – Хм. С... с Томасом всё в порядке?

- Мыш почти убил его, - сердито сказал я. – Он напуган, пристыжен, на половину не в своем уме, голоден. Он ушел, – я легонько стукнул ее по ноге костылем. – О чем ты думала?

Молли покачала головой.

– Если бы ты только видел... Я имею в виду, если бы ты только видел его. Увидел, как одинок он был. Почувствовал как много в нём боли, насколько пусты его чувства, Гарри... - она снова себя перебила. – Я никогда не чувствовала ничего столь ужасного в своей жизни. И не видела никого смелее.

- Очевидно, ты полагаешь, что помогла бы ему, позволив вырвать из тебя жизнь.

Она с секунду смотрела мне в глаза, потом покраснела, и отвела взгляд.

– Он... Это не похоже на вырвать её. Это, похоже... - она покраснела. – Я думаю, здесь может подойти только фраза «вылизать её». Как вылизать мороженое из стаканчика. Или... или слизать глазурь с торта.

- За исключением того, что к тому времени, когда ты выяснишь, сколько облизывания ему потребуется, чтобы добраться до твоей кремовой начинки, ты уже будешь, мертва, - холодно сказал я, – или безумна, что немного ограничивает выбор, который ты можешь ему предложить. Поэтому я повторяю, – я пихал ей в ногу концом моего костыля при каждом слове. – О. Чем. Ты. Думала?

- Этого больше не повторится, - сказала она, но я заметил дрожь, пробежавшую по ее телу, когда она говорила это.

Я скептически фыркнул, глядя на неё сверху вниз. Молли не была готова. Не для чего, что мы собирались сделать. В ней было слишком много самоуверенности и слишком мало здравого смысла.

Это было прискорбно. Когда я был в её возрасте, я уже закончил своё ученичество и начал собственный бизнес. И я прожил большую часть десятилетия под Дамокловым Мечом.

Конечно, в жизненном опыте я превосходил Молли. Я заключил первое роковое соглашение с моим первым учителем Джастином ДюМортом, когда мне было десять или одиннадцать лет, хотя и не знал тогда, во что впутываюсь. Я заключил второе с Леанансидхе, когда мне было шестнадцать. И по завершению, я попал под круглосуточный надзор параноидального Стража Моргана.

По правде говоря, для меня это было суровое время, абсолютно переполненное уроками в школе трудных ударов. Я самостоятельно принял множество глупых ошибок и глупых решений, но каким-то образом умудрился пережить их.

Но я не развлекался и относился серьезно к таким горячим ситуациям, как эта. Троль под мостом или один-два разбушевавшихся духа были достаточно плохи. Это подготовило меня к тому, с чем я встретился сегодня.

Молли оказалась перед этим неподготовленной. Она уже обожглась однажды, но мне потребовалось гораздо больше, чем одна попытка, чтобы выучить этот урок.

Она может не пережить свой следующий тест.

Она глянула вверх на меня и спросила:

- Что?

- Нам нужно двигаться, - вздохнул я. - Я встретил Эббов, пока вы втроём играли с Ик'кь... с Икька-куу-касуу... - я сморщил нос, пытаясь вспомнить название существа и не смог. - Короче, с Иком, и они были очаровательны в полностью аморальном, убийственном виде безумия. Томас был прав: они придут за мной, выискивая возможность для удара. Мы уходим.

- Куда?

- К Святой Марии, - решил я. - Красная Коллегия не может ходить по святой земле, и Сьюзен знает, что я использовал её как укрытие раньше. Они с Мартином смогут найти меня там. Мне нужна небольшая передышка.

Поднявшись, она кивнула.

- Хорошо, хорошо, мне захватить тебе смену белья?

- Сначала вызови такси, - сказал я. - И возьми «Тайленол». И немного еды для Мыша.

- Кончено. Хорошо.

Я оперся на костыли и стоял неподвижно, пока она металась по комнате. Я не хотел рисковать и снова садиться. Таблетки убрали самые сильные приступы боли, и мои мозги, пусть уставшие и вяло соображающие, казалось, наконец-то, пришли в согласие с телом. Я не хотел рисковать и снова расслабиться до полной апатии.

- Скажи это пять раз быстро, - пробормотал я и попробовал. Это было то, в чем я не мог слишком сильно облажаться.

Тем временем наверху лестницы загавкал Мыш, и Молли устало и тяжело поднялась по ней.

- Здесь такси, Гарри, - позвала она.

Я заставил себя двигаться. Ступеньки на костылях это не весело, но я уже делал это прежде. Я не торопился, двигаясь медленно и постепенно.

- Берегись, - пронзительно закричала Молли.

Бутылка разбилась о верхнюю часть стены лестничного колодца, и ее содержимое, которое расплескалось повсюду, тут же охватил огонь. Старый добрый коктейль Молотова все ещё грозное оружие, даже спустя век применения. Это нечто большее, чем одна из этих штучек, которые просто сжигают топливо. Температура настолько высокая, что пламя буквально высасывает кислород из воздуха, и это происходит особенно быстро, когда есть отличный лестничный пролет, который используется как вытяжная труба. И вам нет нужды прикасаться к пылающему топливу, чтобы получить ожоги. Когда пламя достаточно горячее, оно обжигает незащищенную плоть на расстоянии нескольких дюймов или футов, превращая атмосферу вокруг в духовку.

Я был только на второй или третьей ступеньке от низа, но я отклонился назад, прежде чем что-нибудь обжег, тем самым, отрезав себе, путь к возвращению. Я попробовал упасть на неповреждённый бок, считая, что он тоже заслуживает шанса присоединиться к веселью. Я приземлился более-менее так, как хотел этого, хоть это и было чертовски больно, но по крайней мере я не потерял сознания. Я выкрикивал множество ядовитых проклятий, поскольку огонь, ревя надо мною, перепрыгнул с моего маленького лестничного колодца на остальную дом, вгрызаясь в старое дерево, как голодное, живое существо.

- Гарри! – кричала Молли откуда-то из-за пламени. – Гарри!

Мышь отчаянно залаял, и я увидел, как огонь начинает охватывать стены дома. Пожар начался с внешней стороны здания. К тому времени, когда сработает пожарная сигнализация, будет слишком поздно для бегства.

В это время ночи где-то надо мной спала миссис Спанкелкриф и не подозревала об опасности. И на втором этаже мои пожилые соседи, Виллоби, находились в такой же ситуации и все потому, что они были достаточно невезучи и жили со мною в одном здании.

Я обронил один из костылей на лестницу, и его конец тут же охватило пламя. Для меня не было ни единого способа достать магию из шляпы, пока я не поем и немного не отдохну. Адские колокола, я даже не знал, смогу ли я стоять самостоятельно. Но если я срочно не сделаю что-нибудь, трое невинных людей – плюс непосредственно я – найдут свою смерть в огне.

- Давай же, Гарри, - сказал я. – Ты не наполовину калека. Ты - наполовину здоров.

Пламя заревело громче, и я не поверил себе ни на секунду.

Но я уперся руками о ступени и начал поднимать себя вверх. – Сделай или умри, Дрезден, - подбодрил я себя, и решительно проигнорировал страх, скопившийся у меня в груди. – Сделай или умри.

Умереть казалось гораздо более вероятным.

Глава 28

Я все-таки поднялся и, опираясь на один костыль, поднял голову к потолку своей квартиры. Мне показалось, что я нашел то место, которое находилось под гостиной в квартире миссис С, и заметил что один из моих диванов стоял прямо под ним.

Используя костыль как рычаг, я засунул его концом за один из моих больших старых книжных шкафов и потянул. Шкаф пошатнулся, и вся масса романов в мягких обложках и полка из крепкой древесины с грохотом повалилась на диван. Я удовлетворённо хрюкнул и полез вверх по поваленному книжному шкафу, используя его заднюю стенку как лестницу. Я мучительно дополз до верха, поднял правую руку и активировал одно из энергетических колец.

Кольца были магическими приспособлениями, созданными накапливать крохи кинетической энергии каждый раз, когда я шевелю рукой; в них помещалось чертовски много энергии – и я недавно подзарядил их, избивая грушу. Когда я высвободил энергию одного кольца, невидимая сила ударила в потолок, пробила его насквозь и вышла из пола этажом выше, разорвав линялое ковровое покрытие цвета высохшей горчицы.

Я чуть-чуть поправил свой прицел и выпустил полный заряд из кольца на следующем пальце, и еще раз. Каждый разряд делал дыру шире, до тех пор, пока она не стала достаточно большой, чтобы я смог пролезть сквозь неё.

Я закрепил широкий конец костыля на сломанном краю толстой балки перекрытия и использовал его, чтобы подтолкнуть себя с помощью здоровой ноги. Потом я закинул костыль вверх через дыру и потянулся, чтобы пролезть самому.

Мистер резко, встревожено замыкал, и я застыл на месте. Мой кот всё ещё был в квартире. Я диким взглядом обшарил комнату и обнаружил его прижавшимся наверху самой высокой книжной полки, на его любимом месте. Кошачья шерсть стояла дыбом, и каждый мускул был напряжен и натянут.

Я уже забросил костыль наверх. Если я вернусь за Мистером, у меня может не получиться подняться обратно по шкафу. Я не представлял, как удержу его, поднимаясь наверх, при условии, что я вообще смогу это сделать. Мистер весил хорошо за тридцать фунтов. В моем состоянии это – одно большое непреодолимое препятствие.

Черт, если огонь будет распространяться так быстро, как я думал, потраченное дополнительное время может означать, что я окажусь в ловушке без выхода. И тогда никто не сможет помочь миссис С и Виллоби.

Я любил своего кота. Он был членом моей семьи.

Но когда я смотрел на него, я знал, что не смогу его спасти.

- Ты не используешь свои проклятые мозги, Гарри, - прорычал я. – Точно! Никогда не сдавайся. Никогда не сдавайся.

Выходившие в прямки окна моей квартиры были для меня слишком малы, но Мистер мог с лёгкостью через них пробраться. Я прицелился, используя последний заряд кольца, и вышиб ближайшее к коту окно. Мистер мгновенно понял намёк и бросился вниз, перескакивая по книжным шкафам. Он совершил пятифутовый прыжок с верхней полки к окну, но в исполнении Мистера это выглядело заурядно. Я почувствовал, что счастливо скалюсь, когда он выскользнул через разбитое окно на холодный воздух октябрьской ночи.

Звёзды и камни, по крайней мере я достиг хоть одного положительного результата сегодняшним днем.

Я повернулся, протягивая поднятые над головой руки в дыру, и изо всех сил подпрыгнул на одной ноге. Это не был сильный прыжок, но его было достаточно, чтобы позволить мне зацепиться локтями с обратной стороны пролома. Мои ребра горели адским огнем, поскольку я извивался и раскачивался в попытке закинуть ноги и затащить себя в квартиру миссис Спанкелкриф.

Гостиная моей домовладелицы была украшена в стиле семидесятых: горчично-желтый ковер, оливковые обои, полно мебели и безделушек. Я перевалился через дыру, свалив при этом витрину с коллекцией каких-то статуэток. Комната была слабо освещена отблесками поднимающегося снаружи пламени. Я подхватил костыль, несмотря на раздирающую боль, поднялся на ноги и поковылял дальше по квартире.

Миссис С нашлась в спальне. Она спала, практически сидя, устроившись на гряде подушек. Ее старый телевизор работал с отключенным звуком; внизу экрана бежали субтитры. Я похромал к ней и мягко потряс за плечо.

Она вздрогнула и проснулась, оттолкнув меня крошечным кулаком, отчего я повалился прямо на задницу, больше от удивления, чем от чего-то другого, и поморщился от боли – от падения, не от толчка. Я постарался не обращать на это внимания и, подняв глаза, увидел маленькую старую леди, державшую небольшой револьвер, наверное, 38-го калибра. В её руках он смотрелся, по меньшей мере, размером с магнум. Она держала его с уверенностью человека знающего, как с ним обращаться - двумя руками, прицелившись в меня через мушку оружия.

- Мистер Дрезден! – возмутилась она дрожащим голосом. – Что вы себе позволяете!

- Огонь! – прокричал я. – Миссис С, так огонь! Огонь!

- Ну, я не открою огонь, если вы будите просто сидеть, - заявила она ворчливым голосом. Миссис Спанкелкриф убрала левую руку с оружия и потянулась к телефону. – Я вызову полицию. Вы сохраняйте неподвижность или я застрелю вас. Не блефую. Это дедушкин револьвер. Легальный и надежный.

Я попытался, не шевеля туловищем указать на дверь спальни, гримасничая и наклоняя голову.

- Ты под наркотиками, мальчик? – ахнула она, крутя диск телефона. – Ты действуешь как сумасшедший наркоман. Врываешься к старой женщине... - она посмотрела мимо меня туда, где в маленьком коридоре возле спальни дико мерцал довольно таки яркий свет.

Я продолжал отчаянно шевелить пальцами и кивать головой в том направлении.

Глаза миссис С расширились, и её рот приоткрылся.

– Огонь! – воскликнула она. – Там же огонь!

Я неистово закивал.

Она опустила оружие и стала выбираться из одеял и подушек. Женщина была одета во фланелевую пижаму, но все равно схватила голубой халат и поспешила к двери.

– Поспешите, мальчик! Там огонь!

Я, отчаянно борясь со своими ногами, заковылял следом за нею. Она повернулась, чтобы посмотреть на меня, очевидно удивленная, что двигалась быстрее. Дым начал сгущаться в воздухе, и шум пожара становился все громче.

Я указал вверх на потолок и заорал:

- Виллоби ! Виллоби!

Миссис Спанкелкриф подняла глаза.

– Господи Боже всемогущий! – Она повернулась и поспешила вниз, в холл, к стене, сквозь которую уже начинало пробиваться пламя. Маленькая старушка что-то схватила, уронила, выругалась, затем обернула халат вокруг руки и что-то подняла, используя ткань как кухонную перчатку. Она поспешила ко мне, держа в руке кольцо с ключами.

– Пошевеливайся! Передняя дверь уже горит! К черному ходу!

Мы оба поспешили к задней двери дома. Выйдя на миниатюрный маленький внутренний дворик, я сразу увидел, что вся передняя часть здания уже охвачена огнем.

Ступеньки, ведущие наверх, в квартиру Виллоби, тоже были в огне.

Я повернулся к домовладелице и прокричал:

- Лестница! Где лестница? Мне нужно использовать лестницу!

- Нет! – крикнула она в ответ. – Тебе нужно использовать лестницу!

Вот наказание!

- Хорошо! – кивнул я, показывая ей два больших пальца.

Она торопливо засеменила к маленькому сараю, стоящему на заднем дворе, выбрала ключ и открыла его. Я протиснулся в открытую дверь и схватил металлическую лестницу, которую использовал каждый год, чтобы поднимать и спускать рождественские гирлянды. Отбросив костыль, я использовал вместо него лестницу, перенес на нее часть своего веса. Я двигался так быстро, как только мог, но казалось, потребовалась целая вечность, чтобы поставить лестницу под окнами спальни Виллоби.

Миссис Спанкелкриф протянула мне кирпич, взятый из невысокой изгороди, обрамляющей цветник, и крикнула:

- Держи. Я не могу подняться по этой штуке. Моё бедро.

Я взял кирпич и положил его в карман плаща. Подъем по лестнице был мучителен. Я хватался за перекладину обеими руками, затем подтягивал вверх тело, перепрыгивая здоровой ногой на следующую ступеньку. Повторять это каждый раз становилось всё сложнее, все больнее. Я стиснул зубы, чтобы не кричать от всепоглощающей боли.

И вдруг передо мною показалось окно.

Я вытащил кирпич из кармана, размахнулся и разбил вдребезги стекло.

Наружу вырвался черный дым, вцепившийся в меня на вдохе. Я начал ужасно кашлять, однако попробовал закричать хрипящим голосом:

- Мистер и Миссис Виллоби! Пожар! Вам нужно выбираться оттуда! Пожар! Подойдите к окну и спуститесь вниз по лестнице!

Я услышал попытку хриплого крика: «На помощь», захлебнувшегося в кашле.

Что-то, возможно баллон пропана на гриле миссис Спанкелкриф, взорвалось с таким шумом, словно о землю разбился арбуз размером с динозавра. Воздушная волна сбила пожилую женщину с ног и выбила из-под меня лестницу.

Я рухнул вниз. Это было ужасное, беспомощное ощущение; я попробовал сгруппироваться в тщетной попытке удачного приземления, но у меня не было не единого шанса сделать это в моем плаченном состоянии. Я ударился спиной о кирпичное ограждение небольшой клумбы, и достиг нового личного рекорда боли.

- Ох, Господь на Небесах! - всплеснула руками миссис Спанкелкриф. Она опустилась возле меня на колени. – Гарри?

Где-то раздались звуки сирены. Они, наверняка, не успеют сюда добраться вовремя, чтобы помочь Виллоби.

- Они попали в ловушку, - простонал я, как только смог снова дышать. – Они там наверху, зовут на помощь.

Огонь заревел громче и стал более ярким.

Миссис Спанкелкриф глянула вверх на окно. Она схватила лестницу и с трудом поставила её к стене, но даже такое небольшое усилие вызвало у нее одышку. Маленькая старушка попробовала поставить ногу на первую ступеньку и, вцепившись в лестницу, попыталась подняться выше, но её нога подкосилась, и она, застонав, упала на землю.

Она закричала дрожащим голосом, в котором слышалась мука:

– Господи, помоги нам!

Молодой темнокожий мужчина в черном коротком пальто перемахнул через ограду дворика и запрыгнул на лестницу. Он был сложен как профессиональный нападающий, двигался быстрее, чем защитник, и поднимался вверх, словно это была пологая широкая лестница. Единственный на планете Рыцарь Креста сверкнул в мою сторону белозубой усмешкой:

– Дрезден!

- Саня! – взвыл я. – Двое! Их двое в спальне!

- Да, двое! – ответил он громким глубоким голосом. Изогнутое сабельное лезвие «Эспераккиуса» сверкнуло у него на бедре, и он придержал его неосознанным, инстинктивным движением, когда пролезал в окно. Он появился мгновение спустя, с госпожой Виллоби, перекинутой через плечо, в то время как второй рукой он поддерживал ее обессилившего мужа.

Саня выбрался первым - пожилая женщина безвольно висел на его плече - так что он смог помочь мистеру Виллоби переползти из окна на лестницу. Они спускались медленно и аккуратно, и в тот момент, когда Саня положил госпожу Виллоби на газон, прибыла первая команда скорой помощи.

- Господь на Небесах, - миссис С плакала, не вытирая слёз, положив ладонь Сане на руку. – Он, должно быть, послал вас к нам, сынок.

Саня улыбнулся ей, помогая мистеру Виллоби опуститься на землю. Затем он повернулся к моей домохозяйке и, улыбаясь, произнес с меньшим акцентом, чем при нашей последней встрече:

- Это было, вероятно, только совпадение, мэм.

- Я не верю в это, - всхлипнула миссис Спанкелкриф. – Благословляю тебя, сынок, - сказала она и крепко его обняла. Её руки не смогли обхватить его и наполовину, но Саня на мгновение мягко обнял её в ответ.

- Мэм, вам следует сказать медикам, чтобы они подошли сюда.

- Спасибо вам, спасибо вам, - повторяла старушка, отпуская его. – Но теперь мне следует привести сюда этих ребят из скорой помощи, – она остановилась и улыбнулась мне. – И тебе спасибо, Гарри. Такой хороший мальчик.

Мышь стремглав выскочил из-за угла с той стороны дома, за которой исчезла миссис С, и подскочив ко мне, начал вылизывать моё лицо. Молли прибежала следом. Она всхлипнула и, упав на колени, обняла меня за плечи.

– О, Боже, Гарри! – она отодвинула в сторону Мышь и сильно сжала меня, одновременно поднимая глаза, - Саня? Что ты здесь делаешь?

- Эй, эй, - вскрикнул я. – Полегче!

Молли ослабила свои объятья.

– Извини.

- Саня, - попытался улыбнуться я, кивая русскому. – Спасибо тебе за помощь.

- Часть работы, да? – усмехнулся он в ответ. – Рад помочь.

- Тем не менее, - просипел я, - спасибо тебе. – Если бы с ними что-либо случилось...

- О, Гарри, - Молли снова меня обняла.

- Легче, падаван, легче. Думаю, тебе стоит быть осторожнее.

Она чуть отстранилась, нахмурившись.

– Почему?

Я медленно вздохнул и очень тихо произнес:

- Я не чувствую своих ног.

Глава 29

Мне не пришлось долго уговаривать Саню и Молли не везти меня в госпиталь. Ээбы, как выяснилось, показались, швырнули зажигательную бомбу из движущейся машины и уехали. Принцип работы, который согласуется с предыдущими покушениями на мою жизнь. Кроме того, на этот раз они были идентифицированы. По описанию Молли метатель был точной копией Эстебана.

Должен отметить, у вампирской парочки был очень практичный долгосрочный подход к насилию – использовать слабости и беспокойство жертвы, подвергаясь практически минимальному риску. Если бы я был на пару ступенек выше, когда туда ударил коктейль Молотова, я был бы мёртв или покрыт ожогами третьей степени. По отдельности их попытки имели не очень высокие шансы на успех, но им достаточно было добиться успеха только один раз.

Это было совместимо с практичным, хладнокровным стилем – держать под наблюдением больницы, чтобы попытаться окончательно со мной расправиться – в течение операции, например, или позже, когда я буду восстанавливать свои силы. У Сани, оказывается, была квалификация по экстренной медицинской технике. Пока медики осматривали Виллобов, он невозмутимо украл спинодержатель из открытой машины скорой помощи, и они загрузили меня в него; эта процедура, по словам Сани, защитит мой позвоночник. Для меня это выглядело как «слишком мало, слишком поздно», но я был чересчур уставшим, чтобы подшучивать над этим.

Я ничего не ощущал ниже талии, впрочем, это не означало, что все остальное тело перестало вопить от боли. Я почувствовал, как они подняли носилки, и открыл глаза, как раз в тот момент, когда примерно треть здания поддалась огню и обрушилась вниз, в подвал – в мою квартиру. Старый дом явно проиграл эту схватку. Пожарные сосредоточились на том, чтобы сдержать пламя и предотвратить его распространение на другие здания.

Мои санитары погрузили носилки в арендованный микроавтобус, который достался Сане в аэропорту по счастливому совпадению безо всякой дополнительной платы, когда в наличии не оказалось зарезервированной им малолитражки. Мы уехали, пока царила неразбериха, прежде чем копы успели всё оцепить, и пока мы отъезжали, я наблюдал через заднее окно фургона, как мой дом сгорает дотла.

Даже после того, как мы отъехали на пару кварталов, я мог видеть дым, черной колонной поднимающийся вверх. Я задавался вопросом, какая часть этого дыма было от моих книг? Моей подержанной гитары. Моей одежды. Моей удобной старой мебели. Моей кровати. Моих ковров. Моего будильника «Микки-Маус». Оборудования в моей лаборатории, чтобы приобрести которое или создать я работал так тяжело – достижение множества лет терпеливых усилий, бесконечные часы концентрации и чародейства.

Исчезли.

Огонь является столь же разрушительным для духовного начала, как и для материального – очистительная сила, которая может поглотить и рассеять магическую энергию. В огне всё, что я когда-либо создавал, включая чисто магические конструкции, будет уничтожено.

Проклятье.

Проклятье, как я ненавижу вампиров!

У меня был кошмарный день и практически единственное, что у меня осталось, была моя гордость. Я не хотел, чтобы кто-нибудь слышал мои крики. Поэтому я сохранял безмолвие в задней части фургона, в то время как Мышь лежал вплотную ко мне, положив голову на лапы.

Рано или поздно, горе сменилось сном.

Я проснулся в служебной комнате церкви Святой Марии всех Ангелов, где отец Фортхилл держал несколько раскладушек с комплектами постельного белья к ним. Я гостил тут несколько раз в прошлом. Святая Мария была мощным оплотом от сверхъестественных хищников фактически любого рода. Земля, на которой она стояла, была освящена, так же как и каждая стена, пол, дверь, и окно, благословлялись молитвами и величественными обрядами. Неделю за неделей здесь проводились причастия и мессы, пока эта спокойная, позитивная энергия не пропитала землю и каждый камень, из которого была построена церковь.

Я почувствовал себя безопаснее, но только на самую малость. Вампиры может и не способны ступить на освященную землю, но они знают другие способы достать меня, и существа вроде Ээбов конечно примут это во внимание. Наёмные человеческие убийцы могут быть такими же опасными, как и вампиры, если не более, поскольку защитная аура вокруг церкви не заставит их даже моргнуть глазом.

И, я полагаю, они всегда могут просто поджечь и спалить здание, вместе со мной, если они действительно, действительно захотят добраться до меня. Я попытался представить себя век спустя, все еще бегущего от вампиров, с закономерной периодичностью наблюдая за сожжением своих домов.

Черта с два я соглашусь принять это. Мне нужно разобраться с проблемой Ээбов.

И затем я вспомнил о своих ногах и потянулся рукой вниз, чтобы коснуться бедра.

Я ничего не ощутил. Совсем ничего. Это ощущалось как прикосновение к конечности чужого человека. Я попробовал пошевелить ногами и..., ничего не произошло. Возможно, я был слишком самоуверен. Я потянул одеяло вверх, открывая пальцы, и попробовал пошевелить ими. Не удалось.

Я мог чувствовать спинодержатель подо мною и бандаж вокруг головы, который препятствовал мне озиаться вокруг. Отбросив попытки пошевелить ногами, я с острой волной разочарования поднял взгляд к потолку.

Прямо над моей головой скотчем был приклеен лист бумаги. На нем почерком Молли было небрежно накарябано черным маркером: *«Гарри. Не пытайся подняться, или пошевелить шеей и спиной. Мы проверяем твое состояние несколько раз в час. Кто-то скоро к тебе придёт».*

Поблизости, на раскладном столике, горела свеча. Это был единственный источник света в комнате. Я не мог сказать, как долго она горит, но она выглядела как весьма долговечная свеча, и она почти сгорела. Я размерено вдохнул и выдохнул через нос, и уловил какие-то полузабытые запахи. Возможно какие-то духи? Или может быть просто запах новой кожи, все еще пропитанной едкими дубильными веществами и вязким запахом краски. Я мог чувствовать запах пыли старой комнаты. Церковь только недавно начала использовать свою зимнюю отопительную систему. Я чувствовал тёплый запах подгоревшей пыли, который всегда появляется из вентиляции, когда включают отопление после длительного простоя.

Я был рад, что мне не было холодно. Иначе у меня бы не получилось ничего с этим поделать.

Свеча выгорела до конца и оставила меня наедине с темнотой.

В моих воспоминаниях всплыла, окровавленная старая карикатура на человека, с кожей покрытой трупными пятнами, которая с безумным удовлетворением злобно шипела: «Умри одиноким».

Я вздрогнул и погнал прочь эту картинку. Кассий был стопроцентно мёртв. Я знал это. Отвергнутый член общества сумасшедших наркоманов, известных как Рыцари Ордена Тёмного Динария, Кассий переметнулся в услужение к безумному некроманту в обмен на шанс когда-нибудь поквитаться со мной. Он подобрался на минимальное расстояние к тому, чтобы препарировать меня. В итоге мне удалось расправиться с ним, и, умирая, он произнес смертное проклятие. Такое проклятие, произнесённое в последнее мгновение жизни, может оказать страшный эффект на жертву. Его проклятие для меня - смерть в одиночестве - было очень неточным. Оно могло даже не иметь достаточной силы или оказаться не нацеленным.

Конечно. Возможно, мне показалось.

- Привет? – сказал я в темноту. – Есть здесь кто-нибудь?

Там никого не было.

УМРИ ОДИНОКИМ.

- Прекрати это, - почти закричал я. – Контролируй себя, Дрезден.

Это прозвучало как хороший совет. Итак, я начал делать глубокие, равномерные, контролируемые вдохи и попробовал упорядочить свои мысли. Концентрация. Предусмотрительность. Причина. Решение. Именно это должно провести меня через испытания.

Факт первый: Моя дочь всё еще в опасности.

Факт второй: Я ранен. Возможно, серьезно. Возможно, навсегда. Даже у эффективной системы регенерации чародейского тела есть пределы, и сломанный позвоночник, вероятно, находился за ними.

Факт третий: Сьюзен и Мартин не смогут спасти девочку своими силами.

Факт четвертый: Мало кто сможет прийти на помощь. Возможно, с Саней впереди самоубийственная миссия будет просто убийственной. В конце концов, Рыцари Креста были особенными. Трех Рыцарей Креста было достаточно, чтобы защищать весь мир. В течение последних нескольких лет чернокожий русский закрывал все три вакансии и, очевидно, делал это хорошо. Что, как я полагал, имело некоторый смысл – Саня был носителем «Эспераккиуса», Меча Надежды. Мы нуждались в надежде прямо сейчас. По крайней мере, я нуждался.

Факт пятый: Я пропустил встречу с Эбинизером. Я не намеревался на неё идти и ничего не мог поделать с тем, что он расстроится, но моё отсутствие, наверняка, стоило мне поддержки Серого Совета, какой бы она не была.

Факт шестой: Саня, Сьюзен и любая другая скудная помощь, которую я смогу выцарапать, не сможет добраться до Чичен-Ицы без меня, а я на сто процентов уверен, что не смогу туда добраться в своем нынешнем состоянии. Согласно хранящимся в материнском камне воспоминаниям, в Пути обязательно придётся плыть.

Факт седьмой: Я собираюсь СПАСТИ свою дочь, и черт с ним, чего мне это будет стоить.

И тут передо мной появилось множество вариантов.

Я выбрал наименее пугающий. Закрыв глаза, я стабилизировал дыхание и начал представлять в уме комнату. Мой, ныне разрушенный, усовершенствованный магический круг призыва в полу. Вокруг него на концах пятилучевой звезды горят свечи. В воздухе пахнет палочками сандалового дерева и расплавленным воском. Мне потребовалось несколько минут, чтобы прорисовать всю картину, самые мелкие ее подробности. Я старательно закрепил это у себя в голове, и картинка, твердая как скала, заменила в моём воображении комнату, в которой я находился.

Это потребовало изрядной энергии и контроля.

Магия не нуждается в подпорках для действия. Это суеверие, широко распространяемое магическим сообществом в течение столетий. Оно помогало доказать испуганным сельчанам, инквизиции и любому беспокоящемуся, что человек был явно не волшебник. Иначе у него должен был быть весь присущий чародеям инвентарь.

Магия не нуждается в подпорках, но магией занимаются люди, а люди нуждаются в них. Каждая подпорка имеет символическое, а так же практическое значение и отвечает за определённую часть заклинания. Простые вещи, зажигание свечей и тому подобное, можно легко совершить в уме, в конечном счете, превратив усилие в задачу столь же легкую и беспечную как шнурование обуви.

Однако когда вы работаете со сложными материями, вам приходится отслеживать в голове множество вещей, рассчитывать потоки энергии, манипулировать ими и все такое. Если у вас имеются подпорки, они служат своего рода мнемоническим устройством: вы закрепляете определённую картинку за опорой, и каждый раз, когда вы видите или касаетесь подпорки, из неё как бы возникает картинка. Просто.

За исключением того, что у меня не было никаких подпорок.

Я взлетел над всем этим. Чистое воображение. Чистая концентрация.

Чистое высокомерие, на самом-то деле. Но я был ниже предельно низкой точки нормальности.

В своём воображении я зажег свечи, идя медленно вокруг круга, по часовой стрелке - повторяя движение солнца на небосклоне; сказки, кельтские песни, и некоторые ритуалы Викки обращаются к этому – постепенное повышение энергии, необходимой для работы. Я понял, что позабыл сделать пол чем-то особенным, и воображаемый пол от горизонта до горизонта внезапно покрылся линолеумом из моей первой, кишасей крысами, чикагской квартиры. Отвратительный материал, зеленые линии на сером фоне, но простой для воображения.

Я представил исполнение заклинания без единого движения телом, только силой мысли.

Представил каждую мельчайшую подробность, все - от неприятного покалывания в коленях, из-за стояния на голом полу, до небольшой неуклюжести пальцев левой руки, которая всегда начинала слегка подергиваться, когда я нервничал.

Я закрыл круг. Я собрал силу. И тогда, когда всё было готово, когда я видел всё в своём воображении так ярко, что это выглядело более реальным, чем комната вокруг меня, я направил Силу в голос и спокойно позвал:

- Уриил, призываю тебя!

С секунду, я не мог сказать, то ли белый свет возник у меня в голове, то ли он был на самом деле в комнате. Затем я понял, что он начал болезненно резать мне глаза. Свет был реален.

Я продолжал держать заклинание у себя в голове, теперь было легче, ведь был виден результат. Мне надо было только сохранять концентрацию.

Я недоверчиво посмотрел на свет и увидел высокого молодого мужчину. Он был одет в джинсы, футболку и грубый фермерский пиджак. Сквозь белые волосы, закрывающие лицо, ярко и бесхитростно синели глаза. Он с любопытством осмотрел комнату, затем засунул руки в карманы пиджака и медленно кивнул.

– Я задавался вопросом, когда получу это приглашение.

- Ты знаешь, что случилось, так ведь? – нахмурился я.

- Да, да, - ответил он, может быть с малейшей ноткой нетерпения в голосе. Он перевёл взгляд на меня и, внезапно нахмурившись, чуть-чуть наклонился вниз, внимательно всматриваясь в мое лицо.

Я тщательно усилил и поддержал изображение сдерживающего магического круга у себя в воображении. Когда призываешь настолько сильную личность, круг- это единственная вещь, которая защищает призывающего от ее гнева.

- Пожалуйста, Дрезден, - усмехнулся архангел Уриил. – Это очень милый круг, но ты ведь не думаешь на самом деле, что это может помешать мне?

- Мне нравится избегать рискованных действий.

Уриил очень неангельски фыркнул. Затем он кивнул головой и пробормотал себе под нос:

– Ага, я вижу.

- Видишь что?

Он помолчал.

- Почему ты вызвал меня, конечно. Твоя спина.

Я хмыкнул. Это потребовало большего усилия, чем обычно.

– Насколько с ней плохо?

- Сломана, - ответил он. – Вполне возможно, что как чародей ты сможешь срastить позвоночник лет через сорок или пятьдесят. Но тут нельзя быть ни в чем уверенным.

- Я должен быть здоров, – простонал я. – Сейчас.

- Тогда возможно, тебе не стоило подниматься по лестнице в твоём состоянии.

Я зарычал и попробовал повернуться к нему. Но все закончилось только попыткой. Мое тело никак не отреагировало на приказ мозга.

- Не стоит, - сказал Уриил спокойно. – Не стоит расстраиваться из-за этого.

- Не расстраиваться?! – резко спросил я. – Моя маленькая девочка скоро умрёт!

- Ты сделал свой выбор, - сказал мне Уриил. – Один из них привел тебя сюда, – он развел руками.- Это- мяч в пределах игры, сын мой. Сейчас ничего другого не остаётся, кроме как доиграть до конца.

- Но ты можешь вылечить меня, если захочешь.

- Мои желания тут ничего не значат, - продолжил он спокойно. – Я бы мог тебя исцелить, если бы это входило в мои намерения. Свободная воля должна быть на первом месте, только это имеет смысл.

- Ты говоришь мне о философии, - возмутился я. – Я говорю о том, что умрёт ребенок.

Лицо Уриила на мгновение помрачнело.

– И я говорю тебе, что я очень ограничен с точки зрения того, чем я могу помочь тебе, - сказал он. – Ограничен, на самом деле тем, что я уже сделал.

- Угу, - буркнул я. – Огонь души. Как раз тот, который убивает меня при использовании. Спасибо.

- Никто не заставляет тебя применять его, Дрезден. Это - твой выбор.

- Я сотрудничал с тобой, когда ты нуждался в помощи, - выдавил я. – И это – то чем меня благодарят?

Уриил закатил глаза.

– Ты снова пытаешься выставить мне счет?

- Ты хочешь назвать цену, не стесняйся, - вызверился я. – Я заплачу. Не зависимо от того, что это будет.

Архангел молча смотрел на меня; его глаза были наполнены знанием, спокойствием и печалью.

– Я знаю, ты так и сделаешь, - наконец произнес он.

- Проклятье, - простонал я. Мои глаза наполнились слезами. Цвета и линии в моём воображении начали расплываться. – Пожалуйста.

Уриил, казалось, вздрогнул, услышав это слово. Он отвернулся от меня, явно испытывая неловкость. Но остался тих и безмолвен.

- Пожалуйста, - повторил я снова. – Ты знаешь, каков я. Ты знаешь, что я лучше вырву себе ногти, чем буду умолять. И я умоляю тебя. Я недостаточно силен, чтобы сделать это самостоятельно.

Уриил слушал, не глядя на меня, потом он медленно покачал головой.

- Я уже сделал всё, что мог.

- Но ты не сделал ничего! - Почти прокричал я.

- С твоей точки зрения так оно и есть, – он потер подбородок большим пальцем, нахмурившись в раздумье. – Хотя... я полагаю, это знание не слишком нарушит равновесие ...

Мои глаза начала сводить судорога, оттого что я слишком отчаянно смотрел в одну сторону, будучи неспособен пошевелить головой. Я прикусил губу и ждал.

Уриил глубоко вздохнул и медленно произнес, словно тщательно обдумывая каждое слово:

– Твоя дочь, Мэгги, жива и здорова. Пока.

Моё сердце пропустило удар.

Моя дочь.

Он назвал её *моей* дочерью.

- Я знаю, ты хотел, чтобы Сьюзен оставалась той женщиной, которую ты любил и помнил. Хотел быть в состоянии доверять ей. Но, даже не признаваясь в этом самому себе, ты в какой-то степени сомневался. Я не виню тебя за это, - грустно улыбнулся он. – Особенно после того, как не удались поисковые заклинания. Это естественно. Но... да, – он встретился со мною взглядом. – Плоть от плоти твоей и кость от кости твоей. Твоя дочь.

- Почему ты говоришь мне это? – тихо спросил я.

- Потому что я сделал все, что смог. Отныне тебе решать. Ты - единственная надежда Мэгги, – он начал отворачиваться, затем сделал паузу и произнес: – Внимательно обдумай слова Ваддерунга.

Я моргнул.

– Ты знаешь Од... Ваддерунга?

- Ну конечно. У нас похожие поля деятельности, в конце концов.

Я устало выдохнул и перестал даже пытаться удерживать заклинание.

– Я не понимаю.

Уриил кивнул.

– Это - сложная часть жизни смертного. Наличие выбора. Так много сокрыто от вас, – он вздохнул. – Люби своё дитя, Дрезден. Все остальное призрачно и ничтожно. Это слова мудреца, - Уриил чуть склонил голову. – Независимо от того, что ты будешь делать, делай это с любовью. Если ты будешь придерживаться этого, твой путь никогда не уйдёт слишком далеко от света, чтобы ты не смог вернуться.

И он просто исчез.

Я лежал в темноте, дрожа от слабости и магического перенапряжения. Я представил Мэгги, в её детском девичьем платице, с лентами в волосах, как на фото.

- Для тебя, малышка. Папа придет.

У меня ушло меньше чем полминуты, чтобы восстановить заклинание, и не больше на то, чтобы создать новую волну энергии, в которой я нуждался. Несколько последних секунд я задавал себе вопрос, смогу ли я действительно пройти этот путь до конца. Тогда я вызвал в уме ужасную картину похищения Мэгги, и вся моя ярость переплавилась в единый, добела раскаленный стержень неукротимой, непоколебимой воли.

- Мэб! – позвал я твёрдым голосом. – Мэб, Королева Воздуха и Тьмы, Повелительница Зимней Династии Сидхе, я призываю тебя!

Глава 30

Третий повтор её имени звонким перезвоном повис в воздухе, и наступила оглушительная тишина, в которой я дожидался ответа.

Когда вы ставите ловушку на кое-что опасное, есть некоторые фундаментальные меры предосторожности, необходимые для успеха. У вас должна быть хорошая наживка, что-то, что привлечет вашу цель. У вас должна быть хорошая ловушка, что-то, что сработает и сработает быстро. И, как только цель окажется в ловушке, у вас должна быть сеть, или клетка, достаточно крепкая, чтобы удержать её.

Ошибётесь хоть с одним из этих трех элементов, и вам вряд ли улыбнется успех. Ошибётесь с двумя, и вы сможете наблюдать результат намного более пагубный, чем просто неудача.

Я затеял эту авантюру, точно зная только одно - всё, что у меня было – это наживка. Мэб, по её собственным причинам, годами хотела заманить меня на службу. Я знал, что для привлечения ее внимания достаточно призвать ее по имени и титулу. Хотя механизм моего улучшенного магического круга мог бы быть лучшей ловушкой – если бы он всё еще существовал – клетка моей воли всегда была моим слабейшим пунктом при подобных попытках.

Короче, я мог сделать так, чтобы тигр появился. Но когда он появится, все что я смогу сделать, это провести черту мелом по тротуару и сказать: « Хороший котик».

И все же я не подошел к этому слепо и необдуманно. Я был в отчаянье, но не был тупым. Я полагал, что у меня имеется преимущество. Мэб не могла убить смертного. Она только могла заставить его отчаянно желать смерти, чтобы избежать ее пристального внимания. Мне нечего было терять. Она не могла сделать меня более бесполезным для моей дочери, чем я уже был.

Я дожидался в идеальной темноте хозяйку всех злобных фэйре из всех мрачных сказок, которые люди шепотом рассказывают друг другу по ночам.

Мэб не разочаровала меня.

Удивила меня, да. Но, не разочаровала.

Перед моими глазами начали появляться звезды.

На мгновение мне показалось, что это - плохой симптом. Но они не вращались вокруг в ленивом, головокружительном движении, как звезды, которые означают недостаток кислорода в мозгу. Вместо этого они горели надо мной чистым и холодным огнём, как пять драгоценных камней на шее Леди Ночи.

Секунду спустя холодный ветер коснулся моего лица, и я начал ощущать жесткую поверхность под собою. Я аккуратно положил руки вдоль тела, но не почувствовал под ними ни раскладушки, ни спинодержателя. Вместо этого мои пальцы прикоснулись к холодному, ровному камню, на плоской поверхности которого я лежал. Я шевельнул ногами и пришел к выводу что там, под ними, тоже был камень.

Я замер и понял, что могу чувствовать свои ноги. Могу двигать ими.

Моё целое тело было там. И оно было обнаженным. Меня разрывало желание завизжать оттого, что холод вцепился мне в задницу, и завопить от радости, что я могу чувствовать всё это. Я увидел землю с одной стороны и сполз с холодной плиты вниз, держась за край для баланса.

В то же время, это не было реальностью. Это была мечта, или виденье, или кое-что между миром смертных и царством духов. Это имело смысл. Моё неподвижное, глубоко дышащее физическое тело, по-прежнему находилось в Святой Марии, но мой дух и мой ум были здесь.

Где бы это “здесь” не было.

Мои глаза привыкли к темноте, и я увидел легкий туман и дымку, подвешенную в воздухе. Клубящиеся облака отсвечивались лунным светом, как прожектором освещающая вершину холма и древний каменный стол, возле которого я стоял. От лунного прикосновения глубоко вырезанные на поверхности стола руны замерцали, складываясь в слова, написанные на языке, которого я не знал.

Теперь я понял. Мэб создала это место для нашей встречи. Оно было известно как Долина Каменного Стола. Это была широкая, чашеобразная долина, я знал это, хотя туман и скрывал от меня большую ее часть. Строго по её центру высился холм, возможно, пятидесяти футов длинной и, примерно, двадцати футов высотой. На холме стояла массивная каменная плита, установленная на четырёх приземистых опорах. Еще несколько камней были разбросаны вокруг него, некоторые из них

упали, некоторые были разбиты, только один из них все еще напоминал громадины, высившиеся в Стоунхендже. В слабом освещении все камни переливались оттенками голубого, фиолетового и темно-зеленого. Холодные цвета.

Зимние цвета.

Да. Время после равноденствия. Из чего следовало, что оно сместилось. Стол был во владениях Зимних. Это был древний трубопровод силы, передающей ее самым примитивным, атавистическим способом - кровопролитием. Поверхность стола, покрытого древними пятнами, была изрезана желобками и завитушками, что придавало ему схожесть с терпеливой и голодной каймановой черепахой, неподвижно застывшей на вершине холма в ожидании тёплых, живых существ, которые приблизятся слишком близко.

Кровь, пролитая на этот стол, принесет энергию жизни, которая плавно перетечет в силу, подвластную Зимней Королеве.

Движение на противоположной стороне стола привлекло мой взгляд. Тень, казалось, просто сгустилась из тумана, формируясь в стройную женскую фигуру, одетую в плащ с капюшоном. Два глаза яркими зелеными свечами блеснули из-под капюшона.

Мое горло объявило сухой закон. Мне потребовалось две попытки, чтобы проскрежетать:

- Королева Мэб?

Фигура исчезла. Низкий женский смех раздался из тумана справа. Я повернулся вслед за голосом.

Я чуть не выскочил из кожи, когда яростный кошачий вопль вырвался из воздуха в шести дюймах позади меня. Я развернулся, но ничего не обнаружил, и женский смех, на этот раз более веселый, эхом разнесся в тумане вокруг холма.

- Вы наслаждаетесь этим, так ведь? - моё сердце застучало в горле. - Вы играете со мною?

Невнятные шепчущие голоса зазвучали от камней вокруг меня. Я увидел еще один блеск насмешливых зеленых глаз.

- Эт-это - ограниченное по времени предложение, - попытался я произнести твердым голосом. - Это - вынужденная мера. Если вы не поднимите свою королевскую задницу и не появитесь здесь, я ухожу.

- Я предупреждала тебя, - раздался спокойный женский голос позади меня. - Никогда не позволяй ей привести тебя сюда, мой крестник.

Я с трудом сдержался от пронзительного вопля. Это было бы не по-чародейски. Вместо этого я сделал глубокий вдох и повернулся к Леанансидхе, стоявшей в нескольких футах от меня. Она была одета в плащ цвета последних секунд сумерек; темная, пурпурно-синяя ткань полностью скрывала ее фигуру, за исключением бледного лица под капюшоном. Её зеленые кошачьи глаза были широко открыты и спокойны, а выражение лица торжественно.

- Но я здесь, - спокойно ответил я.

Она кивнула.

Еще одна тень соткалась из воздуха подле неё, вспыхнули зеленые глаза. Я предположил, что это Королева Мэб и отметил, что она была на пару дюймов ниже, чем моя крестная. Впрочем, в таком месте, как это, Мэб могла быть гигантом или лилипутом, любым кем она захочет.

Предположительно-Мэб шагнула ближе, всё еще скрытая в тени, невзирая на тот факт, что теперь она была ближе ко мне, чем моя крестная. Её глаза запылали еще ярче.

- Так много шрамов, - сказала моя крестная, и её голос слегка изменился, став холодным и строгим. - Твои шрамы - прекрасные вещи. Внутри и снаружи, - скрытая в тени фигура шагнула за один из поваленных камней и внезапно возникла позади другого на противоположной стороне круга. - Да, - прозвучал холодный голос из губ Леанансидхе. - Я смогу работать с этим.

Я дрожал. Надеюсь, только оттого, что тут было действительно холодно, а я был нагим. Я перевел взгляд от темной фигуры на лицо крестной и обратно, и поинтересовался:

- Вы все еще используете переводчика?

- Ради тебя, - ответил холодный голос, и скрытая в тени фигура ступила за один менгир и появилась наверху другого. Шаги деосил, по часовой стрелке.

Мэб закрывала круг вокруг меня.

- П-почему ради меня?

Холодный голос рассмеялся через губы Леанансидхе.

– Эта беседа стала бы утомительной, если бы ты внезапно упал на колени, крича в муках и цепляясь за свои истекающие кровью уши, мой чародей.

- Угу. Но почему? – настаивал я. – Почему ваш голос ранит меня?

- Потому что она в ярости, - ответила Леанансидхе своим естественным голосом. – Потому что её голос - часть её силы, и её гнев слишком велик, чтобы удерживать его.

Я сглотнул. Мэб сказала мне несколько слов пару лет назад, и я тогда отреагировал именно так, как она описывала. Я потерял несколько минут жизни во время приступа, который вызвали её слова.

– Ярости? – переспросил я. – Отчего?

Скрытая в тени фигура шипяще засвистела, издав еще один кошачий звук, который заставил меня вздрогнуть и отшатнуться, как от удара плети. Моя крестная резко дернулась в сторону. Когда она медленно выпрямилась, я увидел длинный тонкий порез, прочерченный через её щеку, из которого, стекая на землю, медленно сочилась кровь.

Леанансидхе склонила голову перед Мэб, и холодный голос снова сорвался с её губ.

– Не моей служанке обсуждать или расспрашивать меня, даже говорить обо мне по её собственному суждению.

Леа снова преклонила голову перед своей королевой, и в её движении не промелькнула даже намек на злость или недовольство. Мэб продолжала двигаться от камня к камню, не пересекая пространства между ними. Мне должно было становиться легче от многократного повторения. Увы. Каждый раз, когда она делала это, я понимал, что она может легко появиться позади меня с дурными намерениями, и не было ничего, что я бы мог с этим поделать.

- Есть древние правила приличия, которые будут соблюдены, - сдержанным и каким-то формальным тоном произнес голос Мэб. – Есть слова, которые должны быть сказаны. Обряды, которые должны быть увидены. Говори своё желание, смертный.

Теперь я действительно дрожал от холода. Я поднял руки и сцепил их на груди. Это не помогло.

– Силы, - твердо и громко потребовал я.

Затененная фигура застыла на месте и, повернувшись, уставилась на меня. Горящие зеленые глаза чуть наклонились в сторону, как будто Мэб склонила голову набок.

– Скажи мне почему.

Я сжал зубы, чтобы они не стучали.

– Моё тело тяжело ранено, но я должен бороться с Красной Коллегией.

- Ты это проделывал множество раз.

- На этот раз я сражаюсь с ними всеми. Красным Королем и его правящим кругом.

Огонь в её глазах вспыхнул ярче.

– Скажи мне почему.

Я сглотнул и сказал.

- Они похитили мою дочь.

Скрытая в тени фигура затрепетала, а её отделённый от тела голос вздохнул от удовольствия.

– Аххх. Да. Не для собственной жизни. Но для своего ребенка. Ради любви.

Я судорожно кивнул.

- Так много ужасных вещей делается для любви, - произнесла Леа голосом Мэб. – Ради любви мужчины калечат себя и убивают соперников. Ради любви даже миролюбивый мужчина идёт на войну. Ради любви мужчина разрушает себя, и делает это с радостью, – теперь она шла по физическому кругу, её движения были так наполнены неожиданной скоростью и нечеловеческой грацией, что казалось, словно она летит над землей. – Ты знаешь мою цену, смертный. Скажи это.

- Вы хотите, чтобы я стал Зимним Рыцарем, - прошептал я.

Смех, такой же восхитительный, как и холодный, струился под её ответом.

– Да.

- Я буду, - согласился я. – При условии.

- Скажи его.

- Перед тем, как моё служение начнётся, вы вылечите моё тело. Вы подарите мне достаточно времени, сил и знаний, чтобы я смог спасти свою дочь и обеспечить её безопасность. И вы дадите мне слово, что никогда не прикажете мне поднять руку против тех, кого я люблю.

Расплывчатая фигура продолжала в жутком темпе кружить вокруг меня, и температура, казалось, понизилась на несколько градусов.

– Ты просишь меня рискнуть моим Рыцарем в ужасно опасном месте, не для выгоды моих земель и подданных? Почему я должна делать это?

Я мгновенно непреклонно смотрел на неё. Потом пожал плечами.

– Если вы не захотите заключить эту сделку, я обращусь в другие места. Я всё ещё могу вызвать монету Ласкиэль к себе, затратив на это одно биение сердца - Никодимус и Динарианцы будут более чем счастливы, помочь мне. Я так же, единственный из живых людей, знаю, как провести Темносияние Кеммлера. Итак, если Ники и Никелеголовые не захотят играть, я могу собрать до чертиков много силы лично для себя, и в следующий раз, когда я назову ваше имя, я и близко не буду таким любезным.

Невеселый смех Мэб прозвучал из губ моей крестной.

– Ты разбалован выбором, мой чародей. По какой причине ты предпочел меня остальным?

Я поморщился.

– Пожалуйста, не воспринимайте это как оскорбление. Но вы - наименьшее зло в моём списке.

Холодный голос ничего не сказал мне о её реакции.

– Поясни.

- У Динарианцев я заимею козлиную бородку и незаметно стану злобным, если сразу не сломаюсь и не превращусь в смертоносную бестию. И я убью множество людей, если захочу использовать Темносияние, – я сглотнул. – Но я сделаю это. Если у меня не будет другого пути чтобы вырвать мою девочку из их рук, я сделаю это.

На холме на целую минуту воцарилась тишина.

- Да, - прозвучал задумчивый голос Мэб. – Ты сделаешь, не так ли? И да, ты знаешь, что я ни убиваю без разбора, ни поощряю своего Рыцаря делать это, – она сделала паузу и пробормотала: - Но ты уже доказал готовность к самоуничтожению в прошлом. Ты выиграл свою последнюю конфронтацию с моей служанкой в такой же форме, воспользовавшись смертным ангелом. Что удержит тебя от совершения таких же действий, чтобы обмануть меня с моим призом?

- Моё слово, - ответил я спокойно. – Я знаю, что не могу надуть вас. Я не самоубийца. Я здесь чтобы честно договориться.

Пылающие глаза Мэб долгое мгновение смотрели на меня. Затем она снова продолжила свой путь по кругу - третий проход по кругу вокруг меня - более медленно на этот раз.

– Ты должен понимать, чародей. Как только ты станешь моим Рыцарем, как только последний из твоих поисков будет завершен, ты - мой. Ты будешь разрушать то, что я прикажу тебе разрушить. Убьешь любого, кого я пожелаю, чтобы ты убил. Ты будешь мой. Кровью, костью и дыханием. Ты понимаешь это?

Я судорожно сглотнул.

– Да.

Она медленно кивнула. Потом повернулась, чтобы взглянуть на Леанансидхе.

Леа снова преклонила голову и щелкнула пальцами.

Шесть скрытых мантиями фигур появились из тумана: маленькие, уродливые существа, которые могли быть кобольдами или гномами или любыми из полудюжины других слуг Сидхе. Я не мог сказать точно, потому что мантии сделали их безликими, внешне одинаковыми.

Но я знал человека, которого они несли привязанным к доске.

Как и я, мужчина был обнаженным. Я знал, что он ниже меня, но более спортивный, мускулистый. Впрочем, так было несколько лет назад. Теперь это была иссохшая оболочка человеческого существа; темно-серый набросок, сделанный небрежной рукою. Глаз у него не было. Исчезли, но исчезли аккуратно, словно их извлекли хирургически. Всё его лицо покрывали татуировки, особенно впавшие веки - простое слово, вытатуированное на разных языках и в разных стилях написания: *предатель*. Сквозь полуоткрытый рот были видны зубы, покрытые рунами и кельтскими символами, открашенные чем-то темно-коричневым, что превращало его рот в живую галерею резьбы по кости.

По сути, всё его тело было украшено или татуировками или искусными, ритуально нанесенными шрамами. Он был привязан к доске семью тонкими шелковыми веревками, но его истощенные конечности выглядели так, словно в них никогда не было силы разорвать даже эти непрочные путы.

Он плакал, тихо всхлипывая, этот звук, казалось, принадлежал животному, мучающемуся от ужасной боли, а не человеку.

- Иисус, - прошептал я и отвел от него взгляд.

- Я даже немного горжусь этим, - сказал холодный голос Мэб. – Безусловно, Белый Христос никогда не страдал так долго или так ужасно, как этот предатель. Три дня на перекладине. С трудом хватит времени даже для прелюдии. Впрочем, что касалось страданий, римляне были людьми, увлеченными своим хобби.

Слуги положили доску на каменный стол, расположив мужчину в центре. Затем они поклонились Мэб и удалились, не проронив ни звука. На мгновение единственными звуками были шепот холодного, легкого ветра и рыдания Слейта.

- На какое-то время я была удовлетворена, замучив его до грани рассудка. Потом я пожелала увидеть, как далеко за её грань может шагнуть смертный, – её глаза радостно блестели в тених. – Жаль, что так немного осталось. И все же, он - Зимний Рыцарь, юный чародей. Сосуд моей силы среди смертных, и консорт Королев Зимы. Он предал меня. Смотри, куда это привело его.

Существо, которое раньше было Ллойдом Слейтом, издало тихий, безнадежный звук.

Я дрожал, испуганный.

Тёмная фигура подошла ближе, и бледная рука показалась из складок одежды. Что-то холодно блеснуло в странном свете и упало в густую траву у моих ног. Я наклонился поднять это и обнаружил древний-древний нож с простым листообразным лезвием, установленным в деревянную рукоятку, обёрнутую шнуром и кожей. Он был, я полагаю, сделан из бронзы. Его обоюдоострое лезвие злобно и ярко блестело, а тонкое игольное остриё каким-то образом выглядело голодным.

Я ощутил энергию, выливающуюся через небольшое лезвие; силу, которая была необузданной и дикой, которая плевала на границы и насмехалась над сдержанностью. Не злая, как таковая, но голодная и наполненная желанием принять участие в своей части цикла жизни и смерти. Она жаждала кровопролития.

- Пока Ллойд Слейт живет и дышит, он - мой Рыцарь, - раздался голос Мэб. – Возьми шило Медеи, чародей. Возьми кровь его жизни.

Я стоял там, держа нож и смотря на Ллойда Слейта. В последний раз, когда я слышал его речь, он умолял меня убить его. Не думаю, что он был способен сейчас хотя бы на это.

- Если ты хочешь быть моим Рыцарем, тогда это - первая смерть, которой я желаю от тебя, - почти нежно сказала Мэб. Она смотрела на меня через Каменный Стол. – Верни мне его силу. И я передам её тебе.

Я стоял на холодном ветру без движения.

То, что я сделаю в следующую минуту, определит курс всей моей оставшейся жизни.

- Ты знаешь этого человека, - продолжала Мэб мягким голосом. – Ты видел его жертв. Он был убийца. Насильник. Вор. Монстр в смертной плоти. Он более чем заслужил смерть.

- Это не мне судить, - спокойно прошептал я.

Конечно, нет. Я мог уговорить себя спрятаться за этим утверждением, буквально на мгновение – пока все не будет закончено. Солгать себе, сказать себе, что я был его законным, заслуженным палачом.

Но я не был.

Я мог сказать себе, что я закончу его муку. Сказать себе, что я избавлю его от ужасных страданий, совершив акт милосердия. Необходимый акт кровопролития, но это будет быстро и почти безболезненно. Никто не должен страдать так сильно, как Ллойд Слейт. Я мог продать себе эту историю.

Но я так не сделал.

Я был человеком, который ищет силу. Может быть, по правильному поводу. Но я не собирался врать себе или кому-либо другому о своих действиях. Если я убью его, я заберу жизнь, что-то что не принадлежит мне. Я совершу спланированное, осознанное убийство.

Это был путь наименьшего зла, сказал я себе. Любой другой выбор, который я мог сделать, по правде говоря, превратит меня в монстра. Благодаря Ллойд Слейту я знал, что независимо от того, что говорила Мэб, она не контролировала своего Рыцаря полностью. Слейт бросил вызов её силе и влиянию.

«И погляди, куда это привело его» - прошептал тихий голос внутри моей головы.

Полная, круглая луна появилась из-за облаков и залила всю Долину Каменного Стола ясным, холодным светом. Руны на столе и менгирах загорелись ярче.

- Чародей, - прошептала Мэб позаимствованным голосом, прямо мне в ухо. – Время настало.

Мое сердце начало бешено колотиться и я почувствовал слабость в животе.

- Гарри Блэкстоун Копперфильд Дрезден, - почти с любовью проворковал голос Мэб. – Выбирай.

Глава 31

Я смотрел на сломленного человека. Мне было достаточно легко представить свое собственное изуродованное лицо, слепо смотрящее вверх с каменной поверхности стола. Я сделал шаг. Затем два. И оказался стоящим над изломанной фигурой Ллойда Слейта.

Если бы это был бой, я бы не думал дважды. Но этот мужчина не представлял для меня угрозы. Он не представлял угрозы больше ни для кого. У меня не было права забирать его жизнь, и было бы чистым, огромным, нигилистическим высокомерием сказать иначе. Если я убью Слейта, как далеко это меня заведет? Смогу ли я смотреть в зеркало месяцы или годы спустя?

Я не мог, мне было легче перерезать своё собственное горло.

Я почувствовал, как моя рука свесилась вниз, неспособная удержать ставший слишком тяжелый для нее нож.

Мэб внезапно остановилась на противоположной стороне Каменного Стола, наблюдая за мной. Её рука шевельнулась в простом отталкивающем жесте; вокруг Стола внезапно сгустился туман и закружился в водовороте цвета и света. Несколько секунд изображение было расплывчатым. Затем оно резко сфокусировалось.

Маленькая девочка сжалась в углу пустой каменной комнаты, все убранство которой состояло из разбросанного по полу сена и шерстяного одеяла, выглядевшего не слишком чистым. У нее были темные волосы, которые раньше были заплетены в косички, но теперь свисали нечесаными прядями. Одна из тонких розовых пластиковых заколок, вероятно, потерялась или была украдена и теперь у неё осталась только одна растрепанная косичка. Её лицо было красным от крика. Она, очевидно, вытирала нос о колени своего маленького розового комбинезона. Её рубашка, белая в желтые цветы с большим мультяшечным шмелем по верху, была испачкана в грязи и чем-то похуже. Она свернулась в самый крошечный клубочек, который смогла сделать из своего тела, словно надеясь, что те, кто придёт за ней, не смогут её заметить.

Ей большие карие глаза были полны скрытого ужаса, но я смог увидеть в них что-то знакомое. Мне потребовалось время, чтобы понять, что они напоминают мне моё собственное отражение в зеркале. Другие особенности сказали мне, что со временем наше сходство будет видно сильнее. Такой же подбородок и нижняя челюсть как у нас с Томасом. А вот губы – материнские. И такие же, как у Сьюзен прямые, блестящие волосы. Её руки и ноги выглядели немного великоватыми для неё, как лапы у растущего щенка.

Приглушенно, как будто с большого расстояния, я услышал крик вампира Красной Коллегии в его истинной форме; она вздрогнула и снова начала плакать, всё её тело затрепетало от ужаса.

Мэгги.

Я помнил свои чувства, когда Бьянка и её миньоны держали меня в плену.

Я помнил вещи, которые они делали со мною.

Но не было похоже, что они навредили моему ребенку. Пока.

- Да, - прозвучал холодный, лишенный всякой эмоции голос Мэб. Картинка начала медленно тускнеть. – Это - настоящее твоего ребёнка, то, что происходит сейчас. Я даю тебе свое слово. Никаких трюков. Никакого обмана. Так и есть.

Я посмотрел через расплывающееся изображение туда, где меня ждали Мэб и моя крёстная. Лицо Леи было мрачным. Глаза Мэб пылали из-под накинутого капюшона, сузившись до двух яркие

щелочек. Я какое-то мгновение смотрел на них. Холодный ветер обдувал холм и развеивал плащи обеих Сидхе. Я пристально всматривался в эти древние глаза, наполненные знанием темных и злых вещей. Я знал что ни ребенок в изображении, ни мужчина на столе ничего не значат для них. Я знал, что если я пойду на сделку с Мэб, я, вероятно, тоже закончу свои дни на этом столе.

Мне казалось, я знал, зачем Мэб показала мне Мэгги. Чтобы манипулировать мною.

Нет. Было кое-что другое в том, что она сделала. Она показала мне Мэгги, чтобы для меня был совершенно ясным выбор, который я должен сделать. Конечно, это могло повлиять на моё решение, но когда ты смотришь в лицо голой, неприкрытой истине... разве не должно?

Я не уверен, что можно манипулировать кем-то с помощью прямоты и правды.

Я думаю, это можно назвать просвещением.

И пока я смотрел на тающее изображение моей дочери, мой страх исчез.

Если я закончу как Слейт, и это будет та цена, которую я заплачу за спасенье дочери, да будет так.

Если я буду ненавидеть себя весь остаток жизни, потому что Мэгги потребовалось, чтобы я сделал трудный выбор, да будет так.

И если мне придётся умереть ужасной, долгой смертью, потому что это даст моей дочери шанс на жизнь...

Да будет так.

Собрав всю свою силу, я сжал ужасно тяжелую рукоятку бронзового ножа.

Я мягко положил руку на лоб Ллойда Слейта, чтобы удержать его неподвижно.

И затем я перерезал ему горло.

Это была быстрая, чистая смерть, которая, однако, не выглядела менее смертельной, чем если бы я изрубил его на куски топором. Смерть - огромный уравниватель. Не имеет значения, как вы попадете туда. Только когда.

И почему.

Он совершенно не боролся. Только выдохнул, что прозвучало, как вздох облегчения и повернул голову на бок, словно собирался заснуть. Это не было аккуратным, но это и не была сцена из третьесортного боевика. Это выглядело как беспорядок на кухне, который остается после приготовления большой груды отбивных. Большая часть его крови стекла в углубления на столе и, став похожей на ртуть, быстро сбегала по желобкам вниз, к вырезанным по бокам и на опорах письменам. Кровь заставила письмена отражать зловещий свет вокруг нас, придавая им собственный мерцающий огонь. Это был ужасающе прекрасный вид. Сила бурлила через кровь; письмена, камень и воздух вокруг меня дрожали от её безмолвной мощи.

Я чувствовал обеих Сидхе за своею спиной, наблюдающих спокойными, хищными глазами за тем, как умирал Рыцарь, предавший свою королеву. Они вдвоём испустили маленькие вздохи... признательности, я полагаю. Я не думал о любом другом выражении, которое сюда подходило. Они признавали значение его смерти, но никоим образом не сочувствовали ему. Жизнь перетекала из его сломанного тела в Каменный Стол, и они считали этот акт достойным уважения.

Я просто стоял, опустив руку; кровь капала с бронзового ножа на землю под моими ногами. Я дрожал от холода, уставившись на останки человека, которого я убил, и задавался вопросом, что же я чувствовал. Печаль? Не совсем. Он был в первую очередь сукиным сыном, и я бы с радостью убил его в открытом бою, если бы у меня был выбор. Угрызение совести? Пока нет. Я сделал ему одолжение, когда убил его. Не было другого способа вытянуть его оттуда, куда он себя вовлек. Радость? Нет. Не совсем, по крайней мере. Удовлетворение? Совсем чуть-чуть, но не от смерти, а оттого что кости наконец-то брошены.

Главным образом? Я чувствовал себя замерзшим.

Минуту или час спустя Леанансидхе подняла руку и щелкнула пальцами. Одетые в плащи слуги возникли из тумана так же внезапно, как и исчезли в нем до этого; они собрали то, что осталось от Ллойда Слейта, безмолвно его подняли, понесли его в тишине, и исчезли в тумане.

- Итак, - произнес я спокойно, обращаясь к Мэб. - Моя часть сделки выполнена. Теперь очередь выполнить вашу.

- Нет, дитя, - ответила Мэб губами Леа. - Твоя часть только начинается. Но не бойся. Звёзды сойдут с небес, прежде чем Мэб не выполнит своего слова, - она легонько наклонила голову набок, к моей

крестной. - Я даю тебе этого помощника для твоего последнего поиска, сэр Рыцарь. Моя служанка наиболее могущественная среди всех существ Зимы, всего на секунду позади меня.

Теплый, более слабый голос сорвался с губ Леа, когда она спросила:

- Моя королева, в каких пределах мне дозволено действовать?

Мне показалось, я увидел слабый блеск зубов Мэб, когда губы Леа произнесли:

- Ты можешь не ограничивать себя.

Рот Леа расплылся в широкой, опасной собственной улыбке, она склонила голову и поклонилась Зимней Королеве.

- И сейчас, мой Рыцарь, - сказала Мэб заемным голосом, поворачиваясь ко мне лицом. - Мы вдохнем силу в твое поломанное тело. И ты станешь принадлежать мне.

Я сглотнул тяжелый комок в горле.

Мэб пренебрежительным жестом подняла руку, и Леанансидхе поклонилась ей.

- Я больше не нужна здесь, дитя, - прожурчала Леа. - Я готова пойти с тобою в любое время, когда ты призовёшь меня.

Моё горло было слишком пересохшим, чтобы вымолвить хоть какое-то слово. Я с трудом прохрипел:

- Я хочу, чтобы вы вернули вещи, которые я вам оставил, как можно скорее.

- Ну конечно, - улыбнулась крестная. Поклонившись мне, она сделала несколько шагов назад, отступая в туман, пока он не поглотил её целиком.

И я остался наедине с Королевой Мэб.

- Итак, - сказал я в тишину. - Я полагаю, существует... церемония, которую я должен пройти.

Мэб шагнула ко мне ближе. Она не была огромной, впечатляющей фигурой. Она была значительно ниже меня. Изящная. Но она шла с такой совершенной грацией и уверенностью, что роль хищника и добычи была ясна для нас обоих. Я сделал шаг назад, отодвигаясь от неё. Это было чисто инстинктивным движением, и я не смог бы остановить его так же, как не мог удержать бывший меня озноб.

- Будет трудновато для нас обменяться клятвами, если Вы не сможете говорить, - выдавил я. Мой голос, неожиданно для меня, "дал петуха". - Гм, возможно, это - контракт или что-то другое?

Бледные руки взметнулись из-под темной ткани и откинули назад капюшон. Мэб встряхнула головой и белоснежные, шелковистые локоны, светлее, чем лунный свет или мертвая плоть Ллойда Слейта, рассыпались вокруг нее.

Голос на секунду отказал мне. Я уперся голыми бедрами о Каменный Стол и, дрожа, присел на него.

Мэб продолжала двигаться ко мне, становясь всё ближе и ближе с каждым легким, скользящим шагом. Плащ соскользнул с её плеч, вниз, вниз, вниз.

- В-вам, ухх, - я с трудом отвел взгляд. - Вам д... должно быть холодно.

Хриплый тихий смех сорвался с её губ цвета замороженной малины. Голос Мэб, наполненный гневом, физически ранил живую плоть. Ей голос, заполненный кипящей страстью..., делал другие вещи.

Холод внезапно стал наименьшей из моих проблем.

Её рот прикоснулся к моим губам, и я прекратил даже пытаться говорить. Это не был обряд в привычном для меня понимании, но эта церемония была такая же древняя, как звери и птицы, земля и небо.

Моя память стала отрывистой после поцелуя.

Я помнил её тело, ярко блестящее надо мной, холодное, мягкое, безукоризненно женственное. У меня нет слов для его описания. Нечеловеческая красота. Волшебная грация. Животная чувственность. И когда ее тело накрыло мое, наши дыхания смешались - холодная сладость с человеческим несовершенством. Я мог чувствовать ритм её тела, её дыхания, её сердца. Я мог чувствовать каменную поверхность стола, древнюю вершину холма, все землю в долине вокруг нас, пульсирующую в единении с ритмом Мэб. Облака мчались по небу и, когда она начала двигаться быстрее, они засветились ярче и ярче, пока я не понял, что зловещее свечение вокруг нас не больше чем тусклое,

приглушенное отражение красоты Мэб, скрытое для спасения смертного разума, который не был к ней готов.

Она не скрывала это, как и свое участвовавшее дыхание. И оно опалило меня, настолько оно было чистым.

То, чем мы занимались, не было сексом, невзирая на то, чем оно казалось. Вы не занимаетесь сексом с грозой, с землетрясением, с яростной вьюгой. Вы не можете заниматься любовью с горой, ледником, леденящим ветром.

В течение нескольких мгновений я видел ширину и глубины силы Мэб – и в течение мимолетного мига – голый, крошечный отблеск её цели; в то время, как наши переплетенные тела, приближались к экстазу. Я закричал. И не останавливался, некоторое время.

Затем ко мне присоединился крик Мэб и наши голоса смешались. Её ногти вонзились мне в грудь, кусочками льда скользя под кожей. Я увидел, как её тело изогнулось дугой от получаемого удовольствия, а затем её зеленые кошачьи глаза раскрылись и вытянулись...

Рот Мэб приоткрылся, и она громко прошипела:

- *МОЙ!*

От этой абсолютной правды моё тело затрепетало, как оборванная гитарная струна, и я дернулся в краткой, резкой судороге.

Руки Мэб скользнули вниз по моим ребрам, и я внезапно почувствовал огонь в поломанных костях, пока эти ледяные руки надавливали на них.

- *МОЙ!*

И вновь моё тело яростно изогнулось, словно каждый мускул пытался сорваться с моих костей.

Мэб пылко зашипела, когда её руки скользнули вокруг моей талии, накрывая то онемевшее место, где вероятно был сломан позвоночник. Я почувствовал, что кричу и бьюсь, совсем не контролируя своё тело.

Кошачьи глаза Мэб захватили мой собственный взгляд, поймав моё внимание в ловушку их морозной красоты и отвлекая меня от ужасного, сладкого холода, который струился от кончиков её пальцев, и её ласкающего бархатом голоса, нежно прошептавшего: ... *мой...*

- Еще! – закричал смутно знакомый голос.

Что-то холодное и металлическое прижалось к моей груди.

- Чисто! – рявкнул голос.

Разряд молнии ударил меня в грудь – мучительное кольцо серебряной силы, которая дугой выгнула моё тело. Я начал кричать, и прежде чем мои бедра опустились, я выпалил: «*Hexus!*» – извергая силу в воздух.

Кто-то воскликнул, кто-то выругался. Все вокруг полыхнуло искрами, включая лампочки наверху, которые казалось, перегрелись и разлетелись в пыль.

Комната погрузилась в темноту и тишину на несколько секунд.

- М-мы теряем его? – твердый старческий голос. Фортхилл.

- О Господи, - дрожащий голос. Молли. – Г-Гарри?

- Я в порядке, - простонал я. По моему горлу казалось, прошли наждаком. – Какого черта вы делаете со мной?

- Т-твое сердце остановилось... - тоже знакомый третий голос.

Я пощупал грудь и ничего не нашел на ней, так же как и вокруг шеи. Мои пальцы продолжили исследование дальше и, прикоснувшись к кровати и спинодержателю подо мною, обнаружили там мою цепочку с амулетом; рубин все еще был закреплен в центре с помощью неаккуратного слоя клея. Я схватил пентаграмму и направил в неё небольшое усилие воли, холодный синий свет заполнил комнату.

- ... поэтому я сделал то, что сделал бы любой хороший гробовщик, - продолжил Баттерс. – Ударил тебя током и попытался реанимировать. – Он поднял вверх два утюжка дефибриллятора, чьи провода вероятно расплавились. Они не были ни к чему подсоединены. Баттерс был подвижным маленьким парнем в больничном халате, с всклокоченными черными волосами, узкими плечами и худощавым, нервным телом. Он поднял руки, имитируя работу электрошока. Затем сказал дебильным голосом,

которому, наверное, полагалось звучать зловеще. – Оно живое. Живооооое. – Спустя биение сердца он добавил, - Пожалуйста. Не стоит благодарить.

- Баттерс, – вздохнул я. – Кто позвал тебя в... - я запнулся, - Молли. Не имеет значения.

- Гарри, - потупилась моя ученица. – Мы не были уверены, насколько тяжело ты ранен, и если ты не мог чувствовать... ты не мог знать тоже... и я подумала, что мы нуждаемся в настоящем докторе, но единственный, насколько я знала, кому ты доверяешь, был Баттерс, поэтому я позвонила ему вместо...

- Эй! – сказал Баттерс.

Я сорвал крепления с головы и раздраженно пихнул ремни на ногах.

- Стоп, эй, тигр! – воскликнул Баттерс. Маленький патологоанатом бросился мне на ноги. – Попридержи своих коней, здоровяк! Легче, легче!

У Фортхилла и Молли были добрые намерения. Они присоединились, и их троица снова распластала меня по спинодержателю.

Я прорычал проклятье и расслабился, дожидаясь момента, когда они начнут меня слушать. Тогда я произнес:

– У нас нет времени на это. Снимите с меня все эти ремни.

- Дрезден, у тебя, возможно, сломан позвоночник, - категорично заявил Баттерс. – Защемленный нерв, сломанные кости, повреждение внутренних органов брюшной полости. Ради Бога, парень, чем ты думал, не поехав в больницу?

- Я думал о том, что не хочу делать из себя легкую мишень, - буркнул я. – Я в порядке. Мне лучше.

- О, Господи, парень! – воскликнул Фортхилл. – Будь разумным! Три минуты назад твое сердце не билось.

- Молли, - произнес я жестко. – Развяжи ремни. Немедленно.

Я услышал, как она захлопала носом. Затем она поднялась и подошла так чтобы видеть мои глаза.

– Хм. Гарри. Ты все еще... ты знаешь. Это ты?

Я удивленно глядел на неё, впечатленный. Проницательность Кузнечика сослужила ей хорошую службу.

- Я, это - я, - спокойно произнес я, глядя ей в глаза. Это должно было стать достаточной проверкой. Если кто-то другой сидел за рулем моей машины, это слишком изменит меня внутри и это, конечно, запустит взгляд души и покажет изменения. – Пока, по крайней мере.

Молли закусил губу.

- Хорошо. Хорошо, развяжите его.

Баттерс слез с моих коленей и нахмурившись, поднялся на ноги.

– погоди минуту. Это просто... Это все происходит немного слишком быстро для меня.

Дверь позади него распахнулась, и крупный мужчина в темной одежде поднял пистолет, выпуская две пули в спину Баттерса с расстояния трех футов. Резкие звуки выстрелов были невероятно оглушающими.

Баттерс рухнул, как забитая корова. Взгляд бандита пробежал по остальным, прежде чем он ударился о пол. Я знал, кого он высматривает, когда его глаза остановились на мне.

Он не говорил, не бушевал, не колебался. Профессионал. Таких было в изобилии в Чикаго. Он поднял пистолет, прицеливаясь мне в голову, пока я лежал там, примотанный к доске от бедер и ниже, неспособный даже пошевелиться. Я поднял левую руку и обнаружил, что мой браслет-щит исчез с запястья. Ну конечно. Они должны были убрать его, чтобы он не мешал работе дефибриллятора, так же как они убрали металлическую цепочку вокруг моей шеи и кольца с моих пальцев.

Они бы оченьгодились.

Определённо, сегодня был просто не мой день.

Глава 32

Мое тело было привязано, но не мои руки. Я сложил пальцы правой руки в мистический жест атаки, изображая пистолет, и воскликнул, - *Arctis!*

Заклинание высосало тепло вокруг оружия и за мгновение всосало воду из воздуха, превратив ее в толстый слой льда вокруг пистолета, особенно вокруг ударника. Стрелок вздрогнул, отреагировав на заклинание, и нажал на курок.

Корка льда удержала ударник и предотвратила его спуск.

Бандит заморгал и попытался еще несколько раз спустить курок, но так же безрезультатно. Фортхилл ударил его под колени. Оба мужчины упали. Пистолет, вылетев из онемевших от холода пальцев стрелка, крутясь, полетел через комнату. Он ударился о стену, разбивая корку льда вокруг ударника, и с оглушающим выстрелом безвредно разрядился в потолок.

Бандит ударил Фортхилла в лицо, и старый священник опрокинулся на спину, захрипев от боли. Молли в слепой ярости бросилась на наемника, сбивая его с ног, с бесконтрольной жестокостью нанося беспорядочные удары кулаками безо всякой техники. Мужчина выбросил локоть, ударом в шею, отбрасывая её назад, затем поднялся, обшаривая взглядом пол в поисках оружия. Заметив пистолет, он направился к нему.

Я погасил свет амулета. Стрелок споткнулся и упал во внезапно наступившей темноте. Я услышал, как он сцепился с ошеломленным Фортхиллом.

Затем была ослепительная одиночная вспышка яркого света, который высветил мужчину, выгнувшегося дугой от боли. Затем все исчезло, и раздался звук чего-то большого, упавшего на пол. Несколько человек тяжело дышали.

Я схватился пальцами за амулет и вновь осветил комнату.

Побледневший Фортхилл сидел возле стены, держась за челюсть. Молли стояла на коленях, одна рука поднята, словно она собиралась применить что-то из своих магических талантов; именно то, что она должна была сделать при первых же признаках опасности, если бы Кузнечик мыслила ясно. Наемник лежал на полу, пытаясь приподняться.

Баттерс, с оголенными проводами в руках, просипел:

- Чисто, - и прикоснулся обоими концами к бандитской груди.

Провода убегали к дефибрилятору. Когда они расплавились возле утюжков, осталось несколько завитков обнаженной медной проволоки. Ток сделал именно то, что делает ток, и бандит, на секунду выгнувшись от боли, снова бессильно замер.

- Разряд, - прохрипел Баттерс. Он завел руку на спину и простонал. – Ой. Ой, ой, ОЙ!

- Баттерс! – всхлипнула Молли и крепко обняла его.

- Устржно, - нечленораздельно промямлил Баттерс. – Ой. – Но он не выглядел недовольным объятиями.

- Кузнечик, не напрягай его, пока мы не узнаем, всё ли с ним в порядке, - криво усмехнулся я. – Черт побери! – я начал возиться с ремнями, пытаюсь освободить верхнюю часть тела, чтобы сесть и заняться ногами. – Фортхилл? С вами все в порядке?

Отец Фортхилл сказал что-то неразборчивое и застонал от боли. Затем он поднялся на ноги и начал помогать мне с пряжками. Его челюсть приобрела багряный оттенок и опухла с одной стороны. Он принял дьявольски сильный удар и остался в сознании. Жесткий старый парень, несмотря на то, что он выглядел таким кротким.

Я слез со спинодержателя, встал на ноги и поднял пистолет.

- Я в порядке, - заявил Баттерс. – Я так думаю, – его глаза расширились, и он казалось, внезапно, запаниковал. – О, Господи, убедитесь, что я в порядке! - он начал судорожно расстёгивать рубашку. – Этот долбаный маньяк выстрелил в меня!

Он отбросил халат и повернулся вокруг, показывая Молли спину. Он носил нижнюю рубашку.

И вдобавок ко всему, он носил жилет из кевлара. Это было легкое, носимое под одеждой приспособление, предназначенное только для защиты от пистолетов – бандит выстрелил из девятимиллиметрового. Он положил оба выстрела прямо по линии поясницы, и жилет выполнил свою работу. Пули всё еще были там, расплюснутые они торчали из баллистической ткани.

- Я ранен, так ведь? – Баттерс заикался. – Я в шоке. Я не могу чувствовать этого, потому что я в шоке. Верно? Она попала в печень? Кровь черная? Вызывайте скорую помощь!

- Баттерс, - позвал я. – Посмотри на меня.

Он перевел на меня широко раскрытые глаза.

- Полька, - многозначительно глядя на него, начал я, - никогда не умрет!

Он моргнул. Затем кивнул и заставил себя успокоиться, делая медленные, глубокие вдохи. – Со мной всё в порядке?

- Сработала магическая одёжка, - хмыкнул я. – С тобой всё в порядке.
- Тогда почему моя спина так сильно болит?
- Кое-кого только что ударили дважды кувалдой, движущейся со скоростью тысяча двести футов в секунду, - пояснил я.

- О, - протянул он. Повернувшись, он глянул на Молли, которая кивнула ему и ободряюще улыбнулась. Затем он вздрогнул и облегченно закрыл глаза. – Я не думаю, что мой темперамент подходит для активных действий.

- Ну да. С каких это пор ты расхаживаешь в бронежилете? – спросил я его.

Баттерс кивнул на Молли.

– Я надел его спустя десять секунд после того, как она мне позвонила и сказала, что тебе нужна помощь, - вытянув маленькую коробочку из кармана, он раскрыл её. – Видишь? Я захватил мел, святую воду, а так же чеснок.

Я улыбнулся ему, но улыбка получилась немного вялой. Бандит уложил Баттерса по той простой причине, что он заслонял стрелку обзор. Если бы он ожидал от Баттерса какой-либо угрозы, то за двумя выстрелами последовал бы третий Баттерсу в затылок. И конечно, если бы Баттерс не подготовился к чему-то подобному, то моя голова была бы не в лучшем состоянии, чем его.

Мы все-таки чертовски хрупки.

За дверью раздался шаг, и я, подняв пистолет, направил его на дверь. Я стоял, держа оружие обеими руками, поставив ноги на ширину плеч, и смотрел на маленький зеленый огонек точки прицеливания, когда Саня вошел в дверь, держа в руках поднос с сэндвичами. Он резко остановился и удивленно поднял брови, широко улыбаясь.

– Дрезден! С тобой все в порядке, – он мгновенно осмотрел комнату и нахмурился, - Я что-то пропустил? Кто это такой?

- Я не думаю, что что-либо сломано, - успокоил Баттерс Фортхилла, - но вам лучше пройти рентген, просто на всякий случай. С переломами челюсти не стоит шутить.

Пожилой священник кивнул ему, сидя в кресле в жилой комнате церковного помещения, и что-то написал в небольшом блокноте. Он показал его Баттерсу.

Маленький мужчина ухмыльнулся.

– Пожалуйста, Отче.

Молли нахмурилась.

- Нам следует отвезти его в больницу?

Фортхилл покачал головой и написал в своём блокноте: *«Сначала сообщу вам кое-что»*.

Теперь у меня была пара пистолетов, которую я реквизирувал у плохих парней: сорок четвертого калибра у охранника и девятимиллиметровый у бандита. Я положил их на кофейный столик и внимательно осмотрел; я бы очень удивился, если бы обнаружил на них серийные номера или что-то такое. Мыш сидел возле меня, привалившись боком к моей ноге, его серьезные карие глаза наблюдали за тем, как я возжусь с оружием.

- Вы выяснили что-нибудь? – спросил я Фортхилла.

«В какой-то мере» - написал он в ответ. *«Значительные передвижения пеших групп в Южной и Центральной Америке. Высший эшелон Красной Коллегии использует человеческих слуг для взаимодействия со смертными. Множество этих личностей были замечены в аэропортах за последние три дня. Все они направлялись в Мексику. Название Чичен-Ица что-либо говорит тебе?»*

Я хмыкнул. Информация Дональда Ваддерунга вроде бы подтверждается.

– Да, говорит.

Фортхилл кивнул и продолжил писать. *«В той местности есть священник. Он не сможет помочь вам в вашей битве, но он может предложить тебе и твоим людям укрытие, поддержку и безопасную эвакуацию с территории, когда вы закончите»*.

- Это выглядит так, как будто у нас мало проблем, для того чтобы планировать наше победоносное бегство, прежде чем мы узнаем, сможем ли мы туда пробраться, - хмуро буркнул я. – Я могу доставить нас примерно в ту местность, но не непосредственно к руинам. Мне надо чтобы он выяснил всё, что сможет о мерах безопасности, которые предприняла Красная Коллегия на той территории.

Фортхилл задумчиво секунду смотрел на меня. Затем он написал: « *Я попрошу его. Но мне нужен кто-то, кто будет говорить вместо меня*».

Я кивнул.

– Молли, ты с падре. Потом немного поспи, как только сможешь. Ведь в будущем до того, как мы отправимся, может уже и не быть такой возможности.

Она нахмурилась, но кивнула мне, вместо того чтобы начать возражать. Очень показательно, как призрак близкой смерти может заставить собраться лучше, чем веские доводы, даже такую упрямую и независимую ученицу.

Фортхилл поднял руку. « *Сначала мне нужно узнать, каким образом ты снова стал на ноги. Доктор Баттерс сказал, что твое ранение не даст тебе подняться с кровати*».

- Магия, - ответил я хладнокровно, и это прозвучало так, как будто бы всё объясняло.

Фортхилл пристально посмотрел на меня. Затем он написал; « *Мне слишком больно, чтобы я спорил с тобой. Давай сделаем звонки*».

- Спасибо, - произнес я спокойно.

Он кивнул и написал: « *Ступай с Богом*».

- Спасибо вам,- повторил я.

- Как насчет меня? – встрял Баттерс. В его голосе в равных частях бурлили страх и возбуждение.

- Надеюсь, нам больше не понадобится твоя помощь, - хмыкнул я. – Хотя... было бы неплохо, если бы ты оставался наготове. Просто... на всякий случай.

- Верно, - воскликнул Баттерс, кивая. – Что-нибудь еще?

Я щелкнул рукой и с трудом удержался, чтобы не сказать ему, что для него было бы лучше спрятаться под кроватью. Он и так это знал. Он был напуган, как кролик, в лесу полном медведей, но он хотел помочь. – Я думаю, у Отца Фортхилла есть машина. Да, отче?

Священник начал писать что-то, потом зачеркнул и махнул рукой в знак согласия.

- Оставайся с ними, - велел я. Вставив магазины в оба пистолета, я убедился, что изучил их достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что они выстрелят, когда я нажму на курок. – Как только Фортхилл закончит, отвезите его в больницу.

- Больницу, - повторил Баттерс. – Принято.

Фортхилл поморщился и написал: « *Ты уверен, что мы не должны сдать нашего визитера в полицию?*»

- Ничто в жизни не является бесспорным, Отче, - сказал я, поднимаясь. Я положил пистолеты в карманы плаща. – Но если вмешается полиция, они наверняка будут задавать множество вопросов и им потребуется множество часов на то, чтобы попытаться во всём разобраться. Я не могу попусту потратить это время.

«*Ты не думаешь, что этот бандит обратится к копам?*»

- И что он им скажет? – холодно спросил я. – Что его похитил священник из Святой Марии? Затем мы его избили и забрали его нелегальное оружие? – я покачал головой. – Он не больше нас хочет, чтобы копы вмешивались во все это. Это бизнес для него. Он пойдет на сделку и кое-что нам расскажет, если это будет означать, что он уйдет отсюда.

«*И мы отпустим убийцу на свободу?*»

- Это несовершенный мир, Отче, - пожал я плечом. – С другой стороны, вы не нанимаете профессиональных киллеров для расправы с милыми старыми леди и щенками. Большинство людей, на которых этот парень получал заказы, были преступниками. Я гарантирую, это – в основном те, кто собирался изменить своё положение в Организации. Рано или поздно кому-то из них чуть больше повезет, и наемный убийца исчезнет.

«*Пришедший с мечом от меча и погибнет*» - написал Фортхилл.

- Точно.

Он покачал головой и вздрогнул, поскольку движение вызвало у него дискомфорт. «*Это будет очень тяжело, помочь мужчине, такому как этот*».

Я хмыкнул.

– Это благородное намерение, падре, но такие парни как он не хотят ничьей помощи. Просто не видят в этом нужды, – я пожал плечами. – Некоторые люди просто наслаждаются убийством.

Он тяжело нахмурился, но ничего не написал в ответ. Сразу после этого раздался легкий стук в дверь, и Саня, не дожидаясь приглашения, появился в проеме.

– Дрезден, - сказал Рыцарь. – Он пришел в чувство.

Я поднялся, и Мыш поднялся со мной.

– Круто. Может быть, стоит начать звонить, падре?

Фортхилл вместо кивка поднял вверх палец. Я вышел. Мыш бесстрастной тенью держался за моей спиной; мы направились в служебное помещение поговорить с нашим... гостем, я полагаю.

Крепко сложенный наемник лежал на спинодержателе, словно в коконе из клейкой ленты.

-Подними его вверх, - попросил я.

Саня, с небрежной легкостью, поднял бандита, спинодержатель и все остальное и прислонил под небольшим углом к стене.

Наемный убийца наблюдал за мной спокойным взглядом. Я поднял бумажник, лежавший на маленьком раскладном карточном столике, который мы поставили, и раскрыл его.

– Стивен Дуглас, - прочитал я на водительских правах. – Это ты?

- Стиви Ди, - представился он.

- Слыхал о тебе. – Это ты сделал Торелли пару лет назад.

Он едва заметно улыбнулся.

– Я не знаю Торелли.

- Угу, я так и думал, - буркнул я.

- Как он? – спросил Стиви Ди.

- Кто?

- Маленький парень.

- В порядке, - я прищурился. – Носил под одеждой кевлар.

Стиви Ди кивнул.

– Хорошо.

Я приподнял бровь.

– Профессиональный убийца счастлив, что он никого не убил?

- Ничего не имел против него. Не получал за него плату. Не хочу отмотать срок за убийство не того парня. Это непрофессионально. Но всё, что я слышал о тебе, говорило, что мне надо стрелять без промедления, поэтому я убрал его с пути.

- Стиви, - начал я, - это можно решить несколькими разными путями. Простейший – ты сообщаем нам, кто тебя нанял, и мы тебя отпускаем.

Он прищурился.

– Никаких копов?

Я одной рукой показал на его путы.

– Разве ЭТО выглядит так, как будто мы хотим впутывать сюда копов? Сдай нанимателя и ты свободен, как только мы сможем снять ленту.

Он задумался на мгновение, обдумывал это. Потом покачал головой.

- Неа.

- Нет?

Он сделал движение, которое должно было означать пожатие плеч.

– Сделай я так для вас и я больше никогда не найду работу. Люди нервничают, когда подрядчик разглашает персональную информацию о клиенте. Я должен думать о долгосрочной перспективе.

Я кивнул.

– Я могу уважать это. Тайна сделки и все такое.

Он чуть кивнул.

- Итак, мы переходим к варианту номер два. Я собираюсь позвонить Марконе. Я собираюсь все ему рассказать и собираюсь спросить его, заинтересован ли он в разговоре с тобой, Стиви. Я уверен, он захочет узнать, кто покупает хиты на его территории. Что это будет означать для твоей долгосрочной деятельности, как ты думаешь?

У Стиви сдали нервы. Он облизнул губы.

– Хм, - напрягся он. – Какой третий вариант?

Саня выступил вперед. Он широко улыбнулся стрелку, безо всяких усилий поднял спинодержатель над полом, и самым низким голосом с самым густым русским акцентом зловеще проговорил:

- Я подниму эту доску выше, разломаю на две половины и брошу обе половины в установку для сжигания мусора.

Стиви Ди выглядел как человек, который внезапно понял, что он сидит на гнезде шершней и отчаянно пытается не убежать, захлебываясь криком. Он снова облизнул губы.

– Половина из того, что я слышал о тебе, говорит, что Марконе хочет твоей смерти, что ты ненавидишь его бизнес. Другая половина говорит, что ты иногда на него работаешь. Устраняешь людей, которых, как он считает, нужно убрать.

- На твоём месте, Стиви, я бы не придавал слишком большое значение слухам, - криво ухмыльнулся я.

- Почему это? – спросил он.

- Выясни это. Не говори мне ничего.

Саня поставил его обратно. Я, выжидая, смотрел на него, стоя напротив и засунув руки в карманы.

– Хорошо, - вздохнул он, наконец. – Тёлка.

- Женщина, ха! Кто?

- Без имени. Платила наличными.

- Опиши её.

Бандит кивнул.

– Пять и девять, длинные ноги, карие глаза, - перечислил он. – Мускулистая, весит примерно пятьдесят. Длинные темные волосы. Имеет татуировки на лице и шее.

Моё сердце замерло в груди.

Я запечатал наглухо каждую дверь и окно в голове, чтобы закрыть бурю, которая внезапно взвыла в моём сердце. Мне нужно оставаться собранным. Я не мог позволить внезапному всплеску эмоций утопить мою способность четко мыслить.

Я полез в карман и достал оттуда собственный бумажник. Я хранил фотографию Сьюзен так долго, что когда вытащил ее, на пластике остались частички краски. Я показал наемнику фото.

Убийца покосился и кивнул.

– Угу, - сказал он. – Это она.

Глава 33

- Мне нужны подробности, - я был невозмутим.

- Она назвала место, где ты будешь. Дала мне двадцать тысяч задатка, двадцать на депозите после выполнения заказа.

Мыш издал тихий, неуютный звук, который был весьма похож на хмыканье. Он сидел, пристально глядя мне в лицо.

- Когда?

- Прошлой ночью.

Я мгновенно смотрел на Стиви. Потом я бросил его бумажник на раскладной карточный столик.

- Освободи его и проводи к двери.

Саня издал нечто, очень похожее на вздох разочарования. Затем он достал нож и начал разрезать держащие Стиви путы.

Я, с поникшей головой, напряженно размышляя, вышел обратно в коридор, ведущий к жилым помещениям.

Сьюзен наняла бандита, чтобы убить меня. Почему?

Я остановился и прислонился к стене. Зачем она вообще наняла убийцу? Или, черт побери, по-другому, - почему она наняла *бандита* для моего убийства? Почему не кого-то, у кого были бы большие шансы на успех?

Конечно, наемник может убить даже чародея, если застанет врасплох. Но... Пистолет должен быть нацелен на опасно близком к чародею расстоянии, чтобы было больше шансов на попадание, а у Стиви Ди была репутация беспринципного специалиста именно такого оружия. Это означает, что у чародея будет больше времени отреагировать на приближение опасности, чем быть предупрежденным

только тогда, когда дальнобойная пуля из снайперской винтовки ударит его в грудь, и будет уже поздно отвечать быстрой защитной магией. Это был едва ли идеальный подход.

Если Сьюзен хотела моей смерти, ей не было нужды нанимать кого-либо. Какой-нибудь предлог, чтобы нас оставили одних и еще один, чтобы подойти очень близко. И я бы не заметил приближения смерти.

Как-то это все не увязывалось друг с другом. Я бы назвал Стиви лжецом, но я не думаю, что это было бы верно. Я уверен, он верил в то, что говорил.

Итак, или Стиви лгал, а я был слишком недалеким, чтобы раскусить его, или он говорил правду. Если он лгал, учитывая то, что я мог с ним сделать, он был идиотом. А я не думаю, что он им был. Если он говорит правду, это означает...

Это означало, что или Сьюзен действительно наняла кого-то убить меня, или кто-то, выглядящий как Сьюзен, договорился со Стиви Ди. Если Сьюзен наняла кого-то убить меня, почему именно этого парня? Зачем нанимать кого-то с минимальными шансами на успех? Это больше похоже на работу Эстебана и Эсмеральды.

Это всё объясняло гораздо лучше. Зелено-голубые глаза Эсмеральды могли заставить его запомнить, что его нанял Мистер Гнусавость, если бы она так пожелала. Но откуда она знала, где найти меня? Неужели они нашли способ избежать внимания Мыша и проследить нас от моей сгоревшей квартиры до церкви?

И где, черт побери, были Сьюзен и Мартин? У них было больше, чем достаточно времени, чтобы добраться сюда. Итак, почему их здесь не было?

Кто-то управлял игрой против меня. У меня появилось плохое предчувствие, что если я не начну получать ответы на вопросы, проблема разрастется и вцепится мне в задницу в самый неподходящий для этого момент.

Верно.

Я полагаю, это означает, что самое время получить кое-какие ответы.

Паранойя это жизненная необходимость, когда вы возвращаетесь в моих кругах. Она находит вам занятие в ваше свободное время, приходит на помощь в решении смешных проблем, которые и не думали возникать. Кроме того единственного случая, который сбывается и который её полностью оправдывает.

Для примера. Я потратил гораздо больше двух часов свободного времени, пытаюсь выяснить, как я могу выследить кого-то в Чикаго, если у меня нет частички объекта или его вещей для заклинания поиска. Простейшая поисковая магия полностью зависит от того, если ли у вас частичка того, что вам надо найти. Волосы, кровь и обрезки ногтей - это обычные вещи. Но предположите, что у нас нет ничего из этого, а вам надо найти кого-то. Если у вас есть для образца что-то из вещей разыскиваемого: клочок одежды, этикетка, только что сорванная с нижнего белья, что угодно, вы можете это использовать для поиска.

Но скажем, дела настолько безнадежные и безумные... и кто-то только что спалил дотла ваш дом и вашу лабораторию, а вам всё еще нужно выследить кого-то.

Вот когда вам нужна хорошая, четкая фотография. И «мелкие сошки». Множество «мелких сошек». Предпочтительнее тех, кто не потребует высокой оплаты.

Менее чем в двух кварталах от Святой Марии находилась пиццерия «Экспресс Пицца». Именно туда мы с Саней и направились. Я сделал заказ.

- Я не вижу, как это может помочь нам, - заявил Саня, когда я вышел, нагруженный четырьмя коробками пиццы.

- Ты привык решать свои проблемы простым путем, - ухмыльнулся я. - Выбиваешь дверь, рубишь каждого, кто выглядит злодеем, спасаешь каждого, кто выглядит так, как будто в этом нуждается. Верно?

- Это не всегда так просто, - натянуто возразил Саня. - Иногда я использую автомат.

- И, поэтому я аплодирую тебе, это очень прогрессивно. Но смысл в том, что ты делаешь свою работу очень прямолинейно. Тебе в значительной степени известно, куда ты направляешься, либо ты получаешь точные указания, и тебе остается только позаботиться о работе.

- Да,* - согласился Саня, пока мы шли вперед. – Я полагаю.

- Моя работа, примерно, такая же. – За исключением того, что никто никогда не подсказывает мне путь.

- Тебе нужно знать, куда идти, - сказал Саня.

- Да.

- И ты собираешься консультироваться с четырьмя большими пиццами?

- Да, - весело ответил я.

Большой парень задумчиво нахмурился. Затем заявил:

- Я думаю, этот юмор не очень хорошо переводится с английского на здравый смысл.

- Зато это очень хорошо подходит для агностика Рыцаря Креста со Святым Мечом, который принимает заказы от архангела, - хмыкнул я.

- Гавриил может быть пришельцем или кем-то еще, - ответил Саня невозмутимо. – Это не уменьшает важности того, что я делаю, ни для меня, ни для тех, которых я защищаю.

- Кого, - поправил я с максимальным русским акцентом, который только смог вложить в одно слово. – Кое-кто хорошо поработал над своим английским.

Саня каким-то образом умудрился посмотреть на меня сверху вниз, невзирая на тот факт, что я все-таки на несколько дюймов выше.

– Я только говорю, что я не нуждаюсь в письменном кодексе духовной веры, чтобы действовать, как порядочный человек.

- Твой путь более эксцентричный, чем мой, приятель, - оскалился я, сворачивая в переулок. – А я разговариваю с пиццей.

Я разложил четыре коробки с пиццей на крышках стоявших поблизости мусорных баков и осмотрел округу, чтобы быть уверенным, что рядом никого нет. Близился обеденный перерыв, а это не было лучшее время для того, что я собирался сделать, но это должно было сработать. Я оглянулся, внимательно посмотрел в обе стороны переулочка, вздохнул и только тогда кое-что вспомнил.

- Эй, Саня. Воткнешь пальцы себе в уши?

Большой русский изумленно глянул на меня.

– Что?

- Свои пальцы, - сказал я, помахивая руками, - себе в уши. – Я показал на свои уши.

- Я понял слова, ведь я именно тот, кто поработал над своим английским. Зачем?

- Потому что я собираюсь сказать кое-что пицце и не хочу, чтобы ты это слышал.

Саня посмотрел на небеса длинным многострадальным взглядом. Потом он вздохнул и заткнул уши.

Я одобрителем показал ему поднятый большой палец, отвернулся, руками прикрыл рот, так чтобы никто не смог прочитать по губам, и начал шептать имя, снова и снова, каждый раз вкладывая в него свою волю.

Я повторил имя только дюжину раз или около того, прежде чем над головой промелькнула тень, и что-то размером с охотничьего сокола обрушилось с небес, смазано махая крыльями, и запорхало примерно в двух футах передо мной.

- *Bozhe moi!* – пробормотал Саня, и Эсперакиус был уже на полпути из ножен, когда он закончил говорить.

Я не смог удержаться и не съязвить:

– Есть некая настоящая ирония в твоём использовании этого выражения, О Рыцарь Быть Может.

- Вперед! - Протрубил звонкий голос, словно актер, играющий шекспировскую пьесу. – Берись за меч, каналья! * И мы посмотрим, кто истечет до смерти кровью от тысяч маленьких порезов!

Саня стоял с открытым ртом, его сабля всё ещё частично была в ножнах.

– Это... - Он потряс головой, как будто кто-то ужалил его в нос. – Это... *domovoi, da?*

Небольшое воинственное существо оказалось стройным, атлетическим юношей, почти пятнадцати дюймов ростом, с прозрачными стрекозьими крыльями, растущими из плеч и копной пушистых, как одуванчик, лавандовых волос. Он был одет в одежды, которые выглядели так, словно были сняты с куклы Джо: оливково-серое обмундирование парашютиста с обрезанными рукавами и дырочками, прорезанными для крыльев. Он носил слишком много оружия для своего роста; большинство из него

на нейлоновых ремешках, похожих на веревочки от бейджей, которые выдают на конвенциях. Один нож для писем висел у него на боку, как длинный меч, еще два пересекали друг друга за его спиной. Я подарил ему несколько ножей для разрезания бумаги на последнее Рождество, посоветовав держать половину в безопасном месте, как резервное оружие.

- *Domovoi*? – разъяренно воскликнул маленький фейри. – О, нет, как ты смеешь!

- Полегче там, генерал-майор, - серьезно проговорил я. – Саня, это - генерал-майор Тук-Тук Минимус, капитан моей домашней стражи. Тук, это - мой добрый товарищ Саня, Рыцарь Креста, который встречает опасность на моей стороне. Он хороший.

Фейри затрясся от возмущения.

– Он русский! И он даже не заметит различия между *domovoi* и *polevoi*, когда увидит их в двух футах от себя! - и Тук-Тук горячо затараторил по-русски, тыча в высокого Рыцаря пальцем.

Саня ошарашено слушал, но потом моргнул, отпустил саблю и поднял вверх руки. Он что-то произнес, что прозвучало мрачно и очень формально, и только тогда гнев Тука немного уменьшился. Он сказал Саня одно или два грубо звучащих слова, присовокупил к этому резко вздернутый подбородок, словно воскликнул: « Вот так », и повернулся обратно ко мне.

- Тук, - удивился я. – Неужели ты говоришь на русском языке?

Он удивленно глянул на меня.

– Гарри, - сказал он, словно в этом вопросе не было никакого смысла, - ты только что сказал это, не так ли? – он официально мне поклонился. - Чем могу служить тебе, мой лорд?

Я присмотрелся к нему чуть более внимательно.

– Почему половина твоего лица раскрашена в синий цвет?

- Потому что мы теперь Зимние, мой лорд! – отчеканил Тук. Его глаза несколько раз резко покосились вниз и в сторону. – И... скажи, это ведь не означает, что мы должны будем, есть холодную пиццу, так ведь?

- Конечно, нет, - совершенно серьезно кивнул я.

Тук выглядел успокоившимся.

– Ох. Хорошо. Гм. Так о чем мы говорили?

- У меня есть работа для тебя, - официально начал я, - и для каждого, кого ты сможешь позвать на помощь. – Я кивнул на пиццу. – Тариф обычный.

- Очень хорошо, мой лорд, - отсалютовал Тук. Его взгляд снова скользнул вниз. – Может быть, кто-то должен проверить пиццу. Ты знаешь. На яды и всё такое. Это будет плохо выглядеть, если кто-то отравит твоих вассалов, ты ведь понимаешь?

Я подозрительно посмотрел на него. Затем поднял вверх палец.

– Всё верно. Один кусочек. И после – вперед!

Тук набросился на коробку с пиццей, как большая белая акула набрасывается на тюленя. Он врезался в неё, одним быстрым ударом срезал крышку и, схватив самый большой кусок пиццы, начал жадно поглощать его.

Мы с Саней смотрели на это словно загипнотизированные. Тук был похож на человека, пытающегося съесть кусок пиццы величиной с автомобиль. Кусочки подлетали вверх и нанизывались на лезвие его меча. Соус разлетался повсюду, словно ретроспектива событий на Каменном Столе.

- Гарри? – спросил Саня, внимательно глядя на меня. – С тобой всё в порядке?

- Скоро будет, - пробормотал я.

- Это создание служит тебе? – спросил Саня.

- Этот и еще примерно с сотню меньше этого. И в пять раз больше работников я могу призвать на неполный рабочий день время от времени, – я задумался над этим. – Они служат мне не совсем так, как это понимается под деловыми соглашениями, которые мы все так любим. Они помогают мне иногда. За это я регулярно снабжаю их пиццей.

- Которую они... любят, - глядя на уничтожаемую пиццу, сказал Саня.

Тук от удовольствия закружился волчком на пятке и упал на спину с совершенно беззастенчивым восторгом; его животик выпирал так сильно, что казалось вот-вот лопнет. Он пару мгновений полежал там, издавая счастливые, булькающие звуки.

- Нуу, - сказал я. – Да.

В Саниных глазах танцевали чертенята, но его лицо было серьезным.

– Ты - наркоторговец. Такие крошечные фейри. Позор.

Я фыркнул.

- А что он сказал насчет Зимних? – спросил Саня.

- Гарри – новый Зимний Рыцарь! – пробормотал Тук-Тук. – Это фантастика! Старый Зимний Рыцарь главным образом сидел без дела, замученный пытками. Он никогда не отправлялся на приключения или что-нибудь такое, – он помолчал и добавил, - если не считать приключением схождение с ума, я полагаю.

- Тук, - вздохнул я. – Я... так сказать, пытаюсь сохранить всё, связанное с Зимним Рыцарем в тайне.

- Хорошо, - откликнулся Тук. – Почему?

Я перевел взгляд с маленького фейри на Саню.

– Послушай, я, хм... Это личное, хорошо, и...

- Потому что каждое существо в Небывальщине увидело церемонию, - гордо сказал Тук. – Мэб позаботилась об этом! Она отражалась во всех ручьях, прудах, озерах и лужах и в каждой мельчайшей капле воды!

Я уставился на объевшегося фейри, потеряв дар речи.

– Хм, - сказал я. – Эээ. Как это... очень, очень волнительно.

- Это было больно, когда ты целовал Мэб? – спросил Тук. – Потому что я всегда думал, что её губы выглядят такими холодными, что могут обжечь. Как уличные фонари зимой! – Тук внезапно сел, его глаза округлились. – Оооооох. Неужели твой язык примерз к ней, как на том Рождественском шоу?

- Лллааааднооо, - я, с притворным воодушевлением, захлопал в ладони. – Это - слишком личное. Работа. У меня есть для тебя работа.

Тук-Тук подскочил на ноги. Его живот уже практически сжался до нормального размера.

– Да, мой лорд!

Как, черт побери, он запихнул всё это? Я имею в виду..., это просто невозможно для него, съесть так много пиццы и тогда... Я потряс головой. Сейчас не время для этого.

Я показал ему фотографию Сьюзен.

– Этот человек где-то в Чикаго. Мне нужен твой народец, чтобы отыскать её. Её, вероятно, сопровождает человеческий мужчина с белыми волосами, примерно такого же телосложения.

Тук снова поднялся в воздух и ласточкой нырнул вниз, к фото. Он поднял его и, держа на расстоянии вытянутых рук, внимательно изучив, кивнул один раз.

– Могу я взять его, мой лорд, и показать остальным?

- Конечно. Тем не менее, будь аккуратным с ним. Я хочу получить его обратно.

- Да, мой лорд! – козырнул Тук. Он браво отсалютовал мечом, убрал его и молнией взмыл вверх в октябрьское небо.

Саня стоял, не сводя с меня глаз.

Я кашлянул. Я ждал.

- Итак, - наконец начал он. – Мэб.

Я неразборчиво буркнул в ответ.

- Ты попал, - утвердительно заявил Саня.

Я не смотрел на него. Мое лицо пылало.

- Ты, - он до хруста поморщил нос, копаясь в памяти, - вставил этой заднице. Вероятно, это было клёво.

- Саня!

Он низко, раскатисто рассмеялся, покачивая головой.

– Я видел её однажды. Мэб. Неописуемо прекрасна.

- Угу, - надулся я.

- И смертельно опасна.

- Да, - ответил я с акцентом.

- И ты теперь её чемпион, - подвел черту Саня.

- Каждый должен быть кем-то, верно?

Он кивнул.

– Шутить насчет этого. Хорошо. Тебе потребуется чувство юмора.

- Почему ты говоришь это?

- Потому что она олицетворенный холод, Дрезден. Она знает злые тайны, которые позабыло само Время. И если она выбрала тебя своим Рыцарем, значит, у неё есть план в отношении тебя, – он медленно кивнул. – Смейся всякий раз, когда сможешь. Это спасет тебя от самоубийства, когда все будет действительно плохо. Это и водка.

- Это какая-то русская поговорка? – спросил я.

- Ты когда-нибудь видел национальные народные танцы? – вопросом на вопрос ответил Саня. – Вообрази себе, что ты танцуешь после выпитой бутылки водки. Больше смейся, и ты переживешь еще один день, – он пожал плечами. – Или сломаешь шею. В любом случае, это - обезболивающее.

Его голос казался почти веселым, хотя предмет обсуждения был дьявольски мрачным. Если не сказать более.

Я ожидал от него попытки отговорить меня. Или, по крайней мере, отругать меня за то, что я был таким идиотом. Он не сделал ни одного, ни другого. Это спокойное принятие ужасных вещей было неотъемлемой частью индивидуальности русского. Независимо от того, насколько все было плохо, я не думаю, что что-нибудь может действительно беспокоить его. Он просто принимал плохие вещи, которые случались, и разбирался с ними в меру своих сил.

Это, в какой-то степени, было уроком для меня.

Я немного помолчал, прежде чем решил довериться ему.

– Я должен сначала спасти мою девочку. Такова сделка.

- Ааа, - Он некоторое время обдумывал это, затем кивнул. – Это разумно.

- Ты действительно так думаешь?

Он приподнял обе брови.

– Ребенок это - твоя кровь? Так ведь?

Я кивнул и тихо произнес:

- Она моя.

Он развёл руками, как будто это было очевидным фактом, не нуждающимся в дальнейших разъяснениях.

- Тяжелые времена требуют правильных решений, - сказал он. – Достойная цель. Спаси свою маленькую девочку, – он хлопнул меня по плечу. – Если ты превратишься в ужасного монстра, и меня пошлют убить тебя, я вспомню это и сделаю твою смерть быстрой и безболезненной, в знак уважения к тебе.

Я знал, что он шутит. Я просто не мог сказать, в какой именно части.

– Хм, - немного опеший, пробормотал я. – Спасибо.

- Пустяки, - улыбнулся Саня.

Мы стояли молча около пяти минут, прежде чем он, задумчиво нахмурившись, посмотрел на коробки с пиццей и спросил:

- Остальная их часть для чего-то пре...

Сцена из фильма «Птицы» разворачивалась в переулке. Резкое дуновение взбитого крыльями ветра, и сотни крошечных фигур спикировали на пиццу. Здесь и там я замечал гвардейцев из охраны Пицца-Лорда, опознавая их благодаря оранжевым футлярам пластиковых ножей, которые они носили на спинах. Остальные, приглушенные дневным светом, мерцали и переливались всеми цветами радуги, чертовски прекрасные. Их было множество. Множество привлеченного Маленького Народца. Если бы я сделал это ночью, это могло бы повлечь за собою неприятности, или что-нибудь подобное.

Маленький Народец любит пиццу. Они любят её страстью такой сильной, что это выходит за границы воображения. Наблюдать за тем, как жадно поглощается пицца, было сродни наблюдению за разваливающимся в воздухе самолетом из записанных на бобины хроник Второй Мировой войны. Кусочки отрывались здесь и там, и затем внезапно разлетались в стороны, каждый уносимый тем фейри, который успел схватить его первым.

Все было закончено меньше чем за три минуты.

Серьезно. Куда в них столько вмещается?

Тук появился передо мною, запихивая в рот маленький кусочек пиццы. Он проглотил его и отсалютовал.

- Ну, генерал-майор? – строго спросил я.

- Нашли её, мой лорд, - отрапортовал Тук. – Она - пленник и в опасности.

Мы с Саней обменялись взглядами.

- Где?

Тук крепко держал, все еще целое, фото своими крошечными руками и две нити темных волос, каждый из которых был завит в отдельную маленькую катушечку.

– Две волосинки с её головы, мой лорд. Или, если вы пожелаете, я отведу вас туда.

Саня, запрокинув голову, чуть отступил впечатленный.

– Они нашли её? Так быстро?

- Люди чертовски недооценивают Маленький Народец, - сказал я тихо. – В рамках своего поля деятельности они лучше любого, кого я знаю, для добычи информации. И множество из тех, кто кружится вокруг Чикаго, желают помочь мне время от времени.

- Слава Пицца-Лорду! – пронзительно закричал Тук-Тук.

- Слава Пицца-Лорду! – ответил хор писклявых голосов, которые прозвучали из ниоткуда.

Маленький Народец может быть почти невидимым, когда захочет этого.

- Генерал-майор Минимус, так держать и я сделаю вас полным генералом, - торжественно заявил я.

Тук застыл.

– Почему? Это плохо? Что я сделал?

- Это хорошо, Тук. Это выше, чем генерал-майор.

Его глаза расширились.

– Еще выше?

- О, да, определённо. И ты на кратчайшем пути к самой верхушке, - я взял у него волоски. – Мы возьмем машину. Отведи нас к ней, Тук.

- Да, сэр!

- Хорошо, - Саня ухмыльнулся. – Теперь мы знаем, куда идти и кого спасать. Эта часть работы мне знакома.

Глава 34

- По правде говоря, - задумчиво произнес Саня, спустя несколько минут, - обычно я не штурмую здания штаб-квартиры Федерального Бюро Расследований. Тем более, в разгар трудового дня.

Мы припарковались через квартал от офиса Чикагского ФБР, на который нам указал Тук. Маленький фейри уселся на приборной панели и всю дорогу выпытывал у Сани, почему он не арендовал машину, которая может летать, вместо этого убогого, старого, тесного фургона. Тук в любом случае не воспринял серьезно ответ, что «таких машин не существует». Он пробурчал несколько слов по-русски, от которых Саня только шире улыбнулся.

- Проклятье, - я смотрел на здание. – Тук? Мартин был с ней?

- Желтоволосый? – Тук, сидя на приборной доске, смотрел на нас, помахивая ногами. – Нет, мой лорд.

Я заворчал:

– Мне, в любом случае, не нравится это. Почему они не взяли их обоих? На каком она этаже, Тук?

- Там, - Тук, показал. Я наклонился и присел на корточки позади него так, чтобы мои глаза находились на уровне его пальца.

- Четвертый, - посчитал я. – Там, где Тилли беседовал со мною.

Саня наклонился вниз и, вытянув полуавтоматический пистолет, который он прятал под сиденьем фургона, загнал патрон в патронник; его глаза не отрываясь, смотрели в боковое зеркало.

– Компания.

Лысый, слегка полноватый бомж в потёртом пальто и одежде с чужого плеча волочил ноги вниз по тротуару. Однако он двигался чересчур целеустремленно в нашу сторону, чтобы это было подлинным. Подготовив браслет – щит я следил за его руками, ожидая, что он вытянет оружие из-под плаща, и только, когда он подошел на расстояние нескольких шагов я понял, что это был Мартин.

Он остановился на тротуаре возле пассажирского окна фургона и зашатался на месте. Постучав в стекло, он протянул руки, словно выпрашивая милостыню. Я опустил вниз стекло.

- Что случилось?

- ФБР сделало работу, требующую беготни, - просипел он. – Они отследили по нашей арендованной машине моё поддельное удостоверение, получили моё фото, показали его по ТВ. Один из детективов, который нас разыскивал, сообщил, что меня видели у тебя дома, они поджидали там, когда мы вернулись за тобою. Сьюзен отвлекла их внимание, поэтому я смог улизнуть.

- Ха! И ты оставил её?

Он пожал плечами.

– У неё подлинное удостоверение, и пока они знают только то, что она прибыла вместе со мною и нас видели вместе. Они не смогут ей ничего инкриминировать. Я на оперативных заданиях достаточно долго, и Красная Коллегия позаботилась о том, чтобы я был в международном списке разыскиваемых террористов. Если бы меня поймали, то задержали бы нас обоих.

Я хмыкнул.

– Что ты выяснил?

- Этим утром приезжают последние члены близкого круга Красного Короля. Они проведут церемонию этой ночью, - сказал он. – В полночь, или немного позже, если наш астрономический прогноз верен.

- Дерьмо.

Мартин кивнул.

– Как быстро ты сможешь доставить нас туда?

Я коснулся кончиками пальцев маминого камня и перепроверил путь.

– Туда нет прямого пути. Три перелета, пара прогулок, одна из них по плохой местности. Вся дорога должна занять у нас примерно девяносто минут. Мы выйдем на расстоянии пяти миль от Чичен-Ицы.

Мартин несколько долгих мгновений смотрел на меня. Потом выдавил:

- Я не могу не найти это несколько своевременным, то что ты внезапно оказался способен обеспечить быструю доставку нас именно туда, куда надо.

- У Красной Коллегии были свои положительные герои, нашедшие пересечение линий лея, - спокойно сказал я, - место, наполненное магической силой. Чичен-Ица - это подобное пересечение, только больше. Чикаго - это перекрёсток, физический и метафизический. Существует множество пересечений в городе или в пределах двадцати пяти миль. Пути, которые я знаю через Небывальщину, в основном идут от пересечения к пересечению, поэтому из Чикаго есть прямые маршруты во множество мест.

Саня издал заинтересованный звук.

– Как аэропорт в Далласе или Атланте. Или здесь. Транспортный узел.

- Именно.

Мартин кивнул, хотя не было похоже, что он верил или не верил мне.

– Это даёт нам немного больше, чем девять часов, - посчитал он.

- Церковь пытается добыть для нас информацию о мерах безопасности в Чичен-Ице. Дожидайся нас в Святой Марии, – я выгреб из карманов и вручил ему разменную мелочь. – Передай им, что Гарри Дрезден сказал, что ты не являешься Стиви Ди. Мы выдвинемся оттуда.

- Ты... - Мартин чуть покачал головой. – Ты заручился поддержкой Церкви?

- Блин, парень. У меня Рыцарь Креста вместо шофера.

Саня пренебрежительно фыркнул.

Мартин изучающе посмотрел на Саню чуть расширенными глазами.

– Я... вижу. – Какая-то энергия казалось, проникла в него. Я точно знал, что он чувствовал – прилив позитивных эмоций, накал, который приходит с внезапным осознанием того, что мало того, что смерть не была бесспорной, но и что победа могла быть действительно достигнута.

Надежда – это сила природы. Не позволяйте никому разубедить вас в этом.

Мартин кивнул.

– Как насчет Сьюзен?

- Я вытяну её, - твердо заявил я.
Мартин склонил голову в маленьком поклоне. Потом он глубоко вздохнул и просто сказал:
- Спасибо тебе. – Затем он повернулся и шаркающей пьяной походкой, сжав монеты, пошел прочь.
- Выглядит пристойным товарищем, - сказал Саня. Его ноздри чуть раздулись. – Полувампира, ты говоришь? Братство Святого Жилия?
- Ага. Как Сьюзен, – я смотрел, как Мартин исчезает в толпе спешащих на обед жителей Чикаго, и процедил:
– Я не уверен, что доверяю ему.
- Я бы заметил, что эти чувства обоюдны, - улыбнулся Саня. – Когда человек живёт такой жизнью, как Мартин, он учится не доверять никому.
Я мрачно пробурчал.
– Прекрати быть разумным. Я наслаждаюсь неприязнью к нему.
Саня хохотнул.
- Итак. Что теперь?
Я вытащил пистолеты из карманов плаща и запихнул их под пассажирское сиденье микроавтобуса.
– Ты возвращаешься обратно в Святую Марию. Я захожу, вытягиваю Сьюзен и встречаюсь там с тобой.
Саня приподнял брови.
– Ты вытащишь её оттуда?
- Конечно.
Саня задумчиво прикусил губу, затем пожал плечами:
– Хорошо. Я полагаю, что это - твои похороны, *da*?
Я твердо кивнул:
- *Da*.

Я зашел в здание и прошел через металлодетекторы. Они запищали. Я остановился, сложил все кольца и браслет в пластиковую коробочку и попробовал снова. На этот раз меня сопровождала тишина. Получив свой хлам обратно, я направился к сооружению в центре зала, которое выглядело как справочная стойка. Я продемонстрировал одну из своих карточек, ту, на которой я значился частным сыщиком. У меня, их осталось всего лишь с полдюжины. Остальные сгорели вместе с моим письменным столом и моим офисом.

– Мне нужно поговорить с агентом Тилли относительно его нынешнего расследования.
Женщина за стойкой сухо кивнула, позвонила Тилли в офис и спросила, желает ли он меня видеть. Она кивнула еще раз.

- Да, сэр, - и улыбнулась мне. – Вам необходим жетон посетителя. Держите. Позаботьтесь о том, чтобы он был всё время на виду.

Я взял бэйдж и закрепил его на пыльнике.

– Спасибо. Я знаю правила.

- Четвертый этаж, - сказала она и кивнула следующему в очереди за мной.

Я прошелся к лифтам, поднялся на четвертый и подошел к офису Тилли, который был прямо через коридор от допросной комнаты. Тилли - маленький, щеголеватый и выглядящий шустрим - стоял в дверном проёме, рассматривая какие-то бумаги в желто-коричневой папке. Он дал мне увидеть фото Сьюзен, прикрепленное внутри, прежде чем закрыл папку и перевернул ее в руках.

- Итак, - усмехнулся он. – Это мистер Известный Сообщник. Просто отлично. Мне в любом случае надо снова поговорить с тобой.

- Я популярный парень на этой неделе, - хмыкнул я в ответ.

- И не говори! – внимательно глядя на меня, произнес Тилли. Он, нахмурившись, развел руками. – Итак, у нас есть машина, арендованная таинственным мужчиной, использующим поддельное удостоверение, которая была найдена непосредственно возле взорванного здания. У нас есть клятвенные свидетельские показания от двух местных детективов, утверждающих, что длинноногую красавицу по имени Сьюзен Родригес видели в его компании. У нас есть в лепешку раздавленный «Фольксваген Жук», принадлежащий Гарри Дрездену и ущерб на семьдесят тысяч долларов,

нанесенный расположенному неподалеку дому местного, не внушающего доверия, копа из отдела внутренних расследований, который окончательно заврался, указывая на тебя. У нас есть записи, которые говорят, что Сьюзен Родригес была твоей подругой. Свидетели видели обоих - её и загадочного мужчину, в твоей квартире, которая выглядит слишком чистой, чтобы приписать тебе незаконную деятельность. Но, прежде чем мы смогли вернуться обратно и действительно хорошо всё осмотреть, она сгорает дотла. Начальник пожарной команды всё еще расследует улики, но его первое впечатление - поджог. – Тилли задумчиво почесал подбородок. – Я не знаю, как именно ты связан с ходом расследования, но так как слишком много параллелей проходит между небольшим количеством людей и событиями, это может быть индикатором, что замышляется что-то гнусное.

- Гнусное, ха?

Тилли кивнул.

– Хорошее слово, не так ли? – он поморщил нос. – Разочаровывает меня то, что мои инстинкты говорят, что ты со мною достаточно откровенен. Во многом держишь язык за зубами, но откровенен. Я полагаю, что всегда лучше использовать расположенного к тебе человека, чем ловить его на слове, ха!

-Наверное, - скривился я. – Но не ты. По крайней мере не со мной.

Он пожал плечами.

– Возможно. Возможно. – Он оглянулся. – Что ты думаешь?

- Я думаю, ты снова играешь с динамитом, Тилли, - раздался голос Мёрфи.

- Мёрф, - улыбнулся я с облегчением. Я выглянул из-за Тилли и помахал ей. Она глянула на меня и покачала головой.

– Проклятье, Дрезден. Ты можешь делать хоть что-нибудь спокойно и аккуратно?

- Ни в коем случае, - оскалился я. – Это - единственная вещь, которая удерживает Тилли от решения, что я - подрывник.

На долю секунды уголки ее рта поднялись вверх. Мерфи мягко спросила:

- С тобою всё в порядке?

- Они спалили мой дом, Мёрф, - я закрипел зубами. – Мистер смог выбраться, но я не знаю, где он. Я знаю, что сейчас пропавший кот не на вершине приоритетов, но... - я пожал плечами, – я полагаю, что я волнуюсь за него.

- Если он пропал, это не значит, что он пропустит свое кормление, - усмехнулась Мерфи. – Я больше волнуюсь за себя. Мистер, это единственное существо, похожее на пуму, на расстоянии нескольких сотен миль. С ним всё будет в порядке.

Тилли моргнул и повернулся в Мёрфи.

– Серьёзно?

Мёрфи пристально посмотрела на него.

– Что?

- Ты все еще прикрываешь его? - нахмурился Тилли. – Несмотря на все заявления и сигналы?

- Ага, - Мёрфи кивнула.

Тилли медленно вздохнул.

- Всё в порядке, Дрезден. Зайдешь ко мне в офис?

Я послушался. Тилли закрыл за нами дверь.

- Хорошо, - сказал он. – Расскажите мне, что тут происходит.

- Ты не хочешь знать это, - опередила меня Мерфи.

- Это смешно. - Спокойно возразил Тилли. – Примерно с час назад я советовался со своим мозгом, и он мне сообщил, что действительно хочет знать это.

Мёрфи вздохнула и глянула на меня.

Я поднял вверх обе руки.

– Я плохо знаю этого парня. Твой ход.

Мёрфи кивнула и спросила Тилли:

- Как много ты знаешь о досье « Черных кошек»?

Тилли мгновение смотрел на неё. Потом он перевел взгляд на свой личный пропуск, прикрепленный к лацкану пиджака.

– Странно. Буквально на секунду я подумал, что кто-то заменил Тилли на «Малдер».

- Я серьезно, Тилль, - не улыбнулась Мёрфи.

Его тёмные брови приподнялись.

– Хм. Они предшественники «Специальных Расследований», верно? Шестидесятые, семидесятые, я полагаю. Им поручались все странные дела. Некоторые файлы заставили меня подумать, что чиновники славно повесились со всеми чудесными психотропными наркотиками, которые выпускались в те времена.

- А что если я скажу тебе, они не были обдолбанными наркоманами, Тилл? – прищурилась Мёрфи. Тилли нахмурился.

– Это то, что ты мне говоришь?

- Они не были обдолбанными наркоманами, - повторила Мёрфи.

Хмурый взгляд Тилли был ей ответом.

- На СР вешаются такие же дела, как и те, что расследовали «Черные кошки». Они просто лучше подчищаются нами, так что наши рапорты не звучат, как бред наркомана. Таким образом, рапорты обеспечивают объяснения. Но они не обеспечивают правду.

- Ты... стоя тут, прямо передо мною, говоришь, что когда Дрезден заявил мне, что это были вампиры, он говорил серьезно?

- Абсолютно.

Тилли скрестил руки.

– Господи, Кэррин!

- Ты думаешь, я лгу тебе? – прищурилась она.

- Нет, - ответил он. – Но это не означает, что вампиры бегают вокруг нас. Это просто означает, что ты в это веришь.

- Может быть, я просто доверчивая? - предположила Мёрфи.

Тилли укоризненно посмотрел на неё.

– Или, может быть, напряжение сказалось на тебе, и ты не объективно смотришь на вещи. Я имею в виду...

- Если ты отпустишь какой-либо комментарий, который хоть вскользь касается менструации или менопаузы и их влияние на моё мнение, - оборвала его Мёрфи, - я сломаю тебе руку в одиннадцати местах.

Тилли медленно сомкнул губы.

– Проклятье, Мёрфи. Ты сама себя слышала? Вампиры? Ради Бога. Что я должен думать?

Мёрфи развела руками.

– Я не уверена. Гарри, что действительно происходит?

Я описал последние дни, сфокусировавшись на событиях в Чикаго, оставив за чертой Белый Совет, Красную Коллегию и их участие.

- Эта вампирская парочка... - задумалась Мёрфи. – Ты думаешь, эти двое пытались добраться до Рудольфа?

- Само собой. Они могли оказать давление на него множеством различных способов. И, вероятно, захотели избавиться от свидетеля, прежде чем он начнет болтать. Для этого и был послан тяжеловес.

- Я не могу поверить в то, что я тут услышал, - встрял Тилли.

- Итак, когда вы выдвигаетесь? – спросила меня Мёрфи, игнорируя его.

- Этой ночью.

- Никто никуда не двинется, пока я не получу кое-какие ответы, - рявкнул Тилли. Должен заметить, что он не вложил никакой бравады в предложение. Он сделал это, как утверждение очевидного факта.

- Не знаю, как много из этого я смогу сообщить тебе, приятель, - спокойно сказал я. – На это нет времени. И моя маленькая девочка в опасности.

- Это не обсуждается, - твердо заявил Тилли.

- Агент, - я вздохнул. – У нас всё еще нет времени. Я охотно поговорю с тобою, – мой голос стал жестче. – Но недолго. Пожалуйста, верь мне, когда я говорю, что могу выдернуть Сьюзен из этого здания с вашим или без вашего согласия.

- Гарри, - одернула меня Мёрфи, словно я произнес какое-то грубое и необдуманное заявление, за которое мне будет стыдно.

- Тик-так, Мёрф, - я покачал рукою. – Если он надавит на меня, я не собираюсь стоять здесь и улыбаться.

- Теперь мне любопытно, - скривился Тилли, явно ощетинившись. – Я бы хотел увидеть, как ты провернешь это.

- Тилль, - Мёрфи закатила глаза. – Матерь Божья, мальчики, это разве убьёт кого-нибудь из вас, если вы будите вести себя как взрослые? Пожалуйста?

Я сердито развел руками. Тилли сделал то же самое. Но мы оба заткнулись.

- Спасибо вам. Тилль... Ты помнишь записку, которая была в новостях несколько лет назад? После смертей в «Специальных Расследованиях»?

- Это.... где оборотень? – сморщился Тилли. – Угу. Размытая, плохое освещение, не наведённый фокус, ужасные спецэффекты. Существо вообще не похоже на вервольфа. Только внезапно записка исчезла, поэтому она не может быть никем проверена. Вторичные копии, наверное, ходят где-то по интернету. – Он помолчал и добавил. – Хотя актриса, которая тебя играла, была очень хороша.

- Это не была актриса, Тилль, - спокойно произнесла Мёрф. – Я была там. Я видела, как это случилось. Пленка была подлинная. Даю тебе слово.

Тилли вновь нахмурился. Он чуть покачал вперед-назад головой; его темные глаза были задумчивы, словно он читал доклад, который только он мог видеть.

- Послушай, парень, - сказал я спокойно. – Подумай про это вот так. Что если ты никогда не слышал, как я говорю слово *вампир*? Что если я скажу вместо этого *наркокартель* или *террористы*? И я скажу тебе, что эта группа террористов финансируется теневыми корпорациями и что одна из них подорвала офисное здание, чтобы защитить нелегальную информацию от кражи и распространения по миру? Что если я скажу тебе, что я прищемил им яйца, за что кучка террористов похитила мою дочь? Что они собираются отрезать ей голову и поместить видео в интернете? Что Сьюзен и таинственный мужчина, секретные агенты от организации, которую я не могу назвать, и они пытаются помочь мне отыскать и спасти девочку? Это всё ещё звучит безумно?

Тилли за секунду задрал голову и посмотрел в потолок. Затем он произнес подавленным голосом:

- Это будет звучать, как сцена из низкопробного романа, – он пожал плечами. – Но... все будет логично. Я имею в виду... они не просто так зовут этих задниц «экстремистами».

- Хорошо, - я был спокоен. – Тогда... может быть, мы просто притворимся, словно я сказал, что это были террористы. И будем исходить из этого. Это моя дочь, парень.

Тилли оглянулся назад и перевел взгляд с меня на Мёрфи. Он сказал тихо:

- Или вы оба сумасшедшие... или я... Или вы говорите правду. – Он покачал головой. – И я не знаю, какой из этих вариантов меня устраивает больше.

- Ты дашь лист бумаги? – спросил я.

Сбитый с толку, он открыл ящик и достал блокнот.

Я схватил ручку и написал на нём.

Сьюзен,

расскажи ему всё.

Гарри

Я вырвал лист, сложил его, и передал агенту.

- Я полагаю, Сьюзен не очень много тебе рассказала.

Тилли недовольно проворчал:

– Ничего, на самом деле. Буквально ничего. Это довольно крепкий орешек, в моём опыте.

- Она может быть упрямой, - хмыкнул я. – Пойди, передай ей это. Ты знаешь, я не видел её несколько часов. Выслушай её без протокола. Увидишь, как это все подходит друг другу.

Он взял записку и глянул на неё. Затем перевел взгляд на меня.

- Трудно понять, кому можно доверять, - я внимательно смотрел на него. – Поговори с ней. Выслушай её часть рассказа. Увидишь, как они дополняют друг друга.

Он с секунду обдумывал это.

- Держи его здесь, Мёрфи.

- Хорошо.

Тилли ушел.

В офисе стояли два стула, но ни один из них не выглядел удобным. Я уселся прямо на пол и закрыл глаза.

- Насколько все плохо? – спросила меня Мерфи.

- Очень плохо, - я почти шептал. – Хм. Мне нужно попросить тебя об услуге.

- Конечно.

- Если... Послушай. У меня есть завещание в абонентском сейфе Национального Банка Мичигана. Если со мною что-либо случится... Я буду признателен, если ты глянешь на него. Ты в списке людей, которые могут открыть его. Записана как душеприказчик.

- Гарри... - начала она.

- Согласен, не так уж много осталось от завещания на данный момент, - поднял я вверх руку, прерывая Мерфи. – Все было у меня дома или в офисе, но... там есть кое-какие активы и... - Я почувствовал, как напряжение сковало мое горло, и прервался. – Позаботишься об этом для меня?

Наступила тишина, затем Мёрфи подвинулась и села возле меня. Её рука нашла мою ладонь и сжала ее. Я пожал в ответ ее теплую ладошку.

- Конечно, - просто ответила она.

- Спасибо.

- Понятно, там... нет ничего насчет Мэгги, - с трудом продолжил я. – Но если я не смогу... позаботиться об этом... Я хочу хороший дом для неё. Где-то в безопасном месте.

- Эй, мальчик-эмо, - толкнула меня Мерфи. – Пора сделать перерыв унынию. Верно? Ты пока еще не умер, насколько я могу судить.

Я тихо фыркнул и открыл глаза.

- Ты сам позаботишься о ней, когда разберешься со всем этим.

Я медленно покачал головой.

– Я... не смогу, Мёрф. Сьюзен была права. Всё, что я могу предложить ей, это- жизнь в осаде. Мои враги попытаются использовать её. Она должна исчезнуть. Уехать куда-то в безопасное место. Действительно безопасное. Даже я не должен буду знать, где она, – я проглотил комок в горле. – Отец Фортхилл из Святой Марии может помочь. Мыш должен пойти с нею. Он поможет защищать её.

Мёрфи встревожено смотрела на меня.

– Ты что-то не договариваешь.

- Это сейчас не важно, - сказал я. – Если ты сможешь найти Мистера... Молли, думаю, понравится ухаживать за ним.

- Господи, Гарри, - Мёрфи смотрела на меня с ужасом.

- Я не планирую пробежки с самоубийственным концом, если это то, о чем ты подумала. Но очень вероятно, что я не смогу с ней вернуться. Если это случится, мне нужен кто-то, кому я доверяю, и кто знает мои пожелания и сможет о них позаботиться. На тот случай, если я не смогу.

- Я сделаю это, - сказала Мёрфи и кратко рассмеялась. – Черт побери, я сделаю это, только так мы сможем начать говорить о чем-то другом.

Я тоже улыбнулся, и тут Рудольф зашел в кабинет и, обнаружив нас сидящими на полу, ухмыльнулся.

Все застыли. Никто не знал, каким образом реагировать.

- Ну, - нарушил тишину Рудольф. – Я всегда предполагал что-то подобное. Но ребята, неужели вы считаете, что каждый в управлении дурак, Мёрфи?

- Хай, Руди, - оскалился я. – Тебе достался прекрасный дом.

Рудольф заскрипел зубами и вытащил из кармана конверт. Он бросил его на пол возле Мёрфи.

– Для тебя. Приказ «прекратить-и-воздержаться-впредь», предписывающий тебе не приближаться на расстояние двух сотен ярдов к этому делу или к любому, кто связан с производимым расследованием, пока твоя компетентность и непричастность не будут подтверждены на специальном трибунале Чикагского Полицейского Комитета. Так же приказ лейтенанта Стоулинза, предписывающий, чтобы ты не имела ничего общего с расследованием взрыва и освобождающий тебя

от обязанностей немедленно в случае твоего неподчинения. – Его взгляд сместился на меня. – Ты. Я не забыл о тебе.

- Стыдно, - улыбнулся я. – А я почти забыл о тебе, но ты разрушил это. Зашел в комнату, и все пропало.

- Это еще не конец, Дрезден.

Я вздохнул.

– Угу. У меня как раз такая неделя.

Мёрфи открыла конверт и мельком пробежалась взглядом по паре листов. Потом она подняла взгляд на Рудольфа.

- Что ты им наплел?

- Вы получили свои приказы, сержант, - прохладно сказал Рудольф. – Покиньте здание, а не то я отберу ваше оружие и ваш жетон.

- Ты – хитрожопый, мелкий кровосос, - отчеканила она голосом, полным холодной ярости.

- Это высказывание войдет в мой рапорт для трибунала, Мёрфи, - вспыхнул Рудольф. В его голосе сквозило неприкрытое злое удовлетворение. – И как только они прочтут это, тебе конец. С твоей характеристикой? Они не заплатят тебе больше ни цента, сука. С тобой покончено.

Что-то темное и ужасное зашевелилось в моей груди и внезапно изображение Рудольфа, размазанного по стене тонной льда, мелькнуло у меня в голове.

- Сука? – переспросила Мёрфи, поднимаясь.

- Стооооп, - протянул я, поднимаясь на ноги, пытаясь остановить разъяренную женщину. – Мёрф, не играй в его игры.

- Игры? – процедил Рудольф. – Ты социально опасна, Мёрфи, и позор для полиции. Тебя нужно посадить за решетку. Как только ты вылетишь, так и будет. Ты и этот клоун. Оба.

- Клоун? – прорычал я точно таким же тоном, который секунду назад использовала Мёрфи.

И тут погасли огни.

Внезапная тишина окружила нас, когда штаб-квартира ФБР провалилась в беспомощную темноту. Прошло время, а аварийные огни так и не зажглись.

- Гарри, - окликнула меня Мёрфи раздраженным голосом.

Я почувствовал, как у меня на затылке волосы стали дыбом. Я понизил голос и сказал:

- Это был не я.

- Где аварийное освещение? – взвизгнул Рудольф. – Он-оно должно зажечься через считанные секунды. Верно?

- Вух, - сказал я в темноту. – Вух, вух. Руди, старый приятель, помнишь ли ты ту ночь, когда мы встретились?

Офис Тилли находился рядом с лифтом. И я отчетливо услышал охотничий крик вампира Красной Коллегии, эхом прозвучавший в шахте лифта.

За ним последовал целый хор криков, еще больше отдельных охотничьих воплей.

Множество вампиров в закрытом пространстве. Это было плохо.

Тяжелый пульсирующий удар отвратительного сердца, слышимый через стены четырех этажей, вторил крикам. Я вздрогнул.

Множество вампиров и Икк в закрытом месте. Это было хуже.

- Что это такое? – спросил Рудольф дрожащим шепотом.

Я направил свет в амулет, приготовил браслет-щит и вытащил боевой жезл из-под плаща. Возле меня Мёрфи уже вытянула свой «SIG». Она протестировала маленький фонарик на нём, убедилась в его работоспособности и глянула на меня с безмятежным выражением и спокойным дыханием. Я понял, что она полностью контролирует свой страх.

– Каков расклад? – уточнила она.

- Возьмем Съюзен и уберёмся отсюда. Если нас здесь не будет, у них не останется причин для атаки.

- Что это? – снова спросил Рудольф. – Что это за шум? Эй?

Мёрфи чуть наклонила голову в сторону Рудольфа и приподняла бровь.

- Проклятье, - вздохнул я. – Ты права. Нам нужно его взять с собою.

- Скажите мне! – почти панически прокричал Рудольф. – Вы должны сказать мне, что это?
 - Скажем ему? – спросил я.
 - Конечно.
- Мы с Мёрфи подняв оружие, повернулись к двери и сказали импровизированным стерео.
- Террористы.

Глава 35

К тому времени, когда мы с Мёрфи вышли в коридор, на этаже под нами раздались выстрелы. Это не походило на что-то особенное – простые, краткие, глухие звуки - но любой, кто слышал выстрелы раньше, никогда не примет их ни за что другое. Я только надеялся, что никто не применял пуль достаточно крупного калибра, чтобы пробить межэтажные перекрытия и прибить меня. Это не были бы просто незначительные раны, попади в меня пуля такого калибра.

- Эти крики, - нахмурилась Мёрфи. – Красная Коллегия, верно?
- Да. Где Съюзен?
- Комната для допросов, в ту сторону. – Мёрфи кивнула влево, и я взял инициативу на себя.

Я шел, касаясь левым плечом стены. Мёрфи, после того как вытянула бессвязно лопотавшего Рудольфа из офиса, шагала справа в шаге позади, так чтобы она могла стрелять мимо меня, если придётся. Мы уже играли в эту игру прежде. Если что-то плохое выйдет на нас, я задержу его достаточно долго, чтобы дать ей время на хороший выстрел.

Дополнительная секунда на выстрел могла оказаться решающей. Вампиры не защищены от повреждений, которые причиняют пули, но они могут регенерировать с очень большой скоростью, восстанавливая плоть после практически любых повреждений, кроме самых смертельных хитов, и они знают это. Вампир Красной Коллегии практически всегда выиграет соревнование с вооруженным смертным, зная, как сложно сделать смертельный выстрел, особенно когда на тебя несется завывающий монстр. Чтобы действительно уложить вампира Красной Коллегии необходимо попасть четко в голову, перебить позвоночник или выпустить ему кишки, лишая вампира большого количества крови, но даже так они всё равно могут полностью восстановиться, имея достаточно времени и крови для питания.

Мёрфи точно знала, куда нужно стрелять и не раз доказала, что она может быть достаточно хладнокровной, чтобы иметь дело с Красными, но остальным людям в здании не хватало её знаний и опыта.

У ФБР сегодня был действительно плохой день.

Мы быстро и бесшумно двигались через коридор, и когда перепуганный конторский тип, споткнувшись, вывалился из дверного проёма перед нами, я чуть не всадил в него заряд пламени. Мёрфи продемонстрировала висевший на шее жетон и приказала ему вернуться обратно и забаррикадировать дверь. Он был полностью растерян и подчинился без единого вопроса, покорившись спокойной властности, прозвучавшей у Мёрфи в голосе.

- Может быть, мы должны сделать так же, - промямлил Рудольф. – Забраться в комнату. Забаррикадировать дверь.

- С ними тяжеловес, - обратился я к Мёрфи, когда снова принял лидерство. – Большой, сильный, быстрый. Как луп-гару. Это - какое-то из существ Майя, Ик-как-то-его-там.

Мёрфи неразборчиво выругалась.

– Как мы убьём его?

- Не знаю точно. Но думаю поставить на дневной свет.

Мы прошли через коридор, в котором было несколько офисов с наружными окнами. Свет осеннего полдня, приглушенный шторами, создавал своего рода сумерки, через которые мы двигались, и только мой собственный голубой чародейский свет немного их рассеивал.

Еще более зловещей, чем освещение, была тишина. Ни шума воздуховодов. Ни гудения лифтов. Ни телефонных звонков. Дважды я слышал выстрелы – быстрые *бам-бам-бам* практически бесполезного панического огня. Вампиры несколько раз пронзительно издавали охотничьи крики. И только бим-бом странного сердцебиения Ика было устойчивым, вездесущим; с каждым мгновением оно медленно становилось громче.

- Может быть, нам надо множество зеркал или что-то такое? – предложила Мёрфи. – Увеличить количество дневного света.

- Это более сложно, чем выглядит в фильмах. Я полагаю, что смогу взрывом проделать дыру в стене здания, – я облизнул губы. – Хрень какая-то, ммм. В какой стороне юг? Это лучший вариант для этого.

- Вы угрожаете уничтожить федеральное здание! – пропищал Рудольф.

Оружейные выстрелы раздались где-то ближе, возможно, на третьем этаже, прямо под нами; возможно и на четвертом, приглушенные множеством стен.

- О, Господи, - захныкал Рудольф. – О, дорогой, милосердный Иисус. – Он начал повторять это бессмысленным испуганным шепотом.

- Ага, - сказал я, поскольку мы добрались до комнаты допросов. – Теперь у нас есть собственный Трусливый Лев. Прикрой меня, Дороти.

- Напомнишь мне спросить позже, о чем, черт подери, ты говоришь, - буркнула Мёрфи.

Я приготовился открывать дверь, но остановился. Тилли был вооружен. Он производил впечатление достаточно умного человека, чтобы испугаться, и это вероятно не лучшая идея на свете, чтобы просто открыть дверь и напугать его. Поэтому я, как можно дальше, сместился в сторону, отодвигаясь от двери, и постучал. Даже шифровкой. *Бритье и стрижка.*

Последовала длинная пауза, и затем кто-то простучал с другой стороны двери. *Мелочь.*

Я повернул ручку и медленно открыл дверь, очень медленно.

- Тилли? – спросил я хриплым шепотом. – Сьюзен?

В комнате для допросов не было окон, там царила кромешная тьма. Тилли возник в дверном проёме, подняв вверх руку и прикрывая глаза.

– Дрезден?

- Да, очевидно, - шепнул я. – Сьюзен?

- Я здесь, - отозвалась она из темноты дрожащим от страха голосом. – Я прикована к стулу. Гарри, нам нужно уходить.

- Работаю над этим, - произнес я спокойно.

- Ты не понял. Это существо, этот барабаниющий звук. Это - пожиратель. С ним не сражаются. От него убегают и молятся, чтобы кто-то медленнее тебя отвлек его внимание.

- Угу. Уже встречал Ика. И охотно не повторял бы этот опыт, – я протянул руку Тилли. – Мне нужны ключи от наручников.

Тилли колебался, очевидно, разрываясь между чувством долга, и примитивным страхом, который наполнял здание. Он покачал головой, но выглядело это так, словно его сердце не одобряло это.

- Тилли, - Мёрфи, с жестким и непоколебимым выражением, повернулась к нему. – Доверься мне. Просто сделай это. Люди будут умирать, пока эти трое находятся в здании.

Он вручил мне ключи.

Я подошел к Сьюзен, которая сидела на том же стуле, что и я во время моей беседы с федералами. Она была одета в свои темные кожаные штаны, черную футболку и выглядела странно уязвимой, просто сидя там, в то время как ситуация вокруг выходила из-под контроля. Подойдя к ней, я начал растёгивать наручники.

- Спасибо тебе, - сказала она тихо. – Я уже начала немного волноваться.

- Они должно быть как-то пробрались через подвал, - предположил я.

Она кивнула.

– Они будут прокладывать себе путь наверх, этаж за этажом. Убивая всех на своем пути. Это - то, как они действуют. Устранить мишень и оставить послание всем остальным.

Тилли ошеломленно покачал головой.

– Это... Что? Ведь так действуют некоторые картели в Колумбии, Венесуэле, но...

Сьюзен раздраженно блеснула глазами и покачала головой.

– О чем я рассказывала Вам последние пятнадцать минут?

Охотничий крик, не приглушенный расстоянием, раздался где-то рядом.

- Они здесь, - прошептала Сьюзен, растирая свои вновь освобожденные запястья. – Нам нужно двигаться.

Я задумался на мгновение.

– Они просто будут продолжать убивать этаж за этажом, пока не обнаружат мишень?

Сьюзен энергично кивнула.

Я прикусил губу.

– Итак, если мы сбежим... они продолжат. Весь путь наверх.

Мёрфи, повернув голову, глянула на меня, потом её настороженный взгляд рывком вернулся к коридору.

– Бой?

– Мы не сможем победить, - убежденно заявил я. – Не здесь, когда они выбрали время. Они получили все преимущества. Но мы в любом случае не можем бросить всех этих людей.

Мерфи сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

– Нет. Не можем, - согласилась она со мною. – Итак. Что мы будем делать?

– У кого-нибудь есть запасное оружие? – спросила Сьюзен. Никто ничего не ответил и она, кивнув, повернулась к тяжелому переговорному столу и перевернула его одной рукой. Хрупкая Сьюзен оторвала тяжелую стальную ножку, словно та была прикреплена детсадовским клеем, а не отличными стальными болтами.

Тилли смотрел на это с открытым ртом. Затем он очень тихо выдохнул:

– Ах.

Сьюзен крутанула ножкой, проверяя её баланс, и кивнула.

– Это подойдет.

Я хмыкнул.

– Вот план. Мы идем и показываем себя вампирам и Ику. Мы валим и размазываем в лепешку любого, кого они пошлют вперед, из всего, что у нас есть. Этого должно быть достаточно, чтобы привлечь внимание всей ударной команды.

– Мда, - констатировала Мёрфи. – Это блестяще.

Я скорчил ей рожу.

– Как только они на это купятся, ты, Тилли и Рудольф отделяетесь от нас и пробиваетесь к ближайшему аварийному выходу. Если так пойдет и дальше, у вас, наверное, будет больше шансов выжить, выпрыгнув из окна, чем, если вы останетесь здесь. Согласна с этим?

Мёрфи нахмурилась.

– Как насчет вас?

– Сьюзен, я и твой карликовый дублер собираются прыгнуть в Небывальщину и попробовать затащить плохих парней за нами.

– Карликовый дублер? – грозно спросила Мёрфи.

– Мы? – встревожено воскликнула Сьюзен.

– Конечно. Я нуждаюсь в твоих могучих мускулах для своей защиты. Ты будешь суперцыпочкой и всем прочим в одном лице.

– Хорошо, - согласилась Сьюзен, глядя на меня так, словно я сошел с ума. Что я вполне допускаю. Весьма вероятно. – Что на другой стороне?

– Ни малейшего представления, - безмятежно произнес я. Краткий контакт с материнским камнем сказал мне, что она никогда не была в этом здании во время её прогулок для сбора информации. – Мы можем только надеяться, что там не океан кислоты или кучка облаков на высоте пяти тысяч футов над большой скалой.

Глаза Сьюзен чуть расширились. Она продемонстрировала мне волчью улыбку.

– Мне нравится этот план.

– Не сомневаюсь, - оскалился я в ответ. – Тем временем, вы трое выбираетесь. В этом заведении есть наружная пожарная лестница?

Рудольф только покачивался вперед-назад, издавая тихие стонущие звуки. Тилли всё ещё выглядел ошеломлённым оттого, что продемонстрировала Сьюзен.

Мёрфи легонько стукнула его по затылку.

– Эй, дружок.

Тилли потряс головой и повернулся к ней.

– Пожарная лестница. Нет.

- В таком случае найдёте лестницу, - я обращался к Мёрфи. – Идите тихо и быстро, на тот случай, если кто-то из них окажется слишком тупым, чтобы последовать за нами.

Мёрфи кивнула и слегка потрясла Тилли за плечо.

– Эй. Тилли. Ты отвечаешь за Рудольфа. Всё в порядке? Заставляй его двигаться и держи подальше от линии огня.

Худощавый невысокий парень кивнул, сначала медленно, а затем более быстро, постепенно восстанавливая самоконтроль.

– Хорошо. Я его нянька. Сделаем это.

Мёрфи слегка улыбнулась ему и подбадривающе кивнула.

- Верно, - хмыкнул я. – Это отличный план или как? Я задерживаю; Мерф, ты отстреливаешь; Сьюзен, ты добиваешь.

- Принято, - Сьюзен кровожадно улыбнулась.

Слабый, постоянный барабанный бой пульсирующего сердца Ика стал незначительно громче.

- Вперед, - скомандовал я и снова рванул по коридорам.

По моей просьбе Тилли повел нас к центральной лестнице, которая шла параллельно шахтам лифта, потому что я полагал, что для большой штурмовой команды имело смысл использовать центральную лестницу, в то время как другие можно было перекрыть незначительной стражей.

Мы столкнулись с горсткой людей, которые толпились в полной растерянности и не знали, что делать. Они смотрели на меня с таким выражением, которое предполагало, что они найдут мой совет менее чем вероятным.

- Тилли, - в моем голосе слышалась мольба.

Тилли кивнул и начал говорить спокойным, авторитетным тоном:

– В настоящий момент происходит какое-то нападение. Томми, ты, Джо и Микки должны добраться до помещения с окном. Ты понял это? Окно. Снимите шторы, впустите свет, забаррикадируйте дверь и сидите тихо, - он покосился на меня. - Помощь уже в пути.

Мы с Мерфи обменялись взглядами, и она мне уверенно кивнула. Тилли тяжело принял сверхъестественную правду, но он весьма проворно с этим справился. Или возможно он просто сошел с ума. Я предположил, что, в конце концов, мы это узнаем.

Федералы подчинились Тилли и скрылись в коридоре, из которого мы только что пришли.

Если бы мы задержались хоть на десять секунд, вампиры нашли бы их первыми.

Я услышал крик террора, пронзительный и ужасный. От этого крика жертва замирала парализованная ужасом, что давало вампирам возможность приблизиться на расстояние удара. Эта простая тактика кое-что говорит о Красной Коллегии. Животные никогда не замерли бы от испуга. Это предназначено для интеллектуального ума, который попытается разобраться в том, что случилось, попадая в психологическую ловушку, такую как эта.

Это, наверное, говорит кое-что и обо мне, но эта попытка напугать меня полностью провалилась. Для меня это не было чем-то важным. Как Пугало, я чувствовал, что уже достаточно доказал, что не имею и половины мозгов, чтобы в них был какой-нибудь порядок.

Поэтому вместо ждущей его беспомощной мишени, вампир из Красной Коллегии обнаружил щит несокрушимой, невидимой мощи, который я создал на его пути. И пусть он обладал сверхъестественной силой, это не добавило ему массы. Он отскочил от моего щита, как и любое другое тело, которое внезапное встретило чей-то передний бампер на пятидесяти - шестидесяти милях в час.

Вспышка синего света, и я, опустив щит с небольшим боковым поворотом, отбросил вампира на пол по правую сторону коридора, прямо на линию огня Мерфи, сам, продолжая движение вперед.

Мёрфи спокойно всадила две пули монстру в голову, содержимое которой расплескалось бесформенной массой на стене позади него. Двигаясь вперед, она выпустила еще две пули ему в брюхо, лишая вампира драгоценной крови; когда с ним поравнялась Сьюзен, я услышал отвратительный, влажный звук удара.

Тилли, оцепенев, смотрел на это. Подошедшая Сьюзен слегка подтолкнула парня вперед. Агент схватил Рудольфа и потянул его следом за нами с Мерфи.

Мы обнаружили первое человеческое тело через несколько шагов. Молодая женщина с остекленевшими глазами, покрытая собственной кровью. Дальше за ней лежал мужчина в костюме, с гримасой недоверия на мертвом лице, трупы еще двух женщин бесформенной кучей виднелись в паре шагов от них.

Крадущиеся звуки раздались из широко раскрытых дверей темного туалета, который находился на пересечении коридоров. Я не пропустил это мимо ушей.

- Вы знаете что? – сказал я спокойно, ни к кому не обращаясь. – Это сводит меня с ума.

Я повернулся, поднял боевой жезл, руны на котором внезапно запылали, пробудившись к жизни, и проревел: « *Fuego!* ».

Копье ослепительно-белого огня вырвалось из жезла и прошло сквозь внутреннюю стену, сопровождаемое хором взрывающихся материалов. Я провел им вдоль туалета на уровне талии, словно огромной циркулярной пилой разрезая стену.

Удивленный крик нечеловеческой муки вознаградил мои усилия, и я развернулся на месте, снова поднимая щит. Второй вампир, метнувшись от развилки впереди, бежал по стене, цепляясь за неё всеми четырьмя конечностями. Через секунду он бросился на меня. Одновременно второе резиновое существо, вырвавшись из вентиляционного отверстия (я мог поклясться, слишком узкого, чтобы он там мог пролезть) спустилось вниз почти нам на головы.

Я отшвырнул первого вампира от моего щита, так же как сделал это несколькими мгновениями ранее, и пистолет Мерфи начал выплевывать пули в тот самый миг, как тварь коснулась пола.

У меня не было времени поднять щит над головой и остановить того, кто кинулся сверху.

Вампир приземлился на меня ужасным податливым весом, и с приливом адреналиновой волны я ясно увидел, как его челюсти открылись в кошмарном широком змеином оскале. Блеснули клыки. Черные когти всех четырех конечностей были готовы вцепиться в меня, а двух фунтовый язык хлестал по мне в поисках незащищенной кожи для нанесения оцепляющего яда.

Я упал на пол лицом вниз, кое-как прикрывая голову руками. Вампир яростно вцепился в меня, но защитные заклятия на моём пыльнике выдержали и не дали его когтям добраться до тела. Тогда монстр быстро сменил тактику, подбросив меня, как ковбоя родео подбрасывает бычок. Извивающийся, слизистый язык хлестнул по моему, ставшему уязвимым, лицу.

Ладонь Сюэзен молниеносно сомкнулась посреди вампирского языка, и она резким разворотом руки, от плеча до запястья, вырвала его из раскрытой пасти. Вампир запрокинул назад голову и завопил, в этот момент импровизированная булава моей экс- подружки вмяла его череп ему же в туловище.

Невидимый вампир в туалете продолжал выть от боли, когда я поднялся и быстро осмотрелся, проверяя, все ли мои спутники на месте.

– Кто-нибудь ранен?

- М-мы в порядке, - отозвался Тилли. Для парня, который только что имел пару близких встреч с воображаемыми существами, он выглядел весьма собранным. Рудольф был возвращен на свое счастливое место, и только продолжал покачиваться, рыдать и бормотать. – Как насчет тебя, Дрезден?

- Отлично.

Мёрфи, с мрачным лицом держа пистолет в руке, поморщилась и повернулась к туалету. Я отрицательно покачал головой.

– Нет. Пускай оно кричит. Это соберет всех остальных к нам подальше от любого-другого.

Мёрфи покосилась на меня, немного нахмурившись, но кивнула.

– Господи, это так хладнокровно, Гарри.

- Я растерял все свои теплые чувства к Красным давным-давно, - ненавидяще процедил я. Главное, чтобы раненый вампир не замолчал. Огонь здорово действует на них. Верхний слой их кожи является горючим. Моя атака, должно быть, разрезала его на две половины или сильно уменьшила ему массу тела. Так что это был дымящийся комок агонии, корчащейся на полу, от такой сильной боли, что все, что он мог сделать – это кричать.

И это просто отлично меня устраивало.

- Мы ведь не будем просто здесь стоять, так ведь? – подал голос Тилли.

Пара особенно громких воплей одновременно прозвучала из вентиляции и шахт, завывая и переплетаясь друг с другом. Они были особенно резкие и пронзительные и длились дольше, чем остальные. Хор отрывистых воплей волной раздался в ответ.

Ээбы, как генералы, рассылали приказы войскам. По всей видимости, координируя налёт и направляя группу к раненому члену команды.

- Конечно же, нет. Всё по плану, народ. Мёрф, Тилли, Рудольф, тихо уходите. Следуйте за Мёрфи и делайте всё, черт побери, что она скажет, если хотите выбраться отсюда живыми.

Мёрфи поморщилась в ответ на это.

– Будь осторожен, Дрезден.

- Вы тоже, - я поднял руку. – Увидимся в церкви.

Она резко мне кивнула, взмахом руки поманила за собой Тилли, и они направились к холлу, из которого шел коридор к одной из боковых лестниц. На нашу удачу Ээбы послали всех, кто был у них под рукой, в мою сторону. Даже если Мёрфи и Тилли окажутся невезучими, я полагаю, они могут столкнуться только с одним караульным. Максимум. Я даже считаю, что у Мёрфи есть шансы справиться с ним. Пятьдесят процентов шанса на выживание не слишком ободряет, но это на пятьдесят процентов выше, чем у них было бы, если бы они остались.

Сьюзен посмотрела им в след и перевела взгляд своих темных глаз на меня.

– Вы с Мёрфи никогда не заводили интрижку?

- И ты сейчас спрашиваешь об этом? – я был немного ошарашен.

- Должна ли я попробовать восстановить наши отношения за чашечкой чая, в наше обильное свободное время?

Я закатил глаза и покачал головой.

– Нет. Ни разу.

- Почему нет? – продолжала допытываться она.

- Множество причин. Неудачно выбранное время. Другие отношения. Ты знаешь, – я сделал длинный, глубокий вдох и попросил, - Будь начеку. Мне нужно сосредоточиться.

- Верно.

Сьюзен вернулась к наблюдению за сумраком, держа наготове свою дубинку.

Я закрыл глаза и призвал волю. Время для кое-каких действительно мошеннических штучек.

Иллюзии - захватывающее направление в магии. Есть два основных способа управлять ими. Первый - вы можете создать картинку и вложить её в чью-то голову. В реальности не будет существовать никакого видимого объекта, но мозг скажет им, что он там есть – фантом во всей своей красе. Этот путь действительно очень близок к пересечению границ Законов Магии, но он может быть очень эффективным.

Второй метод - создание видимого объекта или существа, так сказать голограммы. Такие вещи более сложны при создании, потому что вы должны вложить в них гораздо больше энергии, и в то время как фантом использует собственный ум противника для большей достоверности иллюзии, вам приходится делать это сложным способом, через голомантию.

Изображение Мёрфи было легко восстановить у себя в памяти, так же как и Рудольфа, хотя признаю, что я, возможно, сделал его более костлявым и неуклюжим, чем он бы на самом деле. Моя голомантия, мои правила.

Сложнее было с Тилли. У меня постоянно всплывала картинка актера из X-файлов, дружески беседующего с настоящим Тилли, и результат получился каким-то маргинальным. Но меня поджимало время.

Я прорисовал картинки с максимальной достоверностью, на которую был способен и направил волю, вложив малость душевного огня, на создание миражей.

Душевный огонь это на самом деле не разрушительная сила. Фактически это - её противоположность. Обычно я использовал его в поединках для усиления наступательных заклинаний, но при созидании он действительно засиял.

Я прошептал: « *Lumen, camerus, factu!* » - и направил энергию в воображаемые картинки. Голограммы Мёрфи, Тилли и Рудольфа замерцали и ожили, настолько реальные, что я даже подумал, что возможно они на ощупь твердые.

- Они приближаются! – внезапно шепнула Сьюзен, повернувшись ко мне и чуть не выпрыгивая из обуви, увидев иллюзию. Она ткнула рукою в фантом Тилли, и он замерцал от прикосновения. Сьюзен присвистнула.

- Время идти?

Гроыхание сердца Ика внезапно стало громче, отдаваясь вибрацией в подошвах моих ботинок.

Вампиры возникли на лестничной клетке внезапным потоком обрюзгших, резиновых тел и черных глаз; пятнистых розовых языков и блестящих клыков. В их центре, в своих маскирующих плоть масках находились Эстебан и Эсмеральда. За ними вырисовывалось смутное очертание Ика.

Мы со Сьюзен развернулись и побежали. Три иллюзии сделали то же самое, сопровождаемые звуками бегущих шагов и тяжелого дыхания. Вампиры с завываниями бросились за нами.

Я бежал изо всех сил, вкладывая в это всю свою волю. Я должен был чувствовать какое-то напряжение сейчас, но нет. Вперед, вперед Гаджет к сделке с дьяволом.

Я сконцентрировал волю, крикнул: «*Aparturum!*» – и разрезал воздух вниз по коридору правой рукой.

Я вложил много силы в открытие Пути, и он широко распахнулся – диагональный разрез в ткани пространства, изогнутый и перекрывающий центр коридора. Он висел, словно какое-то странное геометрическое облако тумана; я указал на него, бессловесно крича Сьюзен. Она прокричала что-то в ответ, кивнула, а в это время вампиры позади нас становились ближе с каждой секундой.

Мы вдвоём закричали в безумии дикого страха и необузданного адреналина и, двигаясь в смертельной гонке, достигли Пути

Мы прыгнули сквозь него – в пустой воздух.

Я закричал от бессильной злости, полагая, что я наконец-то отыграл свою рискованную последнюю игру..., но буквально через долю секунды мои ноги ударились о твердый камень, и я покатился кубарем. Я поднялся на ноги и продолжил бежать через то, что казалось просторной пещерой. Сьюзен бежала возле меня.

Далеко мы не убежали. Из темноты внезапно вырисовалась стена, и мы с трудом остановились вовремя, чтобы не разmozжить об неё головы.

- Господи, - сказала Сьюзен, тяжело дыша. – Все получилось?

Я повернулся, держа наготове жезл, ожидая появления первых из догоняющих нас вампиров.

Раздавались пронзительные крики и вопли и звуки скребущих когтей, но не один из них не возник из темноты.

Что... просто не могло быть хорошо.

Мы стояли, опершись спинами о каменную стену, неуверенные в том, что делать дальше. И затем появился мягкий зеленый свет.

Он медленно усиливался, возникая из ниоткуда и одновременно повсюду. Через несколько секунд я понял, что мы были не в пещере. Мы были в зале. Средневековом обеденном зале, если быть точным. Я уставился на двойной ряд складных столов, стоящих по всей длине зала, который был гораздо длиннее, чем сотня ярдов, с небольшими проходами между рядами. Сидящими за столами были... существами.

Между ними было любопытное сходство, хотя ни одно из них не было похоже на другое. Это были определённо гуманоиды. Они были одеты в ткань, кожу и доспехи, покрытые странными геометрическими фигурами, все это было цвета, который с большим трудом можно было отделить от черного. Некоторые из них были высокие и худые, некоторые приземистые и мускулистые, некоторые среднего телосложения, и всевозможные комбинации между этим. У некоторых из этих существ были огромные уши или вовсе не было ушей, или странные, обвисшие подбородки. Никто из них не отличался красотой симметрии. Их сходство было в несогласованности тел в эстетической войне самого с собою.

Но все-таки у них было кое-что одинаковое: у них всех были блестящие красные глаза. И еще одна общая черта бросилась мне в глаза. Они все были вооружены ножами, мечами, топорами и другим режущим орудиями для битвы.

Мы со Сьюзен устроили забег на длинную дистанцию как раз в центральном проходе между столами. Мы, должно быть, сильно удивили наших хозяев, которые отреагировали вовремя только для

того, чтобы схватить вторую кучку незваных гостей, попавшую внутрь, и схватить их весьма успешно. Некоторые из наибольших этих существ, весящие примерно с полтонны каждый, навалились на Ика и держали его, придавив к земле. Поблизости толпа вампиров была согнана в кучу; каждый запутан в сетях, сделанных из какого-то материала, который я могу описать как гибкая колючая проволока. Только Эстебан и Эсмеральда стояли на ногах, спина к спине, между Иком и плененными миньонами. Возле них на полу виднелась кровь, и два местных существа неподвижно лежали у их ног.

- Господи, - прошептала Сьюзен. – Что это за создания?

- Я... - я сглотнул ком в горле. – Я думаю, что они - гоблины.

- Ты думаешь?

- Я никогда не видел ни одного прежде, - ответил я. – Но... они подходят под описание, которое я слышал.

- Разве мы не в состоянии договориться хоть с одним из них?

Я фыркнул.

– Эй, тебе тоже понравились эти фильмы?

Её ответом была улыбка с оттенком печали.

- Да, - произнес я. – Я тоже думал о тебе, когда смотрел эти фильмы. – Я покачал головой. – И нет. Это тот случай, когда фольклор неверно передаёт, как на самом деле обстоят дела. Эти парни- убийцы. Они коварны, умны и беспощадны. Как ниндзя. От Криптона. Смотри, что они сделали.

Сьюзен мгновение смотрела на побежденную ударную группу Красной Коллегии. Я наблюдал за тем, как колёсики крутятся в её голове, пока она осознавала, что случилось с вампирами и Иком за считанные секунды в полной темноте и в абсолютной тишине.

- Хм. В таком случае, я полагаю, нам лучше быть милыми, угу? – спросила Сьюзен. Она плавно спрятала свою дубинку за спину и нацепила старую репортерскую улыбку, ту, которую она использовала для обезоруживания враждебных интервьюируемых.

А затем мне в голову пришла мысль.

Ужасная, ужасная мысль.

Я медленно повернулся вокруг. Я глянул на стену, возле которой я стоял.

А потом я посмотрел вверх.

Короче говоря, это была не стена. Это было возвышение. Большое. На нем стоял огромный каменный трон.

И на троне сидело существо в черной броне закрывающей его с головы до пят. Он был огромен, около девяти футов в высоту и имел стройный, атлетический вид, несмотря на броню. Его голову покрывал шлем, скрывающий в полумраке лицо. Исполинские, ветвистые рога поднимались над шлемом, хотя были они украшением или придатком, я не мог сказать. Из-под забрала шлема горела пара непреклонных красных глаз, таких же глаз, как и у сотен остальных в зале.

Он наклонился вперед, Повелитель Гоблинов Волшебного царства, лидер Дикой Охоты, воплощенный ужас историй и легенд, равный самой Мэб, Королеве Воздуха и Тьмы.

- Так, - прошелестел Эрлкинг. – Так, так, так. Разве это не занятно.

Глава 36

Я смерил взглядом Эрлкинга и с присущим мне лаконичным остроумием протянул:

- Ой-ё!

Эрлкинг расхохотался густым, сочным смехом. Он эхом пронёсся по залу и, резонируя от камня, усилившись, превратился в едва уловимую музыку. Если у меня и были хоть какие-то сомнения в том, что я стою в центре силы Эрлкинга, смех и то, как зал ответил на него, развеяли их полностью.

– Мой род, похоже, у нас гости.

Ему ответил смех из сотен глоток, и множество злых красных глаз буквально засияли в предвкушении развлечения.

- Я признаю, - усмехнулся Эрлкинг, - что это - эээ.... уникальное событие. Мы здесь не привыкли к посетителям. Я надеюсь, что вы будете терпеливы, пока я стряхну пыль со старого этикета.

И снова гоблины рассмеялись. Этот звук, казалось, надавил на мои нервы, подняв волосы на руках.

Эрлкинг поднялся, плавно и бесшумно, несмотря на броню и его вес, и спустился с возвышения. Он прошелся, возвышаясь над нами, и я отметил огромный меч на его боку; навершие и гарда оцетинились острыми металлическими выступами, которые выглядели как шипы. Он изучающе посмотрел на нас и затем сделал две вещи, которые меня действительно удивили.

Во-первых, он снял шлем. Рога были, кстати, прикреплены к темному металлу. Я подготовил себя к зрелищу чего-то ужасного, но... Повелитель Гоблинов оказался вовсе не такой, каким я рисовал его в своем воображении.

На его лице отвратительная асимметрия гоблинов была преобразована – так или иначе. Хотя на нем преобладала масса неправильных черт, но они не вызывали омерзения, а казались какими-то обманчивыми, слегка приглушенными. Искривление его носа было явно приобретенным, а не врожденным. Старые, бледные шрамы не портили его лицо, а только добавляли шарма к его внешности. Стоя там перед Эрлкингом, я словно смотрел на что-то созданное вручную настоящим мастером; возможно, вырезанное из куска извилистого плавника, с его собственной странной красотой, и затем терпеливо облагороженное и отполированное; превращенное во что-то прекрасное и совершенно уникальное и своеобразное.

В его лице чувствовалась сила и власть, так же как и в его простом присутствии. Мы могли чувствовать это в воздухе вокруг него, напряжение и собранность чистого хищника который не часто остаётся без добычи.

Во-вторых, он с нечеловеческой элегантностью поклонился Сьюзен и, взяв ее за руку, прикоснулся губами к обратной стороне её пальцев. Продолжая улыбаться, она уставилась на него широко распахнутыми глазами, которые казались более удивленными, чем испуганными.

- Леди-охотница, - промурлыкал он. – Аромат новой силы веет над тобой. Она становится твоей сущностью.

Он перевел взгляд на меня и улыбнулся, показывая прямые, белые и ровные зубы. Мне пришлось постараться, чтобы не вздрогнуть под его взглядом. Эрлкинг имел ко мне счет. Мне лучше придумать план, и быстро, или я покойник.

- И новый Зимний Рыцарь, - продолжил он. – Я почти догнал тебя у Арктис-Тор, когда огры схватились с вами на склоне. Если бы вы отбыли на шестьдесят биений позже.... - он покачал головой.- Ты интригующая добыча, сэр Рыцарь.

Я поклонился Эрлкингу строго выверенным почтительным движением.

– Я благодарю тебя за комплимент, о Король, - я слегка склонил голову. – Хотя это - случайность, а не замысел, мое прибытие сюда, я унижен твоим великодушием, с которым ты принял нас как гостей в твоём доме. Мой хозяин.

Эрлкинг чуть наклонил набок голову, и затем уголки его рта приподнялись в еще одной веселой улыбке.

– Ха. Указываешь мне на мои же собственные слова, обещавшие этикет. Учтивость не близкий мой товарищ, поэтому возможно на этом поединке манер преимущество будет на твоей стороне. И этот зал уважает ум и мудрость так же, как и силу.

При его словах среди гоблинов пронесся ропот и пробежал по залу шепотом множества голосов, потому что я только что сделал что-то невероятно нахальное. Я сам вломился в обеденный зал к величайшему охотнику фейри – практически подал себя на подносе с яблоком во рту. Затем, используя досадный промах его языка, потребовал древнее право на защиту, как гость, таким образом, обязывая его, как хозяина, принять эту ответственность надо мной.

Я уже говорил это прежде. Традиции хозяина и гостя это - Большая сделка для этих людей. Это безумие, но они такие, какие есть.

Я почтительно склонил голову, вместо того, чтобы заявить: « Ух, ты! Нечасто слабому человеку удаётся перехитрить одного из фейри», что должно быть доказательством для любого, что я не лишен дипломатических способностей.

– Я не должен злоупотреблять твоим гостеприимством больше, чем это действительно необходимо, Повелитель Охотников. С твоей благосклонностью, мы немедленно отбудем и больше тебя не побеспокоим.

- Не слушай это, о Эрлкинг, - прокричало чистое женское сопрано. Я легко узнал Эсмеральду. – Оно говорит сладкие слова с ядовитым жалом, полным замысла обмануть тебя.

Эрлкинг повернулся, внимательно рассматривая пару вампиров, которые всё ещё оставались на ногах, невзирая на все усилия гоблинов, которые продолжали атаковать их. Несколько секунд, наклонив голову, он внимательно смотрел на них. Затем перевел взгляд на поверженных у их ног гоблинов.

– Охотники Красной Коллегии, я предлагаю вам продолжить. Я слушаю. Прошу сказать мне больше.

- Хитрая игра, несомненно, родственна этому чародею, - вступил Эстебан. – Оно было хорошо загнано в тупик, но к его стыду сбежало с заслуженного окончания охоты. С умыслом чародей привел нас сюда, в твои владения, намереваясь использовать тебя, о Эрлкинг, чтобы повергнуть его собственных врагов.

- Тот, кто охотится на лису, должен быть достаточно осторожен, и не преследовать её в логове Большой Медведицы, - ответил Эрлкинг. – Это - здравый смысл для любого охотника, по моему пониманию.

- Хорошо сказано, Повелитель Гоблинов, - мурлыкнула Эсмеральда. – Но этим действием, чародей планировал втянуть тебя в войну между его народом и нашим. Мы же охотились на *это* по недвусмысленному пожеланию нашего лорда и владельца, как часть нашей справедливо объявленной войны.

Красные глаза Эрлкинга сузились и резко метнулись ко мне. Я мог слышать низкий и злой отголосок в каждом его слове:

– Я считаю ничтожным любое существо, спасенное от преследования моими охотниками в согласии с древними традициями безо всякого вмешательства. Я сказал тебе правду, Сэр Рыцарь. Окажутся слова этого охотника правдой, и я наложу жестокую кару на тебя – такую, о которой будут говорить Могущественные шепотом страха в течение тысячелетий.

Я сглотнул. Я подумал над этим. Потом я поднял подбородок и спокойно произнес:

- Я даю тебе моё слово, как Рыцарь Зимней Династии, что у меня не было такого намерения, когда я пришел сюда. Случайность привела погоню в этот зал, о Эрлкинг. Я клянусь в этом своей силой.

Древний фейри тяжело смотрел на меня несколько долгих секунд, его ноздри раздувались. Потом он медленно поднял голову и кивнул.

– Итак, мне загадали загадку мои сообразительные гости, - его голос рокотал. Он перевел взгляд с Эббов и компании обратно на нас со Съезден. – Что делать со всеми вами? Я не желаю поощрять подобные визиты, как этот, – его рот скривился в отвращении. – Теперь я вспомнил, почему я не потакаю этикету, как это делают Сидхе. Подобные вещи восхищают их. Я нахожу их надоедливо гнетущими.

Очень большой, очень крепко-выглядевший гoblin громко предложил из передней части зала:

- Мой король, наложи кровавую плату на них всех. Они незваные гости в твоём королевстве.

Приколотим их головы на воротах как предупреждение любому, кто последует за ними.

Одобрительный грохот пронесся над толпой гоблинов.

Несколько мгновений Эрлкинг казалось, обдумывал эту идею.

- Или, - предположил я, - за подобным действием может последовать большее вмешательство.

Специальные слуги короля Красной Коллегии, конечно, могут бесследно исчезнуть без последствий. А вот Белый Совет чародеев будет испытывать очень сильные чувства относительно моего собственного исчезновения. Не говоря конечно о таком пустяке, как реакция Мэб. Я всё еще нечто новое, и она пока не устала от меня.

Эрлкинг махнул рукой.

– Нет, нет. Рыцарь красиво поймал меня на слове. Они гости, лорд Ордулака. Я не унижу свою честь, предавая этот древний договор, – он прищурился. – Мммм. Возможно, я должен общаться с ними более вежливо? Возможно, я должен настаивать, чтобы вы остались моими гостями, дабы я развлекал и заботился о вас весь последующий век, – он холодно слегка мне улыбнулся. – В конце концов, вы - первые гости в моём королевстве. Я могу найти весьма оскорбительным, если вы не позволите мне чтить вас должным образом.

Эббы переглянулись друг с другом и низко поклонились Эрлкингу.

- Великодушный хозяин, - сказал Эстебан, - твоё уважение к нам огромно. Мы с удовольствием останемся твоими гостями на любой срок, который ты сочтёшь подходящим.

- Гарри, - напряженно прошипела Сьюзен.

Ей не требовалось объяснять мне это. Задержка даже на несколько часов может означать смерть для Мэгги.

- Уважаемый хозяин, - спокойно начал я, – подобный путь будет более чем достойным тебя, учитывая... неожиданную природу нашего визита. Но я прошу тебя учесть мои обязательства перед моей Леди Мэб. Я следую в поиске, который не могу отложить в сторону, и который она полностью одобряет. Эта петля времени, которая возникнет в смертном мире, если ты согласишься на своих правах хозяина, может скомпрометировать мою собственную честь. Насколько я знаю тебя, ты, как приверженец чести, никогда не пожелаешь этого.

Эрллинг одарил меня взглядом, полным смешанной досады и веселья.

- У немногих Зимних Рыцарей были мечи, такие же быстрые, как твой язык, мальчик. Но я предупреждаю тебя: произнеси имя своей Леди в третий раз и тебе не понравится то, что последует за этим.

Я даже не подумал об этом. Адские колокола, он был прав. Произнесенное трижды имя Мэб здесь, в Небывальщине, могло на самом деле призвать её. И это означает, она будет не только незванным гостем в домике другого владыки, возможно уязвима перед его силой или влиянием, но уж точно будет недовольна одним надоедливым чародеем, который призвал её. Столкновение таких Сил было стопроцентно опасным, даже смертельным.

Я снова склонил голову.

- Конечно, мой хозяин.

Гоблин приблизительно пяти футов ростом и настолько тощий, что казалось порыв ветра сможет опрокинуть его на землю, появился из теней и робко взял шлем Эрлкинга. Он начал поворачиваться, чтобы отнести его прочь, замер, и предложил небрежным, шипящим, неприятным голосом:

- Мы все здесь хищники, мой лорд. Пусть всё решит испытание крови.

Эрллинг развел руками, словно это предложение было очевидным для всех присутствующих.

- Ну конечно, Раффурт. Ты как всегда даешь отличные советы.

Тощий гоблин низко поклонился и отступил в тень, его рот изогнулся в небольшой улыбке.

- Ох, - простонал я. – Вот дерьмо.

- Что? – спросила Сьюзен.

Я повернулся к ней и заговорил шепотом, который мог разобрать только её больше-чем-человеческий слух, в надежде, что гоблины не слышат лучше, чем она.

- Эрллинг не может навредить нам или позволить нам пострадать, пока мы его гости. Так же и для Красных. Но пока у нас конкурирующие требования, которые должны быть разрешены, он *может* настоять на испытании схваткой, чтобы выяснить, кто прав. Или по крайней мере, кто больше настаивает на своей версии событий.

Глаза Сьюзен округлились, когда она поняла.

- Если мы не захотим в драке доказать нашу версию событий, он вынесет решение против нас и в пользу Эббов.

Я кивнул.

- И это означает, он может объявить, что мы злоупотребили его гостеприимством, - зло пояснил я. – И он сможет свободно убить нас, вероятно без последствий.

- Но ты только что сказал...

- М... Я пока еще не принадлежу Зимней Королеве, - пояснил я. – Она, возможно, будет недовольна. Но спустя неделю она только лишь вспомнит обо мне.

- Но Совет...

- Я сказал, что они будут испытывать сильные чувства, - меня перекосило. – Я никогда не говорил, что они будут расстроены.

Глаза Сьюзен еще стали еще больше.

- В таком случае, испытание мастерства! - объявил Эрлкинг. – Состязание. Рыцарь и леди-охотница против двоих из вас, Красные охотники. Выберите, кто выступит на вашей стороне. – Он один раз хлопнул в ладоши. Звук был такой, словно рядом выстрелила небольшая пушка. – Подготовьте зал!

Гоблины мигом подчинились и растащили в стороны длинные обеденные столы с завидной энергией и эффективностью. Остальные начали разрывать камень голыми руками, на которых поблескивали черные когти. Они копали в нем как во влажной земле, быстро выдалбливая большой круг в полу, ограждая его канавой в шесть дюймов шириной и тридцать или сорок ярдов в поперечнике.

- Хозяин мой, мы едва ли вооружены, как следует для подобного испытания. Тогда как Красные охотники полностью экипированы для боя.

Эрлкинг снова развел руками.

– Ах, но они вооружились тем, что сочли необходимым для охоты. Настоящие охотники никогда не оказываются неподготовленными к тому, что мир может швырнуть им в лицо. Или, может быть, вы хотите сказать, что вы вовсе не охотники?

- Нет, - огрызнулась Сьюзен. – Конечно же, нет.

Эрлкинг глянул на неё и одобряюще кивнул.

– Я рад, что вы нашли себя достаточно вооруженными,- он посмотрел на Эббов обсуждающих что-то разъяренным шепотом, наверняка с нестандартным применением местоимений. – Право, мальчик, ты так ловок в игре слов, что я с радостью накормил бы тебя и направил бы дальше на твоём пути, приходи ты сюда без погони. Но я не буду провоцировать из-за пустяка гнев палаты лордов Внешней Ночи. Война с ними будет потерей множества отличных охотничьих лун, – он пожал плечами. – Итак, покажи себя достойным, и ты сможешь продолжить свой путь.

Я прочистил горло.

– А наши... славные гости?

Эрлкинг не изменил своего выражения и не улыбнулся, но мне внезапно пришлось собрать все силы и постараться, чтобы не отшатнуться от него.

– Мои залы полностью обустроены для приема всевозможных гостей. Есть комнаты в этих пещерах, полные хитроумных устройств, предназначенных для развлечения моей семьи и лишенные только подходящих... участников.

- Что случится если мы проиграем? – спросила Сьюзен.

- Если улыбнется фортуна, вы безболезненно умрете во время испытания. Если нет... - он пожал плечами. – Некоторые из моего народа – Раффорут, например, очень жаждут найти применение всем этим комнатам в моём зале. Вы развлечете их так долго, как только сможете выдержать. Что может длиться очень, очень долго.

Сьюзен глянула на Эрлкинга.

- В таком случае сделаем это. У меня тоже есть обязательства, которые я должна выполнить.

Он склонил перед ней голову.

– Как ты пожелаешь леди-охотница. Сэр Рыцарь, леди, прошу войти в круг.

Я двинулся вперед, Сьюзен шла рядом со мною.

- Как мы сделаем это? – спокойно поинтересовалась она.

- Быстро и жестко.

Её голос изменился.

– И откуда я знаю, что именно так ты и любишь?

Я коротко и искренне рассмеялся.

– Я думаю, это была единственная мысль в тот момент в моей голове.

- О, тогда мы были моложе, - откликнулась она. – Но сейчас наши роли полностью поменялись.

- Это означает, ты тоже хочешь быстро и жестко?

Она подарила мне хитрый и очень жаркий взгляд своих темных глаз из-под черной челки.

– Давай пока просто скажем, что есть кое-что, о чем стоит говорить время от времени, – она несколько раз крутанула ножку от стола.

Я наблюдал. Она остановилась и глянула на меня, пытливо приподняв бровь.

Моя крестная, возможно, подсказала мне путь к лечению, способ, который поможет мне избавить Сьюзен от кровожадного существа, которое наполовину её поглотило. То, что Братство Святого Жилия пыталось – и неудачно – сделать на протяжении сотен лет. Быть может, немного поработав над этим, я бы смог вернуть ей жизнь, дать ей контроль над своим разумом.

Но даже если я так сделаю, мы не сможем быть вместе. Не сейчас.

Мэб была достаточно плоха... и Адские колокола, я был так занят, что даже не подумал об этом, но Мэйв, Зимняя Леди, вероятно, была еще большим психом, чем сама Мэб. И она, безусловно, была более избалована, более порочна и ей очень нравилось играть в игры с теми, кто близок мне.

Я задумался, сколько времени пройдет, пока я потеряю себя. Недели? Месяца? Ни Мэб, ни Мэйв не захотят, чтобы я оставался самим собой. Я задумался, когда я стану тем, кем они захотят, чтобы я был, будут ли меня беспокоить воспоминания о том, какой я был? Что остальные люди будут значить для меня?

Всё, что я сказал Сьюзен, было:

- Я скучаю по тебе.

Она посмотрела вниз, и, моргая, отвела взгляд в сторону. Потом, когда сорвались первые слезинки, она нерешительно мне улыбнулась, – как если бы это было что-то, чего она давно не делала и теперь вспоминала, как это доводить до конца.

– Мне не хватает твоих шуток.

- Как ты могла так поступить? - спросил я тихо. – Как ты могла не сказать мне про неё?

- Отрывая часть от себя, - она была спокойна, – я знала, что это было неправильно. Я знала, что это было неправильно, когда делала это, и что... что я когда-нибудь пожалею об этом. Но я заботилась об её безопасности. Я не прошу тебя простить. Просто... просто понять.

Я думал об этом, когда лежал неподвижным и когда делал выбор у Каменного Стола.

- Да, - в горле пересохло. Подняв руку, я пальцами прикоснулся к её лицу и, наклонившись, поцеловал в лоб. – Я действительно понимаю.

Сьюзен шагнула ближе, и мы обнялись. Она казалась удивительно хрупкой и ранимой в моих руках. Мы немного так постояли, оба ощущая страх перед тем, что приближалось. Мы пытались игнорировать сотни красных глаз, наблюдавших за нами. Нам более или менее удалось это.

Ещё один пушечный выстрел эхом пронёсся по просторному залу и Эрлкинг произнес:

– Красные охотники. Пусть ваши выбранные чемпионы войдут в круг или вы проиграете испытание.

- Хорошо, - быстро проговорил я. – Ээбы конечно крепкие ребята, но их можно сделать. Они хороши, когда бьют из-за угла, но слабы в открытом бою. Я собираюсь поразить их кое-чем, что даст тебе время подобраться поближе. Бери того, кто будет слева. Возьмёшь вправо, и ты перекроешь мне линию огня, поэтому будь осторожна. Ты прикончишь одного, я сожгу другого, и мы получим памятные кофейные кружки об этом событии.

Сьюзен насупилась.

- Я перестала пить кофе. Кофеин, ты знаешь...

Я посмотрел на неё с притворным отвращением.

– Ты язычница.

- Отлично! – раздался голос Эсмеральды от дальнего конца круга. Она указала пальцем на одного из вампиров, накрытого сетями гоблинов. – Ты. Ты сделаешь это. Крошечная женщина нетерпеливо подошла к плененному монстру, отвратительному и жестокому в его истинной форме, и разрешила когтями странный материал сети, освободив пленника. Затем, не церемонясь, толкнула вампира в круг.

Один из её пехотинцев? Хорошо. Это может оказаться легче, чем я думал.

Появился Эстебан, идущий спокойно вперед.

Медленно нарастающий «бум-бум» сердцебиения пожирателя пришел вместе с ним. Пожиратель виднелся за Эстебаном, ужасный и голодно-выглядевший. После команды вампира он неуклюже вошел в круг, его черные глаза смотрели на нас с расстраивающей мощью. Я предполагал что-то такое, но даже так, для меня это выглядело, словно малыш Ик собирался кое с кем покататься.

- Вот, дерьмо, - слабым голосом выругалась Сьюзен.

- Когда круг замкнётся, - произнёс глубокий баритон Повелителя гоблинов, - испытание начнётся. Оно завершится, когда одна сторона будет повержена. Готовы ли чемпионы от Красных?

Все вампиры пронзительно завизжали, и даже Ик издал шипящую трескотню, как переполненный заварной чайник.

- И что мы будем делать? – отчаянно прошипела Сьюзен.

Я понятия не имел.

– Ты бери мелочь, - мой рот ответил самостоятельно. – Я разберусь с пожирателем.

- Точно, - ее глаза округлились. – Точно.

Снаружи круга, ровно по его центру появился Эрлкинг.

– Сэр Рыцарь! Вы и леди-охотница готовы?

Мы оба резко кивнули, не отрывая глаз от своих противников и не обращая внимания на хозяина этого места. Я начал собирать волю, и сила, бурлящая у меня в животе и груди, превратилась в странное давление позади глаз.

Эрлкинг вытащил меч и высоко поднял его, и каждый гоблин в зале начал реветь. Языки огня охватили лезвие меча, сплетаясь в зеленое пламя. Повелитель гоблинов дотронулся острием меча до углубления, ограничивающего площадку для боя, которое гоблины выкопали в камне.

Зеленое пламя с ревом и клубами грязного дыма поднялось вверх. Оно рвануло вокруг внешнего круга в обоих направлениях, пока два языка пламени не встретились в точке, противоположной той, откуда они начали свое движение.

Сьюзен закричала. Я закричал. Вампир закричал. Ик... сделал то, что делает чайник.

И затем мы все бросились убивать друг друга.

Глава 37

И вампиры, и пожиратель были быстрыми, но я уже сражался с ними прежде. Как сомневающийся Локи, мои предыдущие противники узнали, что не зависимо от того, насколько быстро ты двигаешься на своих ногах, ты не быстрее чем мысль.

Я резко выбросил заклинание, которое держал наготове, прежде чем любой из наших противников переместился дальше, чем на несколько шагов. Голая сила с воем пронеслась из моей вытянутой руки в сторону Ика, но я во вспышке внезапного вдохновения изменил траекторию удара и направил заклинание в вампира, который готовился к прыжку, находясь позади пожирателя. Вероятно, это было даже мудро, ведь вамп надеялся остаться в тени Ика, когда начнут раздавать пряники.

Я выкрикнул: «Forzare!» – и моя сила пригвоздила вампира под наклонным углом – прямо под ноги Ику.

Если у вас нет оружия, чтобы сражаться с вашими врагами, найдите способ, заставить ваших врагов стать вашим оружием. Если вам это удаётся, то вы смотрите просто восхитительно.

Пронзительно визжа, с противным хрустом, разбрызгивая отвратительную жижу, вампир попал под ноги Ика. Столкновение сбilo с толку прущее вперед массивное охотящееся существо. Его ноги запутались среди эластичных извивающихся конечностей вампира, и Ик рухнул на землю; неестественный барабанный бой его сердца усилился, отбивая удары с удвоенной яростью существа взбешенного от возникшего затруднения там, где это даже не рассматривалось.

Сьюзен мгновенно отреагировала и с невероятной скоростью приблизилась к растянувшемуся Ику. Пока пожиратель восстанавливал равновесие, её рука в быстром, размазанном для взгляда движении, обрушила дубинку сверху на его череп, заставляя его голову отскочить от пола.

Ик воспринял удар, словно это был нежный шлепок, отмахнувшись от Сьюзен когтями, но она успела подпрыгнуть в воздух, подогнув колени, тем самым, избежав хватающих её лап. Она легко перелетела через пожирателя под одобрительный рев гоблинов. Сьюзен приземлилась в стойке бейсболиста и заскользила вперед по залитому запекшейся кровью камню, чтобы вцепиться в горло полурастоптанного вампира.

Избитое тело, освобожденное от конечностей Ика, потеряв одну или две своих собственных, слабо подергивалось. Сьюзен замедлила скольжение вперед, останавливая движение буквально в нескольких дюймах, прежде чем её ноги соскользнули в зеленое пламя, окружающее бойцовский ринг.

Ик, шатаясь, поднялся на ноги и приготовился преследовать её, когда я, подняв свой боевой

жест, прорычал: « Fuego », - вкладывая в заклинание всю силу, которую смог пропихнуть через магический фокус. Синее-белое пламя, ослепительно яркое по сравнению со скорее тусклым зеленым огнем круга Эрлкинга, вызвало общий крик удивления и недовольства у собравшихся гоблинов. Струя пламени угодила в Ика, вырывая кусок черной, эластичной плоти размером с арбуз из массивных мускулов его спины. Его голова запрокинулась назад так резко, что макушка практически коснулась позвоночника, и он потерял равновесие еще на пару секунд, поскользнувшись в крови первого вампира в попытке повернуться ко мне.

Я бегло глянул на Сьюзен, когда это случилось. Полусокрушенный, полуразорванный вампир, дико размахивающий тем, что осталось от его когтей и клыков, с безумием берсеркера бросился в безнадежный, отчаянный бой в попытке удержаться в этой жизни.

Сьюзен получила жесткий удар в голову, и, когда она развернулась обратно, с ее губ капала кровь; она оскалила зубы, темные завитки и точки татуировок начали проступать на ее лице, как чернила каплями растекающиеся по воде. Отбросив импровизированную дубинку, она вцепилась обеими руками вампиру в горло и с расчетливым, точным усилием толкнула его голову в зеленый огонь. Хотя его жар казался не больше чем у походного костра, температура внутри этого пламени была столь же горячей, как у Солнца, поэтому, как только огонь начал пожирать вампира случился кровавый взрыв. Вампирский череп, попав в огонь, просто раскололся со всплеском испаряющейся жидкости и разлетелся крошечными осколками костей, похожими на шrapнель, накрывая Сьюзен и умирающего вампира огромным, темным, зловонным облаком.

- Сьюзен! – закричал я и метнулся в сторону, чтобы если я промажу, не попасть вслепую шальным зарядом пламени в облако. Я поразил пожирателя, выжигая маленькую ямку в одной из его рук, промазал с третьим ударом и набрал очков с четвертым, нанеся ожог размером с мое бедро на его конечности. Барабанный бой его сердца превратился в звучный, дробный ритм, как двойные бас-барабаны в спид-метал группе. Мои удары, казалось, еще больше его разъярили, и он целенаправленно метнулся вперед, намереваясь спихнуть меня в ограждающее кольцо огня или загнать в такое положение, при котором я не смогу избежать его цепких когтей.

Но то ли один из ударов по черепушке, то ли один из зарядов, которые я в него выпустил, замедлили его движение. Я рванул при его приближении, отскакивая в угол, стараясь выбирать путь, который позволит мне избежать атак пожирателя и его распротёртых когтей. При этом, я продолжал активно наносить удары, не давая монстру поймать меня в ловушку и прижать к кругу, ограждающему периметр.

Свирепая усмешка растягивала мне губы. Я, постоянно двигаясь, продолжал швырять разряды в ноги Ика, пытаясь замедлить его еще сильнее. Я думаю, только четверть из них достигла цели, но мои промазавшие стрелы пламени при встрече с пламенем Эрлкинга взрывались с ослепительными вспышками света. Адреналин обострил мои чувства, преподнося мне каждую картинку и звук с холодной чистотой, и я внезапно увидел, где была ахиллеса пята пожирателя.

Впрочем, наверняка это было сложно сказать по его чуждым движениям. Для лучшего обзора я бросился поближе, почти подставив голову под молотящий кулак, зато я увидел, что чуть ниже бедра, черная плоть на ноге Ика была потрепана и покалечена. Будь это смертная кожа и ткань, я бы решил, что это результат серьезного ожога, но то, что причинило ожоги, должно было быть горячим, как расплавленный металл и иметь форму зубов Мыша. Собака Фу добралась до Ика во время его столкновения с Томасом, нанеся раны, которые могли оставить его калекой. Вот почему он был вынужден сбежать. Если бы он остался, и Мыш нанес еще один подобный удар, он был бы полностью обездвижен.

- Удачи на сей раз, здоровяк, - услышал я свой голос. – Тебе некуда бежать.

Часть моего ума, которая всё ещё оставалась нормальной, подумала, что это чистое сумасшествие. Возможно глупая часть тоже. В конце концов, Ик всё еще гонял меня. Если он ударит меня одной из этих огромных, когтистых лап, это может легко превратить кости в студень в любой части моего тела, на которую придётся удар.(Возможно, за исключением моей головы. Я утверждаю, что все доказательства указывают на тот факт, что кто-то сделал алмазный апгрейд моему черепу, пока я отвернулся в сторону).

Я дрался и шумел изо всех сил, но так не могло продолжаться вечно. Я вёл по очкам, может

быть, замедлил Ика еще больше, но и близко не был к тому, чтобы его прикончить.

Всё это сводилось к простому вопросу: «Был ли Ик лучше на приеме, чем я на подаче?» Если так, то я уже жил взаймы и, продолжая кидаться магией в это существо, только повышал проценты. Прежде, чем я смог выяснить это, бой изменился.

Ик сделал болезненное усилие и подобрался достаточно близко, чтобы достать меня. Я внезапно потерялся во времени, почти упал, превращая падение в несколько спотыкающихся шагов, и восстановил равновесие. Ик развернулся для преследования, и в этот момент из клубов сального дыма возникла Сьюзен.

Её татуировки поменяли свой цвет с чёрного на глубокий темно-малиновый, она двигалась с прекрасным изяществом и в совершенной тишине. Поэтому когда она грациозно и бесшумно обрушила стальную ножку от стола на колено пожирателя – на его раненной ноге, как сюрприз – монстр оказался полностью беззащитен перед этим.

Раздался резкий, ужасный треск, звук, который я мог сравнить только с падающим деревом или может быть с орудийным огнем малого калибра, если бы я услышал это где-то в другом месте. Стальная палка неожиданно сильно вмяла колено Ика внутрь, придав ему угол почти в тридцать градусов.

Он взревел от боли, и одна лапа резко метнулась назад, к напавшей на него Сьюзен. Ик ударил, и хотя он потерял равновесие, и удивленно падал, когда делал это, этот удар всё равно отбросил Сьюзен на десять футов назад на землю. Её дубинка со звенящим, металлическим лязгом вывалилась у неё из руки и покатилась, звеня как крошечный гонг, в окружающее площадку пламя.

Жар зеленого пламени срезал половину ножки стола так же легко, как это может сделать любая высокотемпературная горелка. Цвета пламени разбавились полосками янтарного, фиолетового и медно-красного. Оставшаяся половина откатилась в сторону, ее края были раскалены добела.

Я заметил это периферийным взглядом усилившегося зрения.

Сьюзен приземлилась на спину, изогнувшись под невероятным углом.

Пока я, теряя драгоценные моменты, стоял застывший от шока, Ик, пошатываясь, двинулся ко мне. Пожирателю хватило времени, чтобы приблизиться, схватить меня своими когтистыми лапами и зашвырнуть на двадцать футов через круг, и всё это – за несколько секунд моего замешательства.

И снова заклятия на моём плаще устояли перед грубой силой лап Ика, но это не был смазанный удар или незначительный ушиб, один из многих собранных мною за все мои приключения. Это был полноценный кувалдоподобный удар, такой же, как тот, что вмял «Голубой Жучок» в модную спортивную тачку Томаса. Это было именно то, чего я боялся, и, когда моё тело рухнуло на землю, на меня нахлынуло полное спокойствие, наряду с воплями бесновавшихся гоблинов.

Я был покойником. Всё просто. Единственный вопрос был, успею или нет я почувствовать боль, которая запаздывает из-за шока от удара. И, ну конечно, успею ли я нацелить своё смертное проклятье.

Мое сгруппированное тело смягчило удар, и я застыл на боку, свернувшись калачиком. Ик запрокинул назад голову и издал булькающий звук заварного чайника. Его сердце грохотало как ирреальный гром, и моё тело внезапно наполнилось холодом, словно я упал в озеро, полное ледяной воды.

Ик направился ко мне, в его движениях была видна боль. Он взвыл и поднял обе лапы над головой, приготовившись обрушить их вниз, на мой череп. У меня почти не осталось времени, чтобы произнести смертное проклятие, сказал тихий здоровый голос у меня в голове.

А затем другой голос в моей голове, гораздо громче и гораздо злее, протестующе закричал. У меня в мозгу пронеслись картинки с изображением Мэгги, рядом с картинами её смерти – или хуже – она в руках Арианны. Если бы я умер здесь, не было бы никого способного вырвать её из темноты.

Я должен попытаться.

Я ударил обоими кулаками по наименее поврежденной ноге Ика, выпуская всю оставшуюся энергию из колец.

Я полагаю, со стороны это выглядело как один из этих двойных ударов кулаками из кун-фу, хотя единственной вещью, которую сделали мои кулаки, так это пополнили коллекцию синяков и маленьких шрамов. Несмотря на это, энергия, высвобожденная из колец, ударила по ноге пожирателя так сильно, что вывернула её параллельно полу. Ик опрокинулся.

Я отчаянно перекатился и буквально на волосок избежал участи быть смятым в лепешку. Монстр упал, свистя от боли.

И внезапно я увидел способ прикончить его, который никогда бы не заметил, если бы не лежал на спине, пялясь вверх.

Я поднял жезл и направил его в точку на потолке, который был скрыт густыми тенями, но всё ещё виден. Это был естественный свод пещеры. Пол в главном зале мог быть покрыт резьбой и отполирован до блеска, но сталактиты размером с городской автобус свисали с потолка как какие-то чудовищные, беспощадные зубы. Я оглянулся, чтобы убедиться, что Сьюзен находится на противоположной стороне круга, как можно дальше от того, что я собирался обрушить вниз. Затем я швырнул свой страх и ярость в основание огромного каменного клыка, который виднелся прямо над нами, вложив в это всю оставшуюся волю. Сине-белое пламя взревело, выплеснувшись из жезла с такой силой, что от покрытого рунами инструмента во все стороны полетели пылающие щепки. Оно с оглушительным ударом попало в сталактит, висевший высоко над нами. Ик поднял лапу и протянул ее к моей голове.

Я взметнул вверх руки, прошипел: «Аparturum», - с последним напряжением воли разрезая ткань пространства между царством Эрлкинга и материальным миром. Я раскрыл круглый проход четырех футов в ширину, плывущий на высоте трёх футов над землёй параллельно полу, направленный так, чтобы его точка входа была на верхней стороне. Затем я свернулся под ним, в позе зародыша и попытался прикрыть голову руками.

Тонны и тонны камня с медленной, смертельной грацией начали падение вниз. Сердцебиение пожирателя ускорилось в два раза. Затем раздался невероятный звук, и весь мир куда-то исчез.

Я лежал несколько секунд, не смея шевельнуться. Камни падали еще какое-то время, возможно, несколько минут, прежде чем звук падающих скал начал медленно стихать, как стихают хлопки попкорна на сковородке, перед тем как он начинает гореть. Короче, вы знаете, с более скалистым звуком.

Только тогда я позволил себе поднять голову и осмотреться.

Я лежал в идеально круглой четырехфунтовой могиле, которая была около пяти футов в глубину. Края могилы были идеально ровными, хотя виднелись сколы и трещины, которые возникли от множества разнокалиберных кусков камня – от небольших, размером с мой кулак, до огромных, величиной в пол автомобиля.

Надо мною слегка мерцал открытый Путь. Все камни, которые падали на меня, вместо этого попали в открытый мною портал и вывалились в смертном мире.

С глубоким вздохом я закрыл глаза. Я надеялся, что никто не крутился поблизости от того места, где заканчивался Путь. Может быть в кафетерии ФБР? Не было способа узнать, кроме как пройти и посмотреть. Я не хотел оказаться виновником косвенного ущерба от чего-то такого, как это.

Моя здравомыслящая часть мозга указала, что есть шансы, что мы говорим вовсе не о падающих камнях. Материя из мира духов превращается в простую эктоплазму, когда попадает в мир смертных, кроме тех случаев, когда в неё вкладывают энергию для сохранения её состояния. Я определённо не пытался накачать энергию в камни, когда они угодили в открытый Путь. Таким образом все, что я сделал -это сбросил несколько дюжин тонн слизи в случайное место в здании ФБР – слизи, которая через пару мгновений испарится. Это чрезвычайно уменьшало возможность травм у некоторых наиболее невезучих сотрудников ФБР.

Я решил, что мы с моим здравомыслием сможем прожить с этим.

Я взмахом руки и усилием воли сомкнул Путь и медленно поднялся. Когда я сделал это, я почувствовал себя слегка потрепанным и до дрожи усталым. Но то, чего я не чувствовал, была... боль.

Я попробовал сбить с себя пыль и хорошенько осмотреть свои раны. У меня должны быть сломаны ребра. Разорваны внутренние органы. У меня должно быть кровотечение из всех мест.

Но, что я могу сказать, у меня не было даже растяжения.

Была ли это сила Мэб, бегущая через меня, окружающая меня?

У меня не было никакого другого объяснения этому. Блин, когда мы со Сьюзен бежали из здания ФБР, она была первой, кому понадобилось отдышаться, в то время как я совершенно не

чувствовал потребности дышать больше, чем при походе за почтой. С этой точки зрения, я опережал пожирателя в течение этого боя.

Я подумал, что вероятно должен был почувствовать тревогу от внезапного роста моей физической скорости и крутизны. Но, учитывая то, что мне пришлось заплатить за них, я не чувствовал ничего, кроме удовлетворения. Я нуждался в любом преимуществе, которое смогу получить, чтобы забирать Мэгги у Красной Коллегии.

Я огляделся, поскольку зеленый огонь, окружавший место схватки, начал затухать и гоблины, заполнившие зал, буквально взорвались в оглушительной, жуткой симфонии одобрительного завывания.

Я выкарабкался из дыры, перебрался через гору щебня размером с мусоровоз, и поспешил к Сьюзен, лежавшей на противоположной стороне круга.

Она лежала неподвижно и безмолвно, вся покрытая маленькими порезами и кровоподтеками. Её кожаные штаны сияли сотнями маленьких дырочек – осколки кости взорвавшегося вампирского черепа, я полагаю. Её спина была согнута и скручена. Я не мог сказать, насколько плохо всё было. Я подразумеваю.... Сьюзен всегда была очень гибкой, и у меня было больше причин знать это, чем у большинства. Но с её телом, изогнутым вот так было сложно что-то сказать.

Она дышала, и её татуировки всё ещё покрывали её лицо, теперь ярко-алые. Её пульс был очень медленным, и я не мог сказать, был ли он устойчив. Я наклонился вниз и приоткрыл ей одно веко.

Её глаза были черными. Полностью.

Я облизнул губы. Татуировки были индикатором опасности, который использовало Братство. Когда вампирическая натура Сьюзен начинает оказывать влияние на её действия, появляются татуировки; сперва они черные, но если вампир внутри получает больший контроль, они светлеют до ярко-красного цвета. Сьюзен была без сознания, но как только она очнется, она будет безумна от жажды крови. Она почти убила меня в прошлый раз, когда это случилось.

На самом деле, это было как раз то, с чего начался весь этот бардак.

Её тело было покрыто ранами различных размеров, и я подумал, что знаю, что случилось. Это была инстинктивная тяга вампирической половины её сущности восстановить поврежденную плоть, но поскольку Сьюзен не предоставляла этой половине хлеба насущного, она могла предложить только ограниченную помощь.

Она нуждалась в крови. Но если она, получив её, проснется и решит что ей просто нужно больше... порция.

Дыхание Сьюзен продолжало замедляться. Оно прекратилось на секунду, и я почти запаниковал.

Потом я покачал головой, достал перочинный нож из кармана плаща и, раскрыв его, порезал левую ладонь, там, где старые шрамы от ожогов были наиболее толстые, и где всё ещё не до конца восстановилась чувствительность.

Я сложил руку лодочкой, пока собирал кровь внутри своей ладони. Затем, очень аккуратно, я наклонил вниз ладонь так, чтобы несколько капель упали Сьюзен в рот.

Вы бы подумали, что я пропустил разряд тока через её тело. Она задрожала, замерла, затем дугой выгнула спину. Странные щелкающие звуки раздались от её позвоночника. Её пустые черные глаза раскрылись, и она тяжело задышала, пытаясь губами вслепую найти мою руку, как младенец пытается найти материнский сосок. Я приложил руку к её рту и позволил крови течь тонкой струйкой.

Она вяло подрагивала под моей рукой, смакуя кровь, словно это был шоколад, массаж, отличный секс и новая машина - всё, в одном флаконе. Спустя две минуты медленных, сонных, игривых движений, её глаза внезапно сфокусировались на мне и затем прищурились. Она вцепилась в мои руки ладонями, и я направил правый кулак ей в лицо.

Я не затягивал с ударом. Если её темной натуре позволить усилиться, это уничтожит её, и побочно, в процессе, убьёт меня. Её голова с треском ударилась о землю, и Сьюзен, ошеломлённая, заморгала глазами.

Я поднялся, сделал несколько шагов назад и спрятал раненую руку в карман. Я был уставший и ощущал шок. Вся моя рука оцепенела. Я отступал до тех пор, пока не почувствовал уверенность, что успею вовремя построить щит, если она бросится на меня.

Я узнал, когда Сьюзен пришла в себя. Её дыхание замедлилось, стало уравновешенным и устойчивым. Ей пришлось потратить пять или шесть минут, чтобы взять под контроль свою темную сторону, но, в конце концов, она сделала это. Сьюзен медленно села, облизнула окровавленные губы и на секунду затрепетала в экстазе, после чего торопливо провела рукавом по губам и заставила себя встать на ноги. Она оглядывалась вокруг с диким, ужасным страхом в глазах, – пока не заметила меня.

Мгновение она смотрела на меня, прежде чем на секунду закрыть глаза.

- Хвала Господу – прошептала Сьюзен.

Я кивнул ей, приглашая стать возле меня. Я ждал, пока она подойдет. Потом мы оба повернулись лицом к Эрлкингу.

В стороне, члены Красной Коллегии оставались там же, где они были – за исключением того, что Эстебан и Эсмеральда были тоже пойманы в ловушку сетей гоблинов. Я, очевидно, был слишком занят Сьюзен, чтобы слышать звуки любой борьбы после боя, но я полагаю, что она была. Как только Ик начал падать, они, должно быть, сделали попытку сбежать. Однако, на сей раз они не имели преимущества неожиданного появления перед гоблинами сосредоточенными на приеме пищи.

На этот раз гоблины, вероятно, взяли их до того, как они сделали хоть пару шагов. Оба из Эббов с неприкрытой ненавистью, нарисованной на их оскаленных лицах, уставились на нас со Сьюзен.

Эрллинг, слегка улыбаясь, секунду смотрел на схваченных вампиров.

– Хороший бой, - сказал он глубоким звучным голосом.

Мы оба слегка преклонили перед ним головы. Затем он поднял руку и один раз щелкнул пальцами. Это отозвалось эхом, как от выстрела огнестрельного оружия.

Крики ужаса раздались со стороны полностью беспомощной Красной Коллегии, когда волна из нескольких сотен, жаждущих жестоких развлечений гоблинов, захлестнула их. Я мгновение с болезненным удовлетворением наблюдал за этим, но затем отвернулся в сторону.

Я ненавидел Красную Коллегию. Но всему есть пределы.

У семьи Эрлкинга их не было.

- Как насчет Красного Короля? – спросил я его. – Палаты лордов Внешней Ночи?

Его красные глаза замерцали.

– Народ Его Величества был не в состоянии доказать свои мирные намеренья. Испытание установило их обман к удовольствию закона и традиций. Пускай он вопит от ярости, если такова его воля. Начни он войну по этому поводу, все фейри повернутся против него. И на его людей можно будет отлично поохотиться.

Над криками Красной Коллегии – особенно пронзительно визжала Эсмеральда – пронесся через зал грубый смех. Звук танцевал со своим собственным эхо. Это походило на слушание официального саундтрека Ада. Появился гoblin, осторожно, словно она была докрасна раскалена, неся в толстых кожаных перчатках то, что осталось от дубинки Сьюзен. Прикосновение железа и его сплавов мучительно для существ Небывальщины. Сьюзен невозмутимо приняла сталь, кивнув гоблину.

- Тогда, я полагаю, - проговорил я спокойно, - что мы свободны?

- Если я не отпущу тебя сейчас, - произнёс Эрллинг почти приветливым тоном, - как же тогда я познаю удовольствие охоты на тебя каким-нибудь отличным, погожим вечером?

Я надеюсь, я не слишком громко сглотнул.

Повелитель Охоты повернулся, лениво махнул рукой, и возле нас засветился путь в бытие. Зеленый свет, который позволял нам видеть, начал быстро темнеть.

– Можете наслаждаться своей собственной хорошей охотой, Сэр Рыцарь, леди-охотница.

Пожалуйста, передайте мои поздравления Зимней Королеве.

Мой здравый разум уснул, словно по щелчку выключателя и я буркнул:

– Я передам. С удовольствием, Эрл.

Возможно, он не заметил этого. Он только чуть склонил набок голову, как собака, которая слышит новый звук.

Мы все вежливо поклонились друг другу, и мы со Сьюзен шагнули на Путь, стараясь не

отводить глаз от нашего хозяина.

Мир замерцал, исчез зал ужасов, взамен появилось огромное, оформленное в деревенском стиле здание. От фундамента до крыши оно было заполнено всем, что может понадобиться для стрельбы, ловли, поиска, отслеживания, рыбалки, потрошения, свежевания, приготовления и поедания чего-то угодно, что может бегать, ползать, прыгать или плавать.

- Какого черта? – смущенно сказала Сьюзен, оглядываясь.

- Эй, - возмутился я. – Это «Охота и рыбалка» в Болингбруке. Имеет смысл, я полагаю.

- Я не это имела в виду, - сказала она и показала. – Посмотри.

Я проследил её взгляд к большим часам на дальней стене большого здания.

Они показывали, что нынешнее время девять тридцать пополудни.

Спустя тридцать минут после времени нашего отбытия.

- Как это может быть? – требовательно спросила Сьюзен. – Мы были там в течение получаса.

Смотри. Мои часы говорят что два.

Моё сердце начало биться быстрее.

– Адские колокола, я даже не подумал об этом.

- О чем?

Я начал идти. Сьюзен запихнула остатки дубинки за полку и последовала за мной. Мы, должно быть, представляли собой очаровательное зрелище, оба волочили ноги, оборванные, усталые и израненные. Несколько поздних покупателей косились на нас, но никто не решался подойти и выяснить в чем дело.

- Время может бежать по-разному в Небывальщине, совсем не так, как это происходит здесь, - объяснил я. – Все эти истории о людях, развлекавшихся с фейри одну ночь и проснувшихся в новом столетии? Именно поэтому так случается. – Следующее звено в логической цепочке оказалось фальшивым, и я застонал, - О! О, проклятие!

- Что? – встревожилась Сьюзен.

- Это - трёхчасовое путешествие к Чичен-Ице, - сказал я тихо. – Мы не сможем добраться туда к полуночи. – Свинцовые бруски начали давить мне на живот, на плечи, и на затылок. Я наклонил голову и горько прошептал. – Мы слишком поздно...

Глава 38

- Нет, - с отчаянием воскликнула Сьюзен. – Нет! Подразумевается время вовсе не по Гринвичу. Эти существа не проводят свои церемонии, основываясь на часах. Они используют звёзды. Мы знаем только примерное время. Это может случиться после полуночи.

«Это может случиться за полчаса до полуночи», - подумал я, но вслух этого не произнес. Вместо этого я кивнул. Она была права. Что она говорила просто не чувствовалось верным, но я знал, что она была права. Я заставил себя игнорировать тихий шепчущий голос в ушах, предвещающий неудачу.

- Верно, - кивнул я. – Продолжаем двигаться на максимальной скорости. Нам нужно вернуться обратно к Святой Марии и забрать всех оттуда.

Сьюзен кивнула.

- Полчаса, если не будет пробок.

- И если у тебя есть машина, - буркнул я, - которой у нас нет.

Рот Сьюзен расплылся в улыбке.

- В таком случае нам повезло, что их на парковке полным-полно.

Я открыл перед Сьюзен парадную дверь и, следуя за ней по тротуару, почти попал под колеса изумрудно-зеленого длинного лимузина с фигурным удлиненным капотом и блестящей хромированной решеткой, выдающей, что это было сделано в экстравагантные годы после Второй Мировой войны. Лимузин закрипел, останавливаясь, и шофер, одетый в деловой черный костюм, покинув автомобиль, поспешил вокруг него к ближайшей от нас двери. Он был среднего роста, стройный, молодой и достаточно красивый, чтобы быть актером или моделью – даже чересчур красивый, поэтому я немедленно решил, что он не был человеком.

Как только я так подумал, я внезапно увидел истинное обличие молодого лорда сидхе, одетого в изумрудно-зеленую тунику и трико, всё с оттенками глубокого фиолетового. Его золотистые волосы

были завязаны в тугую косу, которая спускалась ниже талии, и у него были пронзительные кошачьи, янтарные глаза. Он заметил мой пристальный взгляд и отвесил мне небрежный поклон, только слегка склонив голову к груди, а затем открыл дверь лимузина.

Леанансидхе выглянула с дальнего конца пассажирского отделения с недовольным выражением на лице.

– Это была твоя последняя выходка, дитя. Какое безумие охватило тебя, когда ты решил нанести светский визит Охотнику? Он недоволен тобою. Знаешь ли ты, что это означает?

Сьюзен напряглась и сделала шаг назад. Моя крёстная заметила это и благосклонно улыбнулась ей зубастой улыбкой.

- Не бойся, полу-дитя. У меня нет причин обуздывать тебя снова, если, конечно, ты не захочешь узнать, к чему это может привести, – она бросила взгляд вверх, на ночное небо, почти скрытое за всем этим световым загрязнением, и задумчиво продолжила. - Конечно, нам придётся потворствовать такому любопытству в другое время.

- Крёстная, - сказал я, пристально глядя на нее. – Какая... у тебя большая машина.

Она показала на меня пальцем.

– Лучшая, чтобы отвезти тебя к Дому Плачущей Матери, так чтобы мы смогли отправиться на наши поиски, дитя. Гленмаил, помоги им, будь любезен. Мы играем в гонки со временем.

Юный сидхе элегантным жестом показал на заднюю часть лимузина и предложил мне руку для поддержки.

Я бросил на него сердитый взгляд (вызвав еще один шуточный поклон) и помог Сьюзен сесть в машину. Я забрался внутрь без чьей-либо помощи, и, спустя короткий срок, мы сидели в задней части машины лицом к лицу с моей крестной. Юноша сидхе захлопнул дверь и уселся за руль.

- Нелепо, - сказала Леа, с порицанием глядя на меня. – Ты выглядишь крайне нелепо.

Я обескуражено глянул на неё и затем вниз на себя. Ладно, хорошо, согласен. Меня испачкали в зловонной жиже, а затем вывалили в пыли и обломках, и у меня был кровоточащий порез на одной руке, который не добавлял мне опрятности. Джинсы, казалось, побывали в мясорубке; футболке уже не поможет никакой ремонт, она грозилась расползтись на лоскуты; и даже мой плащ выглядел грязным и растянутым. Сьюзен была не в лучшем состоянии.

- Я не собираюсь на званый ужин, крёстная, - недовольно буркнул я.

Её голос изменился.

– Это зависит от того, кто выиграет битву, я думаю, – она осмотрела меня и покачала головой. – Нет. Нет, так дело не пойдет. Прежде всего, у моей королевы есть определённая репутация, которую надо поддерживать. Твой первый бой как Зимнего Рыцаря нуждается в чем-то чуть менее... постапокалиптическом. – Она с критическим выражением посмотрела на Сьюзен. – Мммм. И твоей любовнице нельзя позволить бросить тень на тебя и, как следствие, на королеву.

Я кое-что тихо пробормотал.

Сьюзен приподняла бровь.

– Его любовнице?

- Его возлюбленной, матери его ребёнка, той, на ком он пока не женился? Я считаю, термины не так уж важны, дорогая. – Леа махнула рукой. – Слова. Ла-ла. Давай мы посмотрим.

Она задумчиво провела пальцем по кончику носа, глядя на меня.

- Давай начнем с шелка.

Леа прошептала слово, провела передо мною рукой, и моя одежда начала корчиться, словно она была создана из единого, плоского организма, который не был пока достаточно любезен, чтобы скончаться. Ощущение было ужасным, и я ударился головой о крышу лимузина, подпрыгнув от удивления.

Несколько секунд спустя, сжав ладонями голову, я глянул на крёстную.

- Я не нуждаюсь в какой-либо помощи.

- Гарри, - голос Сьюзен звучал сдавленно. Она смотрела на меня удивленными глазами.

Я глянул вниз и обнаружил себя облаченным в шелковые одеяния. Моя футболка превратилась в туго обтягивающую мой торс рубашу из темно-серого шелка. Поверх нее был надет жилет цвета черной полуночи, усыпанный аметистами, сине-зелеными опалами и бледными, изысканными

жемчужинами. Плотнo обтягивающее и белоснежно- белое трико так же было сделано из шелка, в то время как кожаные сапоги, которые поднимались до колен, были такими же темно-серыми, как и рубаха.

Я уставился на себя. Затем перевел ошарашенный взгляд на Сьюзен.

- Вау, - присвистнула Сьюзен. – У тебя... у тебя действительно *есть* крёстная фея.

- И у меня никогда не было возможности проявить себя, - сказала Леа, рассеянно меня изучая. – Это не подойдёт. – Она снова взмахнула рукой. – Может быть, чуть больше...

Моя одежда вновь зашевелилась, ощущение было такое странное и назойливое, что я опять дернулся и стукнулся головой о крышу.

Мы перебрали дюжину костюмов примерно за шесть минут. Викторианский костюм и пальто с фалдами были отвергнуты в пользу другого шелкового наряда, навеянного воспоминаниями об императорском Китае. Затем Сьюзен и Леа действительно увлеклись проектом, обмениваясь комментариями о каждом наряде и игнорируя абсолютно каждое слово, которое срывалось с моих губ. На седьмом костюме я даже не пытался принимать участия в обсуждении того, во что меня облачали.

Мне подбирали одежду, черпая вдохновение из самых разнообразных культур и исторических эпох. Я назойливо лоббировал возвращение моего кожаного плаща, но Леа заткнула меня и продолжила разговаривать со Сьюзен.

- Какой наряд действительно подходит для того, чтобы достать эту сучью козу? – спросила её Сьюзен.

Наконец-то рот Леа изогнулся в улыбке, и она произнесла:

- Идеально.

Моя одежда еще раз зашевелилась, и я обнаружил себя одетым в богато украшенную броню в готическом стиле, похожую на ту, которую носили в Западной Европе в пятнадцатом столетии. Она была черной и сочленённой, с причудливыми оплечьями лат и нелепо украшенным нагрудником. Повсюду была золотая филигранная чеканка, и эта штукавина выглядела так, словно должна была весить шесть сотен фунтов.

- Кортес носил броню только в этом стиле, - прошептала Леа. Она изучающе посмотрела на мою голову. – Хотя она нуждается...

Тяжесть внезапно сдавила мне череп. Я терпеливо вздохнул и, подняв руки, снял конкистадорский шлем, украшенный так же, как броня. Я положил его на пол лимузина и твердым голосом отчеканил:

-Я не ношу шляпы.

- Не пудри мне мозги, - оскалилась Леа. – Арианна всё ещё ненавидит европейцев и жаждет мести, ты знаешь. Вот почему она взяла в мужья конкистадора.

Я изумился.

– Ортегу?

- Ну конечно, дитя, - улыбнулась Леа. – Между любовью и ненавистью часто сложно найти разницу. Она покорила сердце Ортеги, изменила его, вышла за него замуж и провела столетия после, разбивая его сердце снова и снова. Призывая его и потом отсылая его прочь. Приближаясь к нему и отдаляясь от него. Она говорит, что это поддерживало её ненависть свежей и горячей.

- Это объясняет, почему он работал в кровавой Бразилии, - хмыкнул я.

- Именно. Хммм, – она щёлкнула пальцами и добавила темно-серый плащ в римском стиле на мои расширенные броней плечи, прочно закрепив его на нагруднике. Еще один щелчок слегка изменил стиль моих сапог и добавил глубокий капюшон на плаще. Затем Леа задумчиво поменяла спектр цвета на броне от естественного золотого до зеленого, и чем дальше рисунок находился от моего лица, тем насыщеннее был синий и затем фиолетовый, придавая золотой чеканке холодный, устрашающий и сюрреалистичный вид. Она добавила еще одну часть к плащу, из-за чего спереди он стал напоминать мантию, подпоясанную на талии поясом глубокого темно-фиолетового цвета. Последнее изменение сделало броню на моих плечах чуть шире и толще, придавая мне вид игрока в футбол, каким я его запомнил по пятничным ночам в средней школе.

Я осмотрел себя и сказал:

- Вот это смешно. Я выгляжу как вариант Рыцаря Джедая от Геймс Воркшоп.

Сьюзен и Леа недоуменно посмотрели на меня, потом переглянулись друг с другом.

- Проклятье, я хочу обратно свой плащ, - просветил их я.
- Это старое тряпье? – Леа подняла брови. – Ты можешь сохранить картинку.
- Я хочу картинку моего плаща, - повторил я упрямо.
- Гарри, - успокаивающе начала Сьюзен. – Она, должно быть, пытается выгадать в этом практические преимущества.

Я покосился на ней. Затем на свой наряд.

– Практические?

- Появление и первое впечатление - могучие вещи, - пояснила она. – Использованные правильно, они - оружие сами по себе. Я не знаю, как ты, но я хочу любое оружие, которое смогу заполучить.

Леа прощепетала:

- Верно.

- Ладно. Я не вижу причины, почему моя картинка не может носить мой плащ. Так же, мы должны быть быстрыми. Этот... фасончик сковывает меня, и он чертовски тяжелый.

Уголки рта Леа чуть приподнялись.

– Да ну?

Я сердито покосился на неё. Затем потряс плечами и немного повернулся. Было что-то упругое и эластичное в основе материала брони, с которым сталь нельзя было даже сравнивать. Что еще важнее, только сейчас, когда я начал двигаться, я не почувствовал его вес. Вообще. Я чувствовал себя так, словно был одет в удобную пижаму.

- Никакой смертный не мог разрушить эту броню силой мирского оружия, - проговорила Леа невозмутимо. – Какое-то время она выдержит удары даже таких существ, как вампиры Красной Коллегии. И она должна помочь тебе оградить разум перед волей палаты лордов Внешней Ночи.

- Должна? – спросил я. – Что ты подразумеваешь, под «должна»?

- Они - древняя сила, крестник, - ответила Леа и улыбнулась мне кошачьей улыбкой. – У меня не было удобного случая проверить, какова моя новая сила против них. – Она осмотрела меня еще раз от верха до низа и удовлетворенная кивнула. – Ты выглядишь презентабельно. Теперь ты, дитя, - сказала она, поворачиваясь к Сьюзен. – Давай мы посмотрим, что можем сделать для тебя.

Сьюзен перенесла весь процесс намного лучше, чем я.

Мне нечем было заняться, пока они работали. Я посмотрел в окно и увидел, как мы проскочили мимо патрульной машины, словно она стояла на месте, а не неслась по шоссе с мигалками и ревом сирен. Мы были, должно быть, как минимум раза в три быстрее, раз так быстро оставили её глотать за нами пыль.

Патрульный не отреагировал на наш проезд, и я понял, что Гленмаил должно быть скрыл машину чем-то вроде завесы. Я так же заметил, что он управлял лимузином с совершенно невероятным мастерством; проносясь через уличное движение, он разминался с другими автомобильными бамперами и крыльями буквально на дюймы, притом, что его никто не видел. И не только это. Я совершенно не чувствовал движения внутри пассажирского салона. По всем правилам мы должны были чуть ли не отскакивать от окон и крыши, но ничего не чувствовалось, словно машина стояла на месте.

Короткий конец длинной истории: он доставил нас к Святой Марии меньше чем за пятнадцать минут и оставил мне несколько дюжин новых седых волос в процессе.

Мы остановились, и Гленмаил открыл дверь в пассажирский салон, казалось в тот же самый момент, когда вес машины неподвижно замер, удерживаемый ручником. Я вылез, темно-серый капюшон накрывал мою голову. Моя тень на тротуаре передо мною выглядела чертовски огромной и пугающей. Абсурдно, но от этого я почувствовал себя чуточку лучше.

Я повернулся, чтобы помочь Сьюзен выбраться, и почувствовал, как моя нижняя челюсть унеслась куда-то к земле.

Её наряд был... хм, дьявольски горячим.

Золотистый головной убор был первым, что я заметил. Он был украшен перьями, скрепленными огромным нефритом с вырезанными на нем печатями и символами, как те, которые я видел на каменном столе, и переливался мерцающими драгоценными камнями арктических оттенков. На секунду я подумал, что её вампирическая натура начала снова просыпаться, потому что её лицо было

покрыто тем, что я принял за татуировки. Второй взгляд раскрыл мне, что это было что-то вроде дизайнерских штучек, словно нарисованное хной, но гораздо более примитивное и дико выглядевшее при близком рассмотрении. Они так же были выполнены разнообразными цветами от черного до насыщенного темно-красного. Узор вокруг её темно-карих глаз сделал их очень выразительными.

При этом она была одета в платье из какого-то материала, который выглядел как простая, мягкая оленья шкура, с разрезами по бокам для облегчения движения; её ноги были обуты в обувь, которая была сделана из похожего материала, украшенного перьями. Мокасины и платье были белоснежными, и это составляло резкий контраст с темным рисунком на её коже и прекрасно демонстрировало гладкие, ровные мускулы на её руках и ногах.

На бедрах, на поясе из белой кожи висели пустая кобура для пистолета и лямка для крепления ножен. И поверх всего этого она была укутана в плащ из перьев, не слишком отличающийся от тех, которые мы видели в Неваде. Все цвета были богатыми, холодными тонами Зимнего Двора: голубой лед, глубокое зеленое море, фиолетовые сумерки.

Она кокетливо стрельнула в меня взглядом.

- Я жду, что ты скажешь о танцовщице из Вегаса?

Мне потребовалось какое-то время, чтобы восстановить связь рта и мозга.

- Ты выглядишь восхитительно, - сглотнул я.

Она медленно и горячо улыбнулась, не отрывая от меня глаз.

- Гм, - просипел я. – Но... это не выглядит очень практично.

Леа приняла руку Гленмаила и вышла из лимузина. Она наклонилась и прошептала что-то Сьюзен на ухо.

Сьюзен приподняла бровь, но затем кивнула:

- Лаааднооо... - она сосредоточенно зажмурилась.

И она исчезла. Полностью. Не за «почти-не-пробиваемой» завесой. Просто *исчезла*.

Моя крёстная рассмеялась.

- Точно так же, как прежде, но красный, дитя.

- Хорошо, - раздался голос Сьюзен из пустого воздуха, и внезапно она появилась вновь, широко улыбаясь. – Ничего себе!

- Плащ скроет тебя от глаз и от других чувств так же, дитя, - моя крёстная улыбалась. – И пока ты носишь эту обувь, твои шаги не оставляют следов и не издают малейших звуков.

- Хм, отлично, - поперхнулся я. – Но я бы чувствовал себя лучше, если бы она еще надела кевлар или что-то такое. Просто на всякий случай.

- Гленмаил, - позвала моя крёстная.

Шофёр невозмутимо достал девятимиллиметровый, прицелился в упор Сьюзен в висок и нажал на курок. Пистолет рывкнул.

Сьюзен отдернула голову набок и зашаталась, похлопывая ладонью по уху.

– Ой! – прорычала она, выпрямляясь и поворачиваясь к юному сидхе. – Вы... сукин сын, эти штуковины весьма громкие! Это больно! Я собираюсь натянуть вашу задницу вам между ушами.

В ответ сидхе с изяществом наклонился и поднял что-то с земли. Он, улыбаясь, показал это Сьюзен, а потом мне.

Это была пуля. Её нос был расплюсчен в лепешку, из-за чего она немного напоминала маленький гриб.

Наши глаза весьма округлились.

Леа развела руками и сказала невозмутимо:

- Крёстная фея.

Я потрясенно покачал головой. Мне потребовались годы разработки, создания и совершенствования заклятий на моём пыльнике, и даже тогда защита распространялась только там, где была кожа. Леа создала волшебную защиту для всего тела, не напрягаясь, всего за *минуты*.

Я внезапно почувствовал себя немного ушибленным. Это, наверное, было хорошо для меня.

Но затем я наклонил голову, нахмурившись. Сила, вложенная в дары моей крёстной, была невероятной, но вселенная просто так ничего не дает. Это касалось магии, так же как и физики. Я мог, спустя годы усилий, повторить то, что могут дары крестной. Сидхе работали с той же магией, что и я,

хотя, по правде говоря, казалось, они стоят на другом уровне взаимоотношений. Тем не менее, так много силы в одном месте означает, что за затраченную энергию придётся заплатить где-то еще.

Например, возможно, долговечностью.

- Крёстная, - поинтересовался я, - как долго эти дары проносятся?

Её улыбка стала немного грустной.

– Ах, дитя. Я крёстная фея или нет? Подобные вещи не длятся слишком долго.

- Только не говори мне про полночь, - я закатил глаза.

- Ну, конечно же, нет. Я же не принадлежу к Летним, – она презрительно фыркнула. – Полдень.

И в этом было много смысла. Заклятия на моём плаще действовали месяцами, и я придумал, как сделать так, чтобы они работали больше года. Дары Леанансидхе использовали такую же вложенную в них силу, пускай и созданные без видимого труда, но они не действовали так долго, как вещи, которые создавал я. Моя самооценка немного восстановилась.

- Леа, - спросил я, - ты принесла мою сумку?

Гленмаил открыл багажник и, достав сумку, поставил ее возле меня. Мечи в ножнах были все еще привязаны к её боку. Я поднял её и кивнул.

– Спасибо.

Он поклонился, улыбаясь. Я испытывал соблазн дать ему чаевые, просто чтобы посмотреть, что случится, но затем я вспомнил, что мой бумажник остался в джинсах и теперь, вероятно, стал частью нового наряда. Может быть, он снова появится завтра в полдень, при условии, что я останусь в живых, чтобы нуждаться в нем.

- Я подожду здесь, дитя, – проворковала Леа. – Когда ты будешь готов к странствию по первому Пути, Гленмаил отвезет нас туда.

- Хорошо, - кивнул я. – Идемте, принцесса.

- Как скажите, сэр Рыцарь, - присела Сьюзен в шутливом реверансе, озорно поблескивая глазами, и мы вошли в Церковь.

Глава 39

Саня охранял дверь. Он широко распахнул ее для нас и с довольной оценивающей улыбкой подмигнул Сьюзен.

– Иногда есть дни, - расплылся он, - когда я просто обожаю эту работу.

-Подвинься, - недовольно буркнул я, проходя мимо него. – У нас мало времени.

Саня щелкнул каблуками, взял Сьюзен за руку и галантно поцеловал запястье (тупоголовый здоровяк).

– Вы прекрасны, леди.

- Спасибо, - улыбаясь, ответила Сьюзен. – Но у нас мало времени.

Я закатил глаза и продолжил идти.

Из жилой комнаты доносились приглушенные звуки тихой беседы. Она затихла, когда я вошел в дверь. На секунду я замер в проеме, озирая тех, кто собирался помочь мне вернуть мою дочь.

Молли была одета в боевой наряд, который состоял из рубашки, сотканной из туго переплетенных металлических колец, которые её мать сделала из титановой проволоки. Щитки были зажаты сэндвичем между двумя длинными жилетами из кевлара. Всё это при необходимости крепилось на верхнюю одежду. Сегодня она была в коричневой пожарной куртке. Её волосы были заплетены в тугую косу, они вернулись к природному цвету гречишного мёда, рядом, на столе, лежал хоккейный шлем. У Молли было в запасе с полдюжины маленьких фокусов, которым я её обучил, но ни один из них не был предназначен непосредственно для боя. Ее лицо было немного бледным, а голубые глаза серьёзны.

Мыш, сидящий возле неё, огромный и флегматичный, поднялся на ноги и прошлепал ко мне для приветствия. Я наклонился и почесал его за ушами. Он только вильнул хвостом, ничем больше не демонстрируя радость, но настороженные карие глаза сказали мне, что он знал, насколько серьёзна ситуация.

Следующим был Мартин, одетый в простые черные штаны от какой-то униформы, черную водолазку и разгрузочный жилет, все было явно куплено на распродаже в военном магазине. Он был

на середине процесса чистки и осмотра двух комплектов вооружения: штурмовых винтовок, тактических дробовиков и тяжелых пистолетов. У него на поясе были закреплены ножны с мачете. Вторые нейлоновые ножны лежали на столе, рядом с комплектом для заточки. Он никак не отреагировал на мой приход, продолжая невозмутимо собирать пистолет, который закончил чистить.

На противоположной от Молли стороне кофейного столика, возле военного арсенала Мартина, стояла доска с маленькими шахматными фигурками. Рядом с Мартином сидел мой брат (Мыш, закончив приветствовать меня, вернулся на свое место между ним и девушкой), он был одет в дорого выглядевшие шелковые штаны и кожаный жилет, все белоснежного цвета. Оружейный ремень, на котором были закреплены кобура с крупнокалиберным пистолетом и меч с изогнутым внутрь лезвием, старая испанская фальката, был небрежно повешен на угол дивана. Сам он, лениво откинувшись спиной на диван, наблюдал за своим оппонентом через полуприкрытые ресницы.

Мёрфи красовалась в таком же черном разгрузочном жилете, как и у Мартина, но более изношенном и лучше подогнанном. Их, как правило, не шьют таких размеров, как надо для Мёрфи, поэтому она не могла покупать их очень часто. У неё был свой собственный жилет из кевлара и брони, который для неё сделала Черити на Рождество в благодарность за помощь в прошлом году. Но сегодня Мёрф просто прикрепила композитную броню на свой разгрузочный жилет и на этом успокоилась. Она закрепила свой автоматический на бедре, а её странный прямоугольный пистолет-пулемёт, который напоминал мне о коробке шоколада, был прислонён к стене поблизости. Мёрфи, размышляя, склонилась над шахматной доской, сморщив носик. Наконец, она передвинула своего коня в гущу вражеских фигур и повернулась ко мне. Она бросила на меня всего один взгляд и начала хихикать. Этого хватило, чтобы заразить смехом каждого в комнате, кроме Мартина, который, казалось, никогда не понимал, что вокруг есть другие люди. Сдавленный смех Молли перекинулся на Томаса, и даже Мыш раскрыл челюсти в широкой собачьей усмешке.

- Ха, ха, ха, - передразнил я, заходя в комнату, так чтобы дать возможность Сьюзен и Сане присоединиться к нам. Никто не смеялся над костюмом Сьюзен. Я чувствовал, что эта несправедливость символизировала неровности в моей жизни, но у меня не было времени, чтобы развить мысль, да и риторика в настоящий момент была мне до лампочки.

- Ну, - сказала Мерфи, когда все отсмеялись, - я рада, что ты выбрался целый и невредимый. А после отправился за покупками, так ведь?

- Не совсем, - набычился я. - Ладно, народ, слушайте. Мало времени. Что ещё мы узнали о месте?

- Мат в шесть ходов, - Мёрфи кивнула Томасу и, вытянув папку из-под стула, передала её мне.

- Размечталась, - лениво протянул Томас.

Я покосился на него и раскрыл папку. Внутри были однотипные страницы, цветные аэро и спутниковые фотографии руин.

- Боже мой! - я удивленно поднял бровь. - Откуда ты это достала?

- Интернет, - невозмутимо ответила Мёрфи. - Мы прикинули, где они засядут и какие меры безопасности им нужно принять, но прежде, чем мы обсудим, как нам лучше приблизиться, нужно знать, куда именно мы прибудем.

Я погладил большим пальцем поверхность драгоценного камня матери и проконсультировался со знаниями, хранимыми в нем. Затем я начал бегло просматривать карты, пока не нашел одну подходящего масштаба, взяв карандаш, я нарисовал на ней крестик.

- Здесь. Это будет примерно в пяти милях севернее от пирамид.

Томас тихо присвистнул.

- Что? - фыркнул я. - Ты не сможешь преодолеть пять миль?

- Пять миль по тротуару, легко, - Томас флегматично пожал плечами. - Пять миль по джунглям - это немного другое, Дрезден.

- Он прав, - встрял Мартин. - А если это еще и ночью...

Томас развел руками.

- Имел дело с джунглями, - подошел Саня и, склонившись над столом, начал внимательно изучать карты. - Насколько густы там заросли?

- Гуще, чем в нижней Амазонке, но не такие, как в Камбоджи, - спокойно ответил Мартин.

Саня фыркнул. Томас в отвращении поморщил нос. Я попытался притвориться, что Мартин дал нам некую значимую информацию, и вяло отметил, что Томас и Саня сделали то же самое.

- Как долго нам придется идти, Мартин? – спросил я его.

- Часа два, как минимум. Может, больше. От многого зависит.

Я хмыкнул.

– Мы посмотрим, может быть, Леа сможет чем-то нам помочь с этим.

В комнате повисла тишина.

- Хм, - первой отозвалась Мёрфи. - Твоя психофеевичная крестная мать? Эта Леа?

- Гарри, ты говорил мне, что она опасная, - скривилась Молли.

- И у меня всё ещё есть шрам в подтверждение этого, - добавил Томас.

- Да, - сказал я невозмутимо. – Она могущественна и по любым разумным стандартам она безумна, и она в настоящее время нацелена на наших врагов. Поэтому мы собираемся использовать её.

- Мы используем её, но мы ли? – спросил Саня, оскалившись.

- Он рассказал нам, что Тук сообщил о Мэб, Гарри, - мягко сказала Молли.

Воцарилось долгое молчание.

- Ты заключил сделку, - Мёрфи была очень серьезна.

- Ага, я сделал это. Я сделал это для Мэгги, - я обвел взглядом комнату. – Я - это я. И буду оставаться собою, пока всё не закончится. Это было частью сделки. Поэтому, если здесь есть кто-нибудь, кто хочет отделиться от нас со Съезен, то пускай сделает это сейчас. Иначе давайте закроем эту тему. У моей дочери нет времени на наши дебаты о нравственности и моральной стороне этого выбора, который в любом случае не ваша, черт побери, проблема.

Я обвел тяжелым взглядом комнату и Саня сказал:

- Я в деле. Кто-нибудь еще пойдёт с нами?

Мыш чихнул.

- Я догадывался об этом, - подмигнул я ему.

Он повилял хвостом.

- Я, понятное дело, - безразличным голосом заявил Мартин.

Мёрфи кивнула. Молли тоже. После чего Томас с мученическим выражением закатил глаза.

- Хорошо, - вздохнул я. – У Леа наверняка есть что-нибудь для ускорения прогулки.

- Это было бы хорошо, - пробормотал Томас. – Время убегает.

- Мы будем там вовремя, - уверенно сказал Саня.

Я кивнул.

- И я собираюсь попросить двоих из вас.

Я поставил сумку и отвязал Фиделакиус. Древняя катана с гладкой, ровной деревянной рукоятью, которая была идеально подогнана к деревянным ножнам так, что когда оружие было в ножнах, оно выглядело безобидным и казалось слегка изогнутой, прочной тростью для ходьбы. Лезвие было острым как бритва. Однажды, в качестве эксперимента, я бросил на него пластиковую трубочку для коктейля. Результатом ее падения на изящное оружие были две аккуратные половинки.

- Кэррин, - позвал я и вытащил Меч.

Санины брови взлетели вверх, словно собрались забраться куда-то на крышу.

- Мне... уже предлагали этот Меч прежде, Гарри, - отозвалась она тихо. – С тех пор ничего не изменилось.

- Я не прошу тебя принять плащ Рыцаря, - глядя ей в глаза, сказал я спокойно. – Я хочу доверить его тебе для этой ночи, для этой цели. Этот Меч создан для борьбы с силами тьмы, и они будут в изобилии бродить в округе. Прими его. Только до тех пор, пока моя девочка не окажется в безопасности.

Мёрфи нахмурилась. Она посмотрела на Саню:

- Он может так делать?

- Ты можешь? – переспросил Саня, глядя на меня.

- Мне поручили заботиться о Мечах, - я был бесстрастен. – Тогда, что я делаю с ними, если это не моё дело - выбрать достойного носителя Меча, применив мои самые лучшие способности?

Саня обдумывал это какое-то время, потом пожал плечами.

– Выглядит очевидным для меня. Они дали тебе свободу выбора, когда доверили Мечи.
Я кивнул.

– Мёрфи. Использованный правильно, для доброй цели, Меч вне опасности. Ты единственная, кто знает, насколько правильна причина, по которой ты действуешь. Но я умоляю тебя. Возьми его. Помоги мне спасти дочь, Кэррин. Пожалуйста.

Мёрфи вздохнула.

– Ты играешь нечестно, Гарри.

- Ни на секунду, - я покачал головой, – ни для такой цели, как эта.

Мёрфи еще с минуту помолчала. Затем она поднялась и подошла ко мне. Она взяла меч из моей руки за старую полоску ткани, которая была прикреплена к ножнам так, чтобы его можно было носить, перекинув через плечо или диагонально на спине. Мёрфи повесила меч за спину, после чего посмотрела мне в лицо.

– Я понесу его. Если это покажется мне правильным, я использую его.

- Это всё, о чем я прошу, - я немного склонил голову.

Затем я поднял Амораккиус, длинный европейский меч в рыцарском стиле с простой рукоятью, обвитой проволокой, и повернулся к Сьюзен.

Она уставилась на меня и затем медленно покачала головой.

– В последний раз, когда я прикоснулась к одной из этих штук, она так сильно меня опалила, что ожог не проходил в течение трёх месяцев.

- Это было тогда, - ответил я. – А это сейчас. Ты делаешь то, что ты делаешь, потому что любишь нашу дочь. Если ты останешься сконцентрированной на этом, меч никогда не навредит тебе. – Я протянул его к ней рукоятью вперед. – Положи свою руку на него.

Сьюзен, словно против желания, медленно сделала это. Она заколебалась в последний момент, затем её пальцы сомкнулись на рукояти меча.

И это было всё. Ничего не случилось.

- Поклянись не вредить невинным, - твердо попросил я. – Поклянись использовать его во имя доброй цели, для безопасного возвращения домой твоей дочери. Поклянись, что ты позаботишься о Мече и честно вернёшь его, когда это задание будет выполнено. И я не вижу никаких причин, почему ты не сможешь владеть им.

Она встретилась со мной взглядом и кивнула.

– Я клянусь.

Я кивнул в ответ и убрал руки с оружия. Сьюзен чуть-чуть вытянула лезвие из ножен. Его кромка слабо светилась, а сталь была отполированной и блестящей, как зеркало. И когда она вставила его в петлю на поясе, Меч вошел туда, словно созданный для этого.

Моя крестная, должно быть, почувствует себя очень самодовольно.

- Я надеюсь, Всевышний не почувствует неуважения, если я захвачу с собой и более ... хм... новаторское оружие, - хмыкнула Сьюзен. Она потянулась через стол и засунула один из револьверов Мартина в свою кобуру, а после секундного раздумья подняла и штурмовую винтовку.

Саня шагнул вперед и взял в руки тактический дробовик со складным прикладом.

– Если Он существует, то Он никогда не делал мне замечаний насчет этого, - бодро заявил он. - Да. Всё идёт просто отлично.

Томас поперхнулся нервным смешком.

– Здесь нас семеро против Красного Короля и его тринадцати наиболее могущественных нобилей, и всё идет отлично?

Мыш чихнул.

- Восемь, - тут же поправил сам себя Томас. Он закатил глаза и добавил, - и психованная смертоносная фейри девятая.

- Это похоже на кино, – энергично кивнул Саня. – Чур, я Леголас!

- Ты шутишь? – возмутился Томас. – Всем понятно, Леголас - это я. Ты... - Он задумчиво покосился на Саню, а затем на Мартина. – Нуу... Он - Боромир, а ты, ясное дело, Арагорн.

- Мартин такой строгий, что больше похож на Гимли, – Саня показал на Сьюзен. – А ее меч больше подходит Арагорну.

- Арагорн хотел бы выглядеть так же хорошо, - возразил Томас.
- Что насчет Кэррин? – лукаво спросил Саня.
- Нууу... как насчет Гимли? – Томас задумался. – Она просто очаровательно...
- Закончи это предложение, Рэйт, и я тебе что-нибудь отрежу, - отозвалась Мёрфи ровным, спокойным голосом.

- Жесткая, - быстро закончил Томас с обиженным выражением. – Я собирался сказать «жесткая».

Когда все заспорили, Мартин поднялся, подошел ко мне и изучил карту, которую я отметил. Потом он кивнул. Пока дискуссия продолжалась (с подачи Молли, Мыш лоббировал право занять место Гимли, на основании того, что он самый низкий, жесткий и волосатый) Мартин рассказал о том, что им удалось узнать о мерах безопасности вокруг руин.

- Вот почему мы выйдем сюда, - он указывал на наиболее восточную часть руин, где стояли ряды и ряды, и ряды огромных полуразрушенных колон. - Когда-то они поддерживали что-то вроде крыши над комплексом возле огромного храма. Сейчас, - продолжил Мартин, - джунгли поглотили его восточный край. Они используют только свет факелов, поэтому существует большая вероятность того, что мы сможем незаметно двигаться через галереи. Там будет достаточно много тени для этого.

- Возможно, у них там будут охранники, - задумался я.

- Верно. Мы избавимся от них. Это можно сделать. Если мы пройдем насквозь через галереи, то окажемся на расстоянии двух сотен футов от основания храма. Это - то место, где, как мы думаем, они будут проводить ритуал. В храме.

- Множество храмов построено в центре пересечения линий лея, - я, кивая, изучал карту. - Много может случиться за две сотни футов. Даже если двигаться быстро.

- Да, может. И если наши осведомители правы, поблизости будет находиться более тысячи персон.

- Тысяча вампиров?

Мартин пожал плечами.

- Много. Многие с их личной охраной. Остальные... слуги высшего ранга, я полагаю, ты так бы их назвал. Они как Сьюзен и я. Может быть, смертные пехотинцы, чтобы удерживать жертвы в линии.

- Жертвы? Во множественном числе?

Мартин кивнул.

- Церемонии Красой Коллегии могут длиться в течение многих дней, с кровавыми жертвоприношениями каждые несколько минут. Там может быть сотня или две других выбранных, чтобы умереть перед ритуалом.

Я не вздрогнул, только благодаря сильному напряжению воли.

- Ага. Это как подготовка, что-то вроде накачивания насосом, - я поежился. – Наверное, они делают это и прямо сейчас.

- Да, - согласился Мартин.

- Что нам нужно?

- Диверсия, - ответил Мартин.

Я согласно кивнул.

- Пускай все смотрят в одном направлении. Потом Сьюзен, Леа и я вломимся в храм и заберем ребёнка. Затем мы все бежим в церковь, о которой говорил отец Фортхилл, на святую землю.

- Они схватят нас задолго до того, как мы преодолеем это расстояние.

- Ты когда-нибудь пробовал гнаться за фейри через лес ночью? – спросил я искаженным голосом. – Поверь мне, если мы хоть немного оторвемся, мы преодолеем эти несколько миль.

- Почему сразу не отступить в мир духов? – спросил Мартин.

Я покачал головой.

- Ни в коем случае. Существа такие старые и могущественные, как они, знают там все хитрости, и они знакомы с местностью на другой стороне, которая так близко к местам их силы. Я не буду драться с ними на этой земле, пока не останется другого выхода. Мы направимся к церкви, - я указал на месторасположение церкви, маленький городок в двух с половиной милях от Чичен-Ицы. Мартин слабо улыбнулся.

– Ты действительно думаешь, что церковный приход может устоять перед мощью Красного Короля?

- Мне необходимо так думать, Мартин, - вздохнул я, глядя в сторону. – К тому же, думаю, церковный приход со всеми тремя Мечами, защищающими его, наряду с двумя членами Белого Совета и старейшей колдуньей Зимних Сидхе, будет крепким орешком. И все, что нам нужно сделать, это продержаться до рассвета. Затем мы вернёмся в джунгли и исчезнем.

Мартин задумался на минуту .

- Это может сработать.

- Надеюсь, что сможет, - пробормотал я себе под нос. – Нам нужно выдвигаться. Наш шофер ждёт снаружи.

- Верно.

Мартин глянул на Сьюзен и кивнул. Затем он приложил пальцы ко рту и пронзительно засвистел.

Веселая дискуссия замерла.

- Машина снаружи.

- Идёмте, народ, - сказал я спокойно. – Большая зелена машина.

Все быстро стали серьезными и начали собирать своё военное обмундирование.

Сьюзен вышла первой, чтобы удостовериться в отсутствии любых проблем со стороны Леа, и все последовали за ней, Саня был замыкающим.

- Саня, - окликнул я его, – какую роль я получил?

- Сэм, - серьезно ответил Рыцарь.

Я изумленно посмотрел на него.

– Нет... Блин, черт побери, ведь очевидно, кем я должен быть.

Саня пожал плечами.

– Это было бесспорно. Они отдали Гендальфа твоей крёстной. Ты получил Сэма, – он начал идти, но потом замер. – Гарри. Ты ведь внимательно читал эту книгу, так ведь?

- Конечно, - нахмурился я.

- Тогда ты знаешь, что Сэм был настоящим героем этой истории, - невозмутимо продолжил Саня. – Он встретился лицом к лицу с ужасными врагами и сделал это с бесстрашием. Он направился по собственному желанию в темную и ужасную землю, штурмовал темные крепости и сопротивлялся самому ужасному искушению своего мира для спасения друзей, которых он любил. И в конце, именно его действия дали возможность свету победить тьму.

Я секунду обдумывал это, прежде чем протянуть:

- А-а-а!

Саня похлопал меня по плечу и вышел.

Он не упомянул другую часть книги. Этот герой был десятым членом их компании.

Сломленное существо, которое прошло через те же опасности и испытания; тот, кто сделал единственный неверный выбор и принял силу, с которой он не совладал; тот, кто стал безумным, жалким и несчастным, живя в постоянном кошмаре. В конце концов, он оказался таким же необходимым для свержения тьмы, как и герои.

Но черта с два он остался доволен своей судьбой.

Я покачал головой и грубо обругал себя. Я напрасно терял время, размышляя о чертовой книге, о мире черного и белого, с небольшой примесью серого, где ты можешь оказаться плохим парнем за две секунды усилий.

И прямо сейчас мне нет нужды заморачиваться о добре и зле. Я просто хотел, чтобы маленькая девочка в безопасности вернулась домой.

Не имеет значения, кем из них я был. До тех пор, пока Мэгги не окажется дома.

Я поднял сумку и, оставив Церковь Святой Марии позади себя, набросив мягкий капюшон темного плаща на голову, направился к лимузину моей злобной крёстной.

Если я был на дороге в Ад, по крайней мере я делал это стильно.

Глава 40

В задней части лимузина появилось что-то вроде комнаты. Я был уверен, что там не было столько места, когда мы ехали в нём первый раз, однако, сейчас добавилось несколько дополнительных футов для мягких сидений вдоль стен, и сидевшим там было лишь слегка тесновато, пока Гленмаил наслаждался, штурмуя чикагские улицы.

- Я думаю, мы должны попробовать лобовую атаку, - спорил Саня.

- Самоубийственная глупость, - презрительно фыркнул Мартин.

- Тактика удивления! – возразил Саня. – Они этого не ожидают, если за тысячу лет никто не бросал им вызов. Гарри, что ты думаешь об этом?

- Эээ, - промямлил я.

А затем из пустоты раздался четкий голос Эбинизера МакКой:

- Будь проклято твоё упрямство, мальчик! Где ты был?

На мгновение окаменев от неожиданности, я оглянулся, но никто не отреагировал за исключением моей крёстной. Леа вздохнула и закатила глаза.

Точно. Переговорные камни. Я таскал свой в сумке, и пока я держал её на коленях, он оказался достаточно близко, чтобы нагреться теплом моего тела и начать функционировать. Это сделало возможным послать краткое сообщение через камни без налаживания предварительного четкого контакта, какой мы с наставником устанавливали в самом начале этой заварушки.

- Проклятье и адский огонь, Хосс! – прорычал голос Эбинизера. – Ответь мне!

Я перевёл взгляд с Сани на крёстную.

– Гм. Мне вроде как надо принять этот вызов.

Саня удивленно глянул на меня. Томас и Мёрфи обменялись многозначительными взглядами.

-Ох, заткнитесь, - пробурчал я сварливо. – Это магия, ясно?

Я закрыл глаза и ощупал сумку в поиске камня. Мне совершенно не хотелось показываться перед своим наставником в нелепом костюме Зимнего Рыцаря. Я мгновенно представил свое собственное физическое тело, концентрируясь на иллюзии нормальной одежды, формирующейся вокруг моего экстравагантного наряда.

- Черт поberi, мальчик, если ты не...

Эбинизер возник перед моим внутренним взглядом одетый в свою обычную одежду. Он резко прервался, когда увидел меня, и его лицо стало бледным.

– Хосс? С тобой все в порядке?

- Не совсем, - сказал я. – Я здесь в середине чего-то. Что вы хотите?

- Твоё отсутствие на тайном собрании не очень хорошо воспринялось, - ответил он резким голосом. – Есть люди в Сером Совете, которые думают, что тебе нельзя доверять. Они очень, очень подозрительны на твой счет. Своим отсутствием на встрече ты заявил всем, что-либо ты ни во что не ставишь нашу работу и поэтому не считаешь нужным появляться на собрании, либо ты не имеешь достаточно мудрости и силы духа для понимания наших задач.

- Как будто я никогда не видел нытья с их стороны, - недовольно буркнул я. – Сэр, я нашел девочку. Я поиграю в политику Совета, после того как верну её в безопасности домой, если вы пожелаете.

- Ты нужен нам здесь.

- Ребёнок нуждается во мне больше. Я знаю, это не так благородно, как пытаться спасти весь Белый Совет от его собственной тупости. Но ей-богу, я доставлю этого ребенка в безопасное место! Почти лысая голова Эбинизера внезапно стала красной.

– Невзирая на мои противоположные приказы?

- Мы не в армии. Вы не мой старший офицер. Сэр.

- Ты высокомерный ребёнок, - рявкнул он. – Вытащи голову из задницы и посмотри на мир вокруг себя, если не собираешься доводить себя до смерти.

- Со всем моим уважением, сэр, идите вы к черту, - огрызнулся я. – Вы думаете, я не знаю, насколько опасен этот мир? Я?

- Я думаю, ты делаешь все, что в твоих силах, для собственной изоляции от людей, которые могут поддержать тебя, - сказал он. – Ты чувствуешь себя виновным в кое-чем. Я понимаю тебя, Хосс.

Ты думаешь, что не подходишь для компании, из-за того, что ты сделал. – Его взгляд стал ещё более мрачным. – В своё время, я делал вещи, от которых твои волосы стали бы дыбом. Переступи через это. Подумай.

- После того, как я вызволю девочку.

- Ты хоть знаешь, где она? – требовательно спросил Эбинизер.

- Чичен-Ица, - выдохнул я. – Она заявлена как гвоздь программы на одной из вечеринок

Красного Короля в следующие несколько часов.

Эбинизер резко вздохнул, словно я пихнул ему в живот концом посоха.

– Чичен-Ица... Это слияние. Одно из крупнейших в мире. Красные не использовали его с тех пор... С тех пор как там был Кортес.

- Слияние, угу, - согласился я. – Герцогиня Арианна собирается убить её и использовать силу для наложения проклятия по кровной линии – Сьюзен и меня.

Эбинизер начал говорить, но при моих словах резко прервался и моргнул несколько раз, как будто солнце только что вышло из-за облаков и начало светить прямо ему в глаза.

– Сьюзен и... - Он запнулся. - Хосс?

- Я собирался сказать вам в прошлый раз, когда мы разговаривали, - сказал я тихо. –

Но... беседа не удалась... - Я сделал глубокий вдох. – Она моя дочь от Сьюзен Родригес.

- Ох, - сказал он очень тихо. Его лицо посерело. – Ох, Хосс.

- Её зовут Мэгги. Ей восемь. Они похитили её несколько дней назад.

Он склонил голову и несколько раз покачал ею, ничего не говоря.

- Ты уверен?

- Да.

- К-как давно ты знаешь?

- Примерно спустя день после ее похищения, - грустно произнес я. – Чертовский сюрприз для меня.

Эбинизер кивнул, не поднимая взгляд. Затем задумчиво проговорил:

- Ты её отец, и она нуждается в тебе. И ты хочешь быть там ради неё.

- Не хочу быть там, - сказал я тихо. – Собираюсь быть.

- Да-да, - сказал он. – По возможности не возвращайся в Эдинбург. – Мы думаем, Арианна распространила что-то вроде болезни, пока была там. Там уж слегло шестьдесят чародеев, и мы ожидаем больше. Смертей пока нет, но какой бы не была болезнь, она уложила их на лопатки, включая Индейца Джо, поэтому наш лучший целитель не может работать над этой проблемой.

- Адские колокола, - выругался я. – Они не собираются снова начинать войну. Они пытаются обезглавить Совет одним ударом.

Эбинизер фыркнул.

– Да. И без Пути, связывающего с Эдинбургом, контрудар займет у нас до чертиков много времени, – он вздохнул. – Хосс, у тебя дьявольски большой дар. Еще не совсем зрелый, но ты очень возмужал за последние несколько лет. В бою ведешь себя лучше большинства с двухсотлетним опытом. Хотел бы я, чтобы ты был с нами.

Я не был уверен, что чувствую насчет этого. Эбинизер на полном основании был чемпионом - тяжеловесом в чародейском мире, когда доходило до прямого, лицом-к-лицу надирания задницы. И я был одним из сравнительно небольшого круга людей, которые знали его так же, как Черного Посоха – официально не существующего убийцы Белого Совета, которому разрешалось игнорировать Законы Магии, когда он сочтёт это необходимым. Старик мог победить практически все, с чем сражался, а уж опыта ему было не занимать, и он не имел привычки хвалить чьи-то навыки.

- Я не могу пойти с вами, - твердо сказал я.

- Да! - он решительно кивнул. – Делай все, что в твоих силах, мальчик. Всё что угодно, только обеспечить безопасность твоей маленькой дочурке. Ты слышал?

- Да, - вздрогнул я. – Спасибо вам, сэр.

- Бог в помощь, сынок, - Эбинизер оборвал связь.

Я медленно расслабился, пока снова не очутился в своём теле в задней комнате лимузина.

- Кто это был? – с любопытством спросила Молли. Остальные отдали ей инициативу. Она,

должно быть, объяснила им всю концепцию переговорных камней. Что сделало меня выглядевшим чуть менее сумасшедшим, одновременно я почувствовал раздражение из-за того, что она разбазарила такую информацию, как эта, целой машине. Это не было смертельно огромным секретом или чем-то таким, но это было делом принципа...

Я потёр лицо одной рукой. Блин. Я становлюсь таким же, как мои наставники. Следующим этапом станет ворчание на «этих проклятых детей и их громкую музыку».

- Хм, Совет, - нехотя пояснил я. – Большой шок, они не помогут.

Мерфи, которая как будто дремала, фыркнула.

– Поэтому мы рассчитываем только на себя.

- Угу.

- Хорошо. Это более привычно.

Леа издала перезвон восхитительного смеха.

Мёрфи приоткрыла глаза и явно холодно посмотрела на Леа.

– Что?

- Ты думаешь, это походит на что-то, что вы делали прежде? – Крёстная развела руками. – Так мило.

Мёрфи пристально посмотрела на нее и повернулась ко мне.

– Гарри?

Я прислонился затылком к окну, поэтому капюшон скрыл мои глаза. Мёрфи слишком хорошо меня знала и мигом раскусывала мою ложь.

– Я не знаю, - промямлил я. – Я полагаю, мы увидим.

У Гленмаила ушло меньше двадцати минут, чтобы добраться до Авроры. Мы выбрались возле парка, прелестного маленького общественного места. В это время ночью оно пустовало, и все огни были погашены.

- Круг питчера, народ, - сказал я, направляясь к нему и беря на себя лидерство.

Я шагал длинными-длинными шагами, оставаясь впереди. Мёрфи приблизилась ко мне, двигаясь медленной трусцой.

- Гарри, - сказала она тихим голосом. – Твоя крёстная?

- Угу?

- Мы можем доверять ей?

Я нахмурился. Она не была способна разглядеть выражение под капюшоном со всем прочим.

– Ты доверяешь мне?

- А почему, по-твоему, я тебя спрашиваю?

Я задумался над этим и затем замедлил шаг, так чтобы все оказались рядом. В том числе моя крёстная.

- Ладно, народ. Давай проясним кое-что насчет жуткой леди Сидхе. Ей приказано отправиться со мной и помочь. Она заинтересована в том, чтобы я выбрался из этого целым и невредимым, и если она так не сделает, у неё будут проблемы с королевой. Пока вы будете полезны её миссии и будете держаться рядом со мной, она поддержит вас. Как только она подумает, что вы обуза или мешаете её миссии, она допустит, чтобы с вами случились кое-какие плохие вещи. Может быть, даже делает их сама. – Я глянул на Леа. – Так верно?

- Так абсолютно верно, - прожурчала она, улыбаясь.

Сьюзен приподняла бровь и перевела взгляд с меня на мою крёстную.

– Вам

вовсе не стыдно из-за этого, верно?

- Стыд, дитя, для тех, кому не удалось жить согласно идеалам, в которые они верили, – она махнула рукой. – Стыд - это то, что привело меня к моей королеве с мольбой о помощи. – Её длинные, тонкие пальцы лениво перебирали белые пряди в её безукоризненно красных локонах. – Но она показала мне путь обратно к себе через изысканную боль, и сейчас я здесь, чтобы присматривать за моим дорогим крестником и всеми вами, пока вы будете нам необходимы.

- Жуткая смертельная леди Сидхе, - торжественно объявила в тишине Молли, – теперь проапргейдена до жуткой, сумасшедшей, смертельной леди Сидхе.

Леанансидхе оскалила свои собачьи зубы в лисьей улыбке.

–

Благослови тебя, дитя. У тебя такой потенциал. Мы должны поговорить, когда это закончится.

Я сердито посмотрел на Леа, которая совсем не раскаялась.

– Значит так... Для меня план таков: быть там, где огонь выше всего. И если один из вас потеряется или будет ранен, я собираюсь вернуться за ним, – я ослепительно улыбнулся крёстной. – Каждый, кто пойдет со мной, вернётся обратно, живой или мертвый. Я доставлю вас всех домой. Леа остановилась, пройдя несколько шагов и, приподняв бровь, посмотрела на меня. Затем она прищурилась.

– Если они все смогут выбраться обратно, – сказал я, – я верю, что это будет более «нам необходимо», чем, если они не смогут. Не так ли, крёстная? Она закатила глаза.

– Невыносимое дитя.

Однако на ее лице я увидел намек на улыбку. Она чуть склонила передо мною голову, как фехтовальщик, подтверждающий касание, и я вернул ей поклон в ответ. Затем я догадался, что мне лучше не угрожать её эго таким образом.

– Будьте осторожны, когда разговариваете с нею, – обратился я к остальным. – Не делайте ей никаких предложений. Не принимайте никаких от неё, даже если это кажется безвредным или это можно как-то истолковать через контекст. Слова связывают с Сидхе, а она одна из самых опасных существ во всей Небывальщине. – Я склонил голову перед Леа. – К счастью для нас. Прежде, чем эта ночь закончится, мы будем рады, что она с нами.

– Оу, – промурлыкала Леанансидхе, буквально расцветая. – Пустяк конечно, но... как же дитя выросло.

– Да, – удовлетворенно произнес Саня. – Я рад, что она здесь. Я первый раз еду в лимузине. Это уже – хорошая ночь. И если жуткая, сумасшедшая, смертельная леди Сидхе сможет помочь послужить доброму делу, тогда мы, те, кто несет Мечи, – он запнулся на секунду, улыбнувшись, – все три Меча, – он еще раз запнулся, всё ещё улыбаясь, – будем приветствовать ее помощь.

– Такое очарование о, Рыцарь Меча, – ответила Леа, улыбаясь даже более ласково, чем Саня. – Сегодня вечером мы все так милы. Пожалуйста, будь уверен, если один из Мечей будет обронён или каким-то образом неправильно использован, я сделаю всё, что в моих силах чтобы исправить это.

– Саня, – встрял я. – Пожалуйста, заткнись, сейчас же.

Он рокочуще рассмеялся, поправил ремень дробовика, который чуть жал его плечо, и ничего больше не сказал.

Я сверился с воспоминаниями матери и кивнул, выходя на круг подачи.

– Хорошо, народ. Первый шаг здесь. Это должна быть прогулка вниз по тропинке к реке. Не пугайтесь, когда заметите, что вода поднимается вверх по склону. – Я взгляделся в воздух над точкой отправления и начал концентрировать волю.

– Верно, – сказал я, в основном сам себе. – Ииии... здесь мы начнём. Aparturum.

Глава 41

Первый этап путешествия был простым, прогулка вниз по лесной тропинке вдоль назад-текущей реки, пока мы не достигли менгира. Это был большой, вертикально стоящий камень, из тех, о которых тебе не нужно говорить, что это менгир. Я обнаружил пентаграмму, вырезанную на камне, пятиконечную звезду внутри круга, такую же, как та, что висит на моей шее. Она была сделана каким-то маленьким резцом и выглядела немного коряво. Моя мать сделала её там как отметку, с какой стороны камня открывается Путь.

Я какое-то время гладил ее пальцами. Так же, как моя пентаграмма или камень, который сейчас украшал её, это было осязаемое доказательство её присутствия. Она была реальной, даже если у меня не было личных воспоминаний о ней, и эта невинная меленькая отметка была дополнительным тому доказательством.

– Наша мама сделала эту отметку, – прошептал я.

Я не стал оглядываться на Томаса, но я почувствовал внезапную вспышку его интереса. У него было чуть больше воспоминаний, чем у меня, но не намного. Возможно, что он превосходил меня только в количестве ценных свидетельств её присутствия.

Я открыл следующий Путь, и мы вошли в сухое ущелье с каменными стенами, в котором, судя по его глубине, запросто могла когда-то протекать река. Сейчас на дне было полно песка. Было темно и прохладно, на небе сияли россыпью звезды.

- Отлично, - сказал я. - Теперь мы пройдемся.

Я призвал свет и взял инициативу в свои руки. Мартин внимательно изучал небеса над нами.

- Хм. Созвездия... Где мы?

Я вскарабкался вверх по небольшому жесткому склону из смеси камней и песка и окинул взглядом обширное серебристо-белое пространство, залитое лунным светом. Величественные фигуры возвышались над песками, их края казались зазубренными при лунном свете - линии и прямые углы, которые резко вздымались из океана песка на равнине перед нами.

- Гиза, - объявил я. - Вы не увидите Сфинкса с этой стороны, но я никогда не претендовал на звание экскурсовода. Пошли дальше.

Дорога заняла две или три мили от оврага до пирамид, через песок. Я был первым, передвигаясь нелепой, неуклюжей трусцой. Не было нужды тревожиться из-за жары - рассвет был уже в пути, и в течение часа это место будет походить на гигантский противень с печеньем в гигантской духовке, но нас к этому времени уже здесь не будет. Амулет моей матери привел меня прямо к основанию крошечной и почти разрушившейся пирамиды, где я вскарабкался на три ступени, чтобы достигнуть следующей точки Пути. Я немного задержался, чтобы предупредить своих спутников о необходимости защитить глаза, впереди нас ждало очень жаркое и очень светлое место, после чего я открыл Путь, и мы прошли через него.

Мы появились на равнине возле огромных пирамид, но в этот раз не каменных, а сформированных из гладких и идеальных кристаллов. Равнодушное огромное солнце висело в небе практически над головой, и его свет был болезненно ярким, отражаясь от кристаллической равнины и преломляясь снова и снова, и снова.

- Держитесь подальше от этих солнечных лучей, - сказал я, указывая в направлении нескольких лучей света, таких ярких, что по сравнению с ними лазеры «Звезды Смерти» явно нуждались в усовершенствовании. - Они достаточно горячи, чтобы плавить металл.

Я повел группу вперед, вокруг основания одной пирамиды, в узкий коридор из... Ну, это не была тень, но там было чуть меньше света, пока мы не достигли следующей точки Пути, где кусок размером с кулак большого человека вывалился из одной идеально ровной грани пирамиды. Затем я повернулся на девяносто градусов направо и начал шагать.

Я отсчитал пять сотен шагов. Я почувствовал как свет - не жар, просто чистое, огромное количество света - начал покрывать мою кожу загаром.

Затем мы подошли к очередному ориентиру - простой каменной глыбе посреди кристаллической равнины. На ней было изображено большое, уродливое лицо, примитивное и простое.

- Здесь, - сказал я, и мой голос прозвучал с таинственным эхом, хотя там просто не было ничего, от чего бы могло отразиться эхо.

Я открыл другой путь, и мы переступили с равнины света в прохладный туман и разреженный горный воздух. Холодный ветер толкнул нас. Мы стояли в древнем каменном внутреннем дворике или чем-то подобном. Нас окружали полуразрушенные стены, над головой не было никакой крыши.

Мёрфи посмотрела на небо, где звёзды были еле-еле видны сквозь туман, и покачала головой.

- Где мы сейчас?

- Мачу-Пикчу, - отозвался я. - Кто-нибудь взял воду?

- Я взяла, - сказала Мёрфи, одновременно с Мартином, Саней, Молли и Томасом.

- Ну, - тут же заявил Томас, пока я чувствовал себя идиотом, - я не делюсь.

Саня хмыкнул и бросил мне свою фляжку. Я показал Томасу язык и, сделав пару глотков, бросил её обратно. Мартин дал напиться Сьюзен. Я первый начал трудный и утомительный подъем. От одного до другого конца Мачу-Пикчу было недалеко, но идти надо было всё время вверх по склону, и это было чертовски сложнее в Андах, чем в Чикаго.

- Все верно, - довольно кивнул я, остановившись возле большого каменного сооружения, построенного из множества каменных террас так, что если достаточно скосить вверх глаза, то можно было увидеть, что это зиккурат. Или, может быть, абсурдно большой и замысловатый свадебный торт.

– Когда я открою следующий Путь, мы окажемся под водой. Нам надо проплыть десять футов в темноте. Затем, я открою еще один Путь, и мы в Мексике. – Я вдвойне проклял время, которое мы потеряли в королевстве Эрлкинга. – Кто-нибудь взял скалолазный трос?

Саня, Мёрфи, Мартин.... Смотри, ты получил урок. Из тех, кто стоял вокруг, было множество людей, более подготовленных, чем я. У них не было супер-пупер подарков от крёстной феи, но у них были мозги, и это было отрезвляющим напоминанием мне, о том, что было более важно.

Мы закончили выстраиваться в линию всей группой (кроме моей крёстной, которая пренебрежительно хмыкнула от идеи быть в связке с кучкой смертных), и я, сделав несколько глубоких вдохов, открыл следующий Путь.

Мамины заметки об этом отрезке Пути не упоминали, что вода была холодной. И я не имею в виду холодной, когда ваш сосед по комнате использовал большую часть горячей. Я имею в виду настолько холодная, что я бы не удивился, увидев тюленя, пингвина или нарвала, или кого-то еще из жителей ледяных арктических вод.

Холод ударил меня как кузнечный молот, и внезапно все, что я смог сделать, это не закричать от неожиданности и дискомфорта, в то время как мои мозги кричали, что я ведь был проклятым Зимним Рыцарем.

Хотя мои конечности кричали, что они жаждут обвиться вокруг моей груди и сердца, я одолел их и сделал их вёслами. Один гребок. Второй. Третий. Четвертый. Пя... Ай. Мой нос ударился о скальную поверхность. Я направил волю и выдохнул, выговаривая слово «Aparturum» через облако крошечных пузырьков, которые поднимались вверх по моим щекам и ресницам. Я рывком раскрыл следующий Путь, не заботясь о последствиях, и вода хлынула через него, словно взволнованная нашим побегом.

Я вывалился в юкатанские джунгли, оседлав волну эктоплазматической слизи, и за веревку, которой мы были связаны, спешно вытащил всех остальных. Бедного Саню, последнего в очереди, вытащили за ноги, прибуксировав по холодной воде, словно по сливу туалета, после чего он рухнул среди слизи, растекшейся по лесу. Из Перу в Мексику - за три с половиной секунды.

Я неуклюже повернулся, чтобы закрыть Путь и остановить поток эктоплазмы, рвущийся через него. За это время растительность футов на десять во всех направлениях была покрыта потоком слизи, и каждое существо в джунглях на расстоянии в пятьдесят ярдов подняло грандиозный скандал на тему «что-за-дерьмо-тут-творится». Мёрфи вытащила пистолет, а Молли сжимала по палочке в каждой руке, обхватив их белыми пальцами.

Мартин неожиданно издал кашляющий рёв, который казалось, порвал что-то в его груди. Очень громкий рев. И джунгли вокруг нас внезапно затихли. Мы все с удивлением уставились на него.

- Ягуар, - спокойно пояснил он. – Они вымерли здесь, но животные этого не знают.

- Оооох, - сказала моя крёстная с детским восторгом в голосе. – Он мне нравится.

Примерно минута ушла у нас на то, чтобы привести себя в порядок. Мыш со слипшимся мехом выглядел как костлявая тень самого себя. Он непрерывно чихал, должно быть, набрав немного воды в нос, пока плыл. Брызги эктоплазмы разлетались с каждым чихом. Томас был в похожей ситуации, хотя был вытянут гораздо раньше, чем Саня, но он умудрился выглядеть гораздо более недовольным, чем Мыш.

Я повернулся к Леа.

– Крёстная. Я надеюсь, у тебя есть способ доставить нас к храму немного побыстрее.

- Несомненно, - промурлыкала Леа, спокойная и величественная, невзирая на тот факт, что её волосы и пропитанное слизью шелковое платье прилипли к телу. – И я всегда хотела сделать это. – Она насмешливо рассмеялась и махнула рукой. В тот же миг моему животу стало тесно, словно все расстройства желудка, которые я когда-либо получал, перебрав в баре, решили внезапно собраться вместе и поквитаться со мною.

Это. Больно.

Я знаю, что упал и смутно осознавал, что лежу на боку на земле. Я провел так не более минуты, прежде чем боль начала отступать, и я, вздохнув несколько раз, потряс головой и поднял себя на все четыре... Я с трудом сфокусировал на Леа злой взгляд и сказал:

- Какого черта ты творишь?

Точнее - попробовал сказать это. То, что у меня получилось, больше походило на: «Крррррхрррр аааффф ааррр гтрррр».

Моя крёстная фея глянула на меня и начала хохотать. Искренним, довольным, грудным смехом. Она хлопала в ладоши, подпрыгивала на месте, кружилась и хохотала все сильнее.

Затем я понял, что случилось.

Она превратила нас (кроме Мыша) – в огромных, худощавых, длинноногих гончих.

- Чудесно! – воскликнула Леа, выписывая пируэт на одной ноге и улыбаясь. – Вперед, детки!

И она прыжком скрылась в джунглях, ловкая и быстрая, как самка оленя.

Мы - собаки постояли еще какое-то время, просто тупо уставившись друг на друга.

И Мыш сказал, на том, что прозвучало для меня как совершенно понятный английский:

- Вот сучка.

Мы все уставились на него.

Мыш недовольно вздохнул, встряхнул измазанным в слизи мехом, и скомандовал:

- Следуйте за мной. – Затем он бросился за Леанансидхе, и мы, ведомые стайным инстинктом, понеслись следом.

Я превращался один раз – с помощью черной магии проклятого пояса, который как я подозревал, были намеренно созданы, чтобы вызывать к себе привыкание. Мне потребовалось длительное время, чтобы вытряхнуть из памяти тот опыт; абсолютную ясность чувств, ощущение мощи моего тела, полную уверенность в каждом движении.

Теперь я снова почувствовал это, на сей раз без размывающей реальность эйфории. Я внезапно узнал о запахах вокруг меня, сотнях тысяч новых ароматов, которые просили изучить их; я ощутил лихорадку чистого физического наслаждения от гонки за друзьями. Я мог слышать дыхание и чувствовать тела окружающих меня существ, бегущих через ночь, перепрыгивающих камни и поваленные деревья, прорывающихся через кустарник и тяжело топчущих поверхность.

Мы слышали мелких животных, которые могли стать добычей и которые разбегались перед нами в разные стороны. Я знал, не подозревал, а просто знал, что я был быстрее, гораздо быстрее, чем любое из всего лишь смертных животных, даже молодой самки оленя, которая бросилась прочь от нас, перепрыгнув двадцать футов над ручьем. Я почувствовал неуправляемую жажду броситься в погоню, но вожак стаи шел по другому следу, и я не уверен, что я смог бы свернуть в сторону, даже если бы попытался.

И что лучше всего? Мы все вместе издавали меньше шума, чем любой из нас, двигаясь в неуклюжем смертном теле.

Мы не преодолели пяти миль даже за половину времени, час вместо двух.

Это заняло у нас, как максимум, минут десять.

Когда мы остановились, мы услышали биение барабанов. Постоянное, ритмичное биение - быстрый, монотонный, погружающий в транс бой. Небо на северо-западе блестело от отблесков пламени, и в воздухе витало столько ароматов людей, не совсем людей и существ, что мне захотелось зарычать и кого-то укусить. Время от времени звучали вопли вампиров, которые буквально царапали мне спину.

Леа стояла на поваленном бревне перед нами, смотря вперед. Мыш приблизился к ней.

- Гтрррр равф аррргтррррррр, - наверно все-таки прогавкал я.

Мыш нетерпеливо глянул на меня, и каким-то образом (я не знал, был ли это язык его тела или еще что-то) я понял, что он велит мне сесть и заткнуться, или он подойдет и заставит меня сделать это.

Я сел. Чему-то во мне действительно не понравилась эта идея, но, оглядевшись, я увидел, что остальные поступили так же, и почувствовал себя чуточку лучше.

Мыш сказал, снова на том, что прозвучало как совершенно понятный английский:

- Забавный. Теперь обрати их обратно.

Леа повернулась, чтобы глянуть на большого пса.

- Как ты смеешь приказывать мне, собака?

- Не твоя собака, - парировал Мыш. Я не знаю, как он делал это. Его рот не шевелился. - Обрати их обратно, прежде чем я оторву тебе задницу. В прямом смысле оторву.

Леанансидхе чуть откинула назад голову и тихо рассмеялась.

– Вы здесь далеки от источников своей силы, мой дорогой демон.

- Я живу с чародеем. Я жульничаю, – Мыш сделал шаг к ней, и его губы обнажили клыки в нескрываемой враждебности. – Ты хочешь обратить их обратно? Или мне убить тебя и вернуть им облик самостоятельно?

Леа прищурилась.

- Ты блефуешь.

Одна из огромных, когтистых лап большой собаки царапнула землю, словно он готовился к прыжку, и его рычание казалось... Я посмотрел вниз и проверил. Эта дрожь земли не казалась. Земля действительно дрожала на несколько футов во всех направлениях от собаки. Сгустки синего света начали падать с его челюстей, достаточно плотные, чтобы это выглядело как будто у него на морде пена.

– Испытай меня.

Леанансидхе медленно покачала головой.

- Как Дрезден вообще одолел Вас?

- Он и не одолел, - ответил Мыш. – Я победил его.

Леа приподняла бровь, сбита с толку. Затем она пожала плечами и сказала: – У нас есть дело, которое необходимо завершить. Этот спор не выгоден нам. – Она повернулась к нам, махнула рукой в нашу сторону и мурлыкающе прошептала, - В любое время, когда вы захотите вернуться, просто попросите. Из вас всех получились восхитительные гончие.

Снова мука захлестнула меня, хотя я чувствовал себя слишком слабым, чтобы кричать об этом. Субъективно прошла целая вечность, но когда она прошла, я снова осознал себя лежа на боку, потев и тяжело дыша.

Мыш подошел и обнюхал мне лицо, счастливо помахивая хвостом. Он обошел вокруг, пофыркивая и подталкивая меня, чтобы я вставал. Я медленно поднялся, опираясь рукою на его широкую, надежную спину. Я почувствовал острое желание снова сжать старый добрый чародейский посох, просто чтобы опереться на него. Я не думаю, что я когда-либо понимал, каким большим физическим преимуществом (то есть палочкой-выручалочкой) он был. Но у меня его не будет, пока я не потрачу месяц или два на его изготовление: мой был в Голубом Жучке и умер вместе с ним.

Оказавшись на ногах раньше всех, я пристально посмотрел на пса.

- Ты можешь говорить. Как вышло, что я никогда не слышал твоей речи?

- Потому что ты не знаешь, как слушать, - просто ответила моя крёстная.

Мыш помахал хвостом и радостно потерся о мои ноги, глядя вверх. Я положил руку ему на голову и почесал уши.

К черту всё это.

Важные вещи не нуждаются в словах.

Все приходили в себя. Фляги делали круг, и я дал на восстановление пять минут. Нет смысла бросаться вперед, если люди не перевели дыхание и не могут держать оружие твердой рукой.

Хотя я тихо сказал кое-что Сьюзен. Она кивнула, нахмурилась и исчезла.

Она вернулась спустя несколько минут, и сообщила, что она обнаружила, мне на ухо.

- Всё в порядке, ребята, - по-прежнему тихо сказал я. – Собираемся.

Я расчистил землю под ногами от зарослей и нарисовал пальцем схему. Мартин осветил грубые наброски красным светом потайного фонаря, который не разрушал наше ночное зрение, и отблески от которого навряд ли заметят ближайшие враги.

- Охрана размещена на всем протяжении большой пирамиды. Девочка наверняка там, в храме на вершине. Вот туда я и направляюсь. Я, Сьюзен и Леа собираемся пройти через галерею, здесь, и добраться до храма.

- Я со Сьюзен, - заявил Мартин. – Я пойду туда же, куда и она.

Это было не время и не место для спора.

– Я, Сьюзен, Леа и Мартин пойдём в эту сторону. Я хочу, чтобы все глаза смотрели на север, когда мы достигнем пирамиды. Поэтому остальные сделают вот такой круг и подойдут с этого направления. Вот здесь загон для скота, где они держат будущих жертв. Подберитесь ближе и

освободите их. Устройте адскую вечеринку и бегите изо всех сил. Направляйтесь на запад. Вы достигнете дороги. Следуйте по ней в город. В нём прячетесь в церкви. Понятно?

Ответом мне были кивки и недовольные выражения.

- С небольшой удачей они достаточно отвлекутся, чтобы позволить нам с грохотом вломиться и захватить храм.

- Также, - сказал я очень серьезным голосом, - что случилось на Юкатане, останется на Юкатане. Не будет никаких шуток насчет нюханья под хвостами или преследования собственных хвостов или чего-то в этом роде. Никогда. Согласны?

Более осознанные кивки, на этот раз несколько улыбок.

- Отлично, народ, - хмыкнул я. – Просто чтобы вы знали, друзья, – я в долгу перед вами, и я никогда не смогу погасить этот долг. Спасибо вам.

- Сентиментальность потом, - голос Мёрфи звучал напряженно. – Сейчас спасение.

- Говоришь как настоящая леди, - сказал я и протянул руку. Каждый положил свою руку поверх моей. Мыш вклинился поближе и водрузил сверху лапу. Все мы, кроме, возможно моей крёстной, были заметно и явно испуганы; я ощущал дрожь и ускоренное, быстрое дыхание.

- Хорошей охоты, ребята, - сказал я тихо. – Вперед.

Все сосредоточенно проверяли амуницию, когда кустарник затрещал, и полуголый мужчина буквально вывалился из них почти перед нами. У него было отчаянное выражение лица, а глаза широко раскрыты от сводящего с ума ужаса. Он врезался в Томаса, отскочил от него, и рухнул на землю.

Прежде, чем кто-либо успел отреагировать, раздался тихий шелест, и вампир Красной Коллегии в его чудовищной форме с черной блестящей кожей прыжком выскочил из леса. Увидев нас, он окаменел от испуга. Мгновенье спустя, выбрасывая из-под когтей клочья дерна, он попытался рвануть обратно.

Я слышал, что говорят будто ни один план не переживает первого контакта с врагом.

Это правда.

Вампир издал оглушительный визг, и весь план накрылся медным тазом.

Глава 42

Множество вещей случилось очень быстро.

Мыш бросился вперед и схватил вампира за икру прежде, чем тот успел исчезнуть в зарослях кустарника. Пес крепко уперся ногами, в то время как вампир яростно бился, пытаясь снова закричать.

Мартин одной рукой поднял вверх пистолет, с прикрученным к его стволу шестидюймовым глушителем. Не колеблясь ни секунды, он сделал шаг в сторону, занимая более удобную для четкого выстрела позицию, и спустил курок. Пистолет прозвучал не громче, чем кашель человека, и кровь брызнула из вампирской шеи. Хотя монстр продолжал бороться, его крики внезапно оборвались и он, подпрыгнув, начал вертеться между Мышем и Марином. Потом резко остановился, когда фальката Томаса снесла ему голову с плеч.

Полуголый мужчина посмотрел на нас и пролепетал что-то по-испански. Сьюзен ответила ему грубым голосом, сопровождая свои слова резким жестом, мужчина сказал что-то, решительно кивнул и потом повернулся, чтобы продолжить бег в темноту.

- Тишина, - выдохнул я, и все замерли, сохраняя безмолвие, пока я неподвижно стоял, слушая окружающий нас мир.

У меня было чутье – навык, которому некоторые люди были способны обучиться. Я не был уверен, связано ли это с биологией или магией, но это позволяло мне слышать вещи, которые обычно услышать невозможно, и я полагаю, что сейчас был именно тот случай, когда следовало его применить.

Прошел миг долгого вдоха, и ничего не изменилось, только слышался бой барабанов.

Затем раздался звук рога, больше похожий на звук, извлекаемый из раковины.

Поднялся хор вампирских криков, и не потребовалось никакого супер-хорошего слуха, чтобы понять, что они направляются в нашу сторону.

- Вот. Вы видите? – голос Сани был полон мягкого упрёка. – Лобовая атака.

- О, Господи, - выдохнула Мёрфи тоном, в котором было больше отвращения, чем страха.

- Он прав, - сказал я жестким голосом. – Наш единственный шанс - это врезаться по ним изо всех сил.

– У нас была буквально минута, и мои мысли пустились вскачь, пытаюсь придумать план, который позволил бы нам выстоять и не захлебнуться в этом приливе вампиров.

- Гарри, - спросила Сьюзен. – Как мы собираемся сделать это?

- Мне нужна Леа, - я пытался сохранить голос спокойным и твёрдым. – Мне нужна Молли.

Молли издала скрипучий звук.

Я повернулся к Сьюзен.

– Мы сделаем это в два приёма.

Мы двигались прямо на врага, проникнув в древнюю галерею, полную колон, и вампиры начали выплескиваться из теней нам навстречу. Я не знаю, как много их там было. Больше чем сотня, меньше чем миллион. Я сделал шаг и, оказавшись впереди всех, заорал:

- В атаку!

Боевой клич Сани был громче. Он рванул вперед, выхватывая Эспераккиус, и лезвие сабли засияло пылающим светом. Мёрфи, крича, бежала справа от него, держа сияющий Фиделаккиус в своих руках. Аура мягкого синего света окружала её. Слева от Сани бежала Сьюзен, высоко подняв Аморакиус, ее обволакивало белое пламя, и её крик был одновременно каким-то диким и внушающим ужас. Томас прикрывал Мёрфи. Мартин догнал Сьюзен, и они оба мчались вперед, каждый сжимал в одной руке меч, а в другой пистолет.

Я увидел, как передние ряды вампиров заколебались, когда они увидели чистый, внушающий страх свет трёх Мечей, идущий на них, но этого было недостаточно, чтобы остановить такую толпу. Она поглотила все пять фигур отважных смельчаков приливной волной темных, обрюзгших тел, когтей, клыков и хлещущих языков.

Сосунки.

Я всё ещё стоял впереди всех остальных, и встреча двух линий бойцов привела орду в тупик. Задержка длилась, по правде говоря, не больше чем полсекунды, но этого времени было достаточно для меня, чтобы наклониться и коснуться медленной, ужасающей силы линии лей, которая лежала под моими ногами.

Храм наверху руин пирамиды был центром слияния лей, но линии, каждая из которых была огромной, ревущей струёй магической энергии, расходились во всех направлениях – и та, которая была под нами, являлась огромным потоком сырой магии земли. Магия земли не была моей сильной стороной, я знал только пару заклинаний, достаточно хороших для использования в бою.

Но одно из них было превосходным.

Я потянулся и коснулся силы этой линии, отчаянно жалея, что у меня нет моего посоха для усиления эффекта. Я мог чувствовать магию земли у себя в сознании, чувствовать её струящуюся силу, которая вибрировала через толстые подошвы удобной, бронированной обуви, в которую моя крёстная обула меня. Я глубоко вздохнул и направил свой мысленный взгляд вниз, к этой силе.

Я был мгновенно ошеломлен наплывом чужеродных изображений и чуждых ощущений, соприкасаясь с силой, такой мощной и четкой, будто она имела своё собственное сознание. На краткий миг я увидел тяжеловесный танец сталкивающихся континентов, формирующихся гор; почувствовал медленную сонливость земли, чья сонная дрожь вызывала катастрофы для существ-однодневок, живущих на её коже. Я увидел изобилие и богатство, выходящие далеко за пределы человеческого воображения, реки, полные расплавленного золота и серебра, миллионы драгоценных камней, которые рождались в недрах земли.

Я боролся, чтобы сдерживать изображения, контролировать и направлять их, фокусируя все эти ощущения в то место, которое я мог видеть только в своём воображении - точку глубоко под галереей, где рушится старый валун, который лежит рядом с развалинами жалких временных построек смертных.

Как только я набрал столько сырой магии, сколько было необходимо, и оказался способен оторваться от линии, я внезапно осознал, что удерживаю у себя в голове вихрь расплавленного камня, кипящего от сдерживающей его воли. И как только я почувствовал, что мой череп может лопнуть от давления, я понял, что использовать эту сырую, чистую энергию, которую я набрал, почти по-детски просто. Я был хрупким сгустком смертности рядом с этой энергией, которая могла, буквально говоря, двигать горы, сравнивать с землёй города, изменять русла рек и двигать океанами в их ложах.

Я послал эту энергию возвращаться и направил её по спирали вверх, торнадо магии, которая вытягивала силу гравитации. С огромной энергией линии леи я сфокусировал притяжение земли на много миль вокруг, в круге несколько сотен ярдов в диаметре и проговорил слово, высвобождая лавину энергии, сдерживаемую только моей волей. Заклинание, от начала до конца его создания, заняло у меня добрых шестьдесят секунд, подпитка от линии была последней частью процесса – слишком долго и слишком разрушительно для его использования в быстрых и яростных боях, в которых я участвовал на протяжении многих лет.

Идеально для этой ночи.

На четверть секунды гравитация исчезла из Чичен-Ицы и земли на мили в округе, подбросив всё, что не было прочно закреплено (включая меня) на несколько дюймов в воздух. В то же время, вся эта сила сфокусировалась, концентрируясь на круге, может, в пару сотен ярдов в диаметре, который накрывал всё галерею и каждого вампира в ней. Там гигантская сила сверхконцентрированной гравитации, почти в три сотни раз больше обычной, размазала всё и вся вниз, как будто одна гигантская, невидимая наковальня.

Каменные колонны перенесли это лучше, чем я ожидал. Примерно половина из них внезапно затрещала, треснула и рассыпалась булыжниками, но остальные устояли перед этой силой, как они делали на протяжении столетий.

Ударная сила Красной Коллегии и близко не была такой устойчивой.

Оттуда, где я стоял, я мог слышать треск ломающихся костей, ужасные хлопки и щелчки. Рухнувшая волна вампиров была массой расплюснутых тел. Многие из них были погребены под упавшими камнями от более хрупких колон; каждое обрюзгшее тело было размазано под множеством тонн камня, хотя им бы хватило и удара одного-единственного блока.

Привлеченная энергия была огромной, и когда я поднялся примерно на фут в воздух, меня ударила волна усталости. Всё было не так плохо, как могло бы быть. Технически говоря, я только перенаправил и изменил силы, которые уже существовали и действовали, не создавая их своей волей. Мне никогда не удалось бы повлиять на такую большую область и с такой силой. Но поверьте мне, это всё равно было трудно.

Я поднялся всего на фут вверх вместе со всем и всеми, что не было закреплено, и, приземлившись на одну ногу, ударился коленом, остановив падение руками. Тяжело дыша, я поднял глаза вверх, чтобы увидеть результаты заклинания.

Пара акров плоских, мертвых и несколько ужасно раненых и умирающих вампиров лежали разбросанные, как кучка раздавленных муравьёв, над ними стояли мои друзья, которых я послал вперед, совершенно невредимые, готовые броситься на врага при первой же опасности.

- Хорошо, - пробормотал я, задыхаясь. – Этого достаточно, малышка.

Я услышал как Молли, в нескольких шагах позади меня, издала вздох облегчения, и затем свет и сияющие ауры исчезли с трех фигур, орудовавших Мечами.

- Хорошо сделано, детёныш, - похвалила Леанансидхе, пока она говорила, пять фигур исчезли. – Очень достоверная иллюзия. Так всегда толика правды делает достоверными самые сильные обманы.

- Ну, вам лучше знать, - ответила Молли, немного растерянно. – Я просто наблюдала несколько раз за моим папой.

Мышь остановился рядом со мною. Его голова была повернута вправо, сфокусировавшись на деревьях и темноте в той стороне. Рычание, которое я больше почувствовал, чем услышал, раздалось в глубине его груди.

Сьюзен сделала шаг в мою сторону и посмотрела на раздавленных вампиров с нескрываемым удовольствием, но нахмурившись.

- *Esclavos de sangre*, - скривилась она.

- Да, - Мартин отозвался откуда-то позади меня.
- Что? – спросил я.
- Рабы крови, - сказала мне Сьюзен. – Вампиры, которые после смерти стали полностью дикими. Они не могут создавать маску плоти. Они почти животные. Сволочи.

- Пушечное мясо, - прохрипел я, заставляя лёгкие начать делать медленные, глубокие вдохи. – Кучка подонков на вершине управления Красной Коллегии.

- Да.
Было нетрудно догадаться, почему они были здесь. Интерес Мыша к чему-то, что он почувствовал в деревьях, усиливался.

– Красная Коллегия ожидала компанию.
- Да, - произнесла Сьюзен напряженным голосом.
Ладно. Ничего ведь не бывает просто, не так ли?

Это всё меняло. Внезапный налёт на ничего не подозревающую, неподготовленную мишень - это одно. Пытаться врезать по зубам бывшей начеку и вооруженной Красной Коллегии, очевидно ожидавшей кого-то с моей огневой мощью, было кое-чем совсем другим. А именно, чистой глупостью.

Итак.
Мне надо изменить игру и изменить её быстро.
Гонг начал медленно звенеть, чудовищная вещь, его металлический рев был каким-то низким и жестким, что напомнило о необъяснимом рёве, который чуть раньше издал Мартин. Напряжение сгущалось. Кроме звуков барабанов и гонга в джунглях не раздавалось ни единого звука, ни от обитателей джунглей, ни от других существ.

Тишина была гораздо более ужасающей, чем шум до этого.
- Они там, - заметил я спокойно. – Они двигаются прямо сейчас.
- Да, - согласилась Леа, которая внезапно возникла слева от меня, с противоположной от Мыша стороны. Её голос был очень спокойным, а блестящие и заинтересованные кошачьи глаза исследовали ночь. – Эта толпа отбросов была развлечением. Наша собственная тактика использовалась против нас. – Она прищурилась. – Они держат завесы, чтобы скрыть себя, и делают это умело.

- Молли, - скомандовал я.
- Бусде, босс!
- Наше отвлечение было иллюзией, это не стоило нам ничьих жизней, - указала Мерфи.
- Так же и для них, с их точки зрения, сержант, - вступил в разговор Мартин. – Существа, которые не могут контролировать себя, не используются Красным Королём, прежде всего. Их смерти просто уменьшают количество бесполезных, паразитирующих ртов, которые он должен кормить. Он может думать о людях как о корме, но он предпочтет не выбрасывать его просто так.

- Гарри? – спросила Мёрфи. – Ты сможешь проделать эту штуку с наковальней снова?
- Черт. Я как бы удивлен, что мне это удалось в первый раз. Никогда не проделывал ничего настолько напряженного. – Я на мгновение закрыл глаза и снова потянулся к залегающей линии – и мой разум исказился. Мысли превратились в жесткие взрывы изображений и воспоминаний, которые буквально царапали изнутри мой череп, и даже после того, как я оторвался от этих изображений, прошло несколько секунд, прежде чем я смог открыть глаза. – Нет, - прохрипел я. – Нет, это не вариант. Даже если они дадут мне достаточно времени для его осуществления.

- Тогда что мы собираемся делать? – спросил Томас. Он сжимал большой пистолет в левой руке, фалькату в правой и стоял спиной ко мне, глядя в темноту позади нас. – Стоять тут и ждать, пока они полюбят нас?

- Мы собираемся показать им, как многого им будет стоить одолеть нас, - криво усмехнулся я. – Как всё продвигается, падаван?

Молли медленно, задумчиво вздохнула. Потом она подняла бледную руку, обвела вытянутым пальцем круг вокруг нас и прошептала, - *Hireki*.

Я почувствовал, как выплеснулась мягкая волна её воли и слилась с моей собственной. Слово, которое прошептала моя ученица, казалось, волной прочертило вокруг неё огромный круг, оставив видимые следы его расширения. От него задрожали листва и трава, зашевелились маленькие камни, и

пока волна расширялась, она омыла несколько фигур в ночи, выявив темные силуэты там, где до этого были только крошечная темнота и тени.

- Не настолько и умело, - тяжело дыша, сказала Молли довольным голосом, поглядывая на Леа.

- *Fuego!* – воскликнул я и метнул маленькую комету огня правой рукой. Она понеслась вперед со свистящим воем раскаленного воздуха и врезалась в ближайшую из скрытых тенью фигур, менее чем в дюжине ярдов от нас. Вспыхнул огонь, и вампир закричал от бешенства и боли, пытаясь спрятаться за деревьями.

- *Infriga!* – рывкнул я и сделал рубящий жест левой рукой. Я сорвал огонь с раненого вампира и даже более того, я резко послал получившийся фаербол в следующую фигуру, оставив первую мишень в кубе льда. Влажный воздух джунглей высвободил влагу, содержащуюся в нем, на вампирское тело и сковал её воедино, в твёрдом и слегка светящемся от избытка энергии холоде, который отозвался во мне как дар Королевы Мэб. Что было очень кстати. Я заметил дюжину крадущихся для атаки в моём непосредственном поле зрения, что означало, что еще пятьдесят или шестьдесят их них, кружатся поблизости, плюс те, кого я не смог увидеть, кто, возможно, воспользовался более приземленными методами маскировки, чтобы избежать обнаружения.

Я хотел, чтобы они увидели, что я могу сделать.

Второй вампир пал так же легко, как и первый, за ним последовал третий, и только тогда я сказал спокойно:

- По одной пуле на каждого, Мартин.

Пистолет с глушителем чихнул три раза, и слегка светящиеся фигуры скованных льдом вампиров рассыпались каждый на несколько дюжин кусочков, разлетаясь по земле, где светящаяся энергия Зимы начала стекать с них, вместе с покрытой льдом плотью.

Они поняли намёк. Вампиры прекратили двигаться. Джунгли затихли.

- Огонь и лёд, - промурлыкала Леанансидхе. – Прекрасно, мой крестник. Любой может играть с элементами. Немногие же могут манипулировать противоположностями с такой лёгкостью.

- Такова была идея, - пожал я плечом. – Прикрой меня.

- Конечно, дитя.

Я шагнул вперед и чуть в сторону от всех и поднял руки.

- Арианна! – прокричал я, и мой голос пророкотал, словно я держал микрофон и использовал динамики размером с рефрижераторы. Это было неожиданно. Оглянувшись через плечо, я увидел, как моя крёстная лукаво улыбается.

- Арианна! – позвал я снова. – Ты слишком испугалась, чтобы принять мой вызов, брошенный в Эдинбурге! Теперь я здесь, в центре силы Красного Короля! Ты всё ещё боишься встретиться лицом к лицу со мной, трусишка?

- Чего? – еле слышно пробормотал Томас.

- Это не лобовая атака, - добавил Саня с осуждением в голосе.

Я игнорировал их. Был только я и мой трубный голос.

- Ты видишь, что я сделал с твоей чернью! – позвал я. – Сколько еще должно умереть, прежде чем ты перестанешь прятаться за них, герцогиня? Я пришел убить тебя и потребовать обратно своего ребёнка! Выйди вперед, или я клянусь силой тела и разума, что я наложу порчу на место вашей силы. Прежде, чем я умру, я заставлю вас заплатить сполна за каждую каплю крови, и когда я умру, моё смертное проклятие развеет мощь этого места по ветру!

- Арианна! – не удержавшись, проревел я голосом полным ненависти, презрения и злобы. – Как много верных слуг Красного Короля должны умереть этой ночью? Как много Лордов Внешней Ночи изведуют смертность, прежде чем взойдёт солнце? Ты только начала постигать силу, которую я привёл с собой этой ночью. Ибо если я умру, клянусь тебе: *Я не паду в одиночку.*

Я позволил себе вложить чуток мелодрамы в этот пункт. Я использовал немного огня души, достаточно чтобы покрыть моё тело серебряным светом, когда моя клятва прозвучала над землёй, над руинами, отражаясь от дерева к дереву. Это был резкий свет, такой, что ближайшие выжившие вампиры припали к земле, пытаясь укрыться от него.

Долгое время в ответ не раздавалось ни звука.

Затем барабаны и редкие удары гонга прекратились.

Снова рог из раковины моллюска пропел три высоких, мелодичных ноты.

Результат был мгновенным. Все вампиры, окружающие нас, отступали до тех пор, пока не исчезли из поля зрения. Потом барабанный бой зазвучал снова, но на сей раз это был звук одного барабана.

- Что происходит? – спросил Томас.

- Агенты Красного Короля провели последние несколько дней, пытаясь убить меня или позаботиться о том, чтобы я оказался здесь в качестве вампира, - ответил я тихо. – Я почти уверен, что король не хотел, чтобы герцогиня наложила кровное проклятье на меня. Это значит, что внутри Красной Коллегии идет борьба за власть.

- Твое объяснение не всё объясняет, - нахмурился Томас.

- Теперь, когда я уже здесь, - продолжил я, - я готов биться об заклад, что Красный Король готов приложить все усилия, чтобы избавиться от герцогини.

- Ты даже не знаешь, здесь ли он.

- Конечно он здесь, - скривился я. – Здесь собрана порядочная сила, крупнейшая из тех, которые мы видели в поле в течение войны.

- Что если это не его армия? Что если он не здесь и не собирается в этом участвовать? – не отставал Томас.

- История учит, что короли, которые не осуществляли прямой контроль над своими армиями, имели склонность не слишком долго оставаться королями. Из-за чего всё это, в конце концов, и затевалось – уменьшить силу Арианны.

- И что подсказывает тебе, как это сделать?

- Дуэльный Кодекс, - сказал я. – Красная Коллегия подписала Соглашение. За то, что сделала Арианна, у меня есть право вызвать её. Если я убью её, я избавлю Красного Короля от проблемы.

- Допустим, он не заинтересован в светской беседе? – Томас прямо посмотрел на меня. – Надеюсь, они не отступили назад, потому что он поручает кому-то сбросить на нас крылатые ракеты?

- Тогда мы все взорвёмся, - сказал я. – Что будет лучшим вариантом, чем если мы сцепимся с ними здесь и сейчас, я полагаю.

- Хорошо, - кивнул Томас. – Хоть это мы прояснили.

- Слабак, - усмехнулась Мёрфи.

Томас покосился на неё.

– У меня трясутся коленки, когда ты говоришь вот так, сержант.

- Тишина, - проворчал Саня. – Что-то приближается.

Мягкий свет лампы осветил стройную фигуру в белых одеждах, которая двигалась к нам со стороны длинного ряда колон.

Это оказалась женщина, одетая почти так же, как и Сьюзен. Она была высокой, юной, с темной медно-красной кожей настоящих майя, с удлинёнными чертами лица и тёмными волосами. Ее сопровождали трое мужчин, явно бойцы, чья одежда состояла из набедренных повязок и шкур ягуара, наброшенных на плечи. Все они были покрыты обильными замысловатыми татуировками. Двое из них несли деревянные мечи с лезвиями из тонких обсидиановых пластинок. Последним шел барабанщик, отбивая равномерный ритм.

Я подумал, что есть что-то знакомое в чертах трёх мужчин, но затем я понял, что не они были знакомы мне лично, а едва уловимое напряжение тел, намёк на силу, которая веяла над ними, как очень слабый аромат парфюма.

Они сильно напомнили мне Сьюзен и Мартина. Полувампиров. Вероятно, такие же опасные, как Сьюзен и Мартин, если не больше.

Воины-ягуары остановились на расстоянии двадцати футов, но барабанщик и девушка продолжили идти, один шаг за один удар. Когда они достигли меня, девушка расстегнула украшенный перьями плащ и позволила ему упасть на землю. После того, как она сбросила кожаные лямки с плеч, одеяние упало на землю белой своеобразной лужей вокруг её ног. Она была обнажена, за исключением повязки из кожи на бедрах, на которой висел нож с обсидиановым лезвием. Она, словно в мольбе, опустилась на колени медленным, грациозным движением и протянула мне нож рукоятью вперед.

- Я Жрица Аламайя, слуга Великого Господина Кукулькана, - сказала она медовым голосом с умиротворённым выражением лица. – Он предлагает тебе и твоей свите приветствие здесь, в его

имении, мастер Дрезден, и предлагает тебе кровь моей жизни в доказательство его приветствий и его согласия с Соглашением. – Она опустила глаза и наклонила голову вправо, чтобы обнажить, сонную артерию, всё ещё протягивая мне нож. – Поступи со мною так, как пожелаешь. Я дар тебе от Великого Господина.

- Ах, как заботливо, - довольно прожурчала Леанансидхе. – Тебя навряд ли кто-то встречал так же любезно в эти дни. Можно я?

- Нет, - резко сказал я, пытаясь сдержать раздражение, звучащее в моем голосе. Я вынул нож из руки девушки и засунул его за свой пояс, оставив его возле тканевой сумки, которую я сделал из завязанной узлом футболки с «Ролинг Стоунз». Футболка осталась в моей спортивной сумке с контрабандой с тех пор, как я сложил туда чистую одежду и ходил на тренировки. Я призвал футболку (бам-пам-парам, бэмс) на службу, когда понял что есть одна вещь, без которой я не смогу обойтись в течение этого столкновения. Она была привязана к моему серому поясу из ткани.

Затем взял девушку за руку я поднял её на ноги, чувствуя немного необычную ауру вокруг неё. Она была смертной и, несомненно, слугой вампиров.

Она перевела дыхание, когда почувствовала мои руки на своих запястьях, и быстро встала, поэтому я не приложил никаких усилий, поднимая её.

– Если ты пожелаешь лишить меня девственности, господин, это так же в твоём праве, как гостя. – Её тёмные глаза, выражая готовность на все, смотрели очень прямо. – Моё тело твоё, так же, как и моя кровь.

- Еще столетье, - пробурчала Мёрфи, - и мы перейдем от «как рыбе велосипед» к этому.

Я прочистил горло и сердито взглянул на Мёрфи. Потом я повернулся к девушке и сказал:

- У меня нет сомнений в твоей верности господину, Жрица Аламайя. Пожалуйста, сопроводи нас к нему, чтобы я мог поговорить с ним.

При этих моих словах девушка снова бухнулась на колени и обмахнула мои ноги своими волосами.

– Я благодарю тебя на мою жизнь, чародей, теперь я могу продолжить служение своему господину, - сказала она. Затем она поднялась на ноги и сделала повелительный жест одному из воинов-ягуаров. Мужчина сразу же поднял её наряд и помог ей одеться. Плащ из перьев скользнул на её плечи, и, хотя я знал, что эта вещь была тяжелой, она восприняла это безо всякого напряжения. – В эту сторону, господин, если вы пожелаете.

- Люблю эту работу, - пророкотал Саня. – Просто люблю её.

- Мне нужно почаще вызывать людей на дуэли, - согласился с ним Томас.

- Мужики- свиньи, - съязвила Мёрфи.

- Аминь, - подвела черту Молли.

Леа чопорно посмотрела на меня.

- Мне веками не жертвовали благочестивую девственницу.

- Абсолютно непрофессионально, - буркнул Мартин.

- Фигу, - заявил я спокойно, положив руку Мышу на спину. – Все вы. Идите за мной. И не выглядите пиццей.

И, следуя за жрицей с её лампой, мы вошли в город Чичен-Ицу

Глава 43

Чичен-Ица пахла кровью.

Вы никогда не спутаете кровь с чем-либо другим, даже если вы никогда не нюхали её прежде. Мы все пробовали её, хотя бы тогда, когда теряли наши молочные зубы. Мы все знаем вкус, и, как следствие, мы все знаем запах.

Главная пирамида известна среди туристов как Эль-Кастильо, что означает буквально «замок». Пока мы выходили из галереи колонн, она смутно виднелась перед нами, огромное сооружение из рубленого камня, каждый кусок был такой же большой и впечатляющий как европейские укрепления, в честь которых она и была названа. Это была пирамида зиккурат, построенная из квадратных блоков.

Уровни высились друг над другом до самого храма, венчающего ее вершину. Каждый уровень пирамиды охранялся различной стражей.

У основания пирамиды, и по этой причине наиболее многочисленные стояли воины-ягуары, которых мы уже видели. Только мужчины, все привлекательные, все покрытые выразительными, рельефными мускулами, как пантеры. Они были одеты в шкуры ягуара. Многие из них несли традиционное оружие. Еще больше были вооружены мечами, некоторые из которых были современного изготовления, что было во всех планах лучше оружия изготовленного в прошлом. У многих так же был «Калашников» – и снова, более современная версия оружия, сделанного из стали и пластика, которое явно превосходило свои предыдущие варианты.

На следующем уровне были женщины, облаченные в ритуальные одеяния, как Аламайя, но покрытые татуировками гораздо больше, чем войны-ягуары. В них тоже чувствовалась сила, которая предполагала более-чем-смертные способности.

Адские колокола. Если их было столько же на каждой стороне пирамиды, а у меня не было причин считать по-другому, тогда я смотрел примерно на тысячу воинов-ягуаров и жриц. Я опасный человек, но никто настолько не опасен. Я был определённо рад, что мы не попробовали измотать противника или просто броситься вперед. Нас бы затоптали простым численным превосходством независимо от нашего плана.

Количество имеет значение.

Это хреновый факт, но от этого он не становится менее правдивым. Не имеет значения, насколько праведно ваше дело, если вас превосходят численностью два к одному, вам надо быть реально творческим типом, чтобы выиграть. Спросите Германию, которая воевала на два фронта во Второй мировой войне. Немецкие танкисты часто жаловались, что они могли уничтожить десять танков союзников за каждый танк, который они теряли, но у Альянса всегда находился одиннадцатый танк, готовый вступить в бой.

Я смотрел на невероятное численное неудобство, и мне не понравились мои ощущения, когда я осознал эту истину.

А я был только на втором уровне пирамиды.

Следующие несколько уровней занимали вампиры. Ни один из них не был в их монструозной форме, но им и не нужно было. Они и не собирались маскироваться, и их полностью черные глаза очень красноречиво показывали их нечеловеческую природу. Среди вампиров пол, казалось, не имел большого значения. Еще два уровня было заполнено вампирами, одетыми как войны-ягуары, женщинами и мужчинами, а следующие два - вампирами жрецами и жрицами. Над ними были те, кто, как я полагаю, были чем-то вроде знати Красной Коллегии – отдельные вампиры, мужчины и женщины, которые стояли в окружении собственной свиты. На них было всё больше и больше золота и все меньше и меньше татуировок.

Прямо перед верхним уровнем стояли тринадцать одиноких фигур, насколько я смог рассмотреть, они были выше, чем большинство смертных, футов семь или больше ростом. Каждый был одет в различные виды традиционных одеяний, и у каждого была своя собственная характерная маска. Мои знания мифологии майя были весьма слабы, но разведка Белого Совета докладывала, что Лорды Внешней Ночи позиционировали себя в качестве богов древних майя, каждый со своей собственной личиной. Что не сообщала разведка, так это то, что в этом была изрядная доля правды, или то, что такое количество поклонников делало их больше, чем просто древними вампирами.

Я увидел их, и мои колени задрожали. Я не мог остановить это.

И свет осветил храм на вершине пирамиды.

Запах крови исходил от храма.

Это было несложно понять. Она стекала вниз по ступеням, которые вели наверх пирамиды, тонкие ручейки красного, которые омывали ступени и растекались по земле. Почва вокруг была взрыхлена, словно кто-то прошелся по пропитанной кровью земле плугом и перекопал её. Рабы крови, я был готов держать пари. Моё воображение нарисовало мне картинку этой сумасшедшей толпы, роющейся в земле, глотающей кровавые комки, дерущуюся за свежую грязь, пока ваш покорный слуга не показался и не покончил с вечеринкой.

Я смотрел по сторонам, пока мы шли через открытый внутренний двор. Грузовик для перевозки скота, о котором нам говорила Сьюзен, всё ещё охранялся отрядом в форме цвета хаки, видно, какой-то частной фирмой безопасности. Наёмники. Несколько сотен человек группами по пятьдесят бойцов.

Не останавливаясь, Аламайя пересекла внутренний двор и начала подниматься по ступеням, двигаясь размеренными, почтительными шагами. Я следовал за ней, а все остальные следовали за мной. Пока мы поднимались, я ощущал со всех сторон враждебные взгляды. Я игнорировал их, словно они не стоили моего внимания. В любом случае, ноги Аламайи были гораздо более привлекательными.

Мы достигли последнего перед храмом уровня, и Аламайя повернулась ко мне.

– Мой господин будет говорить только с одним, Чародей Дрезден. Пожалуйста, попроси, чтобы твоя свита подождала здесь.

Здесь. Рядом с палатой Лордов Внешней Ночи, богов с истёкшим сроком годности. Если я сделаю ошибку и что-то повернётся не так, то все станет очень плохо и очень быстро. Люди, которые рискуют всем, помогая мне, пострадают в первую очередь. На мгновение я подумал договориться. Отослать их. Самому встретиться лицом к лицу с Красной Коллегией. У меня уже было достаточно жизней на моей совести.

Но затем я услышал тихий, тихий звук с верхнего яруса: детский плач.

Мэгги.

Это был слишком печальный и невинный звук, чтобы он был похоронным колоколом для моих друзей, но это могло оказаться именно так.

- Оставайтесь здесь, - велел я спокойно. – Я не думаю, что всё превратится в один из фильмов Джона Ву, по крайней мере, за пару минут. Мёрф, ты главная, пока я не вернусь. Саня, прикрывай её.

Мерф удивленно посмотрела на меня, но кивнула. Саня изменил свою позицию, сместившись на пару футов, чтобы встать чуть позади неё с правой стороны.

Я медленно поднялся по нескольким последним ступенькам, ведущим в храм.

Это была простая, элегантная вещь: почти кубическая постройка наверху пирамиды, с открытыми проходами размером в стандартный дверной проём с каждой стороны. Аламайя зашла первой, опустив глаза. Когда она зашла, она сделала шаг в сторону и встала на колени, опустив взгляд, словно она не была достойна пройти дальше.

Я сделал медленный вздох и шагнул за ней, чтобы увидеть короля Красной Коллегии.

Он был вроде невысокого роста.

Он стоял спиной ко мне, подняв руки над головой, бормоча на чём-то, что по моему предположению было языком древних майя. Пять футов и два дюйма, или пять футов и три дюйма, достаточно мускулистый, но, безусловно, ничего впечатляющего. Одет во что-то вроде клетчатой юбки, обнаженный выше пояса и ниже колен. У него были темные и длинные волосы, достающие до лопаток. Он держал в руке окровавленный нож и медленно, почти нежно опускал его.

И только тогда я заметил женщину на алтаре, привязанную за руки и ноги, с широко открытыми безнадежными глазами, которые, не отрываясь, смотрели на черный нож, словно она была не в силах отвести взгляд в сторону.

Мои руки сжались в кулаки. Я здесь не для боя, напомнил я себе. Я здесь не для боя.

Но в любом случае, я не мог просто стоять и допустить, чтобы что-то такое случилось. У меня никогда не было светлой головы, когда дело доходило до защиты женщин. Мёрфи говорила, что это будит во мне неандертальца.

Возможно, она права, но я не схватил кость и не прыгнул на парня. Я просто очень, очень противно прокашлялся и окликнул:

- Эй!

Нож замер.

Затем Красный Король опустил его и повернулся ко мне лицом. И я невольно вспомнил, что ядерные боеголовки это относительно маленькие устройства. Он не сделал ни единого угрожающего жеста. Он даже не посмотрел сердито.

Он не нуждался в этом.

Давление его глаз было чем-то, чего я никогда не ощущал прежде – пустая темнота, которая вонзилась в меня как физический удар, который заставил меня физически отклониться от него, чтобы не оказаться затянутым в вакуум и не потеряться в пустоте. Мне внезапно напомнили, что я был один, что у меня не было моих инструментов, что я полез решать вопросы, которые выше моего понимания, и что мой наряд смешон.

И всё это было его простым физическим присутствием. Он был огромен для такого маленького тела, слишком большой, чтобы его сдерживали стены этого храма, своего рода экстрасенсорный жар тела, который был так велик, что только дурак не понял бы, насколько он незначителен в этой великой схеме вселенной. Я почувствовал, как моя решимость испаряется, даже пока я просто стоял так, сжав зубы и смотря вдаль.

Красный Король рассмеялся. Он сказал что-то. Аламайя ответила ему, после этого поднялась и стала на колени возле его ног, глядя на меня.

Рабыня на алтаре оставалась на месте, тихо рыдая.

И тут я услышал другой, более тихий голос, раздававшийся из-за алтаря. Срань господня. Я не мог прекратить это. На мгновение я сконцентрировался на голосе своей дочери, тихом и милом, и внезапно я уже не чувствовал себя ничтожным. Я чувствовал себя разъяренным.

Красный Король заговорил.

Аламайя выслушала его и затем сказала:

- Ты не говоришь на истинном языке веков, чародей, поэтому мой господин будет использовать эту рабыню для обеспечения понимания между вами.

- Радикально, - буркнул я. – Злобный хмырь.

Аламайя секунду смотрела на меня. Затем она сказала что-то Красному Королю, очевидно, сообщая факт, что я оскорбительно использовал выражение, которое сложно перевести.

Он прищурился.

Я скопировал его выражение. Не знаю, как он это воспринял, но ему это точно не понравилось.

Он сказал что-то низким, грубым голосом.

- Мой господин требует узнать, почему ты здесь, - перевела жрица.

- Скажи, что ему чертовски хорошо известно, почему я здесь, - я скорчил презрительную мину.

Жрица шокировано уставилась на меня. Она заикалась несколько раз, пока переводила меня. Я не знаю, было ли в древнем языке майя слово *биин*, или она нашла ему замену.

Красный Король выслушал ее, выражение его лица изменилось от недовольства до осторожного нейтралитета. Он смотрел на меня несколько секунд, прежде чем снова заговорить.

- Мне был вручен дар от той, кого ты знаешь как Герцогиню Арианну, - перевела девушка. – Ты говоришь, что дар был незаконно получен?

- Да, - сказал я, не отводя от него взгляда. – И ты знаешь это. – Я покачал головой. – Я устал от танцев вокруг да около. Скажи ему, что убью Арианну для него, заберу с собой свою дочь и покину это место. Скажи ему, если он так сделает, это перестанет быть личным. Иначе, я готов к битве.

Девушка перевела, её лицо было гораздо больше, чем просто испуганным. Когда она закончила, Красный Король бурно расхохотался. Он облокотился назад, на алтарь, его рот расплылся в усмешке, взгляд его черных глаз был очень неприятным. Он сказал несколько кратких выражений.

- Мой господин говорит, что разбросает каждую из твоих конечностей возле каждой из дверей, если ты поднимешь свою руку против него.

Я фыркнул.

- Да. Но я не буду даже пытаться убить его. – Я наклонился вперед, оскалив зубы, обращаясь к Красному Королю, не к девушке. – Я попытаюсь покалечить его. Ранить его. Ослабить его. Спроси его, как он думает, может ли смертное проклятье чародея Белого Совета ранить его. Спроси его, насколько он доверяет тем, кто стоит на ближайших уровнях пирамиды. Спроси его, какие ему нанесут визиты, и какие поднесут дары, когда они поймут, что он ранен.

Аламайя заговорила перепуганным шепотом, подчиняясь резкому слову выговора и приказа от Красного Короля. Я полагаю, это звучало так: « Я не хочу говорить вам этого, мой господин. - Тупая рабыня, переводи, черт побери, как я сказал тебе или я отобью свою ногу о твою задницу».

Ладно. Может быть все, кроме последней части.

Аламайя продолжала свою неприятную работу, и ее слова привели Красного Короля в ярость. Он стиснул зубы, и... нечто зашевелилось под его кожей, передвигаясь и перекатываясь там, где ничего не должно было существовать, такого, что могло бы двигаться и перекатываться.

Я смотрел на него, приподняв бровь, с волчьей улыбкой на лице, наблюдая за его реакцией. С ним очень давно никто так не говорил, если это вообще случалось прежде. У него могло вообще не быть предохранительного механизма, чтобы справиться с этим. А если он не справится, моя смерть будет действительно ужасной.

Он справился. Он овладел собой, но я думаю, он был близок к тому, чтобы сорваться, и это стоило жизни женщине на алтаре.

Он повернулся и вонзил обсидиановый нож в её правый глаз с такой силой, что лезвие сломалось. Она выгнула тело, насколько ей позволили путы, и издала сдавленный, короткий, мучительный крик, мотая головой влево и вправо, а затем она медленно расслабилась в объятиях смерти. Только правая нога продолжала дёргаться и шевелиться.

Красный Король провел двумя пальцами по крови, которая вытекла из её глазницы. Он засунул пальцы в рот и задрожал. Когда он повернулся ко мне, он снова был невозмутимо холоден.

Я уже видел такое поведение прежде. Это было поведение наркомана, когда он полностью заправился и доволен, и кажется сам себе всемогущим, когда его тело полно алкоголя или наркотиков, и, как следствие, иллюзия того, что он может более умело справиться с беспокоящими его эмоциональными проблемами, овладевает им полностью.

Это... многое объясняло. Объясняло действия Красной Коллегии в течение войны. Адские колокола, их король был наркоманом. Не удивительно, что они действовали так противоречиво: в одни моменты - блестяще и энергично, в другие - безумно, совершая идиотские ошибки. Это так же объясняло борьбу внутри Коллегии. Если имеющий власть должен контролировать свою жажду крови, включая то, когда и где ей предаваться, и не отвлекаться на случайные порывы, тогда любой, кто знал о состоянии Красного Короля, так же знал, что он слаб, противоречив и безумен.

Адские колокола. Этот парень был не просто монстром. Он был еще и параноиком. Он им должен быть, потому что он знал, что его жажда крови будет выглядеть как знак, что он должен быть низложен. И если это длилось достаточно долго, это наверняка сделало его безумным. Я имею ввиду, даже безумнее любого вампира Красной Коллегии.

И вот что, должно быть, случилось. Арианна каким-то образом проведала о слабости Красного Короля и добилась политической поддержки для его свержения. Она укрепляла свою собственную силу, личную, политическую и социальную, поскольку вампиры это сумасбродная, забрызганная кровью, помешанная на убийствах версия общества. Способность разобраться должным образом с врагами имела решающее значение в любом обществе, и для Красной Коллегии было только два вида врагов, те, с кем уже разобрались, и те, кто был всё ещё жив. У неё, буквально говоря, не было другого выхода, кроме как избавиться от меня, если она хотела добиться успеха. И Перл-Харбор для Белого Совета ничем не навредит ей, если она осуществит это.

Эх, я должен позаботиться, чтобы этот маленький псих остался королём. Пока он им будет, Белый Совет никогда не встретится с компетентной, объединённой Красной Коллегией.

Красный Король заговорил пару секунд спустя, вытирая пальцы о волосы Аламайны.

- Мой господин принимает твоё предложение вызова герцогини. Эта рабыня будет послана привести её, пока ты будешь ждать.

- Не так быстро, - сказал я, когда Аламайя начала подниматься. - Скажи ему, я хочу видеть девочку. Она замерла между нами, широко раскрыв глаза.

Король пошевелил рукой в разрешающем жесте. Она тихо сказала ему.

Его губа несколько раз приподнялась, обнажая зубы. Но он отрывисто кивнул и показал на алтарь, после чего отступил в сторону, пристально наблюдая за мной. Я следил за ним уголком глаз, приближаясь к алтарю. Мэгги была пристегнута с противоположной стороны алтаря наручниками с цепью, которые были сделаны, тьфу, специально для детей. Кровь стекала с алтаря, и она отступала до тех пор, пока не прижалась к стене, пытаясь сохранить свою уже вымазанную маленькую обувь и одежду подальше от крови. Её волосы были сплошным сбившимся клубком, темные глаза были

расширены и налиты кровью. Она вся дрожала. Эта ночь не была очень холодной, но она была достаточно прохладной, чтобы причинять боль девочке, одетой только в легкое хлопковое платье.

Я хотел подойти к ней. Сбросить оковы. Обернуть её в свои нелепые одежды, дать ей еды и горячего шоколада, и ванну, и расческу, и щётку и плюшевого медвежонка, и кровать и...

Она увидела меня и, захныкав, отшатнулась.

О, Господи.

Я страдал, видя её там, испуганную, несчастную и одинокую. Я знаю, как справиться с болью, когда я чувствую её. Но боль, проходящая сквозь меня от вида моего ребёнка, моей кровинки, страдающей перед моими глазами, перешла на новый уровень, и я не знал, как справиться с ней.

Я подумал, что, вероятно, начну с того, что разорву ещё несколько вампиров на кровавые лоскуты.

Я взял боль и скормил её шторму внутри себя, тому, который уже бушевал долгие бесконечные часы и который снова вспыхнул огненно-белым. Я подождал, пока мой гнев станет достаточно горячим, чтобы высушить слёзы на глазах. Потом я повернулся к Красному Королю и кивнул.

- Договорились, - сказал я. – Посылай за герцогиней. Я избавлю тебя от этого мусора.

Глава 44

Аламайя покинула храм в тишине. Примерно минуту спустя она вернулась. Она поклонилась Красному Королю – полный, коленопреклоненный поклон – и что-то тихо сказала.

Красный Король прищурился. Он что-то пробурчал девушке и вышел. Раковины моллюсков снова затрубили и забили барабаны, когда он появился снаружи.

Аламайя чуть-чуть повысила голос, чтобы быть услышанной.

– Мой господин желает, чтобы ты знал, это место под наблюдением и охраной. Если ты попытаешься уйти с ребёнком, тебя уничтожат вместе с нею.

- Понял.

Аламайя отвесила мне более традиционный поклон и поспешила выйти вслед за Красным Королём.

Когда она исчезла, я сделал два шага в сторону алтаря и мёртвой женщины на нём. Затем я сказал:

- Всё в порядке. Скажи мне, на что я смотрю.

Из импровизированной сумки-футболки с «Роллинг Стоунз», привязанной к моему поясу, раздался голос Боба-Черепы, в его наиболее едкой манере:

- Гигантская пара карикатурных губ.

Я пробормотал проклятье и стал дергать футболку, пока не показался один из пылающих оранжевых глаз черепа.

- Большой глупый магический кретин! – воскликнул Боб.

Я зарычал на него и направил его глаз на алтарь.

- Ой, - заорал Боб. – Ё-моё.

- Что это? – спросил я.

- Ритуальное проклятье, которое он подготовили, - восторженно отозвался Боб. – Оно мощное.

- Как оно действует? Уложись секунд в десять или меньше.

- Десять сек... Арх.. Ладно. Представь арбалет. Все человеческие жертвы это усилия, которые ты приложил для натягивания тетивы и запаса энергии. У этого арбалета уже взведена струна и он готов к стрельбе. Ему просто нужен болт.

- Что ты подразумеваешь, под болтом?

- Например, маленькая девочка, прячущаяся позади него, - сказал Боб. – Её кровь выплеснет накопленную энергию в мир и направит её в цель. В данном случае на её кровных родственников.

Я нахмурился, задумавшись на мгновение. Потом спросил:

- Это специально должна быть Мэгги?

- Неа. Этот болт так же подойдёт, как и любой другой. Пока ты используешь нож для того, чтобы пролить кровь, это должно сработать.

Я кивнул.

– Итак... что если мы используем другой болт?

- Случится то же самое, - сказал Боб. – Единственная разница, с кем в результате случиться казздец.

- Это заряженное оружие, - я задумался. – Тогда почему они оставили меня наедине с ним?

- Кого ты собираешься убить, чтобы оно сработало? – спросил Боб. – Свою маленькую девочку? Себя? Ладно тебе, босс.

- Можем мы обезвредить его? Сломать его?

- Конечно. Это подкинет этот храм до орбиты, но ты можешь сделать это.

Я сжал зубы.

– Если всё сработает так, как они хотят, это убьёт Томаса?

- Девочка - человек, - не задумываясь, ответил Боб. – Так что только человеческую часть. Его тело, его ум. Я полагаю, если ему повезёт, он может стать овощем, в котором его Голод окажется как в ловушке, но оно не распространится дальше по Белой Коллегии.

- Проклятие, - выругался я. Я начал говорить кое-что еще, но заметил движение краешком взгляда. Я спрятал Боба обратно в мешок, посоветовав ему заткнуться, и, повернувшись, обнаружил Аламайю, вошедшую в храм с дюжиной вампиров воинов-ягуаров за спиной.

- Если ты последуешь за мной, господин чародей, - произнесла девушка, - я сопровожу тебя к той, которая навредила тебе. Мой господин желает, чтобы ты знал, он даёт своё слово, что твоя дочь будет сохранена от любого вреда, пока дуэль не завершится.

- Спасибо тебе, - сказал я. Повернувшись, я глянул на свою маленькую девочку еще раз. Она прижалась к стене, глаза широко раскрыты, но не останавливаются ни на чем, словно она пытается наблюдать за всем вокруг одновременно.

Я направился к ребенку, и она снова вздрогнула. Я стал перед нею на колени. Я не пытался коснуться её, не думаю, что смог бы остаться хладнокровным, если бы увидел, как она отшатнётся от моей ладони.

- Мэгги, - позвал я тихо.

Её глаза ожили, остановившись на мне, явно удивленные.

- Я собираюсь забрать тебя прочь от этих жалких людишек, - я старался, чтобы мой голос звучал как можно мягче и нежнее. Я не знал, понимает ли она вообще английский. – Хорошо? Я заберу тебя отсюда.

Её губа дрожала. Она снова отвела взгляд.

Затем я поднялся и последовал за жрицей бога-наркомана для встречи с моим врагом.

Тем временем снаружи ситуация изменилась. Красная Коллегия спустилась с пирамиды и была в движении, шагая спокойной, упорядоченной процессией к другой части руин. Мои товарищи дожидались в нижней части лестницы.

- Порядок, - сказал я, когда поравнялся с ними. – Время дуэли. Саня покачал головой.

– Попомни мои слова. Это не решится в дуэльном кругу. В таких вещах, как эти, всё летит вверх тормашками.

- Соглашение это серьезно, - возразил я. – Он будет играть без вывертов. Если я выиграю, я возьму девочку, и мы уйдём.

Мартин покачал головой.

- Что? – спросил я его.

- Я знаю их, - сказал он ровным голосом. – Никто из нас не покинет этого места живым.

Его слова оказали мгновенный эффект на всех. Но по Молли они ударили сильнее всего. Она стала совершенно бледной, и я увидел, как она нервно сглотнула.

- Может быть, ты знаешь монстров, Мартин, - голос Мёрфи звучал уверенно и спокойно. – Но я знаю парня, который остановит их. И если они не вернут девочку, мы заставим их пожалеть об этом. – Она кивнула мне, - Идёмте. Мы сможем посмотреть, как Дрезден убьёт эту сучку.

Я почувствовал, как на моём лице сама по себе расцвела улыбка. Мёрфи была хорошим человеком.

Как только последний полусмертный воин-ягуар отбыл, мы пристроились за ними и

последовали к тому, что выглядело как ещё один храм в северной части руин. Пройдя сквозь дверной проем храма, мы вышли на открытое пространство— полосу зеленого газона около ста пятидесяти ярдов в длину и примерно семьдесят или восемьдесят ярдов в ширину. Каменные стены около тридцати футов в высоту обрамляли длинные стороны прямоугольника, в то время как в дальнем конце этой площадки виднелся точно такой же храм, как тот через который мы вошли.

- Это стадион, - пробормотал я, осматривая местность.

- Тьфу, - сплюнула Молли. – Есть некоторые весьма ужасающие истории очевидцев, о зрелищных видах спорта майя, босс.

- Несомненно, - счастливо вздохнула Леа. – Они хорошо знали, как мотивировать своих атлетов.

Аламайя повернулась ко мне.

- Господин, ваша свита может подождать здесь. Пожалуйста, пройдите со мной.

- Будьте ко всему готовы, народ, - сказал я. Потом я кивнул Аламайе и последовал за нею на поле.

Как только я ступил на него, с противоположной стороны поля ко мне направилась женщина. Когда она приблизилась, я увидел что у Арианны были всё те же черты лица, что и при нашей последней встрече, однако цвет ее лица изменился с бледного на коричнево-красный. Её ледяные глаза залила вампирская чернота, и она потеряла примерно шесть дюймов в росте. На ней была простая одежда из кожи оленя и больше золотых украшений, чем на Мистере Ти. Её нос стал чуточку острее и длиннее, но когда мы остановились и глянули в лицо друг другу с расстояния десяти футов, я мог видеть только ненависть, кипящую за ее глазами. Я не сомневался, что это была герцогиня.

Я улыбнулся ей и сказал:

- Теперь я понял.

- Да, - ответила Арианна. Ей взгляд поднялся вверх и пробежался по округе, осматривая тысячи членов Красной Коллегии и их свиту, - Я могу упасть в обморок от ужаса.

- Почему? – потребовал я у неё ответа. – Почему надо было втягивать в это ребёнка? Почему просто не схватиться сразу со мной?

- Имеет ли это какое-то значение?

Я пожал плечами.

– Не особо. Просто любопытно.

Она смотрела на меня мгновение, а потом улыбнулась.

– Ты не знаешь.

Я настороженно смотрел на неё.

– Не знаю чего?

- Милый мальчик, - она расплылась в улыбке. – Это никогда не было из-за тебя.

Я нахмурился.

– Я не понял.

- Естественно, - сказала Арианна и сногсшибательно мне улыбнулась. – Умри смущенным.

Рог из раковины снова застонал, и Арианна повернулась с поклоном к храму, через который я прошел ранее. Я мог видеть Красного Короля, сидящего на троне из темного, роскошного полированного дерева, украшенного золотой инкрустацией и резьбой.

Аламайя поднялась и повернулась к нам.

– Господин и леди, есть рамки, которых вы должны придерживаться в битве. Первое...

Я недовольно нахмурился.

– Эй. Всё по Соглашению. Мы соблюдаем Дуэльный Кодекс.

Заговорил Красный Король и, хотя он был на расстоянии больше чем две сотни футов, я отчетливо его слышал. Аламайя выслушала его и поклонилась.

– Мой господин отвечает, что это святое время и святая земля для наших людей и так было с незапамятных времён. Если ты не желаешь уважать традиции наших людей, он предлагает тебе вернуться завтра ночью. К сожалению, он не может дать никаких обещаний о судьбе его нового движимого имущества, поэтому ты должен выбирать.

Я глянул на Красного Короля. Затем хмыкнул.

– Отлично, - сказал я.

Аламайя кивнула и продолжила.

– Первое, - сказала она. – Поскольку вы оба владельцы Силы, вы будете драться Силой и только Силой. Физический контакт любого рода запрещен.

Глаза Арианны прищурились.

Мои, в общем-то, тоже. Я знал, что Красная Коллегия дилетанты в магии, черт побери, первая полноценная вампирша-чернокнижница из Красной Коллегии которую я встретил, принадлежала к знати Красной Коллегии. Судя по украшениям герцогини, её место было на одиннадцатом ярусе пирамиды – прямо под палатой Лордов Внешней Ночи. Само собой, что даже дилетанты могли накопить достаточно опыта и навыков на протяжении тысячелетий.

- Второе, - продолжила смертная жрица, - ваши личные и любые силы, которые вы используете, должны остаться внутри стен этого поля. Любой из вас, кто нарушит это указание, будет уничтожен рукой воли моего господина и палаты Лордов Внешней Ночи.

- Вечно у меня эта проблема со зданиями, - пожаловался я. – Возможно, вы заметили сломанные колонны с другой стороны...?

Аламайя бросила на меня пустой взгляд.

Я вздохнул. Я полагаю, никто не оценил легкомыслие в середине их традиционного фетиша.

– Пустое. Не обращай внимания.

- Третье, - объявила Аламайя. – Дуэль начнётся со следующим звуком раковины. Она закончится только тогда, когда одного из вас не станет. Вы поняли правила, которые я сообщила вам?

- Ага, - рявкнул я.

- Да, - кивнула Арианна.

- Вам есть, что еще сказать?

- Всегда, - сказал я. – Но это может подождать.

Арианна слегка мне улыбнулась.

-Передайте благодарность моему отцу и скажите, что я присоединюсь к нему через пару мгновений.

Жрица поклонилась нам обоим и вернулась к своему боссу.

Тишина заполнила ночь. Внизу стадиона не раздавалось даже шума ветра. Тишина беспокоила меня, хотя Арианна выглядела расслабленной.

- Итак, - начал я, - твой папочка Красный Король.

- Конечно. Он создал меня, так же, как создал Тринадцать и лучшую часть нашей знати.

- Одна большая кровососущая Брейди Бунч, да? Но я готов биться об заклад, он пропустил все родительские встречи.

Герцогиня изучающе посмотрела на меня и покачала головой.

– Я никогда не понимала, почему никто не убил тебя прежде.

- В попытках не было недостатка, - самодовольно заявил я. – Эй, как ты полагаешь, почему он установил именно такие правила? Если бы мы сражались по Дуэльному Кодексу, тогда был бы шанс свести всё к прямой схватке. Кажется, так он лишил тебя преимуществ, не так ли?

Она улыбнулась.

– Пресытившаяся личность может рассматривать это, как признак его слабости.

- Хорошо уклоняешься от ответа. Но чисто из любопытства: Ну, убьёшь ты меня, что дальше? Она пожала плечами.

– Я продолжу служить Красной Коллегии изо всех сил.

Я оскалился.

– Подразумеваешь, выпихнешь Большого Красного из этого креслица, верно?

- Это более честолюбиво, чем разумно, - сказала она. – Один из Тринадцати, я так думаю, поднимется и станет Кукульканом.

- Создать вакантное место для палаты Лордов Внешней Ночи, - протянул я, сознавая всё. – Убийство своего отца для продвижения по службе. Ты - душка.

- Скот навряд ли поймет это.

- Наряд ли поймет, что папочка сдаёт позиции? – спросил я. – Что он становится одним из этих

ваших рабов крови?

Её губы вздрогнули, словно она пыталась удержать улыбку от превращения в оскал.

– Это случается иногда со стариками, - сказала Арианна. – Я люблю и уважаю своего отца. Но его время прошло.

- Ты пока не выиграла, - заметил я.

- Я считаю другой результат маловероятным. – Она осмотрела меня сверху донизу. – Какой... оригинальный наряд.

- Я надел его специально для тебя, - ответил я, трепеща ресницами.

Она не выглядела развеселенной.

– Большая часть из того, что я делаю, это бизнес. Безликий. Но сегодня я собираюсь насладиться.

Я прекратил строить из себя умника. Растущая сила моей ярости дотла сожгла это желание.

– Похищать моего ребёнка это не безлико, - зло отрезал я. – Это Кеворкяновский крик о помощи.

- Такой моральный произвол. Ведь ты так же виновен, как и я. Разве не ты убил ребёнка Паоло, Бианку?

- Бианка тогда пыталась убить меня, - холодно ответил я. – Мэгги невиновна. Она не могла причинить тебе боль.

- Тогда ты должен был подумать, прежде чем оскорблять меня убийством моей внучки, - прошипела Арианна, её голос внезапно стал натянутым и холодным. – Я терпелива, чародей. Гораздо терпеливее, чем ты можешь представить. И я с нетерпением ожидала этот день, когда последствия твоего высокомерия обрушатся на тебя и на тех, кто тебя любит.

Эта угроза зажгла огонь внутри меня, и я почувствовал, как злость готовится прогрызть путь на свободу из моей груди и обрушиться на Арианну.

- Сучка, - выплюнул я. – Подойди и получи кое-что.

Затрубил рог.

Глава 45

Мы оба мобилизовали волю во время « снарк –старта», и первое мгновение поединка чуть не убило нас обоих.

Я бросил в противницу силу и огонь, оба наполненные огнём души, который помогал усилить их действие, и сделать атаку более мощной и сложной для отражения. Они приняли форму сферы сине-белого огня размером с надувной тренировочный мяч.

Тем временем Арианна взмахнула руками в странном, извилистом жесте, и гейзер воды вырвался из-под земли с костедробительной силой.

Две атаки встретились друг с другом на полпути между нами, с результатом который никто из нас не мог предугадать. Огонь и вода с взрывом столкнулись, превращаясь в обжигающе горячий пар, который окатил нас обоих. Мой щит был уже наготове. Ситуация, которая привела мою левую руку к такому ужасному состоянию, заставила меня позаботиться о том, чтобы я мог защищать себя от жара такого рода в будущем.

Я отпрыгнул назад и, припав к земле, поднял щит вокруг себя, когда же облако пара окатило щит, оно буквально сварило траву вокруг меня. Это длилось несколько секунд, прежде чем исчезнуть и, когда это наконец-то случилось, я не увидел Арианну на поле.

Я, продолжая удерживать круговой щит, резко сфокусировался на точке, находящейся между моих бровей. Я призвал внутреннее Зрение и, окинув взглядом стадион, увидел Арианну, бегущую в сорока ярдах правее в попытке занять позицию для выстрела мне в спину. Казалось, воздух вокруг неё бурлил от клубов черной сальной магии – завеса, через которую мои физические глаза были не в силах пробиться. Перед моим внутренним Зрением она предстала обрюзглым и жирным вампиром Красной Коллегии в своей настоящей форме; древнее существо, наполненное силой и тьмой.

Я пытался больше ничего не видеть, но не смог ничего с этим поделать. Я мог видеть смерти, которые накапливались на этом стадионе столетиями, слежавшиеся в слой полупрозрачных костей, который покрывал эту землю смерти на три или четыре фута. Краем моего зрения я мог видеть

гротескные фигуры, которые были настоящим проявлением Красной Коллегии, каждая из которых была уникальным и ужасным монстром, соответствующим его личному безумию. Я не рискнул посмотреть на зрителей, особенно на собравшихся на втором этаже маленького храма в конце стадиона. Я не хотел увидеть истинные лики Красного Короля и его палаты Лордов.

Осматриваясь, словно не замечая действий Арианны, я продолжал поворачиваться. Выждав, когда моя спина окажется уязвимой для герцогини, я опустил щит и поднялся, тяжело дыша, как будто сил держать его дольше у меня не осталось. Я продолжил разворот и, за мгновение до того как она попыталась выпустить своё заклинание, повернулся и, наставив на нее палец, рявкнул: - «Forzare!».

Выброшенная сырая воля ударила вампа в грудь, как раз перед тем, как искорки электричества, которые она собрала, смогли сгуститься до настоящего удара молнией. Это отшвырнуло её на двадцать футов назад и со шлепком вмяло в древнюю боковую каменную стену игрового поля.

Прежде, чем она упала, я взглянул наверх стены, схватил пальцами невидимого желания секцию больших камней и сорвал их с насиженных мест. Ужасно грохоча, они накрыли Арианну камнепадом тридцатифутовой высоты.

Конечно, она была сверхчеловечески быстрой. Любой смертный был бы раздавлен. Она же получила только один скользящий удар от маленького камня и бросилась в сторону, в движении закручивая сферу в шарик аляповатого красного света между руками.

Я бы не хотел попробовать это на себе, чем бы оно ни было. Поэтому я продолжал обстреливать ее камнями со стены снова и снова, обрушивая вниз дюжины булыжников и вынуждая её двигаться, пока я бежал параллельно, сохраняя между нами безопасную дистанцию.

Мы оба бросались магией на бегу, но у неё было больше опыта в поединках один-на-один. Как стрелок-ветеран Старого Запада, она выбирала время для точного выстрела, пока я наседаю на неё с лихорадочными действиями, которые имели маленькие шансы на успех. В общей сложности, пока мы бежали, я катапультировал в ее сторону несколько десятков тонн камня, не причинив герцогине урона хуже, чем несколько царапин и крупных синяков.

Она один раз бросила в меня молнию.

Мир вспыхнул красно-белым, и что-то тяжелое ударило меня в спину. Мои ноги подкосились, и я, оглушенный, сел на землю на целый субъективный час. Вдруг я осознал, чтобы она ни упаковала в свой молниевый заряд, этого было достаточно, чтобы ударить по мне вдвое сильнее моих самых тяжелых ударов. Я отскочил к противоположной стене, посмотрел вниз на себя, ожидая увидеть огромную дыру с дымящимися краями, но вместо этого обнаружил темное пятно на утолщенном нагруднике и пару трещин на золотой филигрании, где металл практически расплавился.

Я был жив.

Моя голова стремительно собралась воедино, и я понял, что сейчас произойдет. Я поднял свой щит, придавая ему не форму сферы, как я обычно делал, а вид растянутого треугольника, напоминающего двухместную палатку. Я сжался под ним, и едва я успел это сделать, камни надо мной, подчиняясь воле Арианны, начали с шумом ударяться о щит. Я присел, будучи внезапно погребённым под серым камнем, и отчаянно попытался заставить свои вертящиеся от удара мозги придумать план.

Первый вопрос, который пришел ко мне в голову, был: «Что бы сделал Йода?». За крошечное мгновенье, между одним падающим камнем и другим, я сбросил щит. Когда следующий камень начал падать, я направил в руку свое желание, мысленно хватая его до того, как гравитация придавала бы ему слишком большую скорость. Я снова прокричал: «Forzare!» – и, огромным усилием воли изменяя направление его падения, швырнул камень изо всех сил в Арианну, используя помощь силы гравитации и остатки её собственной магии.

Она увидела, как он приближается, но только тогда, когда было слишком поздно. Она подняла руки в отражающем жесте, пытаясь создать собственную защитную магию. Камень с грохотом и вспышкой красного света прорвался через ее щит, ударил вампиршу в бедро, разворачивая и сбивая её с ног на землю.

- Гарри Дрезден, человек-катапульта! – закричал я захмелевшим голосом.

Через мгновение Арианна снова была на ногах. Её щит высосал достаточно энергии из камня, чтобы предотвратить летальный для неё исход, но это дало необходимое мне время, чтобы выбраться

из груды камня и отойти подальше от стены стадиона. Я обрушил на неё море огня, но она умело отбивала каждый выпад, конденсируя воду из воздуха в летающие сферы, которые перехватывали стрелы пламени и взрывались, покрывая всё маскирующей завесой пара. После пятого или шестого заряда я уже не мог видеть её своим физическим зрением, но я видел энергию движения позади пара, когда она потянула темную оболочку завуалированной завесы, собирая вокруг себя энергию. Я увидел, как она делает рывок с животной скоростью, снова заходя мне в тыл с целью ударить в спину.

Нет. Она не может пробовать тот же трюк дважды.

Дуэли между чародеями это гораздо больше, чем простое мордобитие враждебными формами энергии. Это не простое боксирование чем-то вроде летающих тяжелых кулаков. Это искусство, это наука, когда один пытается предсказать атаку другого и эффективно ей противостоять. Вы должны предчувствовать действие противника и быть готовым преодолеть его за считанные мгновения. Так же вы должны представить свои обходные пути вокруг его сильной защиты. Дуэль магии ограничена практически только воображением и сырой силой участников.

Арианна очевидно приготовила против меня моё любимое оружие – огонь, что было весьма умно. Но она уже пробовала этот удароспиночный трюк на мне прежде, и почти сгорела, проделывая его. Чародей с любым опытом сказал бы вам, что ей не стоит пробовать его больше, чем один раз, из страха, что враг может воспользоваться этим еще лучше.

Арианна была опытным убийцей, но у нее не было опыта дуэлей, в которых она полагалась бы только на свою магию. У нее всегда была подушка безопасности из ее экстраординарной силы и скорости. Черт, это был бы умный ход, чтобы прикончить меня – ломиться напрямую, отбивая атаки, и, подобравшись поближе, нанести решающий удар.

Вот только, она не могла так сделать. И она была не слишком хороша в гандикапе. Гибкость мысли никогда не была сильной стороной по-настоящему древних существ.

Вместо того, чтобы сделать ей одолжение, стоя на месте, как я сделал в прошлый раз, когда она пыталась обойти меня по кругу, я бросился вперед в маскирующие клубы пара. Я получил ожоги, и это было своеобразной платой. Сжав зубы, забыв о боли, я следил за энергией Арианны своим Зрением, дожидаясь своего выстрела и надеясь, что она не владеет Зрением.

Очевидно, она не владела, или решила не докучать себе, применяя его, положившись на свои совершенные чувства. Вампириша оказалась на позиции и наконец-то поняла, что я исчез среди пара. Она начала осторожно двигаться, собирая молнии в сложенные чашечкой руки. По тому, как она втянула воздух, готовая сказать слово и запустить в меня молнию, я понял, что она начала замечать мои очертания.

- Infriga, - прошипел я и выбросил вперед обе руки. - Infriga forzare!

И всё клубящиеся облако пара в воздухе вокруг меня заморозилось в игольно-острые копыя льда, которые полетели в неё, словно выпущенные из пушки.

Они вонзились в Арианну в тот миг, как только она запустила свой молниевый заряд, который вдребезги разнес одно из моих копий льда и пропахал двухфуттовую колею в грязи в двадцати футах от меня.

Арианна неподвижно застыла, с недоверием пристально глядя вниз на копыя и куски льда, глубоко вонзившиеся в её плоть. Спустя секунду она подняла взгляд на меня и открыла рот.

Капли черной густой крови потекли по ее подбородку. Затем она вздрогнула, её колени подломились, и она упала на землю.

От дальнего конца стадиона я услышал как моя крестная, запрокинув голову, завывала радостно и триумфально, переливаясь смехом и презрением.

Я наблюдал, как Арианна дрожит под ледяными копиями, которые пронзили ее тело в дюжине мест. Худшая рана была от сосульки толщиной в моё предплечье, которая пробила ей живот и вышла из спины, разрывая хранилище крови существа под маской плоти Арианны. Через ясный, кристально-чистый лед, как сквозь призму были видны внутренности.

Она, задыхаясь, говорила слово, которое я не узнавал, снова и снова. Я не знаю, какой язык это был, но я знаю, что оно означало: «Нет, нет, нет, нет».

Я молча стоял над ней. Она попыталась применить какую-то другую магию для защиты от меня, но сильная мука от этих морозных копий была болью, которую она никогда не испытывала, и не знала,

как с ней бороться. Я смотрел вниз на существо, которое похитило мою дочь, и чувствовал...

Я чувствовал только холодное, спокойное удовлетворение, кружащее как вихрь снега и дождя в шторме моей ярости.

Она смотрела вверх на меня непонимающим взглядом, черная кровь струилась из её рта.

– Скот. Ты просто с-скот.

- Мууу, - промычал я и поднял правую руку.

Краем глаза я увидел, как Красный Король поднялся со своего далекого трона.

Я направил все, что осталось от моей ярости в руку, и прорычал:

- Никто не смеет трогать мою маленькую девочку.

Взрыв чистой силы и огня превратил в кратер землю на семь футов вокруг Арианны.

Изломанный, обезглавленный труп герцогини Красной Коллегии лежал на его дне.

На разрушенный город опустилась тишина.

Я повернулся и пошел к Красному Королю. Не доходя до трона, я остановился на том, что было бы десятиардовой полосой на футбольном стадионе, и посмотрел ему в лицо.

– Теперь отдай мне мою дочь.

Он смотрел на меня, холодный и отстраненный, как горная вершина на горизонте. А затем он улыбнулся и сказал на прекрасном английском:

- Я думаю, нет.

Я сжал зубы.

– Мы договорились.

Он невозмутимо посмотрел на меня.

- Я никогда не сказал тебе ни слова. Бог не разговаривает и не заключает сделок со скотом. Он использует их и поступает с ними, так как считает нужным. Ты послужил моей цели, и дальше мне наплевать на тебя и твоего мяукающего ребенка.

Я зарычал.

– Ты обещал, что она не пострадает.

- Только до конца дуэли, - вокруг раздались подхалимские смешки, - и дуэль уже закончилась. –

Он повернул голову в сторону и сказал одному из вампиров, воину-ягуару из своей свиты. - Иди. Убей ребёнка.

Я почти попал в Красного Короля, когда он отвернулся, но казалось, какой-то инстинкт предупредил его в последний момент, и он пригнулся. Заряд пламени, который я швырнул в него, вырвал нижнюю челюсть воину вампиру и поджег его. Он, споткнувшись, завалился назад, крича, в то время как его монструозная форма показалась из-под маски плоти.

Красный Король в ярости повернулся ко мне, и эти черные глаза прижали меня вниз со всей сокрушающей тяжестью веков. Я был поставлен на колени прессом чистой воли, и не просто воли, но и ужасной боли, боли, которая возникала не в моём теле, а прямо в нервах, боли, которой я не мог противостоять.

Я услышал чей-то крик: «Гарри!» – и увидел, как скрытые под масками фигуры в храме рядом с Красным Королём сделали шаг вперед. Прозвучал выстрел, и потом кто-то закричал. Я услышал рёв, и, глянув вверх, увидел моих друзей и крёстную, смотрящих на скрытые под масками фигуры Лордов Внешней Ночи. Саня, мрачно сжимающий Эспераккиус обеими руками, был на ногах, но неподвижен. Мёрфи стояла на одном колене опустив свой «П-90». Одна рука медленно двигалась, вероятно, к мечу у неё за спиной. Мартин лежал на земле.

Я не мог видеть остальных. Мне не удавалось повернуть для этого голову. Но никто не дрался. Никто из нас не мог двигаться под ужасающим давлением воли Красного Короля и палаты Лордов Внешней Ночи.

- Кичливые твари, - прорычал Красный Король. – Умрите в муках. – Он схватил другого стража и подтянул его к себе, как будто крепкий вампир был ребёнком. – Я должен повторять? – закипел он и пихнул ему в руки окровавленный ритуальный нож. – *Бросьте ребёнка на алтарь и убейте её.*

Глава 46

Такие парни, как Красный Король, просто не знают, когда надо заткнуться.

Я боролся, пытаюсь поднять руку, и на это потребовалось больше усилий, чем на всё то, что я делал этой ночью. Моя рука дрожала и дрожала сильно, но все-таки продвинулась на шесть дюймов, коснувшись поверхности черепа, который лежал в импровизированной сумке у меня на поясе.

«Боб!» - закричал я про себя, словно использовал переговорные камни.

«Адские колокола»- ответил он: « Тебе нет нужды орать. Я тут».

«Мне нужен щит. Что-то, что отразит его волю. Я полагаю, что это - духовное нападение. Дух должен быть в состоянии противостоять этому».

«О, уверен. Но я не могу сделать этого отсюда, босс» - сказал Боб.

«У тебя есть моё разрешение покинуть череп для этой цели!» - отчаянно подумал я.

Глазницы черепа вспыхнули оранжево-красным светом, и затем облачко яркосветящейся энергии вылетело из них и поднялось, собираясь вокруг моей головы и проливая вокруг теплый свет.

Секунду спустя я услышал мысли Боба: « Накоси-выкуси, коротышка!»

И внезапно воли Красного Короля оказалось недостаточно, чтобы держать меня внизу. Боль отступила, задушенная и беспомощная от возбуждения ледяным холодом, который прошелся по моим нервам, наполняя их энергией. Я сжал зубы, освободившись от груза боли, и противопоставил мою собственную волю его воле . Я был словно ребенок, борющийся с чемпионом армрестлинга, но его последние слова придали мне какую-то дополнительную силу, и внезапно я поднял себя на ноги.

Красный Король повернулся ко мне лицом и протянул обе руки в мою сторону, его лицо исказилось от бешенства и презрения. Ужасное давление начало возрастать и удваиваться. Я отчетливо услышал его голос, который приказывал:

- Поклон. Вниз. Смертный.

Я сделал один шаркающий шаг к своим друзьям. Затем второй. И еще. И еще один, двигаясь вперед с возрастающей уверенностью. Тогда я прорычал через сжатые зубы:

- Поцелуй. Меня. В. Задницу. - И положил руку Мёрфи на левое плечо.

Ее протянутая рука была уже на полпути к мечу. Когда я коснулся её, наши ауры соединились, распространяя мою собственную защиту на неё, и я почувствовал прямую и резкую силу её воли, сопротивляющейся бессмертной силе, противостоящей нам. Как только это произошло, ее рука в мгновение ока дотянулась до рукояти Фиделакиуса, и Мерфи резко выхватила катану из простых деревянных ножен.

Белый свет, подобный которому древний стадион никогда не видел, хлынул из лезвия меча. Он был такой яркий, что напомнил мне кристаллическую равнину. Завывания боли раздались вокруг нас, но тут же потонули во внезапном, ясном крике - голос Мерфи трубой пронёсся через стадион и поднялся к небесам:

- Фальшивые боги! – её голубые глаза засверкали, когда она посмотрела на Красного Короля и палату Лордов Внешней Ночи. – Обманщики! Узурпаторы истины! Разрушители веры, семей, жизней детей! За ваши преступления против майя, против людей всего мира, сейчас вы будете держать ответ! Ваше время пришло! Встречайте правосудие Господа Бога Всемогущего!

Я думаю, что только я был достаточно близко, чтобы увидеть шок в её глазах и понять, что не Мёрфи говорила эти слова – кто-то другой говорил их через неё.

Потом она описала своим мечом дугу, разрубив воздух перед нами единым, свистящим ударом.

И воля Красного Короля исчезла. Ушла.

Красный Король что-то закричал, указывая в направлении Мёрфи и корчась от боли. В тоже мгновение остальные мои спутники тяжело вздохнули и вздрогнули, когда давление на них внезапно прекратилось.

Все золотые маски повернулись к моей подруге.

«Боб!» - закричал я: « Иди с ней! Сохрани ее свободной!».

«Йехуу!» - радостно воскликнул Боб. Он золотисто-оранжевым огоньком метнулся от моей головы к Мёрфи и собрался вокруг её светлых волос, как раз в тот момент, когда объединенная воля палаты Лордов Внешней Ночи упала на неё, такая плотная и тяжелая, что я отшатнулся от этой энергии, как от физической силы. Даже воздух вокруг исказился от её мощи.

Белый свет Меча струился вниз и вокруг. Одежда Мерфи буквально изменилась, словно свет тек сквозь нее, становясь ее частью, превращая ночь в день, черное в белое. Она, оскалившись, поднялась на одно колено и посмотрела вверх, упрямо выставив подбородок. Её голубые глаза сияли огнем, бросая вызов тринадцати темным богам, а вокруг головы пылающим золотым нимбом горел один из наиболее могущественных духов, которых я когда-либо встречал.

Мёрфи с криком и ровным взмахом меча поднялась на ноги. Лорды Внешней Ночи дружно отшатнулись, словно они все получили резкий удар. Несколько золотых масок сорвало с лиц, как будто этот удар был реален, и слитное присутствие их объединённой воли внезапно исчезло.

Воины-ягуары, полуобращенные и вампиры с воплями бросились к Мёрфи.

Она, взмахнув катаной, уклонилась, разнесла вдребезги традиционный обсидиановый меч пренебрежительным взмахом Фиделаккиуса и небрежным движением свалила воина, орудовавшего им.

Но её превосходили численно. Не десятком или несколькими, а сотнями. Воины-ягуары немедленно окружили ее, чтобы покончить с нею, атакая со всех сторон. Они знали, как действовать сообща.

Но и мы с Саней это знали.

Саня перехватил Эспераккиус и, шагнув вперед, присоединился к драке. Вокруг него тоже вспыхнул белый сияющий свет, который, казалось, облизывал вампиров, заставляя их сгибаться, обжигая белыми искрами, которые отражались у них в глазах. Его обутая в грубый ботинок нога ударила воина-ягуара в поясницу, и голой силы удара было достаточно, чтобы голова воина запрокинулась назад с такой силой, что сломалась шея.

Я бросился за Саней, выпустив поток морозного ветра, который сбил двух воинов с ног, когда они попытались обойти Мёрфи с тыла.

Они с и Саней стали спина к спине, уничтожая воинов-ягуаров с методичной эффективностью, в то время как всё больше и больше врагов устремлялось к ним. Я продолжал отбрасывать нападающих, неспособный нанести существенный вред, но, препятствуя тому, чтобы они смогли собраться вокруг Сани и Мерфи подавляющим большинством, однако я уже чувствовал усталость. Я не мог сдерживать их вечно.

Быстрые шаги и Молли прижалась спиной к моей спине.

– Удерживай эту сторону! – крикнула она. – Я займусь той!

Ди-джей Молли К. развернувшись к царящему хаосу сражения, подняла обе свои палочки.

Цвет и свет, и душераздирающие крики вырвались из этих двух маленьких палочек. Переплетение света и тьмы заструилось среди наступающих воинов-ягуаров; мерцающие картины яркого солнечного света чередовались с видениями ада, разверзающегося в земле под ногами атакующих. Взрывы звуков, воплей, ударов и рокота высокочастотного шума как откат от стероидов послали гиперострые чувства вампиров в перезагрузку, буквально заставляя откатываться их назад на оружие тех, кто шел за ними.

Вампиры, пошатываясь, пробирались через «Рейв Одной Женщины», не остановленные, но замедленные и ошеломленные невероятным количеством звука и света.

- Люблю я хорошую вечеринку! - весело воскликнул Томас, начиная одинокий танец по краю танцпола Молли. Его фальката рубила конечности и шеи движущимся вперед ошарашенным вампирам, уничтожая их, прежде чем они придут в себя. Я не думал, что кто-то может двигаться достаточно быстро, чтобы справиться с ними, но мой брат был, очевидно, со мною не согласен. Он разил их, не давая приблизиться к нам, при этом еще умудряясь добавлять несколько танцевальных движений. Те из них, что он позаимствовал из брейка, были особенно хороши. Очень эффектно и эстетично смотрелась волна, когда движение начиналось от руки сносящей голову незадачливого вампира острым как бритва лезвием фалькаты и плавно перекачивалось в пальцы другой руки, держащие автоматический пистолет, который ставил точку в движении метким выстрелом в череп другого вампира.

Давление количества возрастало, и Томас начал двигаться более быстро, более отчаянно, и тут Мышь прыгнул вперед, чтобы помочь заткнуть пробку в дамбе замешательства, которая удерживала вампиров Красной Коллегии в безвыходном положении.

У меня был свой собственный неприкосновенный арсенал в уме. Я снова потянулся к источнику холодной, готовой силы и после произнесенного слова, поле передо мною покрылось гладким, скользким льдом. Завывающий ветер поднялся, опрокидывая любого врага, который ступал на лёд, и толкая его к смертоносной машине, которой стали Саня и Мёрфи; либо, заставляя кружить в попытках пробиться через убийственное шоу звука и света Молли, попадая под стремительные атаки Мыша и Томаса.

Кто-то коснулся моей руки, и я чуть не испепелил его не глядя.

Мартин вздрогнул, хотя он и был готов отшатнуться, если бы я чем-то запустил в него.

– Дрезден! – завопил он. – Посмотри!

Я посмотрел. Наверху маленького храма в конце стадиона, палата Лордов Внешней Ночи и Красный Король, образовав круг, накапливали магическую силу, вероятно, от одной из кровавых линий лея. Независимо от того, что они собирались делать, у меня было плохое чувство, словно я достиг дна своей сумки с трюками.

Я услышал тяжелые шаги и увидел смертных охранников из службы безопасности, которые выстраивались вдоль стадиона. Когда они выйдут на позицию и откроют огонь, единственным вопросом будет, сколько времени им потребуется, чтобы уложить нас всех.

Кого я обманываю?

Я не смогу удерживать поле изо льда и ветра очень долго. И я знаю, что Молли не сможет долго крутить рейв такой интенсивности. Десятки воинов-ягуаров пали. Но это была капля в море. Их численность не уменьшилась на хоть сколько-нибудь значимое количество.

Мы могли сражаться изо всех сил, но, не смотря ни на что, это всё было тщетно. Мы никогда не выберемся с этого стадиона.

Но мы должны попробовать.

- Леа! – закричал я.

- Да, дитя? – спросила она радостным голосом. Я мог слышать её идеально четко. Ловкий трюк.

- Король и его шутники собираются запустить в нас чем-то действительно здоровым.

- О, полагаю, да, - Леанансидхе, мечтательно посмотрела в небо.

- Так *сделай же что-нибудь!* – зарычал я на неё.

- Уже делаю, - заверила она меня.

Она вытащила маленький изумруд из кармана платья и кинула его ввысь. Он, заискрившись, рассыпал факелы и снопы огня и исчез в ночи. Несколько секунд спустя он вспыхнул, разлетевшись облачком очаровательных зелёных искр.

- Там. Это место подойдёт, - сказала Леа, хлопая в ладоши и подпрыгивая на кончиках пальцев. – Вот теперь мы увидим *настоящие* танцы.

Зеленая молния расколола небеса, разразившись таким разрядом грома, от которого содрогнулась земля. Вместо того, чтобы затухать, гром становился всё громче и громче, и всё больше ударов молний вспыхивало в том месте, где взорвался камень Леанансидхе.

Затем дюжина отдельных зеленых молний ударили одновременно в землю поля в двадцати ярдах от нас, оставляя за собою дымящиеся кратеры.

Моим ослеплённым глазам потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в норму, но когда я смог видеть, моё сердце чуть не остановилось.

Двенадцать фигур стояли на поле.

Двенадцать фигур в бесформенных серых мантиях. Серых плащах. Серых капюшонах.

И каждый из них держал чародейский посох в руке.

Серый Совет.

Серый Совет!

Ближайшая человек была значительно ниже меня и плотнее, но он стоял на ногах, упираясь на посох так прочно, словно собирался сдвинуть мир. Вот он поднял свой посох, ударил им о землю и прокричал:

- Помните Архангельск! – Он проговорил одно, резонирующее слово, направляя кончик инструмента в сторону Красного Короля и Лордов Внешней Ночи.

Второй этаж храма стадиона, где они стояли... просто взорвался. Поток силы ударил древнее

сооружение, как лезвие огромного бульдозера, мчавшегося впереди «Машины 2» * (мульт «Яблочное Семя: Екс Машина 2») и врезался в храм. Затрещал камень. Красный Король, палата Лордов Внешней Ночи и несколько тысяч тонн камней полетели назад через воздух с достаточной силой, чтобы до нас докатилась ударная волна от места их падения.

Столь внушительная демонстрация принесла секунду ошеломленной тишины. Я, так же как все, разинул рот от удивления.

Затем я запрокинул назад голову и издал первобытный крик триумфа и ликования. Серый Совет пришел.

Мы не одни.

Эхо моего крика, казалось, послужило сигналом, отправившим нас назад в битву за наши жизни. Я отшвырнул еще несколько вампиров подальше от своих друзей и вдруг ощутил поток сверхъестественной энергии, приближающийся ко мне. Я повернулся, принял поток разрушительной Красной энергии на щит и бросил разрядом огня в нобеля Красной Коллегии, обвешанного массивными украшениями. Остальные вампиры открыли огонь по недавно прибывшему Серому Совету, который любезно отплатил той же монетой, и воздух наполнился дикими росчерками обменивающихся энергий.

Коренастая фигура в сером плаще махнула мне и, подойдя, небрежно спросила:

- Как дела, Хосс?

Я почувствовал, как на моём лице появляется жестокая усмешка, но я смог ответить ему так же небрежно:

– Хотел бы я, чтобы со мною был посох. Кроме этого... не на что жаловаться.

Эбинизер хмыкнул из-под своего капюшона.

– Оригинальный костюмчик.

- Спасибо, - оскалился я. – Мне понравилось ваше прибытие. Удобно? Экономичный расход топлива?

- Уютно, словно клопу в диване, - пробурчал он и метнул мне свой посох. – Держи.

Я сразу почувствовал энергии, движущиеся через этот инструмент. Этот посох был сделан лучше, чем мой, но ведь Эбинизер и был тем человеком, который учил меня. Оба посоха, которые я использовал на протяжении многих лет, были вырезаны из ветвей расколотого молнией дуба, росшего перед его маленькой фермой в Озарке. Я мог использовать этот посох с тем же результатом, что и свой собственный.

- Как насчет вас? – спросил я его. - Вам он не нужен?

Он сделал движение, словно метал топор, и, щелкнув пальцами, певуче произнес слово силы.

- У меня есть ещё один.

Эбинизер МакКой вытянул левую руку и произнес другое слово, темнота поднялась от теней и закружилась, образуя посох из черного, извилистого дерева, не украшенного никакой резьбой.

Черный Посох.

- *Fuego!* – закричал кто-то на стенах и на секунду я почувствовал тонкое жало обиды. Кто-то кричал *fuego* и это был не я!

Пока я чувствовал иррациональную обиду, начали стрелять наемники и они целились в мою сторону в первую очередь. Пули летели со всех сторон, ударялись о броню, отскакивали и оставляли всего лишь отметины. Это было похоже на удары от маленьких градин: неудобно, но на самом деле не опасно, пока один из стрелков не прицелится мне в голову.

Эбинизер повернулся к стенам, с которых стреляли солдаты. Пули, попадающие в его плащ, казалось, лишь слегка шевелили ткань, а затем просто падали к ногам. Старик, тихо буркнул себе под нос:

- Вы заключили неудачный контракт, мальчики.

Затем он пробормотав Слово провёл Черным Посохом слева направо и вырвал жизни из сотни мужчин.

Они просто... умерли.

Не было абсолютно никаких признаков их смертей. Ни криков боли. Ни борьбы. Ни судорог мышц. Вообще никакой реакции. В один момент они яростно стреляли в нас – и в другой, они просто...

Упали.

Мёртвыми.

МакКой повернулся к другим стенам, и я увидел, как двое или трое сообразительных стрелков бросили оружие и побежали. Я не знаю, помогло ли им это, но старик снова провел Черным Посохом по воздуху, и бандиты на той стороне поля упали замертво.

Моя крестная, увидев это, захлопала в ладоши, подпрыгивая на месте с восторгом ребенка на первом представлении в цирке.

Я на секунду замер в изумлении, шокированный. Эбинизер только что нарушил Первый Закон Магии: Не убий. Он прямо использовал магию для смерти другого человеческого существа – почти две сотни раз. Да, я знаю, что у него есть официальное разрешение делать это... Но есть большая разница между тем, чтобы знать этот факт, и видеть эту правду в действии.

Черный Посох пульсировал и мерцал от тёмной силы, и у меня возникло внезапное ощущение, что эта штука была живой, что она знала своё назначение и не хотела ничего иного, кроме как быть использованной, так часто и так эффективно, как только возможно.

Я так же увидел, как на руке Эбинизера вены наливаются ядовито-черным, медленно поднимаясь вверх и охватывая запястье. Он поморщился и на секунду поддержал своё левое предплечье правой рукой, потом оглянулся через плечо и сказал:

- Всё в порядке!

Дальняя серая фигура, высокая и худощавая, подняла посох. Я увидел слабый блеск металла на одном конце посоха, а затем зелёная молния окутала деревянную часть, когда он вонзил металлический наконечник в землю. Он вытащил посох, но извивающаяся длинная зеленая молния осталась. Затем он переместил посох, перевернул его взмахом руки и вонзил еще одно копьё из молнии, образовав две вертикальные колонны из электричества, соединенные между собою.

Он открывал Путь.

Вспышка молнии, и пространство между двумя разрядами деформировалось и потемнело, а затем заполнилось темными фигурами, несущими мечи. В первую секунду я подумал, что они одеты в странные костюмы или, может быть, причудливую броню. Их вороньи лица заканчивались длинными желтыми клювами. Они были одеты в одежды, которые, казалось, были сделаны из перьев. Но вдруг я понял.

Существа, покрытые мягкими черными перьями, действительно были клюволицыми. В руках они держали изогнутые мечи похожие на японские катаны. Они сотнями выходили из ворот, рывками двигаясь вперед неестественно длинными шагами, которые, казалось, только технически отличались от полёта. Они выглядели смертоносными и прекрасными, грациозные и быстрые в своих безукоризненных движениях.

Дикий свет рейва отражался от лезвий их клинков и блестящих черных глаз.

- Кенку должны мне услугу, - медленно произнес Эбинизер. – Показалось хорошим случаем попросить за неё рассчитаться.

С пронзительными свистами и воплями ярости странные создания выплеснулись за пределы стадиона и в массовом порядке начали интересоваться Красной Коллегией.

На поле боя воцарился кровавый хаос! Чары летали вместе с пулями в масштабе, который я прежде никогда не видел. Каменное оружие сталкивалось со сталью. Хлынула кровь: черная вампирская, синяя кенку, но в основном алая смертная кровь. В этом было слишком много ужаса и неуместной красоты, и я подумал, что мой мозг реагирует на происходящее вокруг с какой-то отстраненностью, словно это не угрожало моей жизни или было гораздо дальше, чем в нескольких ярдах от меня.

- Мэгги! - воскликнул я, хватая за плечо своего старого наставника. – Мне нужно добраться до нее!

Он нахмурился и кивнул.

– Куда?

- Большой храм, - я указал на пирамиду. – И еще, примерно в четырёх сотнях метров от храма прицепной фургон для скота, - сказал я. – Он охранялся в последний раз, когда я его видел. Там всё были живые люди.

Эбинизер кивнул и пробурчал.

– Возьми девочку. Мы позаботимся о Красном короле и его лордах. – Старик стукнул по земле, его

глаза загорелись от предвкушения. – Мы посмотрим, как этим слизистым ублюдкам понравится жрать то, что они сами готовят.

Я крепко пожал его правую руку, одновременно сжав ему плечо другою рукою.

- Спасибо.

Его глаза вспыхнули на мгновение, но потом он фыркнул и сдал назад.

– Забирай свою девочку, Хосс.

Старик подмигнул мне. Я в ответ моргнул несколько раз и повернулся.

Время заканчивалось – для Мэгги, и для меня.

Глава 47

- Крёстная, - закричал я, поворачиваясь к пирамиде.

Леа возникла сбоку от меня, её руки были окутаны изумрудным и аметистовым сиянием – её собственной смертельной магией.

- Должны ли мы сейчас продолжить поиск?

- Да. Будь рядом. Мы собираем команду и двигаемся.

Молли была ближе всех. Я повернулся к своей ученице и крикнул ей на ухо:

- Идём! Позволим продавцам птиц здесь разобраться. Нам нужно идти.

Молли рассеяно мне кивнула и окончательно опустила маленькие палочки, когда отряды кенку врубались в Красную Коллегию и сняли давление с наших флангов. Кончики её палочек, которые были сделаны из слоновой кости, покрылись трещинами и сколами. Её руки безвольно повисли, покачиваясь по бокам, и она выглядела еще бледнее, чем когда начиналась заварушка. Она повернулась ко мне, улыбнулась дрожащей улыбкой и, вдруг, внезапно осела на землю, закатив глаза.

В течение секунды я шокировано смотрел на нее, затем, опустившись рядом с нею на колени, вытянул амулет, чтобы при его свете проверить, не ранена ли она. В хаосе боя я не видел, что одна из её ног была покрыта кровью на середине бедра. Один из шальных выстрелов тупиц из охраны попал ниже её бронированной куртки. Она истекала кровью. Она умирала.

Томас рухнул на землю возле меня. Он сорвал свой ремень и захлестнул его вокруг бедра как жгут.

– Я справлюсь здесь! – сказал он, глядя на меня с отстраненным, спокойным выражением. – Иди, иди уже!

Я с сомнением смотрел на него. Молли была моей ученицей, моей ответственностью.

Брат внимательно посмотрел на меня и на секунду скинул маску спокойствия, показывая мне его напряжение, его страх, которые он сдерживал в узде на протяжении всего конфликта.

– Гарри, - серьезно сказал он. – Я буду защищать её даже ценой своей жизни. Клянусь.

Я кивнул и, сжав кулаки, оглянулся. Так много пролитой крови будет манить вампиров к раненой девочке, как пчел мёд. Томас не сможет заботиться о ней и сражаться.

– Мыш, - позвал я, - оставайся с ними!

Пес бросился к Молли и буквально встал над её головой, его глаза и уши были повсюду - охранник, настроенный стоять до конца.

Тогда я побежал к Мёрфи и Сане, они оба были покрыты маленькими порезами и ссадинами и выглядели так, словно собирались броситься в драку. Мартин, абсолютно спокойный, увязался за мною, судя по всему, он не знал, что находится в центре боя. Я мог, что угодно говорить о Мартине, но его вежливость, его спокойное поведение и его не воинственный язык тела были настоящей броней в этой ситуации. Он просто не был похож на важную или угрожающую цель, и он не пострадал.

Я посмотрел на всех и поднял меч, который вероятно обронил один из убитых воинов. Простой прямой китайский меч, известный как цзянь. Это был легкий, обоюдоострый меч, который просто отлично меня устраивал.

- Мы направляемся к пирамиде, - крикнул я Сане и Мёрфи.

Группа из тридцати или сорока кенку пронеслась мимо нас, тени на фоне растущей луны, и бросилась в схватку с воинами-ягуарами, которые всё еще были между нами и выходом с игрового поля.

– Туда! – скомандовал я. – Вперед, вперед, вперед!

Я сопровождал слова действием, бросаясь к проходу, который союзники Эбинизера прорубали для нас. Я почувствовал волну магии и какое-то движение впереди, когда вампирский нобиль бросил в меня еще одну вспышку племени. Я принял маленький удар молнии на посох учителя – он был короче, толще и тяжелее, чем мой, – направив атаку вниз по руке, через плечо, и через кончик моего недавно приобретенного меча. Разряд молнии прожег дыру в животе аристократа Красной Коллегии. Он зашатался, когда я приблизился к нему. Я горизонтально крутанул посох и заехал ему в нос, опрокидывая его на землю.

Мы прошли через остатки храма и вышли на открытое пространство между зданиями. Там царил хаос. Воины-ягуары и типы в жреческих одеждах были повсюду, большинство из них держали оружие. Смертные охранники из службы безопасности формировали отряды и двигались к стадиону для усиления Красной Коллегии. В тот же миг я понял, что Мёрфи, одежды которой сияли белым светом, с нимбом, пылающим расплавленным золотом, начала обходить меня справа, Саня двигался параллельно ей с другой стороны. Сверкающее сияние двух Мечей вселяло ужас в вампиров и полуобращенных, и они отшатнулись от этой ауры могущества и веры. Но это не было отступлением. Они просто отошли назад, пока другие существа образовывали вокруг нас большой круг, медленно его сужая, пока мы двигались к пирамиде.

- У нас не получится прорваться, - прохрипела Мёрфи. – Они собираются броситься на нас со всех сторон.

- Они всегда так делают, - сказал Саня, тяжело дыша, в его веселом голосе появились легкие нотки раздражения. – Никогда ничего новенького.

Они были правы. Я ощущал изменения в движении злодеев вокруг нас, как они всё более медленно отступали перед нами, при этом приближаясь сзади.

Мой взгляд коснулся вершины пирамиды впереди - там, на пятом уровне пирамиды, глядя вниз, стояла фигура в золотой маске. Очевидно, один из лордов Внешней Ночи пролетел весь путь до пирамиды после того, как Эбинизер постучался. Я мог чувствовать, как его воля действует в противниках окружающих нас – уже не способная обездвижить врага, но вселяющая в свои отряды фанатизм и агрессию.

- Этот парень, - указал я, кивая на него. – Золотая маска. Избавимся от него и прорвёмся.

Мёрфи внимательно осмотрела пирамиду, в поисках вампира в золотой маске. Затем её взгляд спустился вниз к основанию лестницы, и она кратко кивнула.

– Отлично.

Она подняла Фиделаккиус и, издав крик, которым вселяла трепет во многих крупных мужчин, занимающихся в её додзё, бросилась на воинов Красной Коллегии как пловец, борющийся против волны.

Саня удивленно моргнул.

Срань господня, я не подразумевал, что она должна сделать ЭТО.

- Маленькая, - пророкотал Саня, гулко расхохотавшись и начиная движение. - Но *грозная*!

- Вы все сумасшедшие! – закричал я и бросился вперед с ними, в то время, как Мартин немного переместился назад, прикрывая нас с тыла и не давая вампирам подкрасться сзади.

Мёрфи сделала то, на что не способен ни один смертный – она прорубила путь через толпу вампиров воинов. Она прошла через них как будто они были не больше, чем клубы дыма. Фиделаккиус сиял, и ни одно оружие, поднявшееся против Меча Веры - ни современная сталь, ни действующий антиквариат, - не могли противостоять ему.

Мёрфи, казалось, вообще никого не атаковала. Она просто двигалась вперед, и когда нападающие приближались к ней в попытке ударить ее, с ними случались плохие вещи. Удары мечей проносились в волоске от неё, пока она продолжала двигаться вперед. Её лезвие, с неимоверной скоростью, казалось, само по себе проходит через тела противников, нанося S-образные раны и причиняя ужасные травмы. Воины, которые бросались ей навстречу, внезапно обнаруживали, что их руки пусты, а они пролетели сквозь то место, где вроде как находилась Мёрфи, и что ужасный свет Меча оставил на их телах раны, края которых были черными и обугленными.

Они нападали на нее парами, и однажды троим воинам-ягуарам удалось скоординировать атаку.

Это не закончилось для них ничем хорошим. Мёрфи расправлялась с противниками, которые были больше, быстрее и сильнее, чем она ещё в те времена, когда была копом-новичком. Вампиры и полуобращенные, такие быстрые и сильные, были неспособны покончить с нею, так же как и все головорезы и преступники. Они, конечно, были сильнее ее предыдущих врагов, но казалось, пылающий свет Меча замедлял их, подрывал их силы, не намного, но достаточно, чтобы это имело значение. Мёрфи уклонялась, крутила финты и отбрасывала вампиров друг на друга, используя против них их собственную силу. Поэтому «трое-на-одну» она встретила почти с обиженным выражением лица. Один из воинов-ягуаров, вооруженный огромной дубинкой, смял двух своих компаньонов, оказав любезность Рыцарю-стажеру. В следующий момент он обнаружил, что его дубинка, разрубленная на три куска, падает на землю вслед за его собственной отрубленной ногой.

Кэррин Мёрфи возглавила прорыв, а мы с Саней старались поддержать его. Она проплыла через море врагов как маленький скоростной катер; противники крутились, болтались, вращались, дезориентированные в её кильватере. Мы с Саней прокладывали свой путь через ошеломлённых врагов, пробиваясь и прорубаясь сквозь них с бесхитростной жестокостью. И этот большой сумасшедший русский продолжал всё время хохотать!

Мы приблизились к лестнице, и сопротивление резко ослабло. Мёрфи поднялась наверх, и бог Внешней Ночи направил на неё руку, обильно украшенную драгоценностями; повинаясь его желанию, воздух покрылся рябью и уплотнился. Мы с русским ударились, как о кирпичную стену, и, пошатнувшись, остановились, но это, казалось, просто соскользнуло с Мёрфи, как и каждая предыдущая атака, направленная на неё. Я заметил, что её нимб всё ещё ярко сиял. Запаниковав, враг поднял руку и послал в неё три воющих копьё колдовской силы, одно за другим. Мёрфи шагала, уверенная и быстрая, передвигаясь в своей собственной манере боксёрского качающегося танца, и все три копьё, бесполезно пылая, пронесли мимо неё.

Саня чертыхнулся и пригнулся, уклоняясь от заряда, который практически угодил в него. Я принял один из них на щит, а другой попал мне в голень. Броня моей крёстной защитила мою плоть, но я всё же весьма жестко ударился о каменные ступеньки пирамиды.

Я успел вовремя поднять взгляд вверх, чтобы увидеть, как Мёрфи кинулась к древнему вампиру и быстро пронеслась мимо него; её меч взметнулся единым поднимающимся вертикальным ударом.

Золотая маска слетела с вампирской головы.... вместе с передней половиной черепа. Серебряный огонь опалил раскроенные, извилистые, шероховатые лепестки выступающего мозга, из них хлынула кровь и, соприкоснувшись с этим огнём, внезапно вспыхнула погребальным костром из серебряно-белого пламени. Лорд Внешней Ночи как-то смог закричать, когда огонь охватил его, и несколько секунд швырялся вслепую зарядами магии, пока, наконец-то, не сгорел дотла, оставив только отвратительное обугленное пятно на камне.

И только тогда барьер его воли пропал и мы с Саней и Мартином поспешили вверх по ступенькам к храму.

Враги всё ещё преследовали нас – их было так чертовски много – и когда я поднялся выше, то, оглянувшись назад, увидел, что Красная Коллегия начала сдерживать вторжение кенку. Битва всё ещё яростно кипела на стадионе, и хотя покрытые перьями воины легко расправлялись с двумя - тремя вампирами или полуобращенными, враг одолевал их простым количеством. Я должен поблагодарить их за то, что они с Серым Советом смогли отвлечь от нас основные силы противника, который завяз в бою внизу вместо того, чтобы стоять у нас на пути.

- Проклятье, - выругался я, глядя вдоль ступенек на храм наверху. Внутри двигались тени. – Проклятье! – я бешено оглянулся и внезапно почувствовал, как мою руку, которой я сжимал посох, сжала чья-то крепкая ладонь.

Мёрфи сжимала мою руку, пока я не посмотрел на нее.

– Мы с Саней останемся здесь, - сказала она, задыхаясь. – Мы задержим их, пока ты заберешь Мэгги.

Я глянул вниз на склон пирамиды. Сотни вампиров Красной Коллегии поднимались к нам, они сбросили маски плоти, освободив монстров под ними. Задержат их? Это будет самоубийство. Мечи дают своим носителям силу сражаться против существ, вырвавшихся из кошмаров, но это не делает их суперменами. Мёрфи и Саня уже сражались около двадцати минут, и это не были занятия аэробикой,

которые нельзя сравнить с настоящим физическим боем. Они оба тяжело дышали, начиная уставать. Самоубийство.

Но я должен дойти.

- Дрезден! – окликнул Мартин. – Двигайся!

Я даже не осознавал, что он тряс меня, пытаясь тащить вперед по лестнице.

Я полагаю, что тоже чертовский устал.

Я сосредоточился на Мартине, на лестнице ведущей наверх и попытался игнорировать жжение в руках, ногах и груди. Я резко вздохнул, и это было похоже на внезапный глоток холодного, чистого ветра. Я подумал, что услышал кого-то шепчущего что-то на языке, которого я не знал, но я узнал голос своей королевы. Я понял, что вокруг меня за клубился белый туман, и испарения из влажного воздуха Юкатанских джунглей начали оседать на моих доспехах, формируя дополнительную броню из льда.

Затем холод смыл прочь горячую усталость, и я почувствовал, как меня заполняет лед – неумолимый, безжалостный, непреклонный. Мои ноги стали двигаться как поршни двигателя. Внезапно одной ступеньки для шага стало недостаточно, и я начал перепрыгивать их по две за раз, быстро оставив Мартина позади.

Я достиг верха и полуобращенный ягуар-воин бросился ко мне. Я зарычал, ударяя его ногой в грудь и отбивая меч в сторону своим посохом.

Его грудина громко треснула, он отлетел назад, словно протараненный грузовиком. Воин с силой ударился о каменную стену позади, вызывая поток пыли с крыши, и затих бесформенной грудой, как поломанная игрушка. Это была именно та сила, которой *полагалось* обладать Зимнему Рыцарю, и я, глядя на то, как свалился этот бедный идиот, не чувствовал ничего кроме удовлетворения.

У квадратного храма было четыре входа, по одному с каждой стороны, в том, который был сразу справа от меня, появился вампир, скинувший маску плоти, шкура ягуара всё ещё свисала с его плеч. Он сжимал обсидиановый нож в руке – кинжал Красного Короля. Это был вампир, которого он послал для убийства Мэгги.

- Что, туман войны? – спросил я его, чувствуя, что улыбаюсь. – Дружок, тебе случалось когда-нибудь в неправильное время заходить не в те двери?

Его глаза покосились на пол слева от меня. Я посмотрел в направлении его взгляда. Там скорчилась Мэгги, прямо между алтарём и входом, скованная и дрожащая, низко пригнувшись к полу в тщетной попытке остаться незамеченной.

- Только попробуй, – прохрипел я, глядя на вампира. Я чуть-чуть поднял меч в своей руке. Белый туман струился с лезвия; несколько снежинок слетели с него и медленно спланировали к полу.

– Давай же, крепкий парень. Сделай только один шаг к этой девочке и увидишь, что случится.

Вход напротив меня внезапно потемнел.

Красный Король и не менее четверых лордов из его палаты стояли там, в блестящих золотых масках, отбрасывая причудливые тени от спящих лучей мерцающего света и огня, пробивающихся из темноты снаружи.

Его лицо исказилось от ярости, и его желание и воля лордов позади него упали на меня как удары кувалд. Я пошатнулся, крепко упершись посохом своего учителя в каменный пол, что помогло мне устоять и не оказаться на полу.

- Теперь, – сказал Красный Король задышающим от гнева голосом. – Киньте эту маленькую сучку на алтарь.

Один из лордов Внешней Ночи шагнул вперед, и нагнулся, чтобы схватить ребенка за волосы. Мэгги закричала.

- Нет! – заорал я.

Красный Король подошел к алтарю и пинком сбросил с него труп мёртвой женщины.

– Смертный, – буквально выплюнул он. – Всё ещё уверенный, что его желание имеет значение. Но ты – ничто. Пыль. Тень. Сейчас здесь, а затем исчез. Забыт. Таков фатум. Таков путь вселенной.

Он выдернул ритуальный нож из рук воина и впился в меня взглядом; его истинная сущность крутилась и извивалась под кожей. Один из бывших богов подтащил скованного, кричащего ребёнка к алтарю, и черные глаза Красного Короля засветились.

- Это ваша единственная роль, смертный, - улыбнулся он, - ваша единственная награда, единственная вещь которой вы действительно достойны. – Он посмотрел на Мэгги и обнажил длинные клыки, с которых капала слюна, стекая на его грудь. – *Смерть*.

Глава 48

Красный Король поднял нож над моей дочерью, и она тихо вскрикнула - дрожащий, беспомощный, безнадёжный вскрик ужаса и отчаянья. А я, имея помощь новой силы, которую мне дала Мэб, защиты, которую мне дала моя крёстная, я, черт побери, не мог ничего с этим поделать.

Мне не пришлось.

Белый свет хлынул от алтаря без видимого источника, и Красный Король закричал. Оковы его воли исчезли, его правая рука, в которой был зажат каменный нож, безвольно повисла, а отрубленная кисть, вращаясь, полетела по воздуху. Она упала на пол, все еще сжимая обернутую кожей рукоять ножа, от удара обсидиановое лезвие разлетелось вдребезги, как уроненное блюдо.

Я воскликнул, когда почувствовал, как воля Красного Короля соскользнула с меня. Остальные всё ещё держали меня на месте, но я внезапно осознал, что я могу двигаться, что я могу драться. Пока Красный Король, отшатнувшись назад, кричал, я, подняв руку, рявкнул: « Fuego! » – и послал поток пламени в воина-ягуара, стоявшего внутри дверного проёма. Он попытался убежать, но, упав на смертельно крутую ступень пирамиды, смог только закричать, пока ярко пылающий душевный огонь, усиливший моё заклинание, пожирал его плоть.

Я снова повернулся к лордам, смотревшим на меня с дальней стороны алтаря. Я не мог рисковать, швыряя разрушительную энергию в них, пока моя дочь лежала на алтаре между нами. Поэтому у меня не было выбора, кроме как сразу избавиться от воина, чтобы я смог сосредоточиться на лордах и Красном Короле, в противном случае ничто не спасло бы меня от нападения воина-ягуара, которому было достаточно просто подойти сзади и перерезать мне горло, пока я был бы занят вампирской элитой.

Но в эту игру можно играть вдвоём, и моё физическое прикрытие было дьявольски лучше, чем у них.

Я направил волю и поднял свой позаимствованный посох, но только я успел это сделать, как в храм вошли ещё четыре существа в золотых масках.

Откуда, черт побери, выскакивают эти марионетки?

- Остановите чародея! – прорычал Красный Король, и давление вражеских умов на меня внезапно удвоилось.

Моя левая рука затряслась, и посох, который я держал, медленно пополз вниз. Правая рука безвольно опустилась, как будто из неё разом извлекли мускулы, и кончик меча со скрежетом ударился о каменный пол.

Красный Король выпрямился и какое-то мгновение смотрел на алтарь и колонну мерцающего света над ним. В это время его долбанная оторванная кисть начала корчиться как паук и секунду спустя, она, подпрыгнув, перевернула себя и поползла к хозяину. Король просто стоял, уставившись на свет. Я попытался бороться с массой темной воли, направленной на меня. Светом могла быть только Сьюзен, скрытая за завесой работы Леанансидхе и держащая Аморакиус. Я имею в виду, сколько источников святого света, заинтересованных в спасении моей дочери, могут быть в Чичен-Ице? Она пока не атаковала, вместо этого стоя над Мэгги. Я хотел крикнуть ей, чтобы она ударила Красного Короля, что это её единственный шанс. Если она не сделает этого, Красный Король и его палата лордов разберутся с нею почти так же быстро и легко, как я с воином-ягуаром.

Но никто на нее не нападал, и со вспышкой внезапного озарения я понял, почему. Король не знал, чем был этот свет.

Он знал только, что свет причинил ему боль, когда он попытался убить ребёнка. С его точки зрения, это могло быть что угодно – архангел, стоящий на страже, или дух света, настолько внушающий ужас, что Ик просто отдыхает. Я снова подумал о голосе, произносящем из уст Мёрфи приговор Красной Коллегии, и внезапно понял, что заставило Красного Короля колебаться. Он думал,

что существо над алтарём могло быть чем-то, что, как он считал, не существует на самом деле, например, может быть, настоящий Кукулькан.

И он боялся.

Сьюзен не могла ничего сделать. Если она вмешается, если она откроет, кто она такая, неуверенность врагов может исчезнуть и поединок немедленно возобновится. У неё не было ни единого шанса устоять перед превосходящей численностью врагов.

Но она знала, что у неё было преимущество, которое ей давала неуверенность и страх Красного Короля, поэтому она не шевелилась и не издавала ни единого звука. Это было оружие, такое же могущественное, как воли самих полубогов, и оно, прежде всего, парализовало Красного Короля. Но это было хрупкое оружие, меч, сделанный из стекла, и я почувствовал, как мой взгляд упал на осколки обсидиана на полу.

Я не мог двинуться, и время не было нашим союзником. С каждым прошедшим моментом, всё больше врагов организовывалось, оправлялось от шока внезапного вторжения нашей маленькой армии в середине их праздника. Я нуждаюсь в шансе, удобном моменте, если я собираюсь вырвать Мэгги из этого бардака. И чем скорее, тем лучше.

Я, неспособный пошевелиться, боролся против воли лордов Внешней Ночи, поддерживая их внимание на мне. Одна за другой, мой пристальный взгляд прошёлся по каждой из золотых масок. Я сосредоточился на последней, затем начал снова с первой, испытывая каждую отдельную волю и пытаясь отыскать самое слабое звено.

И когда, пройдя через четвертую дверь, в храме бесшумно появился Мартин, я понял, что этот момент был лучшим за всю эту причудливую ночь. Вся палата лордов Внешней Ночи сосредоточилась на мне. Красный Король стоял растерянный от светового шоу Сьюзен, его отрезанная рука вскарабкалась вверх по ноге и перепрыгнула на раненую руку, где эластичные усики черного ила немедленно начали переплетаться, соединяя руку в целое.

Мартин зашел в тот момент, который был голубой мечтой оперативников Братства: Красный Король без прикрытия, и никого, кто остановит расправу с главой огромного дома могущества и ужаса, которым была Красная Коллегия.

Мартин бесшумно вытащил мачете из нейлоновых ножен, и занёс его, приготовившись к удару. На его лице было такое напряжение, какое я никогда не видел у него прежде.

Он сделал два быстрых шага, вошел во вращение, и когда я практически приготовился к ликованию...

... его нога жестко ударила по воздуху под полосой сияющего белого света.

Я услышал, как вскрикнула Сьюзен, когда она упала пораженная ударом. Мартин, двигаясь с закрытыми глазами, приблизился к ней, его руки метнулись вперед и схватили что-то в воздухе. Он с усилием дернул левой рукой, в то время как его правая рука крутанула мачете, – и внезапно Сьюзен стала полностью видимой. Мартин держал ее в болевом захвате, она выгнулась дугой от боли, и плащ из перьев соскользнул с ее плеч, а лезвие мачете Мартина прижалось к её горлу.

Я закричал от гнева. Это было похоже на озвученное кипение.

Когда Мартин атаковал, Красный Король сделал стремительный шаг назад, его взгляд собрался. Затем, когда появилась Сьюзен, он склонил голову набок, как будто обдумывал, что он увидел.

- Прощу простить меня, мой лорд, - пробормотал Мартин, чуть кивая головой Красному Королю. – Брось его, - обратился он ровным голосом к Сьюзен. Он крутанул ее тело, еще больше выгибая его, и все сильнее прижимал лезвие мачете к её горлу, пока пальцы Сьюзен не разжались и Амораккиус не упал на пол, его свет медленно затухал.

- Уловка, - процедил Красный Король. Ярость начала струиться из него. – Уловка шарлатана. – Его взгляд переметнулся от Сьюзен к Мартину. – И ты раскрыл себя.

- Я прошу вашего прощения, мой лорд, - Мартин склонил голову. – Это выглядело подходящим моментом. По моей инициативе ударные команды начали устранять персонал Братства и зачищать его укрытия два часа назад. В это время завтра не останется живых оперативников на юге Америки. А наш финансовый отдел возьмет под контроль или уничтожит более девяноста процентов их счетов.

- Ты сукин сын, - голос Сьюзен был переполнен болью. - Ты грёбанный предатель.

Выражение лица Мартина дрогнуло при её словах. Но его глаза, не отрываясь, смотрели на

Красного Короля.

– Я отдаю вам Братство Святого Жилия, мой лорд, - продолжил он. – И я прошу вас вручить мне мою награду.

- Награду, - Сьюзен, вкладывала в свои слова больше презрения и ненависти, чем это было возможно. – Что они могут дать тебе, Мартин, настолько ценное, чтобы вознаградить тебя за это?

Красный Король посмотрел на Сьюзен и приказал:

- Объясни это ей.

- Ты неправильно поняла, - спокойно начал Мартин. – Я не предавал Братства, Сьюзен. Таков был план с того момента, как я к нему присоединился. Подумай. Ты знаешь меня меньше, чем десятилетие, и ты видишь, как много появилось на нас шрамов. Ты действительно веришь в то, что это только моя заслуга в том, что я выжил за сто пятьдесят лет боёв против Красной Коллегии, пережив любого другого оперативника служившего Братству? – Он покачал головой. – Нет. Спасение было подготовлено. Были цели. Мне потребовалось пятьдесят лет, и я лично убил двух своих братьев и друзей, работающих так же, как и я, чтобы завоевать доверие Братства. Когда они пустили меня во внутренний круг, их время было сочтено. Доверие - яд, Сьюзен. Ушло еще столетие, чтобы выведать их секреты, но это наконец-то завершено. И наши люди завтра покончат с Братством, во всех смыслах этого слова. Это конец.

Мэгги продолжала тихо рыдать, скрутившись и обняв себя руками. Лицо Сьюзен исказилось от боли. В её глазах мерцали слёзы злости, когда она посмотрела на меня.

И я не мог даже заговорить с ней.

- И что ты получишь? – спросила Сьюзен дрожащим голосом.

- Возвышение, - ответил ей Красный Король. – Я не заинтересован допускать кровожадных безумцев к правлению Красной Коллегией. Мартин доказывал свою преданность, свое самообладание и, что более важно, свою компетенцию на протяжении десятилетий. Он был жрецом в течение пятидесяти лет, прежде чем ему было даровано разрешение на эту попытку.

- Честно, Сьюзен, - холодно продолжил Мартин. – Я говорил тебе множество раз, что ты не можешь позволять эмоциям вмешиваться в твои суждения. Если бы ты слушала меня, я уверен, ты бы уловила смысл. Мне бы пришлось убить тебя, как и тех, кто был слишком умен, к их собственному горю, но ты же всё понимаешь.

Сьюзен закрыла глаза. Она дрожала.

– Ну конечно. Ты мог контактировать с ними так часто, как пожелаешь. Всякий раз, когда я навещала Мэгги.

- Верно, - сказал он спокойно и повернулся обратно к Красному Королю. – Мой лорд, я молю о прощении. Я раскрылся, только чтобы дать вам то, чего вы желаете, время заставило меня действовать или же упустить такую возможность.

- При данных обстоятельствах, я не буду возражать, жрец, - ответил Красный Король. – Если ударные команды достигнут того успеха, который ты предсказываешь, у тебя будет награда и моя благодарность.

Мартин склонил голову перед Красным Королем, затем перевел взгляд на меня. Он секунду изучающе смотрел мне в лицо, прежде чем сказал:

- У чародея есть кинжал Аламайи за поясом, мой лорд, если вы пожелаете завершить ритуал. Красный Король сделал глубокий вдох и потом с шумом выдохнул, выражение его лица стало почти благосклонным.

– Мартин, Мартин, голос практичности. Нам так тебя не хватало.

- Мой лорд слишком добр. Пожалуйста, примите мои соболезнования по поводу потери Арианны, мой господин. Она была поразительной женщиной.

- Поразительно амбициозной, - скривился Красный Король. – Цеплялась за прошлое, вместо того, чтобы исследовать новые перспективы. Она и её ближний круг намеривались низложить меня. Уничтожь она это животное и сдержи потом обещание сломать хребет проклятому Белому Совету, она была бы настоящей угрозой моей силе. Мне не доставляет удовольствия так думать, но её смерть была очень кстати.

- Как скажете, мой лорд, - поклонился Мартин.

Красный Король, улыбаясь, приблизился ко мне и потянулся к кинжалу у меня за поясом. Сьюзен напрягаясь, оскалила зубы, но Мартин легко удержал ее.

Не было ничего, что я мог бы сделать. Пресс всё еще чересчур сильно давил на меня и даже с Мартином на нашей стороне всё было бы очень сложно. Его предательство произошло в идеальный момент, будь он проклят. Пусть они все будут прокляты. Не было ничего, что я мог...

Давным-давно, когда я был чуть больше, чем ребёнок, мы с моей первой любовью разработали заклинание чтобы молча говорить друг с другом в классе. Это была магия, сродни той, которой был зачарован переговорный камень Эбинизера, но проще, работающая на гораздо более близком расстоянии. Я никогда не использовал её для общения с кем-либо, кроме Элейн, но Сьюзен была близка мне, и в этот момент, единственной мыслью в наших головах была мысль о Мэгги. Этого могло быть достаточно, чтобы установить связь, пускай даже и в один конец. Я ухватился за незаметную магию, борясь, чтобы протащить её через оковы воли лордов Внешней Ночи, и бросил мысли к Сьюзен так четко, как только мог. *«Он не знает всего»* - взывал я к ней отчаянно: *«Он не знает про чары, защищающие твою кожу. Он только знает про плащ, потому что он видел, как ты использовала его, когда мы добирались сюда»*.

Глаза Сьюзен чуть расширились от удивления. Она услышала меня. *«Алтарь»* - подумал я: *«Ритуал, с помощью которого они хотят убить нас, может быть использован против них. Если один из них умрет на этом алтаре, проклятье последует по их кровной линии, не по нашей»*.

Её глаза ещё больше округлились. Я видел, как она напряженно думает.

- Мартин, - позвала она тихо. – Почему Арианна выбрала мишенью мою дочь?

Мартин посмотрел вниз на Сьюзен, потом на Мэгги и отвел взгляд в сторону.

– Потому что отец ребёнка сын Маргарет ЛеФей, дочери мужчины, который убил её мужа. Убив её таким способом, она отомстила бы каждому из вас.

Если бы я не был уже обездвижен, я бы замер на месте.

Маргарет ЛеФей. Дочь мужчины, который убил мужа Арианны (и дитя вампира), Паоло Ортега.

Ортега, которого уничтожил Черный Посох.

Эбинизер МакКой.

Один из самых опасных чародеев на планете. Человек такой личной и политической силы, что она никогда не смогла бы расправиться с ним напрямую. Поэтому она решила ударить по нему через его родословную. От него к моей матери. От неё ко мне. От меня к Мэгги. Убить ребёнка и убить всех нас.

Вот что имела в виду Арианна, когда говорила что это не из-за меня.

Это было из-за моего дедушки.

Внезапно это объяснило, почему старик рискнул своей жизнью, объявляя себя моим наставником, когда Белый Совет попытался казнить меня за убийство Джастина ДюМорна. Внезапно это объяснило, почему он был такой терпеливый со мной, такой деликатный, такой добрый. Это не было приступом случайной доброты.

И внезапно это объяснило, почему он никогда ничего не говорил о своей ученице, Маргарет ЛеФей – имя которое она создала для себя, в то время, как в её свидетельстве о рождении должно было быть написано Маргарет МакКой. Черт, учитывая это, он, должно быть, никогда не говорил Совету, что Маргарет была его дочерью. У меня, безусловно, тоже не было никаких намерений сообщать им о Мэгги, если я вытащу её из этой передраги.

Мою мать, в конце концов, убили враги, которых она приобрела, и Эбинизер, её отец, - наиболее опаснейший человек в Белом Совете, не смог быть рядом, чтобы спасти её. Обстоятельства не имеют значения. Не имеет значения, что он совершил, я знал, что старик так и не простил себе, что не спас жизнь своей дочери. Как и я никогда не прощу себя, если мне не удастся спасти Мэгги. Вот почему он сделал это заявление, демонстрацию того, что случится с теми, кто придёт ко мне с личной местью – он пытался, в основном, спасти своего внука.

И это объясняет, почему он изменил цель Серого Совета и привёл их сюда. Он должен был попытаться спасти меня и спасти мою маленькую девочку.

И (добавила какая-то циничная часть меня) себя. Хотя я не думаю, что это было сознательной мыслью под той горой ответственности, которая лежала на нём.

Не удивительно, что Арианна была такой настойчивой и потрудилась использовать кровное проклятье, начиная с Мэгги. Она мстила мне, который не оказался так любезен и не умер на дуэли, и мстила Эбинизеру, который просто уничтожил Ортегу, как опасное животное; обыденное убийство, исполненное очень рационально и на очень высоком уровне. Арианна, должно быть, потеряла лицо из-за этого, а мои продолжающиеся выпады против Красных и их союзников только решительнее заставляли её указать мне моё место. Одним проклятием она убивала одного из Старейшин Совета и Черного Посоха за один раз. Моя смерть была бы чем-то, вроде побочного эффекта, тем более, как сама Арианна отметила, никто еще не осуществлял такого, а я чувствовал, что могу смело претендовать на звание Самого Нелюбимого Стража в Совете, после смерти Дональда Моргана.

Для Арианны какой удачный ход. И после этого еще один... удачный ход.

И, конечно же, если Красный Король опустит кинжал, он получит лучший из всех миров. Мёртвых врагов, больше престижа и еще более устойчивый трон. Не бином Ньютона.

Он, улыбаясь, вынул нож из-за моего пояса и повернулся к алтарю, к моей дочери.

«Боже Мой»- подумал я: «Думай, Дрезден. Думай!».

Я надеюсь, однажды, Бог простит меня за идею, которая пришла следом.

Потому что я никогда себя не прощу.

Я знал, в какой ярости она была. Я знал, насколько испуганной она была. В нескольких дюймах от неё её ребёнку грозила смерть, и она ничего не могла сделать, а то, что я сделал с нею, было равносильно убийству.

Я сконцентрировал свои мысли и направил их Сьюзен. *«Сьюзен! Подумай! Кто знал, кем был отец ребёнка? Кто им сказал?»*

Её губы приподнялись, обнажив зубы.

«Его нож не сможет причинить тебе боль» - подумал я, хотя я чертовски хорошо знал, что магия фейри не может проигнорировать прикосновение стали.

- Мартин, - позвала Сьюзен низким и очень спокойным голосом. – Это ты рассказал им о Мэгги?

Он закрыл глаза, но его голос не изменился.

– Да.

Сьюзен Родригез сошла с ума.

В одно мгновение она была пленницей, а в другое она изогнулась как угорь, слишком быстрая, чтобы ей смогли помешать. Мачете Мартина сделало длинный порез на её горле, но она обратила на него не больше внимания, чем на царапину от колючки во время похода.

Мартин поднял руку, чтобы заблокировать удар, который он ожидал, но и это было бесполезно, потому что Сьюзен не полезла в драку.

Вместо этого, её глаза наполнились тьмой и яростью, её рот перекосялся в крике, обнажая удлинившиеся клыки, и она потянулась к его горлу.

Мы встретились с Мартином взглядом на доли секунды. Не больше. Но я почувствовал, как меня затянул Взгляд души. Я увидел его муку, боль смертной жизни, которую он утратил. Я увидел годы его служения, его неподдельную преданность, которая, как мраморная статуя Красного Короля полировалась и с любовью поддерживалась. И я увидел, как его душа изменилась. Я увидел, как картина почитания тускнела, когда он проводил год за годом среди тех, кто сражался против Красного Короля и его империи ужаса и страданий. Я увидел, что когда он вошел в храм, он был уверен, что не выживет. И что он радовался этому.

Не было ничего, что я мог бы сделать, чтобы предотвратить то, что случилось затем, и я не был уверен, что хочу. Мартин говорил, что у него ушли годы и годы, чтобы втереться в доверие Братству Святого Жилия. Но ему потребовалось больше двух столетий, чтобы втереться в доверие к Красному Королю. Как бывший жрец, Мартин должен был знать о кровном проклятии и о его разрушительном потенциале. Он должен был знать, что опасности для Мэгги и осознания его предательства будет достаточно, чтобы Сьюзен потеряла над собой контроль.

Он говорил мне, как только прибыл в Чикаго, что пошел бы на что угодно, если это уничтожит

Красную Коллегию. Он выстрелил бы мне в спину. Он предал бы существование Мэгги, практически вручив её смертоносным уродам. Он предал бы Братство.

Он убил бы Сьюзен.

И он сам умер бы, тоже.

Я понял все, что он делал, он делал с одной целью: чтобы быть уверенным, что я буду стоять здесь, когда это произойдёт. Чтобы дать мне шанс всё изменить.

Сьюзен, обезумевшая от ужаса и ярости, повалила его на каменный пол и вырвала ему горло, снова и снова со сверхъестественной скоростью набивая полный рот его плотью.

Мартин умер.

Сьюзен начала превращаться.

И это был мой момент.

Я противопоставил себя воле лордов Внешней Ночи каждой частичкой своего тела, сердцем и умом. Я швырнул свой страх и своё одиночество, свою любовь и своё уважение, свою ярость и свою боль. Я сделал из своих мыслей молот, выкованный в огне созидания и закалённый в ледяной силе темнейшей Хранительницы, которую знала когда-либо земля. Я поднял руки, с криком вызова создавая как можно больше брони между своею головой и волей палаты лордов. На какой-то миг я пожалел, что у меня нет большой дурацкой шляпы.

И я метнул всё это во второго лорда слева, того, кто казался наименее сконцентрированным. Он пошатнулся и издал звук, который я однажды слышал от боксёра, получившего апперкот по орешкам.

Одновременно с этим, лорд Внешней Ночи, последним вошедший в храм, – на нем была маска, которую я уже видел прежде, когда Мёрфи срезала её вместе с головою владельца – поднял руки и послал ленты зеленой и аметистовой силы, пробившие насквозь стоящих рядом его предполагаемых союзников.

Заряды с впечатляющей жестокостью убили двоих из них на месте, разрывая их тела в ужасные клочья и забрызгивая внутренности храма черной кровью. Все остальные оставшиеся лорды отшатнулись, закричав от удивления и боли; их настоящие формы начали проявляться из-под масок плоти, которые они носили.

Моя крёстная также раскрыла свою маскировку, метнув золотую маску в ближайшего полубога, и сбрасывая иллюзию, которая помогла ей проникнуть в храм. Её глаза сияли, а щеки покрылись румянцем. Жажда крови и нетерпеливое, почти сексуальное желание разрушения исходило от неё, как жар от огня. Она ликующе взывала и, собирая силу на порхающих кончиках пальцев, начала кидать лучи, заряды и сети энергии в ошеломлённых лордов Внешней Ночи, не давая им сконцентрировать собственную магию.

Ни один из палаты лордов Внешней Ночи не вспомнил обо мне.

Внезапно я оказался на свободе.

С криком метнувшись к спине Красного Короля, я увидел, как он поворачивается ко мне лицом, с ножом в руке. Его темные глаза внезапно расширились, и ужасная сила его желания упала на меня, как дюжина свинцовых одеял. Я зашатался, но не остановился. У меня была истерика. Мне было плохо. И я был неукротим. Моя броня, дедушкин посох, вид моего испуганного ребёнка и холодная сила, текущая по моим венам, позволили мне сделать шаг, потом еще один и еще один, пока я не оказался на расстоянии удара от него.

Красный Король быстро махнул рукой вперед, направив обсидиановый нож мне в горло. Моя левая рука бросила посох и вцепилась ему в запястье. Я остановил нож в дюйме от своего горла, и его глаза расширились, когда он почувствовал мою ярость. Тогда он резко метнулся вперед, вцепившись мне в горло с сокрушительной силой. Я сформировал С-образную фигуру из большого и указательного пальца правой руки; лед, потрескивая покрывал пальцы, жесткий и кристально чистый. С силой вонзив их в его оба черных, черных глаза, я направил волю вниз по руке, вместе со всем огнём души, который смог найти, и закричал:

- Fuego!

Огонь обжигал, дымил и запекал плоть. Король Красной Коллегии, наиболее древний вампир их рода, отец и создатель их расы, закричал в мучении. Звук был настолько громкий, что повредил мою левую барабанную перепонку, добавив новую боль к моей коллекции.

И пока Красный Король кричал, каждый член его Коллегии кричал вместе с ним. Находясь к нему так близко, я мог почти физически чувствовать это, чувствовать силу его воли, зовущую их, направляя вампиров к нему, невзирая на их интересы, заставляя их забыть о себя. Но даже если бы я не был там, касаясь его, внезапный шквал воплей снаружи мог бы рассказать мне ту же историю.

Вампиры приближались к нам стаяй, штормом, и ничего на свете не могло остановить их, идущих на помощь к своему королю. Его хватка на моём горле ослабла, и он отшатнулся назад, подальше от меня. Мои пальцы выскочили из его головы, и я схватил его обеими руками за запястье той руки, в которой он сжимал нож. И тогда, яростно закричав, я покрыл его руку льдом и, переломав его предплечье пополам, подхватил кинжал, прежде чем он ударился о пол.

Освобожденный, Красный Король отшатнулся в сторону, но даже ослеплённый и обезумевший от боли, он был опасен. Его воля была наугад, пробивая дыры в каменных стенах. Удар магии, алые молнии, которые кружевом вились вокруг него, попали в одного из его собственных лордов и разрезали неудачливого вампира на две половинки. Старейший вампир Красной Коллегии кричал от боли, пока орда его созданий мчалась, чтобы уничтожить нас.

А самый молодой вампир Красной Коллегии стоял на коленях над Мартином, глядя на свои руки.

Я секунду смотрел на то, как кожа на кончиках пальцев Сьюзен казалось начала лопаться. Её пальцы стали удлиняться, ногти превращаться в когти, мышечная ткань менялась под кожей со слышимой, явной болью. Сьюзен в отчаянии смотрела на ладони абсолютно черными глазами, её лицо было покрыто маской из крови. Она стонала, дрожа.

- Сьюзен, - позвал я, становясь возле неё на колени. Завывание колдовской энергии заполнило храм симфонией разрушения. Я обхватил её лицо руками.

Она подняла на меня глаза, ужас, боль и отчаянье были написаны у неё на лице.

- Они приближаются, - прохрипела она. – Я могу чувствовать их. Внутри. Снаружи. Они приближаются. О Боже.

- Сьюзен! - рявкнул я. – Вспомни о Мэгги!
Её глаза с трудом сосредоточились на мне.

- Они хотели Мэгги, потому что она была младшей, - продолжил я холодным голосом. – Потому что её смерть забрала бы нас всех вслед за ней.

Живот Сьюзен пошел волнами, дергаясь и неприлично раздуваясь, но она, не отрываясь, смотрела мне в лицо.

- Теперь ты - младшая, - прошипел я ей свирепым голосом. – Младший вампир во всей их проклятой Коллегии. Ты можешь убить их всех.

Она дрожала и стонала, и я видел, как противоречивые желания воевали внутри неё. Но её взгляд повернулся к Мэгги, и она стиснула челюсти.

– Я... я не думаю, что смогу сделать это. Я не чувствую своих рук.

- Гарри! – отчаянно закричала Мёрфи откуда-то поблизости. – Они приближаются!

Молния расколола воздух снаружи с таким громом, что его, должно быть, зафиксировала шкала Рихтера.

Не больше, чем на пару секунд наступило внезапное, случайное затишье в какофонии колдовской войны.

Сьюзен снова посмотрела на меня, из её глаз капали последние слёзы ее человеческой жизни.

– Гарри, помоги мне, - прошептала она. – Спаси её. Пожалуйста.

Каждая частичка меня кричала, нет. Это было несправедливо. Я не должен был делать этого. Никто никогда не должен делать этого.

Но... у меня не было выбора.

Я почувствовал, как поднимаю Сьюзен одной рукой. Маленькая девочка сжалась в клубочек с закрытыми глазами. Время остановилось. Я толкнул ребенка с алтаря так аккуратно, как только смог, позволив ей упасть на пол, где она была немного укрыта от диких энергий волнами проносящихся по храму.

Я положил Сьюзен на алтарь и прошептал:

– Она будет спасена. Я клянусь.

Она кивнула мне, её тело дергалось и извивалось в конвульсиях, срывая стоны боли с губ. Она выглядела испуганной, но она кивала.

Я положил левую руку ей на лицо, закрывая глаза.

Я прижался своим ртом к её рту, быстро, нежно, пробуя на вкус кровь и наши слёзы.

Я почувствовал, как её губы безмолвно прошептали: « Мэгги...»

И я...

Я использовал нож.

Я спас ребёнка.

Я выиграл войну.

Господи, прости меня.

Глава 49

Всё изменилось в ту ночь, когда умерла Красная Коллегия. Это вошло в книги по истории.

Во-первых, необъяснимые разрушения нескольких зданий в Чичен-Ице. За тысячи лет джунгли не смогли разрушить это место, но полчаса битвы между магами-практиками, которые знают, что они делают, может оставить пару городских кварталов в руинах. Это было позже списано на чрезвычайно мощное локальное землетрясение. Никто так и не смог объяснить появление такого количества трупов: некоторые были с ранами от оружия, которое применялось сотню лет назад; у некоторых сердца были вырваны из груди, а некоторые тела были подвергнуты какой-то нечеловеческой мутации, которая сделала их кости практически не опознаваемыми. Идентифицировать удалось меньше пяти процентов тел – и все были люди, которые пропали без вести за прошедшие десять-пятнадцать лет. Но ни одно объяснение никогда не давалось по поводу присутствия в одном месте такого количества пропавших людей, хотя теорий было множество, не одна из них не была правдива.

Я мог бы кричать с вершины холма и резать правду-матку всем в глаза. Каждый знает, что вампиров не существует.

Во-вторых, это вошло в книги из-за массы внезапных исчезновений или явных убийств важных чиновников, бизнесменов и финансистов в городах и правительствах по всей Латинской Америке. Во всем обвинили наркокартели, даже в тех странах, где они не были достаточно сильны, чтобы осуществить такое. Военное положение было объявлено фактически повсюду к югу от Техаса, десятки революций вспыхнули в восьми или десяти различных странах в ту же ночь.

Я слышал, что природа ненавидит вакуум, хотя, если это правда, то у меня нет ни малейшего представления, почему девяносто девять процентов мироздания - вакуум. Но я знал, что правительства ненавидят его и всегда стремятся заполнить. Так же и преступность. Что, вероятно, говорит нам больше о людях, чем о природе. Большинство стран в Южной Америке остались в равновесии. Центральная Америка превратилась в зону боевых действий, где различные группировки сражались за территорию, которая осталась после вампиров.

И, в конце концов, это вошло в книги сверхъестественного сообщества как Ночь плохих снов. Перед следующим рассветом «Паранет» гудел от активности, когда мужчины и женщины половины земного шара делились своими яркими и тревожными снами, которые у них случились. Беременные женщины и недавно родившие матери, приняли самый тяжелый удар. Несколько человек были госпитализированы, и им пришлось колоть успокоительное. Но каждый, в ком была хоть капелька таланта, и кто спал в то время, подверглись испытанию снами. Общая для всех тема была одной и той же: мёртвые дети. Мир в огне. Ужас и смерть, распространяющиеся по всему миру неодолимой волной, уничтожающие любой порядок и разрушающие цивилизации.

Я не помню, что случилось, когда ритуал закончился. У меня появилось в памяти белое пятно длиной в две минуты. И у меня нет никакого желания выяснять, что произошло.

Я очнулся, стоя снаружи храма с Мэгги на руках, завернутой в перьевой плащ её матери, оставшейся на алтаре. Она всё ещё дрожала и тихо плакала, но сейчас больше по инерции от усталости, чем от страха. Разломанные кандалы валялись на земле позади меня. Я не помню, как снял их, не навредив ей при этом. Она прижалась ко мне, используя складку плаща как подушку, и я

опустился на верхнюю ступеньку, держа её, и глядя на то, за что я расплатился такой страшной ценой.

Красная Коллегия была мертва. Исчезла. Все до единого. От большинства из них осталось не больше, чем черная копоть. Это, я думаю, касалось мертвых вампиров. Полуобращенные утратили только вампирскую часть своей сущности. Проклятье исцелило их. Конечно, вампир внутри них позволял им оставаться молодыми и красивыми. Я видел сотни людей на земле, которые теряли год за каждый мой вздох. Я наблюдал за тем, как большинство из них усыхают и превращаются в пыль. Казалось, полуобращенные разделились на два вида: тех, кто научился руководить своей жаждой крови и таким образом прошел через века, и тех, кто стал полувампиrom совсем недавно. Очень немногие из последних влились в Коллегию Красного Короля. Оказалось, что большинство молодых полувампиров работали на Братство, и множество из них было уже убито Красными во время зачисток, - но позже я слышал, что более двухсот из них исцелились от проклятья.

Но для меня не имеет значения, скольких я освободил в момент выбора. Независимо от того, какой величины не было бы это число, для меня всегда эта цифра оставалась плюс один.

Несомненно, в Красной Коллегии было и несколько новичков полуобращенных, и, когда ритуал закончился, они стали просто людьми. Они, вместе с другими служителями вампиров, пытались бежать, но им это не удалось, как только Серый Совет открыл грузовик для перевозки скота и освободил заключенных. Страдания, которые Красные причинили своим жертвам, вылились в гнев, и смертельные случаи, которые Красные и их слуги перенесли в результате, не были симпатичными. Я видел, как пышная женщина в годах до смерти забила камнем Аламайю.

Я не вмешивался. С меня уже было достаточно для одного дня.

Я сидел на ступеньке и качал дочь, пока она не уснула у меня на руках. Моя крестная, подойдя, села возле меня; её платье было опалено и пропитано кровью, но довольная улыбка блуждала на её лице. Люди говорили со мной. Я игнорировал их. Они не наседали. Я думаю, Леа приказала им не мешать мне.

Эбинизер, всё ещё держа Черный Посох в левой руке, подошел ко мне спустя какое-то время. Он глянул на Леанансидхе и попросил:

- Семейные дела. Извини нас, пожалуйста.

Она улыбнулась ему, склонив голову, поднялась и отошла в сторону.

Эбинизер сел возле меня на восточных ступеньках храма Кукулькана, глядя на джунгли вокруг нас.

– Поднимается рассвет, - сказал он.

Я поднял голову. Он был прав.

- Местные останутся в своих домах, пока не взойдет солнце. Красная Коллегия собиралась здесь иногда. Официально поприветствовать новую знать или что-то типа такого. Для людей это - принцип выживания.

- Да, - согласился я. Это походило на правду, особенно в тех странах, которые не были на вершине всемирного уважения. Что-то странное происходит в Мексике; двадцать миллионов человек могут сказать, что они видели это, а всем было без разницы.

- Поднимется солнце, и они выйдут. Они вызовут полицейских. Люди будут задавать вопросы.

Я выслушал его утверждения и не возразил ни против одного из них. Спустя мгновение, я понял, что они выстраивались в цепочку мыслей.

- Время уходить.

- Да, пора, - кивнул Эбинизер.

- Вы никогда не говорили мне, сэр.

Он довольно долго молчал, прежде чем сказать:

- Я совершал множество поступков в своей жизни, Хосс. Плохих поступков. У меня есть враги. Я не хотел, чтобы они были и у тебя тоже. – Он вздохнул. – По крайней мере... пока ты не будешь готов. – Он огляделся, смотря на остатки Красной Коллегии. – Считаю, сейчас ты более или менее подготовлен.

Я думал над этим, пока небеса не начали светлеть. Затем я спросил:

- Откуда Арианна узнала?

Эбинизер покачал головой.

– Ужин. Мэгги, моя Мэгги, предложила мне поужинать. Она только начала встречаться с этим

ублюдком Рейтом. Арианна была там. Мэгги меня не предупредила. У них был кое-какой план, и они нуждались в моей поддержке. До этого вампиры думали, что я просто наставник Мэгги, – он вздохнул. – Я не хотел иметь ничего общего с этим. Сказал, что она тоже не должна с ними общаться. И мы повздорили.

Я хмыкнул.

– Повздорили как семья.

– Да, - грустно улыбнулся он. – Рейт не понял этого. У него никогда не было нормальной семьи, зато Арианна увидела. Приберегла это для будущего использования.

– Всё теперь раскрылось? – спросил я.

– Всё никогда не раскроется, сынок, - ответил он. – Есть вещи, которые мы прячем друг от друга. Вещи, которые мы прячем от самих себя. Вещи, которые прячут от нас. И вещи, которые никто не должен знать. Ты всегда узнаешь эти проклятые вещи в наиболее худшее время. Или примерно так, исходя из моего опыта.

Я кивнул.

– Сержант Мёрфи рассказала мне, что произошло.

Я почувствовал удушье.

– Она видела это?

Он кивнул.

– Прими это. Это был дьявольски трудный поступок.

– Это не было трудно, - прошептал я. – Только холодно.

– Ох, Хосс. - В его словах слышались такие сострадание и боль, которые трудно было ожидать от этого сильного человека.

Фигуры в сером собирались в кучку внизу лестницы. Эбинизер следил за ними с угрюмым видом.

– Кажется, мне пора идти.

Я заставил свой мозг работать и глянул вниз.

– Вы привели их сюда. Для меня.

– Не только, - сказал он, кивая на спящего ребёнка. – Для неё.

– Что там с Белым Советом?

– Они скоро все поймут. Удивительно сколько вещей должно было произойти, чтобы сдвинуть их с места.

– Кристос управлял всем этим.

– Угу.

– Он - Черный Совет, - спокойно заметил я.

– Точнее - глупый, - возразил Эбинизер.

Я подумал над этим.

– Не уверен, что хуже.

Эбинизер покосился на меня, потом фыркнул.

– Глупость, Хосс. Всегда. Так много чернокнижников в мире, и они проявляют себя от случая к случаю. Глупость повсюду, каждый день.

– Как Леа согласовала с вами сигнал? – спросил я.

– Это, - Эбинизер был недоволен, – из того варианта Хосс, когда наши старейшие играют с нами в свои собственные игры.

– Старейшие?

Он кивнул, указывая вниз, где высокая фигура с отливающим металлом посохом делала еще один переход из зеленых молний. Когда он был закончен, пространство под аркой замерцало, и все фигуры в капюшонах внизу лестницы глянули вверх на нас.

Я насупился и присмотрелся. Затем я понял, что металлическая вершина посоха была лезвием, и что этот высокий мужчина держал копьё. Под капюшоном я разглядел черную повязку на глазу, седую бороду и короткую, мрачную улыбку. Он поднял копьё в мою сторону движением, которое напомнило мне салют фехтовальщика. Затем повернулся и исчез во воротах. Один за другим фигуры в сером проследовали за ним.

– Ваддерунг, - кивнул я сам себе.

Эбинизер хмыкнул.

– Это - его имя сегодня. Он нечасто их меняет. Если он так делает, значит, он потерпел неудачу. И, исходя из моего опыта, это означает что всё очень плохо, – он поджал губы. – Он не любит, когда его так легко узнают, Хосс.

- Я говорил с ним пару дней назад, - я безразлично пожал плечом. – Он рассказал мне о проклятье. Вложил оружие мне в руку и показал, куда его нацелить.

Эбинизер кивнул.

– Ты знаешь, что он учил Мерлина? Настоящего Мерлина.

- И как Мерлин об этом догадался?

- Не уверен, - усмехнулся мой наставник, – но, судя по записям в его дневниках... он ему не приснился.

Старик поднялся и правой рукой набросил капюшон себе на голову. Он помолчал какое-то время и затем внимательно посмотрел на меня.

– Я не буду читать тебе лекций о Мэб, мальчик. Я сам иногда заключал для себя невыгодные сделки. – Он дернул левой рукой, которая всё ещё была покрыта черными венами, хотя и не так густо, как это было час назад. – Мы делаем то, что как мы думаем, должны делать, чтобы защитить тех, кто нам дорог.

- Да, - согласился я.

- Она может очень сильно давить на тебя. Попытаться засунуть тебя в рамки, в которых ты не захочешь быть. Но не позволяй ей этого. Она не может лишить тебя воли. Даже если она сможет заставить тебя думать, что это лучший путь, – он снова вздохнул, но в его голосе звучал металл. – Есть одна вещь, которую все эти темные создания и силы не могут сделать. Отобрать твою свободу выбора. Они могут убить тебя. Они могут заставить тебя совершать ужасные поступки, но они не могут заставить тебя *хотеть* это делать. Они почти всегда пытаются лгать тебе об этом. Не купись на это.

- Не куплюсь, - ответил я, глядя на него снизу вверх. – Спасибо, дедушка.

Он наморщил нос.

– Ай. Это не звучит.

- Дед, - исправился я. – Деда.

Он сложил руки на груди.

Я немного улыбнулся.

- Сэр.

Он кивнул, показывая на ребёнка.

– Что ты будешь с нею делать?

- То, что сочту нужным, - я постарался говорить мягко. – Возможно, будет лучше, если вы не будете знать.

Боль и легкое разочарование появились у него на лице.

– Может быть и так. Скоро увидимся, Хосс.

Он спустился до половины лестницы, прежде чем я вспомнил:

- Сэр? Хотите обратно свой посох?

Он кивнул мне.

– Подержи его у себя, пока я не сделаю тебе новую заготовку.

Я кивнул ему в ответ и добавил:

- Я не знаю, что сказать.

Морщинки вокруг его глаз стали еще глубже.

– Черт, Хосс. Тогда ничего не говори, – он повернулся и сказал через плечо, - У тебя будет меньше проблем таким образом!

Мой дед продолжил спускаться по лестнице, шагая длинными, уверенными шагами. Вот и он исчез в проходе из молний.

Я услышал шаги позади себя и, повернувшись, обнаружил Мёрфи, стоявшую у входа в храм. Фиделаккиус был перекинут через одно плечо, а её любимый «П-90» висел в кобуре на другом. Она выглядела усталой. Её «конский хвостик» растрепался, и волосы топорщились во все стороны. Она изучила моё лицо, слегка улыбнулась и спустилась туда, где я сидел.

- Эй, - окликнула она тихим голосом. – Ты вернулся?

- Полагаю, да.

- Саня волновался, - она слегка закатила глаза.

- О, - вздохнул я. – Хорошо. Скажи ему, пускай не волнуется. Я всё ещё здесь.

Она кивнула и подошла ближе.

– Так это она?

Я кивнул и посмотрел вниз на спящую маленькую девочку. Её щечки были розовыми. Я не мог говорить.

- Она красива, - мягко сказала Мёрфи. – Как и её мать.

Я кивал, немного шевеля уставшим и ноющим плечом.

– Это так.

- Может, хочешь, чтобы кто-нибудь взял её на минуту?

Мои руки сжались вокруг девочки, и я немного отвернулся.

- Хорошо, - мягко сказала Мёрфи, поднимая руки. – Хорошо.

Я сглотнул и понял, что полностью выжжен. Голоден. И, больше чем что-либо, я устал. Отчаянно, безутешно устал. И перспектива сна была ужасающей. Я повернулся посмотреть на Мёрфи и увидел боль на её лице, когда она смотрела на меня.

– Кэррин, - сказал я. – Я устал.

Я посмотрел вниз на ребёнка, спящее, теплое маленькое существо, просто принявшее этот чахлый уют и комфорт, который я был в состоянии ей предложить. И я подумал, что моё сердце будет разбито. Разбито ещё больше. Потому что я знал, что я не мог быть тем, в ком она нуждалась. Что я никогда не смогу дать ей шанс вырасти сильной, нормальной и счастливой.

Потому что я заключил сделку. Если бы я не сделал этого, она была бы мертва, но потому что я это сделал, я не мог быть тем, кого она заслуживала.

Не отрывая взгляда от лица маленькой девочки, я прошептал:

- Ты сделаешь мне одолжение?

- Да, - не задумываясь, ответила Кэррин. Такое простое слово, которое имеет такой огромный смысл.

Моё горло сжалось, и зрение размазалось. Мне пришлось сделать две попытки, прежде чем я смог говорить.

– Пожалуйста, отведи её к отцу Фортхиллу, когда мы в...вернёмся, - просипел я. – С...скажи ему, что она нуждается в укрытии. В самом безопасном месте, которое у него есть. Что я... - Мой голос подвёл меня. Я сделал два глубоких вдоха и продолжил, - И я не должен знать, где это. С...сделай это для меня.

Я повернулся к Мёрфи и попросил:

- Пожалуйста?

Она смотрела на меня так, как будто у нее разрывалось сердце. Но её душа была силы стали, а взгляд оставался прямым и твёрдым.

– Да.

Я закусил губу и очень аккуратно передал маленькую девочку ей на руки. Мёрфи молча взяла её.

- Господи! - вспомнил я через две секунды. – Молли. Где она?

Мёрфи посмотрела вверх на меня, после того как села с ребёнком. Девочка сонно пожаловалась на что-то, и Мёрфи нежно её покачивала, чтобы она крепче уснула.

– Ничего себе! Ты действительно отключился на какое-то время. Ты не видел вертолёт?

Я перебрал свои воспоминания за ночь.

– Хм. Нет.

- После... - она посмотрела на меня и отвела взгляд в сторону. – После, - сказала она более твёрдым голосом, - Томас нашел наземную линию связи и сделал звонок. И морской военный вертолёт приземлился вон там, прямо на лужайке, меньше чем час спустя. В него загрузили его, Молли и Мыша.

- Мыша?

Мёрфи тихо фыркнула.

– Никто не осмелился сказать ему, что он не может отправиться с Молли.
- Он воспринимает свою работу очень серьезно.
- Несомненно.
- Нам что-нибудь известно? – спросил я.
- Пока нет, - устало ответила Мёрфи. – Саня позаимствовал телефон в центре посетителей. Мы дали Томасу номер, прежде чем он улетел.
- Будем откровенны, сержант Мёрфи, - Леанансидхе скользкой походкой подошла ко мне. – Вы дали номер псу.
Мёрфи покосилась на неё, потом посмотрела на меня и сказала, оправдываясь:
- Томас выглядел не достаточно в своём уме.
Я нахмурился.
- Не так серьезно, - быстро добавила Мёрфи. – Тьфу! Я бы не отпустила его с Молли, если бы он выглядел... странным.
- Мда, - пробурчал я. – Мда. Мыш в любом случае не позволит ему сорваться.
- Ему не грозила опасность потерять контроль, - спокойно заметила моя крёстная. – Я бы никогда не позволила такой многообещающей перспективе быть случайно *сожранной*.
Появился Саня, бегущий трусцой вокруг нижнего уровня пирамиды. Эспераккиус висел у него на боку, а Аморакиус, всё еще в ножнах на белом кожаном поясе Сьюзен, свисал с его плеча.
Я секунду смотрел на пояс.
Это причиняло боль.
Саня, пыхтя, поднялся вверх по лестнице, двигаясь очень легко для парня с таким количеством мускулов. Он мило улыбнулся моей крёстной и поднял руку, желал убедиться, что Аморакиус всё еще у него на плече.
- В следующий раз, - промурлыкала Леа.
- Не думаю, - ответил Саня, улыбаясь. Он повернулся ко мне. – Томас звонил. Он казался удивленным, когда я взял трубку. Молли находится на военном крейсере, который выполняет манёвры в Мексиканском заливе. С нею всё будет в порядке.
Я свистнул.
– Как он...? – я прищурился.
- Лара? – спокойно спросила Мёрфи.
- Должно быть, - ответил я.
- У Лары достаточно влияния, чтобы послать военно-морской вертолет в воздушное пространство другой страны для эвакуации? - Мёрфи продолжала качать Мэгги, казалось, не осознавая, что она всё ещё делает это. – Это... пугающе.
- Угу, - я ненадолго задумался. – Может быть, она пела «С Днём рождения, мистер Президент» ?
- Не хочу показаться невежливым, - прервал наши рассуждения Саня, - но я заметил, как несколько человек очень быстро укатили отсюда, воспользовавшись автомобилем. Сейчас будет как раз хорошее время чтобы... - он оглянулся через плечо и нахмурился. – Кто оставил там этот проход из молний?
- Я уладила это, - небрежно сказала Леа. – Он приведёт вас обратно прямо в Чикаго.
- Как ты управилась с этим? – удивленно спросил я.
Леанансидхе с маленькой голодной улыбкой, блуждающей по её губам, разгладила платье и чопорно сложила руки на коленях.
– Я... договорилась с его создателем. И... была настойчива.
Я издал сдавленный звук.
- Прежде всего, твой поиск должен быть завершён, дитя моё, - глядя на меня, продолжила крёстная. – Мэгги должна быть обеспечена безопасность. А после того, как мы поплавали, я решила, что это может быть небезопасно для неё. Я понимаю, что маленькие существа крайне хрупкие.
- Хорошо, - согласился я. – Я... - я оглянулся на храм. – Я просто не могу её там оставить.
- Ты хочешь забрать ее в Чикаго, дитя? – спросила моя крёстная. – Позволишь вашей полиции задавать множество вопросов? Может быть, уложишь её в свою собственную могилу на кладбище Грейсленд и укроешь её грязью?
- Я просто не могу оставить её, - упрямо повторил я.

Леанансидхе посмотрела на меня и покачала головой. Её выражение стало... менее хищным, хотя его и нельзя было назвать нежным.

– Ступай. Я позабочусь о матери ребёнка, – она подняла руку, опережая мой скептический ответ. – Со всей честью и уважением, которые ты можешь пожелать себе в награду, мой крёстный сын. И я буду сопровождать тебя, когда ты пожелаешь навестить ее. Даю тебе моё слово.

Прямое обещание от одной из Сидхе это редкое событие. А доброта еще реже.

Но, может быть, мне не стоило удивляться: Даже среди Зимы, холод не всегда горек и не каждый день жесток.

* * *

Мы с Саней и Мёрфи спустились вниз по лестнице и прошли через ворота из молний. Мёрфи вежливо забраковала предложение Сани понести Мэгги за нее. Он еще не знал, как правильно её обработать, чтобы она приняла предложение о помощи.

Я предложил понести её снаряжение.

Она с охотой сдала Меч и свое оружие, и я отстал от них на несколько шагов, чтобы развесить на себе дополнительное вооружение. Я повесил «Р-90» (единственный объект, в котором было достаточно пустого места, чтобы скрыть странствующий дух) так, чтобы он стукнулся о череп все еще висящий в импровизированной сумке на моем поясе. После чего я тихонько скомандовал:

- Из оружия.

- Во время, - прошептал Боб в ответ. – Рассвет почти наступил. Ты пытаешься меня поджарить? - Оранжевый свет вяло вытек из пустого магазина «Р-90» и спрятался в безопасный череп. Огоньки в глазницах черепа тускло зажглись, и вялый голос духа прошептал, - Дон, не приставай ко мне с работой на этой неделе. По крайней мере. – Затем они погасли.

Я убедился, что футболка всё еще крепко завязана и оружие не сможет оцарапать череп. Затем я догнал остальных и был первым, кто прошел через ворота.

Это было, как пройти через занавеску из света в другую комнату. Шаг, единственный шаг, привёл нас из Чичен-Ицы в Чикаго. Мы появились у отца Фортхилла в кладовке, и ворота из молний захлопнулись за нашими спинами с треском статического разряда.

- Прямой рейс, - оглядываясь, сказал Саня с удивлением и одобрением. – Отлично.

Мёрфи кивнула.

– Никаких остановок? Никаких странных мест? Как это работает?

У меня не было ни малейшего представления. Поэтому я улыбнулся, пожал плечами и умно ответил:

- Магия.

- Хорошая отмазка, - вздохнула Мёрфи и положила Мэгги на одну из раскладушек. Ребёнок снова начал кричать, но Мёрфи успокоила её, подложила подушку под голову и укрыла одеялом, после чего маленькая девочка мгновенно уснула.

Я наблюдал за Мэгги и не вмешивался.

Кровь её матери была на моих руках. Буквально.

Саня сделал шаг ко мне и положил руку мне на плечо. Он кивнул, в сторону коридора.

- Нам надо поговорить.

- Идите, - отозвалась Мёрфи. – Я останусь с нею.

Я кивнул ей в знак благодарности и вышел с Саней в коридор.

Не говоря ни слова, он протянул мне *Амораккиус*. Я молча смотрел на Меч.

- Я не уверен, что должен теперь хранить его, - наконец сказал я.

- Если бы я решал, - подумав, ответил Саня, - я бы не хотел, чтобы ты хранил его. Уриил дал его тебе на попечение. Если бы он хотел забрать его, ему следовало сказать это более определенно.

Спустя мгновение, я взял меч и повесил его на то же плечо, что и Фиделакиус. Мечи весили достаточно прилично.

Саня кивнул.

– Прежде чем уйти, Томас просил передать тебе это. Ты должен знать, что с этим делать. – Он протянул мне ключ.

Я узнал его по брелку из заглавных букв, ВЖ. Это обозначало название «Водяного Жучка»,

старого, потрёпанного рыбацкого кораблика Томаса. На нем была спальня, душ, маленькая кухня, и несколько коек. И у меня там была пара смен одежды, оставшаяся на борту с предыдущих ночных путешествий на один из островов озера Мичиган.

Мой брат предлагал мне место, где я мог остановиться.

Я несколько раз моргнул, прежде чем взял ключ.

– Спасибо тебе, - сипло сказал я Сане.

Он, задумавшись, изучающе смотрел мне в лицо.

– Ты уходишь сейчас, не так ли?

Я оглянулся назад на маленькую тихую гавань отца Фортхилла.

– Именно так.

Он кивнул.

– Когда Мэб придёт за тобой?

- Я не знаю. Скоро, я полагаю.

- Я поговорю с Михаилом на твой счет, - кивнул Саня. – Расскажу ему про твою дочь.

- Я ценю это, - я сглотнул. – Просто ты знаешь... Мёрфи знает мои желания насчет Мэгги. Она расскажет за меня.

- Да, - Русский полез в карман и достал оттуда металлическую фляжку. Он хлебнул из неё и протянул ее мне.

– Держи.

- Водка?

- Ну конечно.

- На пустой желудок, - пробормотал я, но принял фляжку, отсалютовал ею и сделал большой глоток. Он пошел огненным комком, но это было совсем неплохо.

- Я рад, что мы вместе сражались, - сказал Саня, когда я протянул фляжку обратно. – Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы обеспечить безопасность твоей дочери, пока ты не сможешь вернуться.

Я приподнял брови.

– Вернуться... это не карточная игра, приятель.

- Я не играю в карты, - улыбнулся он. – Я играю в шахматы. И с моей точки зрения, это не конец твоей игры. Пока еще.

- Быть Зимним Рыцарем это не та работа, с которой можно просто уйти.

- Так же, как быть Рыцарем Меча, - возразил Саня. – Но Майкл теперь дома со своей семьёй.

- Босс Майкла чертовски более милый, чем мой.

Саня согнулся от смеха и сделал ещё один глоток из фляжки, прежде чем спрятать её в куртку.

– Будет видно, будет видно. – Он протянул мне руку. – Удачи.

Я пожал её.

– И тебе.

- Идём, - сказал русский. – Я вызову тебе такси.

Я спустился на «Водяной Жучок», снял броню и спрятал мечи вместе с черепом Боба в секретный отсек, который Томас обустроил на корабле как раз на такой случай. И я принял долгий, долгий душ. Вода в баке была не очень теплой, но я не был избалован горячей водой. Быть Зимним Рыцарем не очень помогает, когда дело касается холодной воды, что казалось мне совершенным надувательством – иными словами, совершенно типичный для меня случай. Я тёр и тёр себя, особенно свои руки. Я не мог решить, сошла ли кровь Сьюзен с моих рук, или еще больше впиталась.

После этого я действовал механически, с рутиной старого холостяка. На кухне – извините, камбузе – был куриный суп и чили. Я разогрел их и съел. У меня был выбор, что отправить вслед за ними, белое вино, апельсиновый сок или теплую колу. Апельсиновый сок уже начинал портиться, поэтому он выиграл в этом состязании. Горячий суп и холодный сок пошли вместе лучше, чем я думал, и я лег на койку. Я подумал, что засну.

Я не смог.

Я лежал там, чувствуя плавное движение огромного озера, качающего кораблик. Вода с бульканьем мягко ударялась о корпус. Солнечный свет согрел каюту. Я был чистый, одет в старый спортивный

костюм и лежал в кровати, которая была удивительно удобной, – но я не мог заснуть.

Старые часы на стене – извините, переборке – отбивали монотонный, успокоительный ритм.

Но я не мог заснуть.

Куриный суп и чили. Это была дьявольская смесь.

Возможно, мне стоило остановить такси возле «Бургер-Кингз».

Поскольку приближался полдень, я сел и уставился на броню крёстной, которая останавливала пули и молнии, а может, кое-что похуже. Я обнаружил несколько отметин на спине и боках, но не обнаружил воспоминаний, которые могли бы объяснить их появление. Очевидно, это было из числа ударов, которые я не заметил, и я знал, что без этого дурацкого разукрашенного наряда я был бы мёртв.

Маленькие тикающие часы отзвенели двенадцать раз пополудни, и с двенадцатым боем броня изменилась. Она просто... переплавилась обратно в мой кожаный плащ. Тот, который Сьюзен подарила мне давным-давно.

Я поднял плащ. На нём были зияющие дыры. Порезы. Пропаленные места. Четко видимые пулевые отверстия. Честно говоря, там было больше дыр, чем самого плаща, и даже пережившая всё кожа потрескалась, ссохлась, стала жесткой и осыпалась хлопьями. Пыльник начал разваливаться, когда я поднял его, чтобы рассмотреть.

Я полагаю, никто не пытался сделать пирог из Золушкиной тыквы, после того как она побыла каретой. Хотя, в некоторых версиях истории, это была луковица. Может быть, вы могли бы добавить ее в суп.

Я бросил плащ в озеро и наблюдал за тем, как он тонет. Я умыл лицо в ванной и искоса посмотрел в маленькое зеркало. Амулет моей матери и драгоценный камень в нем блестели на моей обнаженной груди.

Три дня назад моя жизнь была обычной. Теперь этот маленький кусочек серебра и камень были единственной вещью, которая у меня осталась. Нет моего офиса. Нет моего дома. Нет моей машины. Нет моего пса или моего кота. Господи, куда Мистер исчез после пожара? Нет моей целостности. Нет моей свободы. Нет моих друзей, хоть Мэб еще и не закончила со мной.

Что осталось?

Маленький кусочек серебра и крошечный камень.

И Мэгги.

Я сел и начал ждать, чтобы увидеть, что случится.

Шаги прозвучали по доку и потом по палубе. Секунду спустя Мёрфи постучала в дверь и зашла в каюту.

Было, похоже, что она прибыла сюда прямо из церкви, по крайней мере она всё ещё была одета в свой вылинявший боевой костюм, и по её выражению лица было видно, что она ещё не ложилась. Она медленно выдохнула и кивнула.

– Я так и думала.

- Мёрф, - сказал я. – Может быть, тебе не стоит здесь находиться.

- Мне надо было тебя увидеть, - тихо произнесла она. – Ты... ты просто ушел.

- Захотела сказать прощай?

- Не будь глупцом. - Мерфи была серьезна. – Я не хочу говорить этого. – Она глотнула. – Гарри... это просто... я волновалась за тебя. Я никогда не видела тебя таким.

- Я никогда прежде не убивал мать своего ребёнка, - сказал я глухо. – После этого требуется немного прийти в себя.

Она задрожала и отвела взгляд.

– Я просто... просто зашла, чтобы убедиться что ты не собираешься казнить себя. Что ты не собираешься сделать... сделать что-либо драматическое.

- Конечно, - усмехнулся я. – Нечто драматическое. Это - я.

- Проклятье, Дрезден.

Я развёл руками.

– Что ты хочешь от меня, Мёрфи? От моей жизни ничего не осталось.

Она подошла и села возле меня, её взгляд блуждал по моему лицу, моей груди и плечам, вглядываясь в мои шрамы.

– Я знаю, как ты себя чувствуешь, – со вздохом начала она. – После того, как я уладила с Мэгги, я позвонила в офис. Там... начато другое расследование. Этот идиот Рудольф... – Она сглотнула, и я мог практически чувствовать запах её боли. – Игра подстроена. Стоуллингз думает, что сможет выбить мне раннюю отставку. Половину пенсии.

– Господи, Мёрфи, – сказал я тихо.

– Я полицейский, Гарри, – прошептала она. – Но после этого... – Она развела руками, показывая мне, что в них ничего не было.

– Мне жаль, – сказал я. – Это я втянул тебя в это.

– Черта. Лысого. Ты. Втянул, – она перевела взгляд злых голубых глаз на меня. – Не пробуй это дерьмо со мной. Я знала, на что иду. Я знала, чем рискую. И я плачу за это. И я продолжу делать это так долго, пока у меня будет получаться. Не пытайся лишить меня этого.

Я отвернулся от неё и почувствовал себя немного пристыженным. Она, наверное, была права. Она могла отдалиться от меня давным-давно. Она стала моим другом, хотя знала что это опасно. От этого моё самочувствие не стало лучше, но я стал еще больше её уважать.

Разве я не имею права восхищаться женщиной, которая может держать удар? Выдерживать удар с такой силой духа, которая не каждому по плечу и снова подниматься с огнём, пылающим в глазах?

– Ты хочешь Меч? – спросил я.

Она тихо застонала.

– Ты говоришь, как Саня. Это было первым, что он сказал, – она скривила лицо, изображая безжалостную маску с широкой улыбкой и с акцентом передразнила, – «Это отлично! Я делаю слишком много работы!».

Я чуть не рассмеялся.

– Ну. Я должен сказать. Это выглядит хорошим шансом для тебя.

– А чувствуется еще лучше, – буркнула она. – Кроме этой штуки «о-предначертанности-судьбы». Это словно кто-то другой играет со мной, как с марионеткой, – она вздрогнула. – Мда.

– Ага, архангелы могут быть надоедливыми, – я кивнул в направлении тайника. Позади этой панели есть пространство. Если ты когда-нибудь решишь взять Меч, проверишь там.

– Я не кидаюсь, на что попало. Я отшиваю парней. Не заинтересована отшивать карьеру.

Я фыркнул.

– Итак. Что ты собираешься делать?

Она пожала плечами.

– Я не знаю. Я не хочу думать об этом. Я не хочу принимать больше никаких решений. Итак... Я собираюсь пойти и хорошенько напиться. И затем заняться случайным сексом с первым разумным здоровым мужчиной, который пройдет мимо. Потом случится очень неловкое похмелье. А вот затем, мы посмотрим.

– Звучит как отличный план, – сказал я. Мой рот продолжал болтать, не советуясь с остальной частью меня. Опять. – Тебе составить компанию?

Наступила острая, тяжелая тишина. Мёрфи почти перестала дышать. Моё сердце ускорило свой ритм.

Я хотел проклясть свой рот за такую тупость, но...

Какого черта, почему *нет*?

Плохой выбор времени, это для людей, у которых есть *время*.

– Я... – Мерфи сглотнула, и я видел, как она заставляет себя говорить непринужденно. – Я полагаю, ты подходишь. Это сделает всё проще.

– Проще, – я хмыкнул, – это я.

Она пригладила волосы.

– Я хочу... Я заберу тебя через час?

– Конечно, – кивнул я.

Она поднялась, её щеки пылали. Адские колокола, это было восхитительно.

– Тогда, через час, – сказала она.

Прежде чем она смогла уйти, я поймал её за руку. Её руки были маленькие, сильные и немного грубые. У неё был пластырь на паре мозолей, которые появились от меча за полчаса тяжелой работы. Я наклонился и поцеловал кончики её пальцев, по одному за раз. Мускулы моего живота танцевали как бабочки. Я неохотно позволил ей уйти.

- Час.

Она ушла, а я смотрел, как она быстро идёт к машине. Её растрепанный «конский хвостик» колыхался влево и вправо при каждом шаге.

Бесспорной единственной вещью в жизни являются перемены. Большинство перемен, которые случились со мною в недавнее время, были не очень хороши. Возможно, это тоже не было хорошо, но ... мне очень хотелось поверить в лучшее.

Мне потребовалось сорок минут, чтобы побриться и одеться в свою лучшую одежду, которая состояла из джинсов и футболки, и моей старой утеплённой джинсовой куртки. У меня не было одеколона, поэтому вся надежда была на мыло и дезодорант. Я не позволял себе думать о том, что будет после. С мечтами, как только вы начнёте понимать, что это мечта, может произойти пууфф, и она развеется, как дым.

А я не хотел, чтобы это случилось.

После этого я провел несколько минут просто... дыша. Вслушиваясь в воду вокруг меня. Тиканье часов. Умиротворённую тишину. Впитывая уютное чувство одиночества вокруг меня.

Затем я громко сказал:

- Нафиг эту дзен чепуху. Может быть, она будет раньше. И мне следует подняться наверх.

Я вышел из каюты на раннее послеполуденное солнце, дрожа от радостного напряжения, усталости, испуга и... надежды. Я прикрыл глаза от солнца и изучал городское небо.

Моя нога немного соскользнула, и я чуть не потерял равновесие, одновременно с этим что-то щёлкнуло о деревянную стену каюты позади меня - резкий хлопающий звук, словно камень, бросили в деревянную изгородь. Я повернулся, и это показалось мне по какой-то причине очень медленным. Я посмотрел на стену каюты «Водяного Жучка» и подумал: «Кто разбрызгал красную краску на моей лодке?»

И потом моя левая нога начала подламываться сама по себе.

Я посмотрел вниз, на дыру в футболке, слева на груди и подумал: «Почему я надел футболку с дыркой от пули на ней?»

После этого я выпал спиной с лодки в ледяную воду озера Мичиган.

Это причинило боль, но только в течение секунды. Затем всё моё тело почувствовало восхитительную теплоту, чудовищную усталость, и сон, который, ускользал от меня, казалось, наконец-то оказался достижим.

Стало темно.

Стало тихо.

И я понял, что я был совсем один.

- Умри одиноким, - прошептал резкий, сочившийся ненавистью голос старика.

- Тишина! - прошептал женский голос. Он звучал знакомо.

Я не шевелился, но я видел свет впереди. Я видел, что двигаюсь вниз по туннелю, прямо к нему. Или, может быть, он двигался ко мне. Свет выглядел как что-то тёплое и чудесное, и я начал стремиться вперед.

Пока я не услышал звук.

«Типично» - подумал я: «Даже когда ты мёртв, это не становится ни на капельку легче».

Свет рывком приблизился, и я отчетливо услышал нарастающий звук гудка и двигателя движущегося поезда.